

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

4(70)/2022

THE RULE-OF-LAW STATE:
THEORY AND PRACTICE

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО
«Башкирский
государственный
университет»

Правовое государство: теория и практика.

Научно-практический
журнал.
Издается с 2005 года.
Выходит ежеквартально.
(12+)

ISSN 2500-0217

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

Адрес редакции:

450005, Российская
Федерация, Республика
Башкортостан, г. Уфа,
ул. Достоевского, д. 131.
Тел.: 8(347)228-83-51.
Сайт: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru

Журнал включен:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке eLibrary.ru.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-73609
от 31 августа 2018 г.
выдано Федеральной
службой по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор).

Редактор англоязычных текстов: Юсупова З.А.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192

Мнения авторов могут не
совпадать с точкой зрения
редакции.
Использование материалов
в других изданиях
допускается только
с письменного
согласия редакции.
Ссылка на журнал
обязательна.

Требования и условия
публикации статей
размещены на сайте
журнала pravgos.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГИЗЗАТУЛЛИН
Ирек Альфредович

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Научный руководитель

РАЯНОВ
Фанис Мансурович

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ
Аслан Хусейнович

доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов, г. Москва);

АЗЗУЗ
Кердун

доктор юридических наук, профессор (университет им. братьев
Ахмеда и Башира Ментури, (г. Константина, Алжир);

АРЗАМАСКИН
Николай Николаевич

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

БОГОЛЮБОВ
Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

ДИКАРЕВ
Илья Степанович

доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский государственный университет, г. Волгоград);

ДОВГАНЬ
Елена Федоровна

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь)

ЗАЙНУЛЛИН
Руслан Ильдарович

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЛИПИНСКИЙ
Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

МАКАРЕНКО
Илона Анатольевна

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

МАКАРОВА
Тамара Ивановна

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

МОРОЗОВ
Сергей Юрьевич

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

ПОЛЯКОВА
Татьяна Анатольевна

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

РОССИНСКИЙ
Сергей Борисович

доктор юридических наук, доцент (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

СЕМИТКО
Алексей Павлович

доктор юридических наук, профессор
(Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

ТЛЕПИНА
Шолпан Валерьевна

доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан);

ШАБУРОВ
Анатолий Степанович

доктор юридических наук, профессор (Уральский
государственный юридический университет, г. Екатеринбург)

ЮДИН
Андрей Владимирович

доктор юридических наук, профессор (Самарский национальный
исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, г. Самара)

Редакционная коллегия

АГАПОВ
Павел Валерьевич

доктор юридических наук, профессор
(Университет Генеральной прокуратуры, г. Москва);

АЗНАГУЛОВА
Гузель Мухаметовна

доктор юридических наук, доцент (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

ГАЛИЕВ
Фарит Хатипович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ГИЗЗАТУЛЛИН
Равиль Хасанович

доктор юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ДБЯКОНОВА
Оксана Геннадьевна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва);

КАСИМОВ
Тимур Салаватович

кандидат юридических наук, доцент
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЛАТЫПОВА
Наталья Сергеевна

кандидат юридических наук
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

НИГМАТУЛЛИН
Ришат Вахидович

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТАРАСОВ
Александр Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ТУЖИЛОВА-ОРДАНСКАЯ
Елена Марковна

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ФРОЛОВА
Елизавета Александровна

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва);

ХАЛИКОВ
Аслям Наилевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа);

ЭКСАРХОПУЛО
Алексей Алексеевич

доктор юридических наук, профессор
(Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа)

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bashkir State University»

The rule of law: theory and practice.

Scientific and practical journal. Since 2005. The Journal is published quarterly. (12+)

ISSN 2500-0217

UDC 340.1+34(091)(05)
LBC 67.0я5

Postal address:

131 Dostoevsky str., Ufa,
Republic of Bashkortostan,
Russian Federation, 450005.
Tel: 8(347)228-83-51.
Website: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru.

The journal is included:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library eLibrary.ru.

The certificate of registration of PI №FS77-73609 dated August 31, 2018 was issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor).

Translation Reviewer:

Z.A. Yusupova.

Subscription index in the combined catalog «Newspapers. Magazines» (Ural-Press): 81192.

Authors' opinions may not coincide with those of the editorial staff. The use of materials in other publications is allowed only with the written consent of the editorial staff. Reference to the journal is mandatory.

The requirements and conditions for the publication of articles are posted on the journal's website pravgos.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Irek A. GIZATULLIN

Candidate of Legal Sciences
(Ufa University of Science and Technologies, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL

Academic Supervisor

Fanis M. RAYANOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technologies, Ufa)

Editorial councilmembers:

Aslan Kh. ABASHIDZE

Doctor of Law, Professor
(RUDN University, Moscow);

Azzouz KERDOUN

Doctor of Law, Professor
(Mentouri Public University, Constantine, Algeria);

Nikolai N. ARZAMASKIN

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. BOGOLJUBOV

Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Ilya S. DIKAREV

Doctor of Law, Associate Professor
(Volgograd State University, Volgograd);

Elena F. DOVGAN

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Ruslan I. ZAINULLIN

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
(Ufa University of Science and Technologies, Ufa);

Dmitry A. LIPINSKIY

Doctor of Law, Professor
(Togliatti State University, Togliatti);

Ilna A. MAKARENKO

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technologies, Ufa);

Tamara I. MAKAROVA

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Sergey Y. MOROZOV

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Tatyana A. POLYAKOVA

Doctor of Law, Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Sergey B. ROSSINSKY

Doctor of Law, Associate Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Alexey P. SEMITKO

Doctor of Law, Professor
(Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. TLEPINA

Doctor of Law, Professor
(L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan);

Anatoly S. SHABUROV

Doctor of Law, Professor
(Ural State Law University, Yekaterinburg);

Andrey V. YUDIN

Doctor of Law, Professor
(Samara National Research University, Samara)

Editorial board

Pavel V. AGAPOV

Doctor of Law, Professor
(University of Prosecutor's Office, Moscow);

Guzel M. AZNAGULOVA

Doctor of Law, Associate Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Farit Kh. GALIEV

Doctor of Law, Associate Professor
(Ufa University of Science and Technologies, Ufa);

Ravil Kh. GIZATULLIN

Doctor of Law, Associate Professor
(Ufa University of Science and Technologies, Ufa);

Oksana G. DYAKONOVA

Doctor of Law, Associate Professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow);

Timur S. KASIMOV

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
(Ufa University of Science and Technologies, Ufa);

Nataliya S. LATYPOVA

Candidate of Legal Sciences
(Ufa University of Science and Technologies, Ufa);

Rishat V. NIGMATULLIN

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technologies, Ufa);

Alexander A. TARASOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technologies, Ufa);

ELENA M. TUZHILOVA-ORDANSKAYA

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technologies, Ufa);

ELIZAVETA A. FROLOVA

Doctor of Law, Associate Professor
(Lomonosov Moscow State University, Moscow);

ASLYAM N. KHALIKOV

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technologies, Ufa);

ALEXEY A. EXARKHOPULO

Doctor of Law, Professor
(Ufa University of Science and Technologies, Ufa)

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРАВОВЫЕ НАУКИ****RU**

- 5 **Горбунов М.Д.**
Особенности восприятия англо-американского правового позитивизма в отечественной науке
- 12 **Рудман М.Н., Туриянов А.Р.**
Формирование парламентской модели конституционного контроля в основных законах СССР 1924 и 1936 годов
- 23 **Шабуров А.С.**
Правоприменение как специфический вид правовой технологии

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

- 28 **Андрияшко М.В.**
Электронное правительство в Республике Беларусь и доступность цифровой среды для лиц с инвалидностью
- 35 **Арсентьева Н.А., Третьякова Т.О.**
О государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства
- 41 **Арутюнян М.С., Курбанов Д.А., Хисматуллин О.Ю.**
Концепция целостной системы социальной поддержки как предпосылка создания Фонда пенсионного и социального страхования: от идеи до воплощения
- 47 **Пестрикова А.А., Холопова Е.Н.**
Риски генетического редактирования генома человека с учетом рекомендаций Всемирной организации здравоохранения
- 54 **Рогинко С.А., Фазельянов Э.М.**
Башкортостан и арабский мир: перспектива инвестиционно-технологического хаба
- 64 **Шулицкая О.Н.**
Правовое государство и Конституция Республики Беларусь
- 70 **Ямалетдинова Н.В., Маликова Н.В.**
Роль социального аудита в системе управления деятельностью органов внутренних дел

**ЧАСТНОПРАВОВЫЕ
(ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ**

- 77 **Алимгафарова А.Р., Гимадрисламова О.Р.**
Арбитражное соглашение как элемент механизма гражданско-правового договорного регулирования
- 86 **Казаков Н.А., Ахтямова Е.В.**
Правовые проблемы использования генетической информации человека в Российской Федерации

**THEORETICAL AND HISTORICAL
LEGAL SCIENCES****EN**

- 5 **Gorbunov M.D.**
Features of the perception of Anglo-American legal positivism in Russian science
- 12 **Rudman M.N., Turianov A.R.**
Formation of a parliamentary model of constitutional control in the basic laws of the USSR of 1924 and 1936
- 23 **Shaburov A.S.**
Law enforcement as a specific legal technology

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 28 **Andryashka M.V.**
E-government in the Republic of Belarus and accessibility of the digital environment for persons with disabilities
- 35 **Arsentieva N.A., Tretyakova T.O.**
On state control (supervision) over compliance with labor legislation
- 41 **Arutyunyan M.S., Kurbanov D.A., Hismatullin O.Yu.**
The concept of an integrated social support system as a prerequisite for the establishment of the Pension and Social Insurance Fund: from idea to implementation
- 47 **Pestrikova A.A., Kholopova E.N.**
Risks of genetic editing of the human genome, taking into account the recommendations of the World Health Organization
- 54 **Roginko S.A., Faselyanov E.M.**
Bashkortostan and the Arab world: investment and technology hub prospect
- 64 **Shupitskaya O.N.**
The rule-of-law state and the Constitution of the Republic of Belarus
- 70 **Yamaletdinova N.V., Malikova N.V.**
The role of social audit in the management system of internal affairs bodies

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

- 77 **Alimgafarova A.R., Gimadrislamova O.R.**
Arbitration agreement as part of the mechanism for civil law contractual regulation
- 86 **Kazakov N.A., Akhtyamova E.V.**
Legal problems of using human genetic information in the Russian Federation

94 **Колесниченко О.В.**
Карательные и справедливые формы
вознаграждения вреда здоровью в источниках
права и цивилистической доктрине
Российской империи конца XIX – начала XX века

103 **Макарова О.А.**
Обзор судебной практики по делам о признании
акций бесхозяйными

112 **Тужилова-Орданская Е.М., Хуртов М.С.**
Проблема соотношения публично-правовых
и частноправовых ограничений прав
собственников соседних земельных участков

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

119 **Аминев Ф.Г., Гарафутдинов Р.Р., Чемерис А.В.**
Геном человека от матери + геном человека от
отца = персональные данные.
Правовые вопросы ДНК-идентификации
личности и ДНК-регистрации населения

126 **Готчина Л.В.**
Экстремистское воздействие на молодежь:
от исторических тенденций к современности

130 **Дикарев И.С.**
Особый порядок производства в военных судах
по делам о преступлениях террористической
направленности: исторические параллели

138 **Иванов В.В., Зуев Д.И.**
Цифровой двойник и цифровая личность:
понятие, соотношение, значение
в процессе совершения киберпреступлений
и в праве в целом

145 **Кострова М.Б.**
Законодательная основа и судебная практика
освобождения несовершеннолетних от
уголовной ответственности по статьям 90, 75, 76,
76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации

155 **Подольный Н.А.**
Тактическое значение следственной хитрости
при расследовании преступлений

163 **Ситдикова Г.З.**
«Криминальная карьера» – основной признак
в криминологической, уголовно-правовой и
криминалистической характеристиках субъекта
преступления «занятие высшего положения в
преступной иерархии»

169 **Тарасов А.А.**
Обобщение судебной практики:
теоретический аспект

РЕЦЕНЗИИ

175 **Галиев Ф.Х.**
Современные способы научного познания и
понимания сущностной основы государственно-
правовых явлений: о монографии А.В. Петрова
и А.В. Зырянова «Методология государства
и права: мировой исследовательский опыт»
(Москва: Проспект, 2022. – 440 с.)

94 **Kolesnichenko O.V.**
Punitive and fair forms of compensation for harm
to health in the sources of law and the civil law
doctrine of the Russian Empire in the late
19th – early 20th century

103 **Makarova O.A.**
Review of judicial practice in cases of recognizing
shares as ownerless

112 **Tuzhilova-Ordanskaya E.M., Khurtov M.S.**
The problem of the relationship between public law
and private law restrictions on the rights of owners
of neighboring land plots

CRIMINAL LAW SCIENCES

119 **Aminev F.G., Garafutdinov R.R., Chemeris A.V.**
Human genome from the mother + human genome
from the father = personal data.
Legal issues of DNA-identification
of the person and DNA-registration of the population

126 **Gotchina L.V.**
Extremist impact on youth:
from historical trends to the present

130 **Dikarev I.S.**
Special procedure for military courts to try terrorist
crimes: historical parallels

138 **Ivanov V.V., Zuev D.I.**
Digital twin and digital identity: concept, correlation,
meaning in the process of committing cybercrimes
and in law in general

145 **Kostrova M.B.**
Legislative basis and judicial practice of exempting
minors from criminal liability under Articles 90,
75, 76, 76.2 of the Criminal Code of the Russian
Federation

155 **Podol'nyy N.A.**
Tactical importance of investigative cunning
in the investigation of crimes

163 **Sitdikova G.Z.**
«Criminal career» as the main feature in the
criminological, criminal law and criminalistic
characteristics of the perpetrator of the crime «Taking
the highest position in the criminal hierarchy»

169 **Tarasov A.A.**
Generalization of judicial practice: theoretical aspect

РЕЦЕНЗИИ

175 **Galiev F.K.**
Modern methods of scientific cognition and
understanding the essential basis of state legal
phenomena: on the monograph by A.V. Petrov and
A.V. Zyryanova «Methodology of State and Law:
Worldwide Research Experience»
(Moscow: Prospect, 2022. - 440 p.)

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья

УДК 34.1

DOI 10.33184/pravgos-2022.4.1

Original article

ГОРБУНОВ Максим ДмитриевичНижегородский государственный
университет им. Лобачевского,

Нижний Новгород, Россия;

e-mail: maxandgor@gmail.com;

https://orcid.org/0000-0001-5266-8852

GORBUNOV Maxim Dmitrievich

Lobachevsky State University of Nizhny

Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО ПРАВОВОГО ПОЗИТИВИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

FEATURES OF THE PERCEPTION OF ANGLO-AMERICAN LEGAL POSITIVISM IN RUSSIAN SCIENCE

Аннотация. Англо-американская правовая доктрина традиционно воспринимается отечественной наукой как некая альтернативная система знаний о праве, рожденная в принципиально иных условиях англо-саксонской правовой семьи. Вместе с тем в последние годы значительно возрастает интерес к англо-американской правовой мысли, которая тем не менее по-прежнему воспринимается в тенденциозном ключе. Особенно это заметно в отношении позитивистского направления, близкого отечественной правовой доктрине. Устранение такой предвзятости и уточнение понимания англо-американского правового позитивизма могло бы значительно обогатить отечественную науку и расширить поле научной дискуссии в сфере правопонимания. Цель: выявить особенности восприятия и ошибки интерпретации англо-американского правового позитивизма в отечественной правовой доктрине. Методы: общенаучные (диалектический и исторический методы познания, общелогические приемы, системный и сравнительный методы) и специально-юридические (сравнительно-правовой и юридической герменевтики). Результаты: исследование позволило определить проблемы и неточности восприятия англо-американского позитивизма российской наукой, которые обусловлены методологическими особенностями философской традиции англо-американского позитивизма, упрощенным пониманием в отечественной доктрине вопроса о правовой интерпретации и судебной деятельности, а также разностью в оценке роли государства в правовой системе ввиду различных интерпретаций позитивных связей отечественной и англо-американской наукой.

Ключевые слова: правопонимание, философия права, правовой позитивизм, аналитическая философия, аналитическая юриспруденция, англо-американская правовая мысль

Для цитирования: Горбунов М.Д. Особенности восприятия англо-американского правового позитивизма в отечественной науке / М.Д. Горбунов // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 5–11. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.1.

Abstract. The Anglo-American legal doctrine is traditionally perceived by Russian science as an alternative system of knowledge of law, born in fundamentally different conditions of the Anglo-Saxon legal family. In recent years, however, interest in the Anglo-American legal thought has increased considerably, but it is still perceived in a tendentious manner. This is especially noticeable with regard to legal positivism, close to the Russian legal doctrine. The elimination of such bias and the clarification of the understanding of Anglo-American legal positivism could significantly enrich Russian science and expand the field of scientific discussion in the ground of legal understanding. Purpose: to identify the features of the perception and interpretation errors of Anglo-American legal positivism in the Russian legal doctrine. Methods: general scientific (dialectical and historical methods of cognition, general logical methods, systemic and comparative methods); special legal (comparative legal analysis and legal hermeneutics). Results: the study makes it possible to identify problems and inaccuracies in the perception of Anglo-American positivism by Russian science, which are due to methodological features of the philosophical tradition of Anglo-American positivism, a simplified understanding of the question of legal interpretation and judicial activity in the Russian doctrine, as well as the difference in assessing the role of the state in the legal system in view of the different interpretations of the positive links between Russian and Anglo-American science.

Keywords: legal understanding, philosophy of law, legal positivism, analytical philosophy, analytical jurisprudence, Anglo-American legal thought

For citation: Gorbunov M.D. Features of the perception of Anglo-American legal positivism in Russian science. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 5–11. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.1 (In Russian).

©Горбунов М.Д., 2022

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной правовой доктрине интерес к англо-американскому правовому позитивизму выражен достаточно слабо, не говоря об определенном пренебрежении и преуменьшении значения исследования данного направления. Вместе с тем актуальность и значимость подобных исследований не вызывает сомнений, поскольку англо-американский правовой позитивизм, по сути, представляет собой значимое направление в альтернативной научной правовой парадигме, его восприятие могло бы значительно расширить рамки отечественного правового позитивизма, который, как представляется, нуждается в методологическом обогащении.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ НАУКА ОБ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ПОЗИТИВИЗМЕ

Нельзя не отметить, что к англо-американскому правовому позитивизму обращалась еще советская правовая наука, хотя довольно тенденциозно и поверхностно. Целостного предметного анализа всего направления не проводилось, а исследования научного творчества отдельных представителей англо-американского правового позитивизма носили отрывочный характер, что было обусловлено как недоступностью перевода первоисточников, так и общей идеологизацией правовой доктрины в виде во многом вынужденной критики «буржуазной» западной юридической теории и в форме предубежденности относительно применимости положений англо-американского правового позитивизма и в целом аналитической юриспруденции, в рамках которой данное направление развивалось, к анализу систем романо-германского права. Тем не менее заслуживают внимания работы целого ряда ведущих правоведов, открывших для российской юридической науки англо-американский позитивизм, аналитическую юриспруденцию и отдельные правовые теории, пусть и в довольно субъективном ключе [1; 2; 3].

В современной российской науке можно констатировать переход к принципиально новому этапу исследований, в первую очередь через проблематику аналитической философии и аналитической юриспруденции, в рамках которой развивается англо-американский позитивизм. Сегодня опубликовано большое количество переводов и исследований по данной тематике, которые в большинстве своем сконцентрированы на истории вопроса фор-

мирования аналитической традиции в праве и не определяют англо-американский позитивизм как направление [4; 5]. Анализу были подвергнуты правовые воззрения ряда представителей аналитической юриспруденции, в первую очередь правоведов-антипозитивистов [6; 7]. Необходимо отметить также исследования, непосредственно ссылающиеся на англо-американских позитивистов в контексте исследования позитивистского понимания через призму континентальной доктрины [8; 9]. Тем не менее большая часть исследований либо имеют фрагментарный характер и не анализируют направление как таковое, либо ориентируются на субъективные установки, рассматривая англо-американский позитивизм через призму отечественной научной методологии и историографии.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО ПОЗИТИВИЗМА

Необходимо выделить три значимых аспекта, обуславливающих проблемы и особенности восприятия англо-американского правового позитивизма в отечественной науке:

1) методологические особенности философской традиции, в рамках которой сформировалось направление правового позитивизма в англо-американской правовой мысли;

2) упрощенное понимание вопроса о правовой интерпретации и судебной деятельности в англо-американском правовом позитивизме и российской догматике;

3) различие в понимании статуса и роли государства и публичных властных институтов в правовой системе в англо-американской и отечественной традиции.

Данные аспекты следует рассмотреть подробно.

МЕТОДОЛОГИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО ПОЗИТИВИЗМА

Определение методологических особенностей философской традиции, в рамках которой сформировалось направление правового позитивизма в англо-американской правовой мысли, зависит от вопроса истории становления данного направления, методологической специфике которого в отечественной литературе традиционно уделяется недостаточно внимания ввиду концентрации на континентальной доктрине. Поскольку вопрос о понятии правового позитивизма как таковом, его философских и хронологических рамках довольно широко освещен в научной литерату-

ре [8; 9], следует остановиться на особенностях непосредственно англо-американского позитивизма.

Размежевание континентального и англо-американского позитивизма, определившего их методологическую неоднородность, прослеживается на этапе зарождения. Необходимо сказать, что в отечественной литературе формулировка и осмысление этих двух позиций имеет свою специфику ввиду присущей концентрации на континентальной правовой традиции. В Германии (континентальный позитивизм) и Великобритании (англо-американский позитивизм) основания для формирования позитивизма сложились параллельно. В Германии центральной предпосылкой для становления позитивистской правовой доктрины стали правовые взгляды Рудольфа фон Иеринга и историческая школа права [10]. В Соединенном Королевстве зарождение правового позитивизма происходит на основе британской философской традиции эмпиризма Дэвида Юма, тезиса о суверене в учении Томаса Гоббса и школы утилитаризма, представленной в наиболее полном виде в научных взглядах Иеремии Бентама [11]. В дальнейшем это обособление значительно усилилось под влиянием аналитической философии.

К первой половине XX в. стал очевидным масштабный кризис классической методологической доктрины логико-философского анализа, приемов эмпирического подтверждения (верификации) и формальной логики. Было признано, что реальная практика существования человека носит субъективный контекстуальный характер и не может быть описана в простых категориях окружающего мира природы. В поисках новой, более совершенной теории познания произошло формирование новых философских направлений: феноменологии, экзистенциализма, структурализма и школы аналитической философии [12]. Находившись изначально в едином научном пространстве, данные направления стали значительно обособленными в результате событий Второй мировой войны, и аналитическая философия стала развиваться параллельно континентальной в рамках пространства англо-саксонского мира. Центральной установкой аналитической философии стало то, что в мире человеческой культуры существуют особые социальные факты, несводимые к существующим референтам и обладающие свойствами контекстуальности, открытости и конвенциональности [13]. Их существование было связано с контекстом их употребления и описания в языке.

В итоге в середине XX в. к средствам аналитической философии обратилась англо-американская правовая наука, в авангарде которой встал Герберт Харт. Харт обратился к аналитической философии, сформировав собственную теорию юридического языка, открыв, как было позднее признано, «право для философии, а философию для права» в англо-американской науке [12]. Впоследствии эта методология составила основу оксфордской школы права и оказала влияние на взгляды последователей Харта – ведущих англо-американских правоведов-позитивистов Джозефа Раса и Нейла МакКормика, определив развитие англо-американского правового позитивизма на современном этапе.

Таким образом, самостоятельные предпосылки, определившие обособленность англо-американского позитивизма, начали складываться самостоятельно еще в XVIII в., с укоренением традиции научного эмпиризма и утилитаризма [14]. Интеграция методологии аналитической философии вкупе с этим позволила на основе новых установок контекстуальности, открытости и конвенциональности построить центральную гносеологическую установку англо-американского позитивизма на понимание права как социального факта – особого социального явления в контексте нормативной системы общества [15].

Оценки правового позитивизма в отечественной науке во многом не учитывают данные обстоятельства ввиду значительной концентрации на континентальной доктрине, что, в свою очередь, порождает ошибки в интерпретации положений англо-американского правового позитивизма. Так, например, существующие правовые исследования научных взглядов ведущего представителя и родоначальника современного англо-американского позитивизма Герберта Харта не в полной мере учитывают особенности методологического аппарата его работ. Теория Харта в ряде исследований рассматривается как модификация учения Ганса Кельзена, вместе с тем Харт, как британский правовед, находился в иной философской и теоретико-правовой традиции, что обуславливает отличия и в понятийном аппарате, и в интерпретации значимых категорий [8]. Довольно четко эти особенности были подмечены и подвержены глубокому анализу в историко-философских исследованиях отечественных авторов, результаты которых тем не менее еще в недостаточной мере восприняты российскими правововедами [13]. Другая группа исследований также не учитывает в достаточной мере аналитическую парадигму

в творчестве Харта, производит иное упрощение противоположного свойства, значительно ограничивая круг общих вопросов и для англо-американского, и для континентального позитивизма [9]. Данные обстоятельства еще сильнее подчеркивают необходимость учета особенностей методологии англо-американского позитивизма при его научной оценке.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ И ПРАВОВОЙ ПРЕЦЕДЕНТ

Установление содержания вопроса о правовой интерпретации и судебной деятельности в англо-американском правовом позитивизме зависит от определения действительного отношения англо-американских правоведов-позитивистов к прецедентным практикам. В отечественной правовой доктрине довольно твердо закрепилась установка, что для англо-американской правовой науки в целом и ее позитивистского крыла в частности характерно преувеличение роли правотворческой судебной деятельности в рамках прецедентной практики. Так, указывается, что «современный англосаксонский позитивизм находится под влиянием доктрины судебного прецедента, и вся проблематика позитивного права осмысливается в связи с судебским правом. Англосаксонская доктрина не осмысливает позитивизм как нормативно-правовую данность, а пытается понять, будет ли судья руководствоваться законом при принятии решений» [9, с. 9–10]. Следует не согласиться с данной позицией, поскольку она упрощает и значительно сужает фактическое поле исследуемых англо-американским позитивизмом вопросов и тем более не учитывает специфические гносеологические основания аналитической юриспруденции.

Поддержку в отечественной доктрине также имеет скептицизм по поводу применимости важных тезисов англо-американского позитивизма. Так, в литературе указывается, что «если в правовых семьях континентального права правило признания Харта вряд ли будет актуально, то в англосаксонской правовой семье это правило играет определенную роль» [9, с. 25]. Правило признания в концепции Харта указывает, что норма может рассматриваться как часть правовой системы, если ее действительность признается субъектами системы, при этом частью признания действительно может быть применение этой нормы в судебной практике. Очевидно, что требование о фактической употребимости нормы в правовой системе не противоречит позитивистским установкам.

Довольно показательно, что в самой англо-американской доктрине во второй половине XX в. взгляды англо-американских правоведов-позитивистов подверглись серьезной критике и упрекам в том, что они недостаточно учитывают специфику действия судебного прецедента и принижают реальное значение судебного правотворчества. Наиболее ярко это заметно в известной дискуссии между Гербертом Хартом и Рональдом Дворкином, которую впоследствии поддержали ученики Харта [17]. Крайне показательным кажется замечание антипозитивиста Дворкина, что «юридический позитивизм основан на ошибочной презумпции, что судья может прийти к определенному заключению механически» [18, р. 257].

В действительности же для англо-американского позитивизма характерна позиция о широком судебном усмотрении. Этот тезис, впервые сформулированный в теории Герберта Харта, включает в себя идею о том, что ввиду ограниченной описательной способности формальных юридических норм суды в особо сложных случаях применения норм права либо их согласования вынуждены прибегать к интерпретации действующих норм. Данный тезис не кажется противоречащим позитивистским установкам, однако хартовская теория действительно допускает, что в экстраординарных ситуациях невозможности применения действующих законодательных норм суды вынуждены создавать новую норму, раздвигая рамки действующего правового регулирования [19, с. 145–152]. Такая практика рассматривается как нетипичная и вынужденная в исключительных случаях пробела в праве. В современных теориях Раза и МакКормика данный тезис был значительно смягчен путем указания на требования согласованности такой деятельности суда с основами правовой системы, поскольку обратная ситуация порождала бы коллизии [20; 21].

Необходимо отметить, что в целом судебную деятельность в англо-американском позитивизме принято рассматривать не как правотворческую, а как правоприменительную и интерпретационную практику. Так, Джозеф Раз называет судебные органы первичными правоприменительными институтами [22, р. 212–224]. В целом за судом англо-американский позитивизм признает достаточно широкие полномочия по интерпретации, но, так или иначе, ввиду зависимости от действующих правовых норм. Проблема судебной деятельности поставлена англо-американскими правоведами-позитивистами как вопрос о дополнительном механизме преодоления ограничений формально-

го законодательства, нежели как вопрос о прецеденте как источнике права.

То, что отечественной наукой называется прецедентом, англо-американским позитивизмом рассматривается как интерпретационная деятельность суда, универсальная для всех правовых систем. Контекст рассмотрения таков, что англо-американские позитивисты считают судебную деятельность не специфическим механизмом семьи англо-саксонского права, а важной составляющей правовой системы как таковой. Хотя, безусловно, нельзя отрицать влияние общих установок правовой реальности на их взгляды, как и то, что характер судебной деятельности и степень признания интерпретационной практики в различных правовых системах может значительно различаться. Тем не менее представляется, что отечественные исследования не только упрощают вопрос о прецеденте в англо-американском позитивизме, но и с излишним скептицизмом относятся к возможности имплементации ряда значимых аргументов о роли интерпретационной деятельности суда, разработанных англо-американскими правоведами-позитивистами.

Подходы к пониманию роли публичной власти в отечественном и англо-американском позитивизме

Анализ различий в понимании статуса и роли государства и публичных властных институтов в правовой системе в англо-американской и отечественной традиции показывает, что данный вопрос занимает принципиально разное положение в этих парадигмах. Известно, что для отечественного правового позитивизма в духе классического континентального позитивизма (и во многом ранних англо-американских концепций), с его концентрацией на обеспечении принудительности реализации правовых предписаний, главным критерием самоидентификации позитивизма и центральной его идеей является отгосударственное происхождение права. Современная же англо-американская литература рассматривает государство скорее как средство обеспечения нормативного порядка в контексте института официальных субъектов, а центральным тезисом правового позитивизма называет не отгосударственное происхождение права, а его неметафизическое морально-нейтральное описание [23].

Действительно принципиальным моментом, отличающим англо-американский позитивизм от отечественного, является то, что англо-американские ученые-позитивисты не

определяют государство как источник и гарант права и не делают акцент на нем [24]. Для отечественного позитивизма даже в условиях ограниченного признания необходимости социального уклона в праве принципиальным концептуальным тезисом как раз является производность права от государства. Такое расхождение, безусловно, не может не влиять на восприятие англо-американского позитивизма в отечественной доктрине, ведь различие заключается в оценке позитивных связей, лежащих в основании права.

Данный вопрос, с одной стороны, является внешне самым очевидным, а с другой – самым глубоким по содержанию, на что обращается мало внимания отечественной наукой. В основе права современный англо-американский позитивизм видит крайне сложную систему социальных и политических связей, которая выходит далеко за рамки принудительной государственной власти в праве. При общем впечатлении от позиций, выработанных современным англо-американским позитивизмом, можно заключить, что отечественная доктрина не столько по-другому воспринимает позитивные связи, сколько упрощает их. Если в отечественном правовом позитивизме право связывается непосредственно с нормативной (законодательной) системой государства и государственной волей, то англо-американский позитивизм воспринимает право как высшую точку организации нормативной системы общества, фиксирующую некий общепринятый установленный социальный интерес. В первом случае функциональность системы в первую очередь объясняется через механизм принуждения, а во втором – через систему социально-политических связей, в рамках которой достигается консенсус о нормативности тех или иных правил и распространении их на все общество. Государство в этой системе лишь производный, хотя и важный институт.

На данном уровне наиболее активно проявляются методологические особенности англо-американского позитивизма. Базируясь на аналитической философии, в рамках данного направления право связывается с социальным порядком как некой совокупностью социальных фактов [24]. В результате право во всяком случае является социально установленным. Нормативность права обеспечивается согласием (конвенцией), в рамках которой индивиды берут на себя обязанность подчиняться нормативной правовой системе, а официальные лица наделяются полномочиями для ее обеспечения. Условием для подобной конвенции современный англо-американский

позитивизм в духе утилитаризма Бентама называет достаточную степень эффективности сложившейся нормативной системы права в регулировании общественных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Англо-американский правовой позитивизм является глубоко социологическим в том смысле, что он ориентирован на описание правовой системы через призму общества и общественных интересов в значительно большей степени, чем отечественный позитивизм. Если социально ориентированные мягкие подходы в отечественном позитивизме являются новым перспективным направлением,

то для англо-американского позитивизма, благодаря аналитической методологии, это основной вектор развития с середины XX в. Учет данного обстоятельства в контексте трех названных аспектов проблемы восприятия англо-американского правового позитивизма в отечественной науке способен в значительной степени преодолеть ошибки и заблуждения при исследовании положений этого направления в правопонимании. Подобные исследования представляются необходимыми не только для расширения поля научной дискуссии, но и для обогащения и развития отечественной позитивистской доктрины за счет наиболее сильных и релевантных положений альтернативной правовой парадигмы.

Список источников

1. Старченко А.А. Философия права и принципы правосудия в США / А.А. Старченко. – Москва : Высшая школа, 1969. – 120 с.
2. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве / В.А. Туманов. – Москва : Наука, 1971. – 381 с.
3. Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России / В.Д. Зорькин. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1978. – 270 с.
4. Золкин А.Л. Эволюция лингвистической доктрины аналитической философии и аналитическая школа права / А.Л. Золкин // История государства и права. – 2005. – № 2. – С. 52–55.
5. Суровцев В.А. О методах аналитической философии / В.А. Суровцев // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. – Санкт-Петербург : Изд-во философского факультета СПбГУ, 2012. – С. 74–80.
6. Архипов В.В. Концепция права Лона Л. Филлера : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.В. Архипов. – Санкт-Петербург, 2009. – 164 с.
7. Чурносов И.М. Правовая концепция Рональда Дворкина : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.М. Чурносков. – Москва, 2014. – 254 с.
8. Краевский А.А. Чистое учение о праве Ганса Кельзена и современный юридический позитивизм : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Краевский. – Санкт-Петербург, 2014. – 231 с.
9. Пищулин А.В. Юридический позитивизм в современном правопонимании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.В. Пищулин. – Москва, 2010. – 30 с.
10. Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В.С. Горбань. – Москва, 2019. – 578 с.
11. Остроух А.Н. Учение Бентама о праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А.Н. Остроух. – Москва, 2002. – 240 с.
12. Оглезнев В.В. Теория юридического языка в философии права Г. Харта : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03 / В.В. Оглезнев. – Томск, 2012. – 257 с.
13. Дидикин А.Б. Формирование и развитие аналитической традиции в философии права XX века : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03 / А.Б. Дидикин. – Томск, 2017. – 270 с.
14. Finnis J. The Truth in Legal Positivism in the Autonomy of Law / ed. Robert P. George. – Oxford : Clarendon Press, 2000. – P. 195–214.

References

1. Starchenko A.A. Filosofiya prava i principy pravosudiva v SSHA [Philosophy of law and principles of justice in the USA]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1969. 120 p.
2. Tumanov V.A. Burzhuaznaya pravovaya ideologiya. K kritike uchenij o prave [Bourgeois legal ideology. To the criticism of the doctrines of law]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 381 p.
3. Zorkin V.D. Pozitivistskaya teoriya prava v Rossii [Positivist theory of law in Russia]. Moscow State University, 1978. 270 p.
4. Zolkin A.L. The evolution of the linguistic doctrine of analytic philosophy and the analytical school of law. Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law, 2005, no. 2, pp. 52–55. (In Russian).
5. Surovtsev V.A. On the methods of analytical philosophy. Analiticheskaya filosofiya: problemy i perspektivy razvitiya v Rossii [Analytical philosophy: problems and prospects of development in Russia]. Saint Petersburg, 2012, pp. 74–80. (In Russian).
6. Arkhipov V.V. Konceptiya prava Lona L. Fillera. Kand. Diss. [Concept of Law by Lon L. Fuller. Cand. Diss.]. Saint Petersburg, 2009. 164 p.
7. Churnosov I.M. Pravovaya koncepciya Ronal'da Dvorkina. Kand. Diss. [Legal concept by Ronald Dworkin. Cand. Diss.]. Moscow, 2014. 254 p.
8. Kraevsky A.A. Chistoe uchenie o prave Gansa Kel'zena i sovremennyy yuridicheskij pozitivizm. Kand. Diss. [The pure doctrine of law by Hans Kelsen and modern legal positivism. Cand. Diss.]. Saint Petersburg, 2014. 231 p.
9. Pischulin A.V. Yuridicheskij pozitivizm v sovremennom pravoponimani. Avtoref. Kand. Diss. [Legal positivism in modern legal understanding. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2010. 30 p.
10. Gorban V.S. Pravovoe uchenie Ieringa i ego interpretacii. Dokt. Diss. [Legal doctrine of Ihering and its interpretation. Doct. Diss.]. Moscow, 2019. 578 p.
11. Ostroukh A.N. Uchenie Bentama o prave. Dokt. Diss. [Bentham's doctrine of law. Doct. Diss.]. Moscow, 2002. 240 p.
12. Ogleznev V.V. Teoriya yuridicheskogo yazyka v filosofii prava G. Harta. Dokt. Diss. [Theory of legal language in the philosophy of law by G. Hart. Doct. Diss.]. Tomsk, 2012. 257 p.

15. Никоненко С.В. Аналитическая философия. – Санкт-Петербург, 2007. – 546 с.
16. Пищулин А.В. Современный юридический позитивизм в англосаксонской правовой семье / А.В. Пищулин // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2010. – № 4. – С. 98–107.
17. Касаткин С.Н. Полемика Харта и Дворкина о судебском усмотрении: к проблематизации оснований и предмета спора / С.Н. Касаткин // Российское правосудие в третьем тысячелетии: итоги и перспективы судебной реформы : материалы VII ежегодной всероссийской научно-практической конференции. – Томск, 2011. – С. 360–374.
18. Detmold M. J. The Unity of Law and Morality. – London, 1984. – 271 p.
19. Харт Г.Л.А. Понятие права / Г.Л.А. Харт ; пер. с англ. Е.В. Афонасина, М. Бабака, А.Б. Дидикина, С.В. Моисеева. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2007. – 304 с.
20. Raz J. Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics. – New York : Oxford University Press, 2001. – 380 p.
21. MacCormick N. Legal Reasoning and Legal Theory. – Oxford : Clarendon Press, 1978. – 298 p.
22. Raz J. The Concept of a Legal System: An Introduction to the Theory of Legal System. – 2nd ed. – Oxford : Clarendon Press, 1980. – 245 p.
23. Schauer F. «Was Austin Right After All?» // Ratio Juris. – 2010. – № 23. – Р. 1–21.
24. Касаткин С.Н. Юридический позитивизм в англо-американской правовой мысли. Концепция Герберта Харта / С.Н. Касаткин // Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г.Ф. Шершеневича) : материалы VI ежегодной Международной научно-практической конференции. Иваново, 5–8 октября 2012 г. : в 3 ч. – Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2012. – Ч. 1. – С. 298–320.
13. Didikin A.B. Formirovanie i razvitie analiticheskoy tradicii v filosofii prava XX veka. Dokt. Diss. [Formation and development of the analytical tradition in the philosophy of law of the XX century. Doct. Diss.]. Tomsk, 2017. 270 p.
14. Finnis J.; Robert P. George (ed.). The Truth in Legal Positivism in the Autonomy of Law. Oxford, Clarendon Press Publ., 2000, pp. 195–214.
15. Nikonenko S.V. Analiticheskaya filosofiya [Analytical philosophy]. Saint Petersburg, 2007. 546 p.
16. Pishulin A.V. Contemporary legal positivism in Anglo-Saxon law. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11: Law, 2010, no. 4, pp. 98–107. (In Russian).
17. Kasatkin S.N. Hart and Dworkin's debate on judicial discretion: to the problematization of grounds and subject of dispute. Rossijskoe pravosudie v tret'em tysyacheletii: itogi i perspektivy sudebnoj reformy. Materialy VII ezhegodnoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Russian justice in the third millennium: results and prospects of judicial reform. Materials of the VII Annual All-Russian scientific-practical conference]. Tomsk, 2011, pp. 360–374. (In Russian).
18. Detmold M. J. The Unity of Law and Morality. London, 1984. 271 p.
19. Hart H.L.A. The Concept of law. Oxford University Press, 1961. (Russ. ed.: Hart G.L.A. The concept of law. St Petersburg University, 2007. 304 p.).
20. Raz J. Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics. New York, Oxford University Press Publ., 2001. 380 p.
21. MacCormick N. Legal Reasoning and Legal Theory. Oxford, Clarendon Press Publ., 1978. 298 p.
22. Raz J. The Concept of a Legal System: An Introduction to the Theory of Legal System. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press Publ., 1980. 245 p.
23. Schauer F. «Was Austin Right After All?» Ratio Juris, 2010, no. 23, pp. 1–21.
24. Kasatkin S.N. Legal positivism in Anglo-American legal thought. The concept of Herbert Hart. Yuridicheskij pozitivizm i konkurenciya teorij prava: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu so dnya smerti G.F. Shershenevicha). Materialy VI ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ivanovo, 5–8 oktyabrya 2012 g. [Legal positivism and competition of theories of law: history and modernity (to the 100th anniversary of the death of G.F. Shershenevich). Materials of the VI annual International scientific and practical conference. Ivanovo, October 5–8, 2012]. Ivanovo State University, 2012, pt. 1, pp. 298–320. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбунов Максим Дмитриевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorbunov Maxim Dmitrievich – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Статья поступила в редакцию 19.08.2022; одобрена после рецензирования 21.09.2022; принята к публикации 22.09.2022. The article was submitted 19.08.2022; approved after reviewing 21.09.2022; accepted for publication 22.09.2022.

Научная статья
УДК 342.4
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.2

Original article

РУДМАН Марк Наумович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: markrudman@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-8837-3690>

RUDMAN Mark Naumovich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa,
Russia.

ТУРИЯНОВ Артур Разимович
Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия;
e-mail: artur.aspir@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-7331-4404>

TURIANOV Artur Razimovich
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia.

ФОРМИРОВАНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ МОДЕЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В ОСНОВНЫХ ЗАКОНАХ СССР 1924 И 1936 ГОДОВ

FORMATION OF A PARLIAMENTARY MODEL OF CONSTITUTIONAL CONTROL
IN THE BASIC LAWS OF THE USSR OF 1924 AND 1936

Аннотация. Предметом исследования в статье выступают особенности закрепления правового механизма конституционного контроля в первых двух конституциях СССР. Анализ опирается на изучение подходов известных правоведов периода разработки указанных конституционных актов, а также взглядов современных российских конституционалистов на сущность и отечественную специфику реализации идей конституционного контроля как неотъемлемого элемента системы конституционного правления. На основе сравнительно-правового анализа выявляется эволюция механизма конституционного контроля – от судебного контроля в Конституции СССР 1924 г. к формальному парламентскому контролю в Конституции СССР 1936 г. Признавая значимость института конституционного контроля как необходимого элемента конституционного правления, авторы приходят к выводу о разрушительном влиянии однопартийного политического режима в СССР на саму идею конституционного правления. Несмотря на попытки создания советского конституционализма как универсального способа привлечения общества к социальному строительству, фактор влияния партийной власти нивелировал смысл советской конституции. Формализация содержания конституционализма и федерализма в условиях советского государственного режима способствовала полной утрате значения конституционного правосудия в СССР довоенного периода.

Ключевые слова: конституционный контроль, федерализм, судебный контроль, парламентский контроль, однопартийная диктатура, субъект федерации

Для цитирования: Рудман М.Н. Формирование парламентской модели конституционного контроля в основных законах СССР 1924 и 1936 годов / М.Н. Рудман, А.Р. Туриянов // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 12–22. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.2.

Abstract. The article studies the features of fixing the legal mechanism of constitutional control in the first two constitutions of the USSR. The analysis is based on the study of the approaches taken by well-known legal scholars during the drafting of these constitutional acts, as well as the views of modern Russian constitutionalists on the essence and national specificity of the implementation of the ideas of constitutional control as an integral part of the system of constitutional governance. On the basis of a comparative legal analysis, the article reveals the evolution of the mechanism of constitutional control from judicial control in the Constitution of the USSR of 1924 to formal parliamentary control in the Constitution of the USSR of 1936. While recognizing the importance of the institution of constitutional control as a necessary element of constitutional governance, the authors conclude that the single-party political regime in the USSR had a destructive effect on the very idea of constitutional governance. Despite attempts to create Soviet constitutionalism as a universal way of involving society in social construction, the influence of party power negated the meaning of the Soviet Constitution. The formalization of the content of constitutionalism and federalism under the Soviet state regime contributed to a complete loss of the importance of constitutional justice in the USSR of the pre-war period.

Keywords: constitutional control, federalism, judicial control, parliamentary control, one-party dictatorship, subject of the federation

For citation: Rudman M.N., Turianov A.R. Formation of a parliamentary model of constitutional control in the basic laws of the USSR of 1924 and 1936. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 12–22. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.2 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ: ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Разработка и принятие Конституции 1924 г., ставшей первой в истории Конституцией СССР, происходила в изменившихся по сравнению с 1918 г. условиях.

Во-первых, имел место провал в 1920 г. проекта большевистской партии о превращении Гражданской войны в России в мировую гражданскую войну, которую большевики определяли как Мировую революцию, что составляло цель деятельности большевистского правительства. Теперь эта цель уже не являлась первостепенной, поскольку народы Европы и Азии не продемонстрировали готовности поддержать приход Красной Армии для установления советского режима.

Во-вторых, победа уже сложившейся в годы Гражданской войны однопартийной диктатуры, практика управления и соответствующая ей система государственных органов означала установление неограниченной власти большевистской партии в пределах большей части бывшей Российской империи. Это означало, что те нерешенные проблемы обеспечения государственного единства, которые постоянно дестабилизировали состояние власти в Российской империи, теперь было необходимо решать большевистскому правительству.

В-третьих, хозяйственный кризис зимы 1920–1921 гг. привел к массовым крестьянским антибольшевистским восстаниям, которые, по признанию В.И. Ленина, являлись намного более значимой для большевистской власти угрозой по сравнению с только что побежденными белыми армиями и другими враждебными большевистской диктатуре движениями. Советская идеология полного огосударствления всей общественной жизни, получившая наименование военного коммунизма, поставила народы России на грань голодной смерти, что привело к идеологическому кризису и первоначальную идею власти Советов, отраженную в Конституции РСФСР 1918 г.

Руководству большевистской диктатуры пришлось принять оперативно предложенную В.И. Лениным доктрину ленинизма, означавшую реализацию большевистской идеологии в «отдельно взятой стране», с учетом сохранения внутреннего гражданского конфликта, связанного с тем, что большая часть населения России не приняла большевистской идеологии, требовавшей полного отказа

от собственности и зависимости от государственного распределения.

Все эти новые условия были отражены в политической системе нового советского режима, уже не находившегося в состоянии военного противостояния с врагами, но сохранившего идеалы вооруженного насилия над враждебными «классами» как основу организации власти.

СУДЕБНАЯ МОДЕЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ И КОНСТИТУЦИОННОГО НАДЗОРА В КОНСТИТУЦИИ СССР 1924 г.

В Конституции РСФСР 1918 г. отражались намерения принимавших ее большевиков, тогда еще сотрудничавших с левыми эсерами, опираться на советскую демократию в лице местных Советов¹. Такие надежды были оправданы поддержкой крестьянства, вызванной решительным изъятием помещичьих земель. Благодаря угрозе возвращения помещичьей власти в лице белых армий и непонятных крестьянам национальных и демократических движений большевикам, сразу после принятия Конституции РСФСР 1918 г. установившим однопартийную диктатуру, удавалось сохранить поддержку большинства крестьян. Они были согласны терпеть изъятия хлеба в рамках политики военного коммунизма как условие того, что ненавистная им дворянская власть никогда не вернется в русскую деревню. В этом состоянии большевики могли в той или иной степени опираться на местные крестьянские Советы. Но политический кризис зимы 1920–1921 гг. показал, что для понравившейся местным функционерам неограниченной большевистской власти на всех уровнях неуправляемые местные Советы стали опасными. Лозунг крестьянских восстаний «За Советы без коммунистов!» доказывал несовместимость крестьянской демократии с самодержавной властью большевистской диктатуры.

По этой главной причине руководство большевистской партии уже не устраивали неопределенные формулировки полномочий местных Советов, выражающие идею их независимости, поскольку восстания 1921 г. по-

¹ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (10 июля 1918 г.) // Советские конституции : хрестоматия : в 4 ч. Ч. 1. Первые советские республики, 1918–1922 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск : Благовещенский гос. пед. ун-т, 2015. С. 14–21 [Электронный ресурс]. URL: <http://istfil.bgpu.ru/> (дата обращения: 17.01.2022).

казали, что они могут быть истолкованы как законное основание неподчинения политике центрального правительства в лице ВЦИК и СНК. Например, в п. «г» ст. 60 Конституции РСФСР отмечалось, что «В границах своего ведения Совет, то есть общее собрание избирателей, есть высшая в пределах данной территории власть». Комментируя эти положения в том смысле, что они по содержанию уже устарели, М.А. Рейснер утверждал в 1923 г., что признание за Советами «известной автономии» следует считать проявлением уже утратившей силу «прежней независимости» [1, с. 375].

М.А. Рейснер стал главным разработчиком проекта конституции, подготовленного в 1923 г. сразу после подписания Декларации о создании Союза ССР, согласно которому ни один закон не может вступить в силу в случае, если он противоречит положениям конституции – «такой акт почитается не имеющим никакой обязательной силы». Вопрос о том, какой орган власти будет выполнять функцию конституционного контроля, решался, по сути, прежним путем. Г.С. Гурвич писал, что сама власть «некомпетентна» в решении вопроса о том, «противоконституционен тот или иной акт центральной власти или нет». Он считал, что полномочия по изменению или дополнению основного закона необходимо предоставить ЦИК: «В этом была единственная возможная гарантия от нарушений и лучший способ обеспечить закономерное развитие и рост основного закона в согласии с требованиями жизни» [2, с. 89].

Однако именно благодаря первой Конституции СССР – Конституции 1924 г. – была создана институциональная основа конституционного контроля – Верховный Суд СССР. Как отмечает российский специалист по истории конституционного права Б.А. Страшун, появление в нашей стране первого органа конституционного контроля произошло с принятием Конституции СССР в январе 1924 г.

Верховный Суд СССР создавался «в целях утверждения революционной законности на территории Союза С.С.Р. при Центральном Исполнительном Комитете Союза ССР», то есть рассматривался в качестве подразделения высшего органа законодательной власти. В его полномочия как первого в истории России органа конституционного контроля, согласно п. «в» – «д» ст. 43 Конституции СССР 1924 г., входили составление заключений о законности законодательных актов союзных республик с точки зрения содержания союзной Конституции, разрешение судебных споров между союзными республиками и рассмо-

трение дел по обвинению лиц, занимающих высшие должности в правительстве СССР, в преступлениях по исполняемой должности². Стремление большевистского руководства принципиально не допустить даже видимости разделения властей проявилось в подчиненном статусе Верховного Суда СССР. Его наиболее ярким функциональным проявлением являлось то, что заключения о законности тех или иных нормативных актов союзных республик Верховный Суд СССР давал не по своей инициативе или требованию граждан, а только по требованию ЦИК СССР, который в Советском государстве считался аналогом органа законодательной власти [3, с. 108].

Н.В. Григорьева отмечает распространенное среди исследователей истории принятия и содержания Конституции СССР 1924 г. мнение о том, что учрежденный согласно ее разд. VII Верховный Суд СССР являлся в большей степени органом конституционного надзора, чем конституционного контроля [4, с. 6]. Такая точка зрения основана на функциональном различии между указанными понятиями. Оно состоит в ограниченности конституционного надзора, органы которого выявляют нарушения конституционных норм, но не имеют полномочий на их отмену. В противовес такому ограничению орган конституционного контроля наделен полномочиями по приостановлению действий нормативного акта на основании выявления его противоречия конституции [5, с. 103].

Н.А. Митюков считает, что установленные Конституцией СССР 1924 г. полномочия Верховного Суда СССР характеризуют его как орган конституционного надзора. Верховный Суд СССР, согласно положениям ст. 43, выполнял весьма ограниченные функции, в которые не входила отмена противоречащих конституции актов, но он был призван выявлять такие факты и ставить о них в известность ЦИК СССР [6, с. 74].

При этом в структуре Верховного Суда СССР присущий большевистскому режиму принцип централизации власти проявился в том, что она включала должность прокурора Верховного Суда СССР и его заместителя, кандидатуры которых утверждались только с согласия Президиума ЦИК Союза ССР. В круг обязанностей прокурора Верховного Суда СССР входили

² Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (31 января 1924 г.) // Советские конституции : хрестоматия : в 4 ч. Ч. 2. СССР, 1922–1936 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск : Благовещенский гос. пед. ун-т, 2015. С. 15–19 [Электронный ресурс]. URL: <http://istfil.bgpu.ru/> (дата обращения: 17.01.2022).

выработка заключений по всем вопросам, относящимся к компетенции Верховного Суда СССР и наряду с этим, в случае необходимости, «поддержание обвинения» на заседаниях специальных судебных присутствий для рассмотрения особо важных дел, а также дел персональной подсудности высших должностных лиц советского правительства. При этом в случае несогласия прокурора с общим мнением участников пленарных заседаний он получал право опротестовать его на заседаниях Президиума ЦИК СССР.

В ст. 47 Конституции СССР 1924 г. закреплялось исключительное право ЦИК СССР, прокурора Верховного Суда СССР, прокуроров союзных республик и ОГПУ СССР направлять на пленарные заседания Верховного Суда Союза ССР рассмотрение каких-либо вопросов. То есть Верховный Суд СССР находился в прямой зависимости от перечисленных должностных лиц и институтов при обсуждении вопросов, связанных с нарушениями конституции³.

Крайне ограниченные полномочия и фактическое отсутствие в содержании Конституции 1924 г. института неотчуждаемых индивидуальных прав не дает оснований для утверждения, что в СССР с 1924 г. была создана система конституционного контроля «по типу американской модели осуществления конституционного контроля» [4, с. 6].

Отличительными сторонами этой модели является осуществление конституционного контроля органами судебной власти, высшей инстанцией которых служит верховный суд. Однако в американской конституционной модели закреплены механизмы обеспечения административной независимости верховного суда от давления со стороны высших должностных лиц государства, которых при опоре Советского однопартийного государства на неограниченные властные полномочия в СССР в принципе быть не могло. Формальная модель конституционного контроля была заимствована из американской практики и только путем формального создания органа, который мог строго под контролем правительства в лице ЦИК СССР и по его запросу осуществлять функцию толкования различных нормативных актов, включая конституционные акты союзных республик. Такое руководящее положение отвечало представлениям большевиков об идеале власти, во многом унаследованном от исторически сложившейся тра-

диции русского самодержавия. Ее содержанию соответствовала фактическая зависимость руководства союзных республик от союзного правительства в лице ЦИК СССР. Ей соответствовали положения ст. 43 Конституции СССР 1924 г. о том, что Верховный Суд СССР предоставляет верховным судам союзных республик руководящие разъяснения по вопросам общесоюзного законодательства и вырабатывает по требованию того же ЦИК СССР заключения «о законности тех или иных постановлений союзных республик с точки зрения Конституции».

Поэтому точка зрения Н.В. Григорьевой о том, что сложившаяся к 1924 г. в СССР практика конституционного контроля реализовывалась согласно «американской модели», нуждается в уточнении. Из американского конституционного опыта было использовано только название органа, формально осуществляющего конституционный надзор путем составления заключений о соответствии тех или иных положений нормативных актов, изданных государственными и партийными органами союзных республик, содержанию статей Конституции СССР 1924 г. Но поскольку в ее содержании основное внимание уделялось перечислению компетенций союзных органов власти, то проверка соблюдения конституционных норм означала возникновение дополнительного механизма централизации власти как основы государственного управления в СССР.

Исходя из этого подхода законодателя решался и вопрос о федеративном государственном устройстве Союза ССР, которое также декларировалось в содержании Конституции СССР 1924 г. и было основано на использовании американского опыта федеративного государства. Но, как и в случае с верховным судом, заимствовалось, по сути, только наименование, так как через насильственное поддержание во всех союзных республиках режима однопартийной диктатуры государственное управление в них было строго централизовано под власть союзного ЦИК, который, в свою очередь, целиком подчинялся руководящим органам партии большевиков – Всесоюзной коммунистической партии большевиков – ВКП(б).

Важнейшим аспектом содержания Конституции СССР 1924 г. как Основного закона, положившего начало законодательству государства Союз ССР, являлось формальное утверждение создания на основе советского строя федеративного государства. Само по себе это означало признание государственного суверенитета союзных республик, утвердивших факт создания нового федеративного госу-

3 Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (31 января 1924 г.). С. 15–19 [Электронный ресурс]. URL: <http://istfil.bgpu.ru/> (дата обращения: 17.01.2022).

дарственного образования путем подписания 30 декабря 1922 г. Декларации о создании Союза ССР и Союзного договора. С другой стороны, специфика советского строя и определившего его появление состояния крайнего ожесточения отношений в обществе, образовавшемся на основе разрушенной Российской империи, не создавали объективных и субъективных предпосылок фактического взаимного признания политического равноправия представителей союзных республик. Во всех союзных республиках как субъектах учреждения СССР сохранялся большевистский режим однопартийной диктатуры, опиравшейся на принцип предельной концентрации власти в руках иерархии партийных органов.

Идеология федерализма опирается на принципиальную самостоятельность субъектов федерации в регулировании вопросов своего ведения и добровольность в передаче части своих полномочий под контроль центрального правительства. Однако принцип самостоятельности субъектов практически не отражен даже в содержании Конституции СССР 1924 г., и тем более он не мог быть реализован в практике организации советской власти, предельная централизация которой обеспечила большевикам победу в Гражданской войне и реализацию идеи создания плановой экономики после ее окончания.

В первых девяти главах подробно перечисляются способы формирования и сферы ведения союзных государственных органов, но не устанавливаются пределы их властных полномочий, кроме ответственности низших органов перед высшими. При этом Союзу ССР «в лице его верховных органов», согласно ч. «ч» ст. 1, предоставлялись полномочия по отмене «нарушающих настоящую Конституцию постановлений съездов советов и центральных исполнительных комитетов союзных республик».

О полной хозяйственной подчиненности республик, рассматриваемой как условие создания плановой социалистической экономики и проведения индустриализации, свидетельствует ст. 68 Конституции СССР 1924 г., согласно которой высшие органы хозяйственного управления обязывались осуществлять указания «народных комиссариатов Союза Советских Социалистических Республик».

Учитывая, что все органы власти к этому времени были укомплектованы только кадровыми членами ВКП(б), которые, за редким исключением, беспрекословно подчинялись партийной дисциплине, указанные полномочия в рамках конституционного строя фак-

тически создавали унитарное государство, полностью подчиненное московскому правительству. Поэтому формальное утверждение независимости союзных республик являлось далеким от реальных возможностей противостоять политике центрального советского правительства, опирающегося на мощный бюрократический аппарат партийных комитетов всех уровней и жестко контролируемых ими государственных чиновников.

О статусе союзных республик в качестве обладателей государственного суверенитета говорится в гл. 2 «О суверенных правах союзных республик и о союзном гражданстве» и гл. 10 «О союзных республиках». В ст. 3 сказано, что ограничение республиканского суверенитета допускается только «в пределах, указанных в настоящей Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза». Не считая указанных ограничений, в той же статье отмечается, что «каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно», а Советский Союз должен охранять их «суверенные права». При этом в ст. 4 было закреплено право на свободный выход каждой из республик из состава Союза ССР, а в ст. 5 – их полномочия по изменению своих конституций.

В гл. 10 устанавливались структура и порядок формирования республиканских органов власти, полностью копирующие союзные.

Притом что в ст. 1 перечислялись фактически все сферы общественной жизни, относимые к ведению «верховных органов СССР», а местные органы власти обязывались выполнять директивы этих органов, версия об унитарном характере Советского государства, исторически унаследованном от Российской империи, имеет достаточно оснований. Декларирование суверенитета союзных республик при однопартийном характере государственного режима не имело объективных предпосылок и ресурсов, при которых органы власти любой из суверенных республик могли бы занять позицию, противоречащую политике ЦИК СССР, полностью контролируемого руководством ВКП(б).

О нежелании отразить реальные стороны сложившейся практики однопартийной диктатуры свидетельствует тот факт, что в тексте Конституции СССР 1924 г. отсутствуют упоминания о коммунистической партии.

При таких общеизвестных обстоятельствах представляется логически противоречивой распространенная в историко-правовой литературе позиция, согласно которой созданное в 1922–1924 гг. большевистской

диктатурой государство можно считать федеративным. В противовес таким оценкам Н.П. Медведев прямо подчеркивает, что для большевиков как партии, захватившей силовым путем власть, «федерализм, по утверждениям ее лидеров, был временной уступкой, так как их стратегической целью был переход от советского федерализма к социалистическому унитаризму» [7, с. 29].

Аналогичную позицию занимает А.Н. Медушевский, утверждающий, что при создании Конституции СССР 1924 г. «при внешнем соблюдении федеративной формы объединения фактически реализовалась модель унитарного государства. В этом заключалась основная специфика «советской федерации на основе диктатуры пролетариата»» [8, с. 119].

Исходя из этого целью конституционного надзора, который осуществлялся через органы Верховного Суда и прокуратуры, было именно обеспечение «социалистического унитаризма» в той форме, в которой он в тот момент признавался руководством большевистской партии.

Аналогичная позиция выражена в работе Г.А. Ефимова, посвященной эволюции в Российской империи и СССР ключевого для конституционного строя вопроса разграничения предметов ведения и полномочий. Он отмечает, что содержание прописанного в ст. 1 Конституции СССР 1924 г. института «предметов ведения верховных органов власти» Союза ССР гарантировало «ограниченность» провозглашаемого в текстах этой и последующих советских конституций суверенитета союзных республик в качестве субъектов федерации. С формально-юридической точки зрения разделение предметов ведения и следующих из нее властных полномочий в Конституции СССР 1924 г. было реализовано путем закрепления в статьях Основного закона компетенции союзных органов власти при параллельном признании ограниченности суверенитета союзных республик [9, с. 164].

В рассмотренных условиях конституционный надзор сводился к выявлению и пресечению фактов неподчинения властных органов и должностных лиц политике союзного правительства и принимаемым директивам. То есть установленная, согласно Конституции СССР 1924 г., система государственного управления, по сути, не являлась федеральной и задачи конституционного надзора понимались большевистским руководством как государственная необходимость не допустить реальной самостоятельности союзных республик. Исходя из такого подхода вполне логично отсутствие закрепления в Конституции СССР 1924 г.

полномочий союзных советских республик по недопущению вступления в силу каких-либо законодательных и подзаконных актов союзных органов власти [6, с. 84].

Позднее, после осуждения сталинского режима в годы «оттепели» и с ростом интереса к исследованиям специфики утверждаемой в советской идеологии «социалистической законности», противопоставляемой враждебной в силу ее «буржуазности» западной «законности», советские юристы-правоведы тщательно анализировали статус и практику Верховного Суда СССР. Такими исследованиями занимались Т.Н. Добровольская, В.Ф. Коток, Н.Я. Куприц, Г.Е. Петухов, М.А. Свистунова, П.И. Скоморохов, Х.Б. Шейнин. Общей чертой их работ являлось признание Верховного Суда СССР органом конституционного надзора. Он занимался, согласно Конституции СССР 1924 г., разносторонней деятельностью «по обеспечению соответствия актов союзных республик Конституции СССР» [10, с. 4].

Надо отметить, что уже тогда ограниченность такого надзора констатировалась исследователями. Например, М.А. Свистунова пришла к выводу о том, что только в СССР осуществляется такого рода надзор, который «не являлся самостоятельным», осуществлялся судом совместно с прокурором Верховного Суда СССР, и его решения не были окончательными. Предмет конституционного надзора был ограничен только соблюдением Конституции СССР в деятельности республиканских и союзных органов, за исключением высших союзных органов в лице Всесоюзного съезда Советов, избранного им ЦИК и его Президиума. Содержание статей, регулирующих деятельность Верховного Суда СССР и прокурора, включая их отношения с республиканскими органами, отражало характерный для конституционного развития России признак – пренебрежение к законодательному регулированию процессуальных сторон конституционного надзора – он «не имел специальной юридической процедуры» [11, с. 11].

Еще одно ценное наблюдение в рамках исследования специфики конституционного контроля в Советском государстве сделал В.Ф. Коток, утверждавший, что осуществляемый согласно ст. 43–48 Конституции СССР 1924 г. конституционный надзор следует рассматривать в качестве процессуальной стадии, которая на практике организационно предшествует конституционному контролю, осуществляемому высшими органами Советского государства в лице ЦИК СССР. Важное значение имел вывод В.Ф. Котока о характере осуществляемого Верховным Судом СССР кон-

ституционного надзора, который имел «по существу консультативный характер», а его постановления носили рекомендательный характер [12, с. 106–107]. В постсоветской юридической литературе аналогичного подхода придерживается Б.Н. Топорнин [13, с. 31].

Одной из значимых работ, посвященных особенностям конституционного надзора в деятельности Верховного Суда СССР, учрежденного Конституцией СССР 1924 г., является работа Н.Я. Куприца, который в 1971 г. подчеркнул существенные отличия советского конституционного надзора от аналогичных систем в «буржуазных государствах», заключающиеся в принципиальном непризнании принципа разделения властей. Как отмечают современные исследователи, из этого объективно следует отказ от создания институтов, обеспечивающих независимость судебной власти от высших органов государственной власти [10, с. 6]. Достоинством работы Н.Я. Куприца является научно обоснованный вывод о том, что консультативный характер полномочий Верховного Суда СССР делает его деятельность, по сути, бессмысленной. При этом выдвигалось предположение, что функции конституционного надзора могла бы выполнять прокуратура в качестве специфического направления деятельности по надзору за соблюдением принципа законности.

ПЕРЕХОД К МОДЕЛИ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ В КОНСТИТУЦИИ СССР 1936 г.

Постепенно установившийся режим личной власти И.В. Сталина не сразу был воспринят партийными лидерами и активистами партии как прекращение установившейся при В.И. Ленине традиции внутрипартийных дискуссий. Поэтому при фактической неограниченности однопартийной диктатуры органы конституционного надзора, учрежденные Конституцией СССР 1924 г., были вынуждены реагировать на множество замечаний о несоответствии принимаемых различными органами власти решений положениям Основного закона. Взаимодействие между системами центрального и республиканского партийного и государственного управления в первые годы после вступления в силу Конституции СССР 1924 г. осуществлялось в условиях продолжения острых внутрипартийных споров, сопровождавших выбор способов построения социализма в «отдельно взятой стране», осложнявшегося поиском финансовых и трудовых ресурсов для проведения индустриализации.

Свобода внутрипартийных дискуссий сформировалась еще при В.И. Ленине, и активные члены партии под ее влиянием часто выступали с разного рода инициативами, направленными на повышение эффективности управления – необходимого условия построения социализма. Кроме того, многие республиканские партийные организации считали необходимым учитывать местную специфику при принятии законодательных и нормативных актов, ориентируясь на продекларированные в Конституции СССР 1924 г. принципы суверенитета союзных республик.

Такие мнения противоречили взглядам и управленческому опыту большинства членов партии, полученному в годы Гражданской войны, и они активно сигнализировали в Верховный Суд СССР о разного рода отклонениях местных актов от содержания статей Конституции. Только в 1924 г. в Верховный Суд СССР поступило 2197 нормативных актов для проверки их соответствия положениям Конституции СССР 1924 г. В 1928 г., по данным С.Б. Мирзоева, их число возросло до 6272 [14, с. 61]. При такой загруженности становилась очевидной нецелесообразность ограниченности полномочий Верховного Суда СССР в реакции на получаемые сведения о нарушениях Основного закона. Ведь исправление таких нарушений могло быть реализовано только в силу постановлений Президиума ЦИК СССР, отменявших выявленные надзорной инстанцией неконституционные акты [15, с. 41]. Предусмотренный ст. 47 Конституции СССР 1924 г. порядок закреплял пассивную роль Верховного Суда. Он мог рассматривать противоречие того или иного акта статьям Конституции только по запросу ЦИК СССР, его Президиума, прокурора Верховного Суда, прокуроров союзных республик и ОГПУ СССР.

В 1929 г. на основе такой практики статус Верховного Суда СССР был реорганизован путем предоставления ему права «самостоятельного вхождения в Президиум ЦИК СССР с ходатайством о рассмотрении вопросов соответствия статьям Конституции постановлений ЦИК союзных республик, а также об отмене постановлений наркоматов и других центральных органов власти, за исключением решений ЦИК СССР, Совета Народных Комиссаров СССР, Совета труда и обороны»⁴. Кроме того, конституционный надзор реализовывался

⁴ Положение о Верховном Суде СССР и Прокуратуре Верховного Суда СССР от 24 июля 1929 г. // Собрание законодательства СССР. 1929. № 50, ст. 445 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.01.2022.).

вался путем опротестования перед Президиумом ЦИК СССР по постановлению прокурора постановлений, решений и приговоров верховных судов союзных республик как противоречащих общесоюзному законодательству или затрагивающих интересы других союзных республик [16, с. 129].

Относительная уравниловка созданного механизма конституционного надзора осуществлялась за счет участия представителей союзных республик в деятельности центральных органов власти. Например, руководители республиканских верховных судов принимали участие в пленарных заседаниях Верховного Суда СССР. Высшие государственные органы союзных республик имели право опротестовать постановления Пленума Верховного Суда СССР.

Но с 1933 г. Верховный Суд СССР утрачивает полномочия по судебному конституционному контролю. В противовес ему учреждается Прокуратура СССР, получившая право общего надзора за соблюдением Конституции СССР, законодательства Союза ССР и союзных республик, постановлений Правительства СССР, актов отдельных управленческих учреждений СССР⁵.

Тенденция к предельной централизации государственной власти неизбежно снижала значение конституционного контроля с точки зрения сталинского правительства. В Конституции 1936 г. эта тенденция проявилась в том, что теперь специальный орган конституционного контроля отсутствовал, а на практике его осуществлял Президиум Верховного Совета СССР. Верховный Совет СССР, согласно ст. 30 Конституции СССР 1936 г., являлся «высшим органом государственной власти», наделенным всей полнотой законодательной власти⁶. Согласно сложившейся практике Президиум Верховного Совета СССР осуществлял полномочия по толкованию законов СССР и союзных республик, а также отмене решений центрального и республиканских совнаркомов на основании выявленного противоречия их Основному закону. Н.В. Григорьева настаивает на том,

что Президиум в качестве реально и постоянно функционирующего органа осуществлял в СССР полноту законодательной власти, включая контроль за соответствием содержания всей нормативно-законодательской деятельности статьям Конституции «победившего социализма». Она определяет сложившуюся согласно Конституции СССР 1936 г. систему конституционного контроля как «парламентский контроль». В качестве его важнейшей специфической особенности следует выделить выборность законодательных и иных норм, подлежащих толкованию с целью осуществления конституционного надзора. В системе парламентского контроля было резко ограничено как число субъектов права, обладающих полномочиями требования дать толкование того или иного акта, так и вопросы законодательного регулирования, которые могли выноситься на такое толкование. В любом случае сложившаяся согласно Конституции СССР 1936 г. система парламентского контроля как направления конституционного надзора и конституционного контроля являлась предельно ограниченной, поскольку он не предполагал обращений со стороны советских граждан и их союзов с требованием такого толкования [4, с. 8].

Надо отметить, что в современной литературе по истории развития отечественного конституционного права встречается точка зрения, согласно которой в Конституции СССР 1936 г. был предусмотрен конституционный контроль «со стороны президиумов верховных советов СССР и союзных республик», и такая форма контроля, по сути, была разновидностью парламентского контроля [15, с. 45]. Основания для такого вывода состоят в том, что согласно рассмотренным статьям Конституции СССР 1936 г. функцию конституционного контроля осуществляли верховные советы СССР и союзных республик, которые по таким формальным признакам, как выборность и обладание законодательными полномочиями, могут считаться советским вариантом парламента. Противоположную позицию занимают такие авторы, как М.А. Митюков и А.М. Барнашов, настаивающие на том, что за все годы существования Советского государства в силу его диктаторского характера «не только судебный, но и парламентский контроль ... так и не сложился» [17, с. 39].

Для выявления специфики сложившейся, согласно Конституции СССР 1936 г., системы конституционного контроля надо отметить, что теперь в качестве органа такого контроля выступал Верховный Совет СССР. Но он, согласно позиции Н.В. Григорьевой, «не обла-

5 Об учреждении Прокуратуры СССР : постановление Центральной избирательной комиссии СССР, Совета народных комиссаров СССР от 20.06.1933 // Собрание законодательства СССР. 1933. № 40, ст. 239 [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/36848> (дата обращения: 17.01.2022).

6 Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик от (5 декабря 1936 г.) // Советские конституции : хрестоматия : в 4 ч. Ч. 3. СССР, 1936–1977 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск : Благовещенский гос. пед. ун-т, 2015. С. 13–23 [Электронный ресурс]. URL: <http://istfil.bgpu.ru/> (дата обращения: 17.01.2022).

дал правом проверки на конституционность собственных законодательных актов» [4, с. 8]. Мнение Н.В. Григорьевой основано на том, что в самой Конституции СССР 1936 г. такие полномочия Верховного Совета СССР не указаны. Согласно ст. 14 и 16 Конституции СССР 1936 г. высшие органы государственной власти выполняли функции контроля за соответствием принимаемых союзными республиками законов содержанию союзного законодательства. Отсюда следует, что функция конституционного контроля была передана Верховному Совету СССР. Учитывая сессионный характер его деятельности, можно сделать вывод о том, что на практике эту функцию выполнял Президиум Верховного Совета СССР.

Н.В. Григорьева выделяет различия между конституционным контролем и надзором. Они состоят в том, что в рамках конституционного контроля должны проверяться нормы всего действующего законодательства на предмет их соответствия Основному закону, а общий надзор осуществляется большинством органов государственной власти с целью проверки соблюдения учреждениями и физическими лицами советских законов и норм конституции. Из этого следует, что в Конституции СССР 1936 г. не было предусмотрено специализированного конституционного контроля, осуществляемого конкретным государственным органом. В исключительных случаях, согласно закрепленным в Основном законе полномочиям верховных советов всех уровней, ими осуществлялся «парламентский контроль», а в целях соблюдения Конституции СССР Прокурором СССР осуществлялся конституционный надзор [4, с. 7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложившаяся в СССР система конституционного контроля отличалась следующими основными чертами.

Во-первых, преобладающее значение имел контроль центральных органов за соответствием принимаемых высшими органами власти союзных и автономных республик актов союзному законодательству, включающему Конституцию СССР 1936 г. и принимаемые Верховным Советом СССР законы. То есть область контроля стала достаточно обширной, выходила далеко за рамки собственно конституционного контроля как обеспечения строгого соответствия содержания принятых нормативных актов статьям Конституции СССР 1936 г. Реализация такого контроля возлагалась на Верховный Совет СССР как выс-

ший выборный представительный орган государственной власти. В перерывах между его сессиями такой контроль осуществлял Президиум Верховного Совета СССР.

Во-вторых, для внешнего соответствия системы конституционного контроля федеративному государственному устройству Советского Союза, ориентированного на привлечение в свой состав новых государств в форме союзных республик, была учреждена двухзвенная система контроля за соответствием республиканских законов общесоюзному законодательству. Наряду с контролем на уровне общесоюзных органов создается аналогичная система органов контроля в субъектах федерации – в союзных и автономных республиках. Их высшие представительные органы занимались проверками соответствия республиканского законодательства Конституции СССР, общесоюзным законам и республиканской конституции. В автономных республиках такой контроль усложнялся тем, что он был призван обеспечить в своем законодательстве отсутствие нарушений законов СССР и законов союзной республики, в состав которой входила данная автономия.

В-третьих, ликвидация ранее учрежденного в Конституции СССР 1924 г. судебного конституционного надзора на основе деятельности Верховного Суда СССР рассматривается как шаг к обеспечению принципа полновластия Советов. Такое теоретическое обоснование сопровождается передачу контрольных функций верховным советам всех уровней, которая становится специфической особенностью «советской модели контроля законодательства» [14, с. 64].

Она состояла в осуществлении контроля за соответствием законодательства союзных и автономных республик законодательству Союза СССР, включая действующую Конституцию СССР, именно высшим представительным советским органом как политико-пропагандистское выражение идеи полновластия Советов, укрепления их формального значения и авторитета.

В-четвертых, контроль со стороны верховного совета каждого уровня не был распространен на законодательные акты республиканских представительных органов, то есть он касался только актов исполнительных органов государственного управления. Например, согласно п. «е» ст. 49 Конституции СССР 1936 г. Президиум Верховного Совета СССР мог отменить решения советов министров союзного и республиканского уровней «в случае их несоответствия закону». Но в случае выявления противоречия Конституции СССР акта пред-

ставительного органа союзной республики Верховный Совет СССР предлагал привести его в соответствие с общесоюзным законодательством. В случае несогласия республиканского верховного совета отменить свое решение Президиум Верховного Совета СССР принимал специальный указ.

Таким образом, согласно Конституции СССР 1924 г. была создана институциональная основа конституционного контроля в лице Верховного Суда СССР. Его статус при ЦИК СССР подчеркивал зависимое положение конституционного контроля, осуществляемого, согласно тексту Конституции СССР 1924 г., с целью «утверждения революционной законности» без формального определения ее содержания. Согласно ст. 43 Конституции СССР 1924 г. в полномочия Верховного Суда СССР наряду с другими входило составление заключений о законности законодательных актов союзных республик с точки зрения содержания союзного Основного закона. Принципиальное стремление большевистского правительства не допустить даже формальной независимости высшей судебной инстанции наглядно выражается в ограничении полномочий Верховного Суда СССР, который даже свои заключения о законности тех или иных норматив-

ных актов союзных республик вырабатывал только по требованию ЦИК СССР как высшего органа государственной власти. Поскольку в полномочия Верховного Суда СССР не входила функция отмены неконституционных нормативных актов, то представляется обоснованной точка зрения, согласно которой он являлся органом конституционного надзора, по результатам экспертной деятельности которого конституционный контроль осуществлял ЦИК СССР. Специфической особенностью структуры Верховного Суда СССР являлось включение в его состав должности прокурора Верховного Суда СССР, обладавшего наряду с ЦИК СССР и ОГПУ СССР правом направлять на пленарные заседания Верховного Суда Союза ССР рассмотрение каких-либо вопросов. То есть Верховный Суд СССР оказался в прямой зависимости от перечисленных должностных лиц и институтов в обсуждении каких-либо вопросов, связанных с нарушениями Основного закона. Теоретически такая модель может именоваться парламентским контролем, но с оговорками относительно того, насколько понятия, связанные с институтами парламентаризма, могут использоваться для целей и методов деятельности Советского государства и его учреждений.

Список источников

1. Рейснер М.А. Государство буржуазии и РСФСР / М.А. Рейснер. – Москва ; Петроград : Государственное издательство, 1923. – 429 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/1054651>.
2. Гурвич Г.С. История Советской Конституции / Г.С. Гурвич. – Москва : Издание Социалистической академии, 1923. – 216 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/711459>.
3. Страшун Б.А. Эволюция института конституционного контроля в России: от надзора к правосудию. Часть 1 / Б.А. Страшун // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 1 (110). – С. 106–120.
4. Григорьева Н.В. Исторические этапы формирования органов конституционного контроля в России / Н.В. Григорьева // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 65. – С. 5–12.
5. Вайман А.Б. К вопросу о конституционном контроле в Российской Федерации / А.Б. Вайман // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 2. – С. 103–106.
6. Митюков М.А. Судебный конституционный надзор 1924–1933 гг.: вопросы истории, теории и практики / М.А. Митюков. – Москва : Формула права, 2005. – 208 с.
7. Медведев Н.П. История федерализма в России / Н.П. Медведев // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. – 2016. – № 3-4 (4-5). – С. 26–33.
8. Медушевский А.Н. Конституция 1924 года: как и где были заложены причины крушения СССР? Часть I / А.Н. Медушевский // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 1 (104). – С. 117–129.

References

1. Reisner M.A. Gosudarstvo burzhazii i RSFSR [State of the bourgeoisie and the RSFSR]. Moscow, Petrograd, State Publishing House, 1923. 429 p. Available at: URL: <https://www.prilib.ru/item/1054651>.
2. Gurvich G.S. Istoriya Sovetskoy Konstitucii [History of the Soviet Constitution]. Moscow, Socialist Academy Publ., 1923. 216 p. Available at: URL: <https://www.prilib.ru/item/711459>.
3. Strashun B.A. Evolution of constitutional review in Russia: from the night watch to constitutional justice. Part 1. Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review, 2016, no. 1 (110), pp. 106–120. (In Russian).
4. Grigorieva N.V. Historical stages of the formation of constitutional control bodies in Russia. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Tomsk State University Journal of History, 2020, no. 65, pp. 5–12. (In Russian).
5. Vayman A.B. Some aspects of constitutional control in the Russian Federation. Vestnik ekonomiki, prava i sociologii = The Review of Economy, the Law and Sociology, 2011, no. 2, pp. 103–106. (In Russian).
6. Mityukov M.A. Sudebnyj konstitucionnyj nadzor 1924–1933 gg.: voprosy istorii, teorii i praktiki [Judicial constitutional supervision of 1924–1933: questions of history, theory and practice]. Moscow, Formula prava Publ., 2005. 208 p.
7. Medvedev N.P. History of federalism in Russia. Regional'noe i municipal'noe upravlenie: voprosy politiki, ekonomiki i prava = Regional and Municipal Governance: Issues of Politics, Economics and Law, 2016, no. 3-4 (4-5), pp. 26–33. (In Russian).

9. Ефимов Г.А. Особенности разграничения предметов ведения и полномочий в условиях федерализма и местного самоуправления: опыт советской и царской России / Г.А. Ефимов // Вестник Международного юридического института. – 2019. – № 1 (68). – С. 163–170.

10. Митюков М.А. О генезисе отечественного конституционного правосудия (идеи и предложения второй половины 60–80-х годов XX века) / М.А. Митюков // Вестник Томского государственного университета. – 2003. – № 279. – С. 3–11.

11. Свистунова М.А. Проблемы конституционного надзора в СССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 / М.А. Свистунова. – Москва, 1971. – 17 с.

12. Коток В.Ф. Конституционная законность, конституционный надзор и конституционный контроль в СССР / В.Ф. Коток // Вопросы советского государственного (конституционного) права. Труды Иркутского государственного университета. Т. 81. Серия юридическая. – Иркутск, 1971. – С. 97–115.

13. Топорнин Б.Н. Развитие судебной власти в России: общие подходы / Б.Н. Топорнин // Судебная реформа: проблемы и перспективы. – Москва : Ин-т государства и права РАН, 2001. – С. 3–68.

14. Мирзоев С.Б. Историко-правовые предпосылки развития конституционного надзора и контроля в России и Таджикистане / С.Б. Мирзоев // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 59–79.

15. Несмеянова С.Э. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / С.Э. Несмеянова. – Екатеринбург, 2004. – 476 с.

16. Мирзоев С.Б. Становление и развитие советской системы конституционного надзора и контроля (историко-правовой аспект) / С.Б. Мирзоев // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 124–132.

17. Митюков М.А. Очерки конституционного правосудия (сравнительно-правовое исследование законодательства и судебной практики) / М.А. Митюков, А.М. Барнашов. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1999. – 405 с.

8. Medushevsky A.N. The Constitution of 1924: how and where were the reasons for the collapse of the USSR laid down? Part 1. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie* = Comparative Constitutional Review, 2015, no. 1 (104), pp. 117–129. (In Russian).

9. Efimov G.A. Features of differentiation of subjects of conducting and powers in conditions of federalism and local self-management: experience of the soviet and imperial Russia. *Vestnik Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta* = Bulletin of the International Law Institute, 2019, no. 1 (68), pp. 163–170. (In Russian).

10. Mityukov M.A. On the genesis of the home constitutional justice (ideas and proposals of the second half of the 60's to the 80's of the twentieth century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal, 2003, no. 279, pp. 3–11. (In Russian).

11. Svistunova M.A. Problemy konstitucionnogo nadzora v SSSR. Avtoref. Kand. Diss. [Problems of constitutional supervision in the USSR. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 1971. 17 p.

12. Kotok V.F. Konstitucionnaya zakonnost', konstitucionnyj nadzor i konstitucionnyj kontrol' v SSSR [Constitutional legality, constitutional supervision and constitutional control in the USSR]. *Voprosy sovetskogo gosudarstvennogo (konstitucionnogo) prava. Trudy Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya yuridicheskaya* = Issues of Soviet state (constitutional) law. Proceedings of the Irkutsk State University. Legal series, 1971, vol. 81, pp. 97–115. (In Russian).

13. Topornin B.N. Development of the judiciary in Russia: general approaches. *Sudebnaya reforma: problemy i perspektivy* [Judicial reform: problems and prospects]. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2001, pp. 3–68. (In Russian).

14. Mirzoev S.B. Historical and legal premises for the development of the constitutional supervision and control in Russia and Tajikistan. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki* = Legal Framework of Modern Economics, 2012, no. 8, pp. 59–79. (In Russian).

15. Nesmeyanova S.E. Teoretiko-pravovoe issledovanie konstitucionnogo sudebnogo kontrolya v Rossijskoj Federacii. Dokt. Diss. [Theoretical and legal research of constitutional judicial control in the Russian Federation. Doct. Diss.]. Yekaterinburg, 2004. 476 p.

16. Mirzoev S.B. Formation and development of the soviet constitutional supervision and control system (historic-legal aspect). *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* = Legal science: History and the Presence, 2012, no. 7, pp. 124–132. (In Russian).

17. Mityukov M.A., Barnashov A.M. Oчерки konstitucionnogo pravosudiya (sravnitel'no-pravovoe issledovanie zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki) [Essays on constitutional justice (comparative legal research of legislation and judicial practice)]. Tomsk State University, 1999. 405 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рудман Марк Наумович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий;

Туриянов Артур Разимович – аспирант кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rudman Mark Naumovich – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies;

Turianov Artur Razimovich – Postgraduate Student of the Department of Constitutional and Administrative Law, Kazan (Volga Region) Federal University.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 07.11.2022; принята к публикации 08.11.2022. The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 07.11.2022; accepted for publication 08.11.2022.

Научная статья
УДК 340.1
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.3

Original article

ШАБУРОВ Анатолий Степанович
Уральский государственный юридический
университет, Екатеринбург, Россия;
e-mail: shaburov.41@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-8570-225X>

SHABUROV Anatoliy Stepanovich
Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВИД ПРАВОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ

LAW ENFORCEMENT AS A SPECIFIC LEGAL TECHNOLOGY

Аннотация. Современные технологии, используемые в процессе правоприменительной деятельности, рассчитаны на оперативное и эффективное обеспечение процесса правового регулирования общественных отношений и оптимизацию правовой действительности. Цель: исследование особенностей правоприменения как специфической юридической деятельности, имеющей определенные цели, стадии, формы и методы, что позволяет характеризовать его как специфический вид правовой технологии. Методы: в процессе работы были применены такие методы познания, как логический – при обосновании основных направлений исследования, формально-юридический, позволивший раскрыть особенности применения права как специфического вида правовых технологий, изложения – при подведении итогов изучения рассматриваемой темы. Результаты: правоприменение является особым видом юридической деятельности, направленной на вынесение акта применения права, порождение субъективных прав, обязанностей или мер государственного принуждения конкретных субъектов права. С учетом особенностей правовой технологии как явления и специфики правоприменительной деятельности правоприменение можно трактовать как специфический вид правовой технологии в рамках национальной правовой системы и правового регулирования общественных отношений.

Ключевые слова: право, правовое регулирование, правоприменение, технология, правовая технология, правоприменительная технология

Для цитирования: Шабуров А.С. Правоприменение как специфический вид правовой технологии // А.С. Шабуров // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 23–27. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.3

Abstract. Modern technologies used in law enforcement activities are designed to ensure a rapid and effective process of legal regulation of public relations and optimization of legal reality. Purpose: to study the features of law enforcement as a specific legal activity having certain goals, stages, forms and methods, which allows characterizing it as a specific type of legal technology. Methods: in the process of work, such methods of cognition are applied, as logical – when substantiating the main directions of the research, formal-legal – when revealing the features of the application of law as a specific type of legal technologies, presentation – when summing up this study. Results: law enforcement is a special type of legal activity aimed at making an act of application of the law, the creation of subjective rights, obligations or measures of state coercion of specific subjects of law. Taking into account the features of legal technology as a phenomenon and the specifics of law enforcement activity, law enforcement can be interpreted as a specific type of legal technology within the national legal system and legal regulation of social relations.

Keywords: law, legal regulation, law enforcement, technology, legal technology, law enforcement technology

For citation: Shaburov A.S. Law enforcement as a specific legal technology. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 23–27. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.3 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

В новых, принципиально изменяющихся условиях, в которых находится сейчас российское государство, для повышения эффективности действия права требуется не только обновление отечественного законодательства, но и изменение его характера и реализации, и прежде всего обеспечение реализации прав и свобод человека и гражданина. В этих обстоятельствах нужен надежный методологический инструмент анализа и преобразования правовых отношений, правовой действительности. Здесь требуются новые принципы, методы и средства, используемые для формирования современных правовых институтов, юридических фактов и видов правовой деятельности с целью регулирования изменяющихся общественных отношений, установления необходимых правовых связей и организации охраны уже существующих устоявшихся форм взаимодействия людей.

В этой обстановке происходит развитие и совершенствование права, увеличивается количество нормативной массы, изменяются и совершенствуются методы правового регулирования. При этом особое значение приобретают проблемы технологического характера, проблемы правовых (юридических) технологий.

ТЕХНОЛОГИЯ КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ

Технологии – это «обусловленные состоянием знаний и общественной эффективностью способы достижения целей, поставленных обществом» [1, с. 36], то есть технология включает в себе наиболее эффективные способы, приемы, средства человеческой деятельности. Она представляет собой сложную организацию различных видов деятельности, включая планирование и прогнозирование, организацию реального взаимодействия и объективированный результат.

Технологии характерны для всех сфер и видов человеческой деятельности, ибо выражают и проявляют наиболее эффективные ее способы, приемы, средства. Неслучайно различные виды технологий не только широко используются в различных сферах, но и получили научно-теоретическое обобщение. Среди них можно отметить производственные, информационные, воспитательные, образовательные и другие технологии.

В последнее время к анализу технологий обратилась и юридическая наука, предметом исследования которой являются правовые технологии. И это отнюдь не случайно. Право выступает важнейшим регулятором общественных отношений, представляет собой вели-

чайшую социальную ценность, является фактором развития общества, обеспечивающим решение важнейших общественных задач.

При этом право – не только наиболее эффективное средство, но и сложный социальный регулятор. В отечественной науке достаточно полно рассмотрены его особенности, обеспечивающие эффективное правовое регулирование. Однако все исследования касаются преимущественно правовой (юридической) стороны вопроса. В правоведении достаточно подробно и глубоко рассмотрены особенности правового регулирования, его стадии, методы, механизм, элементы. Достаточно внимания уделялось предмету правового регулирования, его способам и типам. Но при этом вопрос о том, как технологически осуществляется правовое регулирование, правовое воздействие, практически не анализировался. А отсутствие работ, анализирующих технологические аспекты правового регулирования, влияет на качество правовых актов, результативность деятельности соответствующих государственных органов и иных субъектов права, снижая эффективность правового регулирования, уровень законности и правопорядка.

Это положение можно объяснить тем, что юридическая деятельность и правовое регулирование в целом анализировались в основном с позиций юридической практики, направленной на обеспечение законности и правопорядка в обществе, и в силу этого – лишь с формально-юридической стороны.

ТЕХНОЛОГИИ И ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

Представителям юридической науки и юристам-практикам в своей профессиональной деятельности все чаще приходится сталкиваться с необходимостью внедрения и использования различного рода технологий и их последствиями. Поэтому в последние десятилетия юридическая наука обратилась к анализу технологических проблем правового регулирования.

Сказанное объясняет, почему в недрах философии и общей теории права осуществляется становление философско-правового направления, то есть направления анализа, позволяющего познать, каким образом (способом, методом) конструируются правовые реалии. В сфере правового регулирования это повлекло за собой развитие технологий различных видов юридической деятельности. Отмеченные обстоятельства привели к формированию и развитию новой правовой категории, которая определяется как правовая (юридическая) технология.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в педагогике. Интересна в этом отношении ха-

рактеристика российской педагогической практики А.С. Макаренко. Он тоже пришел к выводу о необходимости обращения к особым социальным технологиям – образовательным и воспитательным. Рассматривая особенности и состояние педагогической деятельности в своей работе «Педагогическая поэма», А.С. Макаренко писал, что «наше методологическое производство никогда не строилось по педагогической логике, а всегда по логике моральной проповеди» [2, с. 529].

Сегодня наличие в юридической науке категории «правовая технология» ни у кого не вызывает сомнения. Ее анализу посвящено достаточно большое количество работ [3; 4; 5; 6], накоплен опыт практической реализации правовых технологий. Научную разработку получили даже технологии правового регулирования специфических сфер общественных отношений [7]. Поэтому вряд ли можно согласиться с высказанным в литературе утверждением, что понятие «юридическая технология в отечественной науке еще не имеет большого интереса» [8, с. 79].

На наш взгляд, «правовая технология» – утвердившаяся в науке категория. Она имеет свой предмет, которому соответствуют и собственные методы познания правовой реальности. Кроме того, в предмет правовой технологии входят методы, способы, процедуры изменения, развития правовой действительности в различных социальных сферах. Определены и в известной степени исследованы различные формы и виды правовых технологий. Эти формы связаны с действием права, его функционированием, воздействием его на общественные отношения путем правового регулирования.

Однако не все формы правовых технологий исследованы наукой с необходимой полнотой. Так, в последние годы достаточно подробно рассмотрена законодательная деятельность и соответствующая ей законодательная (правотворческая) технология. Ее анализу посвящены научные работы отечественных авторов [9], защищены диссертации [10]. К анализу же технологий, используемых в правоприменительной деятельности, обращались лишь отдельные авторы [11; 12]. Появились работы, в которых анализируются технологические особенности отдельных правоприменительных действий [13].

Несмотря на это, в технологических вопросах правоприменения остается еще немало проблем. Одни из них объясняются неопределенностью в самом понимании правоприменительной деятельности, другие же – определением роли правоприменения в правовом регулировании, рассмотрением его как специальной стадии правового регулирования.

Проблема правоприменения не является новой для юридической науки. Однако и здесь имеются пробелы, появляются новые моменты. Не исключены и противоречия по отдельным аспектам проблемы. Эти противоречия, недостатки затрудняют решение некоторых вопросов технологического характера. Так, многие авторы (особенно авторы учебников по теории государства и права) при характеристике правоприменения определяют его как одну из форм реализации права наряду с соблюдением, исполнением и использованием. Нередко добавляется, что это «специфическая» (сложная) форма реализации права [14; 15, с. 224; 16, с. 140; 17, с. 422].

Полагаем, что подобная характеристика правоприменения не отражает содержания этого правового явления. Реализация правовых предписаний (правовых норм) в форме исполнения, соблюдения либо использования предполагает «саморегулирование», то есть претворение субъективных прав и обязанностей, правовых предписаний в жизнь непосредственно самим субъектом, и не предполагает использования каких-либо компонентов технологического характера.

Применение же – это не просто поведение, соответствующее правовым предписаниям. Это специфическая юридическая деятельность властных компетентных субъектов, цель и назначение которой – обеспечение реализации права другими субъектами.

Конечно, и деятельность правоприменителя регламентируется нормами процессуального законодательства в рамках процессуальных отношений. Но и здесь субъективные права и обязанности властного субъекта осуществляются не для реализации собственных интересов, а для обеспечения интересов субъектов процессуального отношения и в общественно значимых интересах.

Правоприменительная юридическая деятельность – сложное явление. Она носит государственно-властный правовой характер, включает ряд этапов, стадий, имеет ряд функций, осуществляется компетентными субъектами в определенной законом процессуальной форме, заканчивается изданием правового акта. То есть правоприменительная деятельность – объективно необходимый и довольно сложный элемент правового регулирования, требующий для своей реализации целого ряда положений технологического характера.

Значимость правоприменения в современных условиях возрастает в силу того, что оно связано с конституционным закреплением основных прав и свобод человека в качестве величайшей ценности. Конституция РФ в ст. 2 специально подчеркивает, что их призна-

ние, соблюдение и защита – обязанность государства. А реализация этой конституционной обязанности вызывает необходимость специальной правовой деятельности государственно-властных органов по конкретизации прав и свобод. Эта деятельность требует особенностей, в том числе и технологического характера, и порождает специфический вид правовой технологии, которая определяется как правоприменительная технология.

К сожалению, в современных условиях мало внимания уделяется теоретико-методологическим аспектам правовой и, в частности, правоприменительной технологии. Нередко это создает серьезные проблемы в правоприменительной деятельности.

Основу правовой технологии составляет система методов, способов и средств эффективного и рационального правового регулирования общественных отношений в соответствии с поставленными целями.

Предмет правовой технологии имеет двойственную природу. С одной стороны, это способы, методы и процедуры разработки и определения цели, результата правового регулирования на определенном этапе, стадии. В то же время это и система мер, направленных на использование правовых средств для достижения поставленной цели – обеспечения итога правового регулирования.

Правоприменение занимает важное место в механизме правового регулирования. Оно необходимо и на стадии возникновения правоотношений через формирование и действие юридических фактов, и на стадии реализации, обеспечивая практическое претворение субъективных прав и юридических обязанностей в жизнь. На каждой из этих стадий используются различные технологии правового характера. В процессе же самого правоприменения как специфической юридической деятельности происходит практическое воплощение методов и средств правовой технологии, их материализация в правоприменительных актах. При этом следует учесть, что сама правоприменительная деятельность осуществляется

через ряд взаимосвязанных стадий (анализ фактических обстоятельств, выбор и анализ применяемой нормы, вынесение решения).

Каждая из них носит технологический характер и отражает особенности деятельности через используемые специфические способы, методы и средства. Система правовых средств, используемых в правоприменении, в их тесном взаимодействии может характеризоваться как технологический механизм правоприменения.

В литературе отмечается, что в последнее время важнейшее значение для правовой системы приобретает требование «соблюдения правовой технологии» [18, с. 380]. Но особое значение это требование имеет на стадии правотворчества и правоприменения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Технология представляет собой совокупность способов и средств осуществления той или иной деятельности для достижения определенного результата. Правовая технология рассматривается как «особого вида социальная технология, которая представляет собой планомерно осуществляемую в особом порядке с помощью специальных юридических средств юридическую деятельность, направленную на преобразование правовой действительности и достижение определенного правового результата» [19, с. 10]. Правоприменение также является особым видом юридической деятельности, направленной на достижение правового результата – вынесение акта применения права, порождение субъективных прав, обязанностей или мер государственного принуждения конкретных субъектов права. Поэтому полагаем, что с учетом особенностей правовой технологии как явления и специфики правоприменительной деятельности правоприменение можно трактовать как специфический вид правовой технологии в рамках правовой системы и правового регулирования.

Список источников

1. Серафимов А.Н. К вопросу о принципах технологии / А.Н. Серафимов, В.К. Айнштейн // Высшее образование в России. – 1995. – № 2. – С. 36–45.
2. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. Полная версия / А.С. Макаренко ; сост., вступ. ст., примеч., коммент. С.С. Невская. – Москва : АСТ, 2018. – 640 с.
3. Черненко А.К. Правовые технологии как научная основа формирования правовой системы: концептуальные направления анализа // Современные проблемы права и правовые технологии : сборник статей / отв. ред. А.К. Черненко. – Новосибирск : ГЦРО, 2000. – С. 27–35.

References

1. Serafimov A.N., Einstein V.K. To the question of the principles of technology. Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia, 1995, no. 2, pp. 36–45. (In Russian).
2. Makarenko A.S. Pedagogicheskaya poema. Polnaya versiya [Pedagogical poem. Full version]. Moscow, AST Publ., 2018. 640 p.
3. Chernenko A.K. Legal technologies as a scientific basis for the formation of a legal system: conceptual directions of analysis. Chernenko A.K. (ed.). Sovremennye problemy prava i pravovye tekhnologii. Sbornik statej [Modern problems of law and legal technologies. Collection of articles]. Novosibirsk, GCRO Publ., 2000, pp. 27–35. (In Russian).

4. Черненко А.К. Правовая технология как проблема общей теории государства и права // Современные проблемы права и правовые технологии : сборник статей / отв. ред. А.К. Черненко. – Новосибирск : ГЦРО, 2000. – С. 14–21.
5. Рожкова М.А. О правовых аспектах использования технологий LegalTech и Lawtech / М.А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2020. – № 3 (518). – С. 3–11.
6. Лиманцева О.А. Юридическая технология / О.А. Лиманцева // Политика, государство и право. – 2014. – № 12. – С. 78–81.
7. Березина Е.А. Правовые технологии нормативного регулирования общественных отношений, связанных с эксплуатацией автономных (беспилотных) транспортных средств / Е.А. Березина // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 6 (145). – С. 92–97.
8. Кибакowa И.В. Соотношение понятий «юридическая техника» и «юридическая технология» / И.В. Кибакowa // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 1-3 (32). – С. 79.
9. Власенко Н.А. Законодательная технология: Теория. Опыт. Правила / Н.А. Власенко. – Иркутск : Вост.-Сиб. изд. компания, 2001. – 142 с.
10. Бахвалов С.В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии) : автореф. дис.... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2006. – 28 с.
11. Колесник И.В. Понятие и классификация правоприменительных технологий / И.В. Колесник // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 4. – С. 40–43.
12. Миронов А.Н. Виды технологий в правотворческой и правоприменительной сферах / А.Н. Миронов, К.Р. Мурсалимов, А.С. Логинов // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 70–72.
13. Исаева Л.А. Юридические технологии в деятельности уголовно-исполнительной системы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2000. – 25 с.
14. Цыганов В.И. Теория государства и права. Тезисы лекций. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского ун-та, 2015. – 219 с.
15. Малько А.В. Теория государства и права : учебник / А.В. Малько. – Москва : Юрист, 2000. – 321 с.
16. Петров А.В. Теория государства и права. Краткий курс / А.В. Петров. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского ун-та, 2010. – 196 с.
17. Теория государства и права : курс лекций / М.Н. Марченко, А.В. Мицкевич, О.Э. Лейст и др. ; под ред. М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Зерцало, 1996. – 475 с.
18. Теория государства и права : учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2021. – 552 с.
19. Березина Е.А. Правовая технология как условие оптимизации государственно-правового строительства / Е.А. Березина // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 4 (58). – С. 8–12.
4. Chernenko A.K. Legal technology as a problem of the general theory of state and law. Chernenko A.K. (ed.). *Sovremennye problemy prava i pravovye tekhnologii. Sbornik statej* [Modern problems of law and legal technologies. Collection of articles]. Novosibirsk, GCRO Publ., 2000, pp. 14–21. (In Russian).
5. Rozhkova M.A. On the legal aspects of using Legal-Tech and Lawtech technologies. *Hozyajstvo i pravo = Economy and Law*, 2020, no. 3 (518), pp. 3–11. (In Russian).
6. Limanceva O.A. Legal technologies. *Politika, gosudarstvo i pravo = Politics, State and Law*, 2014. – no. 12. – С. 78–81. (In Russian).
7. Berezina E.A. Echnologies of law of normative regulation of social relations related to the use of autonomous (driverless) vehicles. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2020, no. 6 (145), pp. 92–97. (In Russian).
8. Kibakova I.V. Value concepts of «legal technique» and «legal technology». *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Research Journal*, 2015, no. 1-3 (32), pp. 79. (In Russian).
9. Vlasenko N.A. Vlasenko N.A. *Zakonodatel'naya tekhnologiya: Teoriya. Opyt. Pravila* [Legislative technology: Theory. An experience. Rules]. Irkutsk, East Siberian Publishing Company Publ., 2001. 142 p.
10. Bakhvalov S.V. *Zakonodatel'naya tekhnologiya (nekotorye problemy teorii i metodologii)*. Avtoref. Kand. Diss. [Legislative technology (some problems of theory and methodology)]. Cand. Diss. Thesis]. Nizhny Novgorod, 2006. 28 p.
11. Kolesnik I.V. Concept and classification of law enforcement technologies. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 4, pp. 40–43. (In Russian).
12. Mironov A.N., Mursalimov K.R., Loginov A.S. Types of technologies in law-making and law enforcement spheres. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technique*, 2008, no. 2, pp. 70–72. (In Russian).
13. Isaeva L.A. *Yuridicheskie tekhnologii v deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy*. Avtoref. Kand. Diss. [Legal technologies in the activities of the penitentiary system. Cand. Diss. Thesis]. Vladimir, 2000. 25 p.
14. Tsyganov V.I. *Teoriya gosudarstva i prava. Tezisy lekciy* [Theory of Government and Rights. Abstracts of lectures]. State University of Nizhny Novgorod, 2015. 219 p.
15. Malko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, Yurist Publ., 2000. 321 p.
16. Petrov A.V. *Teoriya gosudarstva i prava. Kratkij kurs* [Theory of Government and Rights. Short course]. State University of Nizhny Novgorod, 2010. 196 p.
17. Marchenko M.N., Mitskevich A.V., Leist O.E. et al.; Marchenko M.N. (ed.). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of Government and Rights]. 2nd ed.. Moscow, Zercalo Publ., 1996. 475 p.
18. Perevalov V.D. (ed.). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of Government and Rights]. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2021. 552 p.
19. Berezina E.A. Legal technology as a condition for optimizing state law construction. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2019, no. 4 (58), pp. 8–12. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шабуров Анатолий Степанович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, действительный член академии военных наук Российской Федерации.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shaburov Anatoliy Stepanovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Full Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 08.11.2022. The article was submitted 01.10.2022; approved after reviewing 08.11.2022; accepted for publication 08.11.2022.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья
УДК 34.06(476)
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.4

АНДРИЯШКО Марина Васильевна
Барановичский государственный
университет, Барановичи,
Республика Беларусь;
e-mail: andryashkomv@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-2527-2224>

Original article

ANDRYIASHKA Maryna Vasilevna
Baranovichi State University, Baranovichi,
Republic of Belarus.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ДОСТУПНОСТЬ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

E-GOVERNMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND ACCESSIBILITY OF THE DIGITAL
ENVIRONMENT FOR PERSONS WITH DISABILITIES

Аннотация. Цифровое общество предоставляет пользователям новые способы доступа к информации и услугам. Органы государственного управления, как поставщики информации и электронных услуг, полагаются на Интернет для производства, сбора и предоставления в режиме онлайн необходимых населению услуг и информации. Цель: определить современное состояние института электронного правительства в Республике Беларусь и выявить барьеры, препятствующие равному доступу к цифровой среде. Методы: системного анализа государственного и правового регулирования, юридической герменевтики, семиотики, статистического анализа. Результаты: установлено, что право на равный доступ к информации и право на участие в управлении делами общества и государства реализуются инвалидами не в полной мере ввиду отсутствия соответствующих спецификаций на веб-сайтах государственных организаций, оказывающих электронные услуги и осуществляющих административные процедуры в электронной форме. Внесены соответствующие предложения.

Ключевые слова: электронное правительство, цифровые технологии, цифровизация, веб-сайты, право на информацию, доступность, инвалиды

Финансирование. Статья подготовлена по результатам выполнения НИР «Обеспечение инвалидам равного доступа к праву на информацию о деятельности органов государственного управления посредством ИКТ» в рамках системы внутренних грантов учреждения образования «Барановичский государственный университет» на 2023 г.

Для цитирования: Андрияшко М.В. Электронное правительство в Республике Беларусь и доступность цифровой среды для лиц с инвалидностью // М.В. Андрияшко // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 28–34. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.4.

Abstract. The digital society provides users with new ways to access information and services. Governments as providers of information and electronic services rely on the Internet to produce, collect and provide online the services and information needed by the public. Purpose: to determine the current status of the e-government institution in the Republic of Belarus and identify barriers that prevent equal access to the digital environment. Methods: system analysis of state and legal regulation, hermeneutic methods, methods of semiotics, methods of statistical analysis. Results: it is found that the right to equal access to information and the right to participate in the management of society and the state are not fully realized by persons with disabilities, due to the lack of relevant specifications on the websites of state organizations providing electronic services and administrative procedures in electronic form. Appropriate proposals are made.

Keywords: e-government, digital technologies, digitalization, websites, right to information, accessibility, disabled people

Financing. The article is prepared on the results of the research «Ensuring equal access for disabled people to the right to information on government bodies activities through ICT» within the system of internal grants of the educational institution «Baranovichi State University» for 2023.

For citation: Andryashka M.V. E-government in the Republic of Belarus and accessibility of the digital environment for persons with disabilities. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 28–34. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.4 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Применение цифровых механизмов в сфере государственного управления невозможно без установления правил – правовой рамки регулирования [1, с. 185; 2, с. 78]. Пределы правовой рамки определяют границы функционирования электронного правительства (далее – ЭП) – междисциплинарной области исследований, которая быстро развивалась с момента ее первоначальной концептуализации в 1990-х годах, позволяющей посредством правовой регламентации использовать достижения кибернетики на благо человека, общества и государства. А.В. Нестеров, ссылаясь на ряд источников [3; 4], отмечает, что впервые об использовании кибернетики в праве стали говорить еще в 1962 г., после выхода книги Н. Винера [5, с. 43].

Исследователями высказываются диаметрально противоположные точки зрения относительно прогнозов дальнейшего развития ЭП: от крайне пессимистических утверждений о нахождении этой исследовательской области в состоянии стагнации [6, с. 43], перечисления потенциальных угроз на пути формирования информационного общества (далее – ИО) [7, с. 109], контекстно зависимого анализа силы динамики окружающей среды (не законодательства и повсеместных технологических возможностей) как «контекстуального фактора, оказывающего влияние на траекторию цифрового правительства» [8, с. 709] до оптимистических рассуждений о новых уникальных возможностях, которые будут способствовать взаимодействию правительства с гражданами, сотрудниками, предприятиями и другими правительствами» [9, с. 435].

Действительно, даже традиционные институты непосредственной демократии уже функционируют в условиях цифровой среды. Например, в ЕС в целях осуществления гарантированных политических прав инвалидами и обеспечения доступа к полному участию в европейских выборах (и как избирателей, и как кандидатов) с 2022 г. применяется «практика инклюзивной демократии»¹. А.А. Арнаутова указывает, что «в 2012 году Исландия использовала краудсорсинг для создания новой конституции. Проект был размещен на веб-сайте Ассамблеи, странице Ассамблеи на Facebook²,

а также в Twitter³, YouTube и Flickr. Менее чем через четыре месяца, собрав 16 000 комментариев, проект конституции был готов» [10, с. 37].

В Республике Беларусь с 2018 г. внедрена платформа «Правовой форум Беларуси» как механизм общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов. С 1 февраля 2019 г. в соответствии с Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах»⁴ «Правовой форум Беларуси» является официальной площадкой для публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов.

Тем не менее цифровая среда только стремится к достижению цифрового равенства и цифровой доступности. Этапам становления ЭП в Республике Беларусь и усилиям Правительства по обеспечению реализации права на равный доступ к информации в аспекте развития рынка электронных услуг посвящена настоящая статья.

РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РАМКАХ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Республика Беларусь с 2015 по 2020 г. улучшала свои позиции по индексу доступа к информационно-коммуникационным технологиям (далее – ИКТ) среди 132 государств мира и поднялась с 36-го на 16-е место⁵. Положительная динамика обусловлена целенаправленными действиями государства на пути развития ИО. Как справедливо заметила М.С. Абламейко, «основным инициатором построения информационного общества во всех странах является государство. И Республика Беларусь не исключение» [7, с. 109].

Крупные «аналитические и статистические исследования существующих предпосылок (факторов), влияющих на развитие ИО, и, параллельно с этим, анализ степени использования ИКТ для развития ключевых сфер социально-экономической деятельности (государственного управления, образования, здравоохранения, культуры и др.)» [11, с. 6] проводились в Беларуси впервые в 2001–2003 гг.

³ Заблокирован в России. – Прим. ред.

⁴ О нормативных правовых актах : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 31.07.2018. – 2/2568 (дата обращения: 11.07.2022).

⁵ Беларусь заняла 16-е место среди 132 государств по показателю «Доступ к ИКТ» согласно «Глобальному инновационному индексу 2021» [Электронный ресурс] // Министерство связи и информатизации Респ. Беларусь : сайт. URL: <https://www.mpt.gov.by/ru/news/23-09-2021-7491> (дата обращения: 11.07.2022).

¹ Union of Equality: Strategy for the Rights of Persons with Disabilities 2021 – 2030 // European Commission, Directorate-General for Employment, Social Affairs and Inclusion. Luxembourg, Publications Office of the European Union. 2021. 36 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2767/31633> (дата обращения: 18.07.2022).

² Запрещенная в России социальная сеть. – Прим. ред.

«в рамках проекта программы Всемирного банка на планирование деятельности, связанной с использованием ИКТ⁶ для развития страны» [11, с. 6–7].

В аспекте темы исследования следует упомянуть наделение в 2011 г. Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь функциями независимого регулятора в сфере ИКТ, а также принятие Национальной программы ускоренного развития услуг в сфере ИКТ на 2011–2015 гг.⁷ Приоритетной задачей определялась реализация базовых электронных услуг для населения (Government to Citizen, или G2C).

Стратегические шаги на пути государственной информатизации были закреплены Государственной программой развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг.⁸, цель которой состояла в формировании цифровой экономики, развитии ИО и совершенствовании ЭП.

В соответствии с Программой деятельности Правительства Республики Беларусь на 2018–2020 гг.⁹ среди задач по цифровой трансформации экономики обозначалось создание полноценного ЭП, которое предоставляло бы гражданам в режиме онлайн любые государственные услуги из любой точки страны и в любое время.

Следующим этапом стало принятие Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг., согласно которой одним из приоритетов развития национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры является развитие инфраструк-

туры ЭП. В качестве ожидаемого результата предусматривается формирование единой государственной модели данных, «построенных по принципу интероперабельности с однократным вводом данных на основе внедрения передовых ИКТ»¹⁰. В частности, в рамках подпрограммы «Цифровое развитие государственного управления» предусматривается формирование цифровой платформы нормотворческой деятельности (п. 29 мероприятий). Уже в 2022 г. были отмечены определенные успехи в рамках реализации указанного мероприятия (п. 29.2): выполнена модернизация сайта «Правовой форум Беларуси» как специализированного сервиса цифровой платформы нормотворческой деятельности.

Дихотомия индексов развития

Положительная динамика развития ИО посредством ИКТ обуславливает традиционные высокие показатели Республики Беларусь в индексе готовности к ЭП: Беларусь перешла с высокого E-Government Development Index (High EGDI Level) в 2016 г. на очень высокий индекс EGDI (Very High EGDI Level) в 2018 г. (38-е место)¹¹. Указанные результаты объясняются включением в Национальную стратегию устойчивого социально-экономического развития на период до 2030 г.¹² ряда инициатив, связанных с развитием ИКТ в различных секторах экономики Республики Беларусь.

Согласно обзору «Электронное правительство 2020», подготовленному Департаментом экономического и социального развития ООН, в 2020 г. Беларусь заняла 40-е место в рейтинге¹³. Обзор «Электронное правительство 2022» свидетельствует о том, что в 2022 г. Беларусь продолжает оставаться в группе стран с очень

6 О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 8 нояб. 2011 г., № 515 ; в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 31.05.2022, № 188 [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 02.06.2022. – 1/20346 (дата обращения: 11.07.2022).

7 Об утверждении Национальной программы ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 марта 2011 г., № 384 ; в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 12.06.2015 г., № 492 [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 18.06.2015. – 5/40657 (дата обращения: 11.07.2022).

8 Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016 – 2020 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 марта 2016 г., № 235 ; в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 22.03.2017, № 215 [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 28.03.2017. – 5/43498 (дата обращения: 11.07.2022).

9 Об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на 2018–2020 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 окт. 2018 г., № 774 [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 03.11.2018. – 5/45754 (дата обращения: 11.07.2022).

10 О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2021 г., № 66 ; в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 18.03.2022, № 143 [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 30.03.2022. – 5/50056 (дата обращения: 11.07.2022).

11 E-Government Survey 2018 : Gearing E-government to Support Transformation Towards Sustainable and Resilient Societies / United Nations, Department of Economic and Social Affairs. New York, 2018. 300 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/FL3mU> (дата обращения: 18.07.2022).

12 Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] : М-во экономики Респ. Беларусь, протокол заседания Президиума Совета Министров Респ. Беларусь, 2 мая 2017 г., № 10. URL: <https://clck.ru/pHMZt>. – 09.10.2022 (дата обращения: 18.07.2022).

13 E-Government Survey 2020: Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development, with addendum on COVID-19 Response / United Nations, Department of Economic and Social Affairs. New York, 2020. 364 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/SUrtx> (дата обращения: 18.07.2022).

высоким индексом EGD1, но изменила место в рейтинге и занимает 58-ю позицию¹⁴.

Математически EGD1 представляет собой средневзвешенное значение трех баллов по трем наиболее важным параметрам ЭП: 1) объем и качество онлайн-услуг (OSI); 2) состояние развития телекоммуникационной инфраструктуры (ТИИ); 3) врожденный человеческий капитал (HCI) [12, с. 229].

С. Сергеев отмечает, что «показатель каждого из трех субиндексов складывается из оценки ряда параметров. Так, индекс онлайн-услуг (OSI) определяется на основании анализа государственных порталов электронных услуг и официальных сайтов министерств, регулирующих сферы образования, здравоохранения, социального обеспечения, труда и занятости, финансов и охраны окружающей среды. Веб-сайты оцениваются с точки зрения информационного наполнения, функциональности, а также их использования для предоставления государственных услуг населению в электронной форме. При этом принимается во внимание как контент, так и доступность различных сервисов» [13, с. 41].

Изменениям в подходах к определению места страны в рейтинге EGD1 посвящены многие современные статьи. Так, А.М. Бондарева и Т.В. Савенко отмечают особенности, которые сводятся к тому, что «результаты EGD1, которые и раньше подразделялись на очень высокие, высокие, средние и низкие группы, были разбиты на четыре интервала (классы оценки или класс рейтинга). Эти интервалы определены первым, вторым и третьим квартилями внутри каждой группы, чтобы обеспечить более детальный кластерный анализ стран с аналогичными показателями в каждой группе. Среди стран с очень высоким индексом EGD1 выделяются 4 подгруппы (Rating Class): HV, V3, V2, V1. Беларусь отнесена к третьей подгруппе (V2)» [14, с. 102].

Следует отметить, что EGD1 не предназначен для абсолютного охвата развития ЭП; скорее, он направлен на то, чтобы дать рейтинг эффективности национальных правительств по сравнению друг с другом.

Тем не менее любая система индикаторов оценивания подвергается критике. Например, по замечанию Т.А. Ткалич, система индикаторов оценки уровня развития ИО предусматривает множество индексов, в которых «обобщаются различные целевые группы показателей, что усложняет экономический анализ, так как страны отличаются по ВВП, инновационному

развитию и численности населения» [15, с. 46].

Такая непрозрачность является предпосылкой для многочисленных противоречий (дихотомии) в оценке идентичных явлений в странах с неидентичной самобытностью. Профессор Е.М. Бабосов указывает на многие проявления противоречий: возникновение множественных конфликтов интересов и целей, формирование и навязывание «всему миру идеологии глобализма, ориентированной на подрыв суверенитета государств и подмену традиционных духовно-нравственных ценностей бездуховной и примитивизированной «электронной культурой», не имеющей национальных корней» [16, с. 66].

Действительно, несмотря на поступательные, уверенные движения по внедрению ИКТ в жизнь людей, становление и функционирование многих сервисов ЭП, применение цифровой среды для организации взаимодействия человека с государством характеризуется наличием барьеров.

Доступность цифровой среды для лиц с инвалидностью

Несмотря на несомненные успехи в построении ЭП, экспертами высказываются обоснованные предостережения о наличии потенциальных угроз на пути формирования ИО. В частности, М.С. Абламейко относит к таким обстоятельствам «влияние на общество средств массовой информации; возможность посредством ИКТ разрушать частную жизнь людей и организаций», а также предлагает учитывать проблему верификации качественной и достоверной информации и вопросы адаптации людей к среде ИО [7, с. 109].

Вопросам доступности и адаптации людей к электронным сервисам на платформе ЭП уделяется все больше внимания как за рубежом, так и в Республике Беларусь. Директива (ЕС) 2016/2102 Европейского Парламента от 26 октября 2016 г. о доступности веб-сайтов и мобильных приложений органов государственной власти¹⁵ определяет, что доступность следует понимать как принципы и методы, которые необходимо соблюдать при проектировании, создании, обслуживании и обновлении веб-сайтов и мобильных приложений, чтобы сделать их более доступными для пользователей, в частности для лиц с ограниченными возможностями.

¹⁵ Directive (EU) 2016/2102 of the European Parliament and of the Council of 26 October 2016 on the Accessibility of the Websites and Mobile Applications of Public Sector Bodies [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Union. L 327, 2.12.2016, p. 1–15. URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2016/2102/oj> (дата обращения: 18.07.2022).

¹⁴ E-Government Survey 2022: The Future of Digital Government / United Nations, Department of Economic and Social Affairs. New York, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/32JNHZ> (дата обращения: 18.07.2022).

В 2021 г. в ЕС принят План действий по обеспечению доступности Интернета (Action Plan on Web Accessibility), который распространяется на все учреждения, органы и агентства ЕС, с целью обеспечения соответствия веб-сайтов, документов, опубликованных на этих веб-сайтах и онлайн-платформах, европейским стандартам доступности.

В 2021 г. разработан и введен в действие гармонизированный европейский стандарт Accessibility Requirements for ICT Products and Services EN 301 549 V3.2.1 (2021-03)¹⁶, предусматривающий функциональные характеристики веб-страниц и приложений для лиц с ограниченными возможностями.

В Республике Беларусь действует Портал рейтинговой оценки качества оказания услуг и административных процедур организациями Республики Беларусь, предоставляющий гражданам возможность высказать мнение о качестве обслуживания государственными организациями путем анкетирования, проведения опросов в Глобальной сети Интернет и иных мероприятий с использованием ИКТ. Однако режимы работы для слабовидящих людей и людей с другими формами инвалидности в настоящее время Порталом не предлагаются. Равно как и не определен Приказом оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 18 марта 2020 г. № 82 «О создании и функционировании личных электронных кабинетов»¹⁷ порядок создания инвалидами личных электронных кабинетов на базе Единого портала электронных услуг.

Указом Президента Республики Беларусь от 31 мая 2022 г. № 188 «О расширении использования государственными организациями информационно-коммуникационных технологий»¹⁸ в настоящее время не предусматриваются спецификации режимов рабо-

ты для идентификации и аутентификации физических лиц с инвалидностью. «Правовой форум Беларуси» не предусматривает версию сайта для инвалидов, тем самым исключая многочисленную группу граждан из процесса участия в общественной жизни и реализацию ими права на равный доступ к информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переход от пятого к шестому технологическому укладу сопровождается повсеместным внедрением телекоммуникаций во все сферы жизнедеятельности людей и развитием нанотехнологий, что способствует экономии времени, упрощает жизнь людей, исключает посреднические цепочки на пути принятия решений. Не отрицая несомненные достижения Республики Беларусь в этой области, отметим необходимость учета критерия доступности при разработке веб-сайтов и мобильных приложений, предоставляющих гражданам возможность участвовать в управлении делами общества и государства и реализовывать право на равный доступ к информации.

При этом нами выявлено, что условия для пассивного потребления информации о деятельности государственных органов посредством веб-сайтов с поддержкой версий для инвалидов организованы в Республике Беларусь на весьма высоком уровне. Однако сервисы, предполагающие активное участие граждан в реализации своих прав, в настоящее время не предусматривают версии веб-сайтов для инвалидов, что является барьером при реализации инвалидами права на равный доступ к информации и права на участие в управлении делами общества и государства. В связи с указанным видится целесообразным:

- 1) на веб-сайте «Правовой форум Беларуси» предусмотреть версию для инвалидов;
- 2) на Портале рейтинговой оценки качества оказания услуг и административных процедур организациями Республики Беларусь предусмотреть версию для инвалидов;
- 3) определить спецификации режимов работы веб-сайтов государственных организаций, оказывающих электронные услуги и осуществляющих административные процедуры в электронной форме, для идентификации и аутентификации физических лиц с инвалидностью.

¹⁶ Accessibility Requirements for ICT Products and Services : Harmonised European Standard EN 301 549 V3.2.1 (2021-03) // European Telecommunications Standards Institute (ETSI), 2021. 186 p.

¹⁷ О создании и функционировании личных электронных кабинетов: Приказ оперативно-аналитического центра при Президенте Респ. Беларусь, 18 марта 2020 г., № 82 [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 21.03.2020. – 7/4483 (дата обращения: 18.07.2022).

¹⁸ О расширении использования государственными организациями информационно-коммуникационных технологий : Указ Президента Респ. Беларусь, 31 мая 2022 г., № 188 [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 02.06.2022. – 1/20346 (дата обращения: 18.07.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андрияшко М.В. Генезис правовой информатизации в Республике Беларусь / М.В. Андрияшко // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4 (62). – Ч. 1. – С. 185–198.
2. Андрияшко М.В. Генезис оформления правового регулирования информационно-коммуникационных технологий в Республике Беларусь / М.В. Андрияшко // Проблемы права. – 2019. – № 4 (73). – С. 78–83.
3. Керимов Д.А. Кибернетика и право / Д.А. Керимов // Советское государство и право. – 1962. – № 11. – С. 98–104.
4. Wiener N. Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine. (Hermann & Cie Editeurs, Paris, The Technology Press, Cambridge, Mass., John Wiley & Sons Inc.). – New York, 1948. – 212 p.
5. Нестеров А.В. Цифровая трансформация юридической деятельности и законодательства / А.В. Нестеров // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4 (62). – Ч. 1. – С. 43–53. – DOI 10.33184/pravgos-2020.4.5.
6. McBride K. On Complex Adaptive Systems and Electronic Government: A Proposed Theoretical Approach for Electronic Government Studies / K. McBride, D. Draheim // The Electronic Journal of e-Government. – 2020. – № 18 (1). – P. 43–53. – DOI 10.34190/EJEG.18.1.004.
7. Абламейко М.С. Правовое регулирование построения информационного общества / М.С. Абламейко // Цифровая трансформация. Основные понятия и терминология: сборник статей / редкол.: А.В. Тузилов (пред.) [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Объед. ин-т проблем информатики. – Минск : Беларуская навука, 2020. – С. 109–113.
8. Castelnovo W. The digital government imperative: a context-aware perspective / W. Castelnovo, M. Sorrentino // Public Management Review. – 2018. – № 20 (5). – P. 709–725. – DOI 10.1080/14719037.2017.1305693.
9. Joseph R.C. A structured analysis of e-government studies: trends and opportunities // Government Information Quarterly. – 2013. – № 30 (4). – P. 435–440. – DOI 10.1016/J.GIQ.2013.05.006.
10. Арнаутова А.А. Цифровизация правотворческой деятельности / А.А. Арнаутова // Век качества. – 2019. – № 2. – С. 32–42. URL: <http://www.agequal.ru/pdf/2019/219003.pdf>.
11. Развитие информационного общества в Беларуси / В.В. Анищенко, Г.Н. Науменко, Р.Б. Григянец, В.Н. Венгерова. – Минск : ОИПИ НАН Беларуси, 2012. – 290 с.
12. Позняк Т.А. Развитие электронного правительства в Республике Беларусь / Т.А. Позняк // Проблемы экономики и информационных технологий : сборник тезисов докладов 57-ой научной конференции, БГУИР, Минск, 19–21 апр. 2021 г. / Бел. гос. ун-т информатики и радиоэлектроники. – Минск, 2021. – С. 228–230.
13. Сергеев С. Развитие электронного правительства в Беларуси: оценка ООН / С. Сергеев // Наука и инновации. – 2014. – № 9 (139). – С. 41–44.
14. Бондарева А.М. Индикаторы развития электронного правительства Беларуси / А.М. Бондарева, Т.В. Савенко // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: сборник научных трудов / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; под общ. ред. В.В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 2021. – С. 101–103.

REFERENCES

1. Andryashka M.V. Genesis of legal informatization in the Republic of Belarus. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2020, no. 4 (62), pt. 1, pp. 185–198. (In Russian).
2. Andryashka M.V. Genesis of legal regulation formation of information-communication technologies in the Republic of Belarus. *Problemy prava* = Issues of Law, 2019, no. 4 (73), pp. 78–83. (In Russian).
3. Kerimov D.A. Cybernetics and law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = Soviet state and law, 1962, no. 11, pp. 98–104. (In Russian).
4. Wiener N. Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine. (Hermann & Cie Editeurs, Paris, The Technology Press, Cambridge, Mass., John Wiley & Sons Inc.). New York, 1948. 212 p.
5. Nesterov A.V. Digital transformation of legal activities and legislation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2020, no. 4 (62), pt. 1, pp. 43–53. DOI 10.33184/pravgos-2020.4.5.
6. McBride K., Draheim D. On Complex Adaptive Systems and Electronic Government: A Proposed Theoretical Approach for Electronic Government Studies. *The Electronic Journal of e-Government*, 2020, no. 18 (1), pp. 43–53. DOI 10.34190/EJEG.18.1.004.
7. Ablameyko M.S. Legal regulation of building an information society. *Cifrovaya transformatsiya. Osnovnye ponyatiya i terminologiya. Sbornik statej* [Digital transformation. Basic concepts and terminology. Collection of articles]. Minsk, Belarusian Science Publ., 2020, pp. 109–113. (In Russian).
8. Castelnovo W., Sorrentino M. The digital government imperative: a context-aware perspective. *Public Management Review*, 2018, no. 20 (5), pp. 709–725. DOI 10.1080/14719037.2017.1305693.
9. Joseph R.C. A structured analysis of e-government studies: trends and opportunities. *Government Information Quarterly*, 2013, no. 30 (4), pp. 435–440. DOI 10.1016/J.GIQ.2013.05.006.
10. Arnautova A.A. Digitalization of lawmaking activity. *Vek kachestva* = Age of Quality, 2019, no. 2, pp. 32–42. Available at: <http://www.agequal.ru/pdf/2019/219003.pdf>.
11. Anishchenko V.V., Naumenko G.N., Grigyanets R.B., Vengerov V.N. *Razvitie informacionnogo obshchestva v Belarusi* [Development of the information society in Belarus]. Minsk, OIPI NAN Belarusi Publ., 2012. 290 p.
12. Poznyak T.A. Development of e-government in the Republic of Belarus. *Problemy ekonomiki i informacionnyh tekhnologij. Sbornik tezisov dokladov 57-oj nauchnoj konferencii*, BGUIR, Minsk, 19–21 apr. 2021 g. [Problems of Economics and Information Technologies. Collection of abstracts of the 57th scientific conference, BSUIR, Minsk, 19–21 April. 2021]. Minsk, 2021, pp. 228–230. (In Russian).
13. Sergeev S. The e-government development in Belarus: the UN evaluation. *Nauka i innovacii* = The Science and Innovations, 2014, no. 9 (139), pp. 41–44. (In Russian).
14. Bondareva A.M., Savenko T.V. Indicators of the development of the electronic government of Belarus. In Kiriyenko V.V. (ed.). *Mentalitet slavyan i integracionnye processy: istoriya, sovremennost', perspektivy. Sbornik nauchnykh trudov* [The mentality of the Slavs and integration processes: history, modernity, prospects. Collection of scientific papers]. Sukhoi State Technical University of Gomel, 2021, pp. 101–103. (In Russian).

15. Ткалич Т.А. Анализ развития национального сегмента цифровой экономики и информационного общества Республики Беларусь / Т.А. Ткалич // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации : РИНТИ – 2018 : XVII Междунар. конф., 20 сент. 2018 г. / [науч. ред.: А.В. Тузиков, Р.Б. Григянец, В.Н. Венгеров]. – Минск, 2018. – С. 46–53.

16. Бабосов Е.М. Дихотомия моделей мироустройства в XXI веке / Е.М. Бабосов // Беларуская думка. – 2011. – № 10. – С. 66–70.

15. Tkach T.A. Analysis of the development of the national segment of the digital economy and information society of the Republic of Belarus. In Tuzikov A.V., Grigyanets R.B., Vengerov V.N. (eds). *Razvitie informatizatsii i gosudarstvennojsistemynauchno-tekhnicheskoinformacii: RINTI – 2018. XVII Mezhdunarodnaya konferenciya, 20 sentyabrya 2018 g.* [Development of informatization and the state system of scientific and technical information: RINTI – 2018. XVII International Conference, September 20, 2018]. Minsk, 2018, pp. 46–53. (In Russian).

16. Babosov E.M. Dichotomy of World Order Models in the 21st Century. *Belaruskaya dumka* = Belarusian thought, 2011, no. 10, pp. 66–70. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрияшко Марина Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления Барановичского государственного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andryashka Maryna Vasilevna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of General Legal Disciplines and Public Administration, Baranovichi State University.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022; одобрена после рецензирования 18.09.2022; принята к публикации 19.10.2022. The article was submitted 15.08.2022; approved after reviewing 18.09.2022; accepted for publication 19.10.2022.

Научная статья
УДК 342.9
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.5

Original article

АРСЕНТЬЕВА Надежда Анатольевна
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: N-Ars@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-0397-0777>

ARSENTIEVA Nadezhda Anatolyevna
St. Petersburg Institute (Branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia),
St. Petersburg, Russia.

ТРЕТЬЯКОВА Татьяна Олеговна
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: tretyakova-t@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-9234-8132>

TRETYAKOVA Tatiana Olegovna
St. Petersburg Institute (Branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia),
St. Petersburg, Russia.

О ГОСУДАРСТВЕННОМ КОНТРОЛЕ (НАДЗОРЕ) ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ON STATE CONTROL (SUPERVISION) OVER COMPLIANCE WITH LABOR LEGISLATION

Аннотация. Задачи, которые выполняет государственный контроль (надзор) в сфере трудовых правоотношений, на первый план выводят собственно защиту трудовых прав и свобод граждан. В современных государствах, в том числе в Российской Федерации, регулирование государственного контроля (надзора) осуществляется с помощью целостной развитой системы государственных органов, имеющих достаточно широкий объем полномочий. В последние годы Россия столкнулась с целым рядом угроз: и пандемия, и санкционная политика западных государств, что непосредственно отразилось на развитии законодательства в данной сфере. Цель: анализ развития законодательства о государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, в том числе в условиях внешних угроз. Методы: эмпирические, теоретические, частнонаучные. Результаты: проведенное исследование позволило выявить и проанализировать структуру государственных органов в Российской Федерации, осуществляющих государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, их права, полномочия и правовые основы деятельности. В то же время в условиях пандемии коронавирусной инфекции и проводимой санкционной политики западных государств законодательно были изменены некоторые нормы, касающиеся государственного контроля (надзора) в данной сфере.

Ключевые слова: государственный контроль (надзор), трудовое законодательство, санкционная политика, пандемия, трудовые права

Для цитирования: Арсентьева Н.А. О государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства / Н.А. Арсентьева, Т.О. Третьякова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 35–40. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.5.

Abstract. The tasks performed by the state control (supervision) in the field of labor law relations focus on the protection of labor rights and freedoms of citizens. In modern states, including the Russian Federation, the regulation of state control (supervision) is carried out through a coherent and developed system of state bodies with a sufficiently wide scope of powers. In recent years, Russia has faced a number of threats: both the pandemic and the sanctions policy of Western states, which has directly affected the development of legislation in this area. Purpose: to analyze the development of legislation on state control (supervision) over compliance with labor legislation and other regulatory legal acts containing labor law norms, including in the conditions of external threats. Methods: empirical, theoretical, specific scientific methods are used. Results: the study makes it possible to identify and analyze the structure of state bodies in the Russian Federation that exercise state control (supervision) over compliance with labor legislation and other regulatory legal acts containing labor law norms, their rights, powers and legal framework. At the same time, in the context of the coronavirus pandemic and the ongoing sanctions policy of Western states, some norms concerning state control (supervision) in this area have been changed by law.

Keywords: state control (supervision), labor legislation, sanctions policy, pandemic, labor rights

For citation: Arsentieva N.A., Tretyakova T.O. On state control (supervision) over compliance with labor legislation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 35–40. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.5 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Ратифицированная Российской Федерацией в 1998 г. Конвенция МОТ № 81 «Об инспекции труда в промышленности и торговле» (1947) обязывает иметь в стране систему инспекций труда, обеспечивающую соблюдение трудового законодательства, при этом ст. 5 Конвенции оговаривает, что данные инспекции должны быть в структуре государственных органов¹. В результате в Российской Федерации с 2004 г. создана и функционирует федеральная инспекция труда как единая централизованная система надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, тем самым выполняются международные нормы и обеспечиваются нормы о гарантии государственной защиты прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 45 Конституции РФ).

Статья 354 ТК РФ, Постановления Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 324 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по труду и занятости» и от 21 июля 2021 г. № 1230 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» определяют полномочия и структуру федеральной инспекции труда. Так, «государственный контроль (надзор) осуществляется федеральной инспекцией труда, состоящей из Федеральной службы по труду и занятости и ее территориальных органов (государственных инспекций труда)»². Федеральная служба по труду и занятости (Роструд) находится в ведении Министерства труда и социальной защиты РФ³. Установленная законодателем в ст. 355 ТК РФ независимость федеральной инспекции труда от работодателей, их представителей, органов исполнительной власти и органов местного самоуправления подчеркивает значимость мероприятий контрольного (надзорного) характера, которые проводит данная структура.

Порядок проведения проверок и инспектирования работодателей содержат нормы гл. 57 ТК РФ, отдельные нормы КоАП РФ,

Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»⁴, Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»⁵. Определенный в указанных нормативных актах порядок установлен и действует, но с учетом влияния внешних факторов в последние годы в данной сфере правового регулирования произошло достаточно изменений и дополнений, о чем будет сказано далее.

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассмотрим основные характеристики механизма института государственного контроля (надзора) в данной сфере. КоАП РФ устанавливает права государственных инспекторов труда по рассмотрению дел об административных правонарушениях (ч. 1, 3, 4, 6 ст. 5.27, ч. 1–4 ст. 5.27.1, ст. 5.28–5.34, ч. 1 ст. 14.54, ч. 2 ст. 15.33.2, ст. 15.34). Статья 23.12 КоАП РФ в порядке иерархии определила должностных лиц, имеющих право рассматривать такие дела, – от главного государственного инспектора труда РФ и его заместителей до государственных инспекторов труда.

Государственный контроль (надзор) осуществляется посредством проведения инспекционного визита, рейдового осмотра, документарной и выездной проверок, по результатам которых государственным инспектором труда выдается обязательное для исполнения работодателем предписание⁶.

Периодичность плановых проверок установлена с учетом риск-ориентированного подхода и зависит от группы риска. Предметом внеплановых проверок является контроль за исполнением ранее вынесенных предписаний об устранении выявленных нарушений, аварийные ситуации, выход из строя сооружений, оборудования, угроза жизни и здоровью работников или жалобы, информация о нарушении прав и интересов работников.

1 Об инспекции труда в промышленности и торговле: Конвенция МОТ № 81 (принята в г. Женеве 11.07.1947 на 30-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 50.

2 Собрание законодательства РФ. 2021. № 30, ст. 5804.

3 Об утверждении Положения о Федеральной службе по труду и занятости: постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 324 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 28, ст. 2901.

4 Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1), ст. 6249.

5 Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. № 31 (ч. 1), ст. 5007.

6 Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права: постановление Правительства РФ от 21.07.2021 № 1230 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 30, ст. 5804.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Остановимся на некоторых проблемах в данной сфере правового регулирования. Так, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ должностные лица не вправе проводить проверку при отсутствии руководителя организации или ее уполномоченного представителя, что в практической действительности случается часто, а отсутствие непосредственного работодателя не способствует эффективности контрольно-надзорных мероприятий. Также нередко ситуации, когда работодатели несвоевременно предоставляют инспектору требуемые для проверки документы, что можно расценивать как воспрепятствование осуществлению контрольных мероприятий.

А.В. Контарев и О.В. Дербина обращают внимание еще на одну проблему – нечеткость в процедуре документирования выявленных в ходе проверки нарушений: ч. 1 ст. 28.5 КоАП РФ предписывает составлять протокол об административных правонарушениях незамедлительно после выявления правонарушения, но выявленные нарушения в ходе проверки отражаются в акте проверки, который готовится по ее окончании [1, с. 16].

Еще один вопрос связан с объемом полномочий должностных лиц. Согласно приказу Роструда от 2 сентября 2015 г. № 238 «Об утверждении Перечня должностных лиц Федеральной службы по труду и занятости и ее территориальных органов, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях» инспектор не вправе составлять протоколы на юридических лиц⁷. Такими полномочиями обладают должностные лица не ниже главного государственного инспектора труда, что также снижает эффективность привлечения правонарушителей к ответственности.

ОБРАЩЕНИЕ В ФЕДЕРАЛЬНУЮ ИНСПЕКЦИЮ ТРУДА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ РАБОТНИКОВ

В целом защита прав работников посредством обращения в Федеральную инспекцию труда – один из самых распространенных способов защиты трудовых прав, что обосновывается действенностью принимаемых мер и гарантированностью их исполнения. В статистике обращений в Государственную инспекцию труда по Санкт-Петербургу на первом месте увольнения 13 972 (34 %), ненамно-

го отстает заработная плата 13 367 (33 %), и это две преобладающие причины обращений. А вот, например, обращения по поводу ответственности работодателя занимают всего 3 % – 1039 обращений⁸.

Неудивительно, что увольнения и заработная плата, в частности ее невыплата, задержка по выплате, – самые частые причины обращений, ведь и в настоящее время достаточно недобросовестных работодателей, а размер невыплат достигает серьезных масштабов. Примером может служить обращение в Государственную инспекцию труда в г. Москве работников ООО «МОСПРОМСТРОЙ-М» о невыплате заработной платы. В ходе контрольно-надзорных мероприятий инспекцией труда было вынесено предостережение компании ООО «МОСПРОМСТРОЙ-М» о недопустимости нарушения трудового законодательства Российской Федерации в части оплаты труда. В результате принятых мер выявленная задолженность за январь – март 2022 г. перед работниками ООО «МОСПРОМСТРОЙ-М» в размере свыше 175 000 000 руб. была выплачена в полном объеме⁹. И таких случаев по стране достаточное количество.

Статистика по отдельному региону в целом отражает и ситуацию по стране. По Российской Федерации самые популярные темы обращений: задержка зарплаты, невыплата расчета при увольнении, иные нарушения трудовых прав, незаконные увольнения, удержания из заработной платы¹⁰.

Отчасти решить проблему должен принятый Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 402-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве»», который предоставил государственным инспекторам труда право принимать решение о принудительном исполнении обязанности работодателя по выплате начисленной, но не выплаченной работнику в установленный срок заработной платы¹¹. Данная норма в дальнейшем была отражена в ст. 360.1 ТК РФ.

Таким образом, с 2019 г. полномочия федеральной инспекции труда расширились в части

8 Количество вопросов и обращений по разделам трудового законодательства по состоянию на 31 мая 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://онлайн-инспекция.рф/statistics> (дата обращения: 02.06.2022).

9 Восстановлены права работников ООО «МОСПРОМСТРОЙ-М» [Электронный ресурс]. URL: <https://git77.rostrud.gov.ru/news/1123392.html> (дата обращения: 01.06.2022).

10 Обзор обращений граждан, поступивших в Федеральную службу по труду и занятости за I полугодие 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rostrud.gov.ru/room/obrashcheniya-grazhdan/obzor-obrashcheniy/2022/1%20полугодие%202022/> (дата обращения: 01.08.2022).

11 Собрание законодательства РФ. 2019. № 49 (ч. V), ст. 6961.

7 Российская газета. 2015. № 223.

зыскания с работодателя задолженности перед работниками по заработной плате и иным выплатам в рамках трудовых отношений. Ранее полномочия по принуждению работодателя к выплате задолженности были только у суда, а теперь они появились и у государственной инспекции труда в рамках проведения проверок.

Инспектор по труду, выявляя наличие задолженности перед работниками по заработной плате, выносит предписание об устранении данного нарушения в определенный срок. При неустранении нарушения принимается решение о принудительном исполнении обязанности по выплате задолженности работникам. Если же работодатель не исполнит решение инспектора по труду, копия решения направляется в службу судебных приставов, которые, в свою очередь, возбуждают исполнительное производство.

Некоторые исследователи считают, что такие коррективы положительно повлияли на оперативность решения вопроса о выплате задолженной заработной платы, поскольку сам процесс выплат стал проще и быстрее, так как теперь он происходит во внесудебном порядке. Иные придерживаются мнения, что новые полномочия федеральной инспекции труда являются дублированием полномочий судов и при обжаловании действий инспектора вопрос о реализации решения проблемы растягивается на больший срок по сравнению с рассмотрением такого дела судом.

На наш взгляд, значимость данных изменений не стоит преувеличивать с точки зрения защиты прав работников, ведь для работодателей и ранее существовали меры ответственности за удержание заработной платы, как с позиции материальной ответственности, так и с позиции административной.

Тем не менее, следует согласиться с мнением, что, несмотря на дискуссионность этих нововведений, необходимо с уверенностью утверждать о положительной тенденции развития трудового законодательства по увеличению защитных процедур работников о вопросе своевременной выплаты заработной платы [2, с. 799].

А.А. Благовестникова обратила внимание еще на одну проблему – недостаточность штатного состава инспекции – и в целях повышения эффективности работы трудовой инспекции предложила проведение совместных проверок с профсоюзными инспекциями, выразив мнение, что это усилит правовое положение профессиональных союзов, будет способствовать более эффективному осуществлению защиты трудовых прав [3, с. 57].

Еще одна проблема в данной сфере правового регулирования в причинной основе сво-

ей имеет традиционное деление проверок на плановые и внеплановые, что играет на руку недобросовестным работодателям. Кроме того, согласимся, что применяемая с 2016 г. мера по установлению моратория на проведение плановых проверок работодателей, относящихся к малому и среднему бизнесу, не отнесенных к высокой категории риска, которые не привлекались к административной ответственности за грубые нарушения закона в течение последних трех лет, не всегда способствует соблюдению законодательства работодателями [4, с. 94].

В этой связи некоторые авторы акцентируют внимание на том, что согласно п. 2 ст. 9 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ плановые проверки не должны проводиться чаще одного раза в три года, что противоречит ст. 16 Конвенции МОТ № 81, предусматривающей, что «предприятия должны проверяться так часто и тщательно, как это необходимо для обеспечения эффективного применения указанных мер» [5, с. 76].

Сложность данной проблемы состоит также в том, что законодательство или правоприменительная практика приоритетными считают защиту прав предпринимателей перед нормами трудового законодательства, что ослабляет эффективность защиты трудовых прав работников, даже угрожает жизни и здоровью людей, и не способствует социально-экономическому развитию государства.

В России применяется риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности в сфере труда, что предполагает разделение работодателей в зависимости от группы риска – высокий или низкий, – как правило, в сфере безопасности и гигиены труда. Группа риска является основанием для количества и периодичности проводимых проверок. Так, в России максимальное количество проверок по фактору риска для плановых проверок составляет: высокая группа риска – раз в 2 года, значительная – раз в 3 года, средняя – не чаще чем раз в 5 лет, умеренная – не чаще чем раз в 6 лет, низкая – плановые проверки не проводятся¹². При этом риск-ориентированный подход предполагает использование большего числа профилактических мероприятий, что, безусловно, является позитивным моментом.

За последние годы Российская Федерация столкнулась с целым рядом серьезных внешних угроз: пандемия, санкционное давление западных стран. Все это отразилось и на соци-

¹² О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 16.02.2017 № 197 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 9, ст. 1361.

ально-экономическом развитии нашего государства, и на благополучии предпринимателей и простых граждан. Руководством страны за последние годы был предпринят комплекс мер, защищающих экономику, бизнес, граждан от этих негативных факторов.

Так, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» федеральная инспекция труда с целью снижения нагрузки на бизнес в условиях внешних санкций не будет проводить плановые проверки до конца 2022 г.¹³ При этом поступившая информация о фактах угрозы причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан по-прежнему будет являться основанием для применения по согласованию с органами прокуратуры необходимых мер инспекторского реагирования.

Отметим, что в современных условиях при осуществлении контрольно-надзорной деятельности в сфере труда активно применяются меры профилактического воздействия на работодателей: профилактические визиты в организации, консультационная поддержка работодателей, разъяснительно-рекомендательная работа по вопросам соблюдения трудового законодательства.

Например, представители Государственной инспекции труда в Республике Башкортостан в рамках осуществления государственного надзора за соблюдением трудового законодательства посетили с профилактическим визитом девять организаций. Новая мера профилактики нарушений трудовых прав была применена в отношении предприятий в рамках исполнения Постановления Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336, отменившего предусмотренные на 2022 г. плановые проверки. Заменить их профилактическими мероприятиями позволяет Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», в соответствии с которым акцент с проверок подконтрольных субъектов (в частности, работодателей) смещается на профилактику и предупреждение нарушений.

В сферу внимания Государственной инспекции труда в Республике Башкортостан попали девять предприятий, относящихся к разным сферам деятельности, объединяет их то, что все они были включены в план проверок на 2022 г. в связи с произошедшими фактами тяжелого и смертельного производственного травматизма: АНО «Хоккейно-спортивный

клуб «Торос»», ООО «НПО Мелеуз», ООО «Башкирское экологическое сотрудничество «Союз»», ООО УК «Новиковка», ООО Крестьянское хозяйство «Урожай», ГАУ Центр компетенции Республики Башкортостан по коневодству и конному спорту «Акбузат», ООО «Эколайн», ГБПОУ Башкирский аграрно-технологический колледж и ООО «Водоканал» (Мелеуз)¹⁴.

Помимо требований охраны труда, соблюдение которых позволяет предотвратить несчастные случаи, работодателям были разъяснены и другие вопросы, поднимаемые в ходе плановых проверок, а также рассмотрены типичные нарушения трудовых прав работников в различных отраслях экономики. Так, спортивному клубу было указано на недопустимость понуждения сотрудников к оформлению отпусков без сохранения заработной платы в период межсезонного отдыха; образовательному учреждению – на неправомерность привлечения сотрудников к работе, не обусловленной трудовым договором.

В данной ситуации, в условиях сильного внешнего давления, считаем, что принятые Правительством РФ меры по приостановке плановых проверок положительно повлияют на экономику страны. Однако не стоит забывать о приоритетности защиты трудовых прав работников.

Отметим также, что при осуществлении контрольно-надзорной деятельности в сфере труда так же, как и в иных сферах государственного управления, ускорились процессы цифровизации [6, с. 225], а «цифровизация деятельности государственных инспекторов труда и работодателей – одно из приоритетных направлений реформы надзорной деятельности» [7, с. 79].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, созданная в Российской Федерации с 2004 г. федеральная инспекция труда, как единая централизованная система надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, обеспечивает соблюдение норм о гарантиях государственной защиты прав и свобод человека и гражданина. На законодательном уровне установлены права, полномочия и правовые основы деятельности федеральной инспекции труда, которые на практике могут быть скорректированы в зависимости от внутренней и внешней политической ситуации.

¹⁴ С профилактическим визитом – в девять организаций [Электронный ресурс]. URL: <https://git03.rostrud.gov.ru/news/1129917.html> (дата обращения: 01.06.2022).

¹³ Собрание законодательства РФ. 2022. № 11, ст. 1715.

Список источников

1. Контарев А.В. Государственная инспекция труда как субъект государственного контроля (на примере Вологодской области) / А.В. Контарев, О.В. Дербина // *Ius Publicum et Privatum*. – 2020. – № 4 (9). – С. 14–17.
2. Фомин В.И. Деятельность государственных инспекций труда по вопросам соблюдения законодательства об оплате труда / В.И. Фомин // *Эволюция российского права : материалы XIX Международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 29–30 апр. 2021 г. / Уральский государственный юридический университет*. – Екатеринбург, 2021. – С. 794–800.
3. Благовестникова А.А. Вопросы повышения эффективности деятельности инспекций труда в субъектах Российской Федерации (на примере государственной инспекции труда в Костромской области) / А.А. Благовестникова // *Достижения науки и образования*. – 2018. – № 15 (37). – С. 57–58.
4. Лютов Н.Л. Трудовые инспекции в постсоветских государствах: деградация ради мифа об экономической эффективности? / Н.Л. Лютов // *Актуальные проблемы российского права*. – 2019. – № 12 (109). – С. 92–106. – DOI 10.17803/1994-1471.2019.109.12.092-106.
5. Иванина К.В. Некоторые проблемы осуществления надзора за соблюдением трудовых прав работников государственной инспекцией труда / К.В. Иванина // *Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России : материалы XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей, Саратов, 16 апр. 2020 г. – Саратов : Саратовский источник, 2020. – С. 74–77.*
6. Сайфутдинова В.М. Государственное управление и цифровизация / В.М. Сайфутдинова // *Актуальные вопросы развития государственности и публичного права : материалы VII международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 сент. 2021 г. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. – С. 224–228. – DOI 10.47645/9785604572849.224.*
7. Сапфинова А.А. Проблемы обращения работников за защитой трудовых прав в федеральную инспекцию труда и исполнения предписаний государственных инспекторов труда / А.А. Сапфинова // *Теория и практика общественного развития*. – 2018. – № 7 (125). – С. 78–81. – DOI 10.24158/tipor.2018.7.12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Арсентьева Надежда Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

Третьякова Татьяна Олеговна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arsentieva Nadezhda Anatolyevna – Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of the Department of Administrative and Financial Law, St. Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);

Tretyakova Tatiana Olegovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Administrative and Financial Law, St. Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 19.10.2022; принята к публикации 19.10.2022. The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 19.10.2022; accepted for publication 19.10.2022.

References

1. Kontarev A.V., Derbina O.V. State labor inspectorate as a subject of state control (on the example of the Vologda Region). *Ius Publicum et Privatum*, 2020, no. 4 (9), pp. 14–17. (In Russian).
2. Fomin V.I. Activities of state labor inspectorates on compliance with legislation on wages. *Evoluciya rossijskogo prava. Materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh i studentov*, Ekaterinburg, 29–30 apr. 2021 g. [Evolution of Russian law. Proceedings of the XIX International Scientific Conference of Young Scientists and Students, Yekaterinburg, April 29–30. 2021]. Yekaterinburg, 2021, pp. 794–800. (In Russian).
3. Blagovestnikova A.A. Issues of Improving the Efficiency of Labor Inspection Activities in the Subjects of the Russian Federation (on the Example of the State Labor Inspectorate in the Kostroma Region). *Dostizheniya nauki i obrazovaniya = Achievements of science and education*, 2018, no. 15 (37), pp. 57–58. (In Russian).
4. Lyutov N.L. Labor inspections in post-Soviet states: degradation for the sake of the myth about economic efficiency? *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 12 (109), pp. 92–106. DOI 10.17803/1994-1471.2019.109.12.092-106. (In Russian).
5. Ivanina K.V. Some problems of supervision over observance of labor rights of employees by the state labor inspectorate. *Aktual'nye problemy pravovogo, social'nogo i politicheskogo razvitiya Rossii. Materialy XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, magistrantov, aspirantov, soiskatelej*, Saratov, 16 aprelya 2020 g. [Actual problems of legal, social and political development of Russia. Materials of the XIII International scientific and practical conference of students, undergraduates, graduate students, applicants, Saratov, April 16, 2020]. Saratov, Saratovskij istochnik Publ., 2020, pp. 74–77. (In Russian).
6. Saifutdinova V.M. Public administration and digitalization. *Aktual'nye voprosy razvitiya gosudarstvennosti i publicnogo prava. Materialy VII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Sankt-Peterburg, 30 sentyabrya 2021 g. [Topical issues of the development of statehood and public law. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, September 30, 2021]. Saint Petersburg, 2021, pp. 224–228. DOI 10.47645/9785604572849.224. (In Russian).
7. Sapfirova A.A. The problem of the employees' appeal to the federal labor inspectorate to protect their labor rights and the enforcement of state labor inspectors' regulations. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2018, no. 7 (125), pp. 78–81. DOI 10.24158/tipor.2018.7.12. (In Russian).

Научная статья
УДК 369.01
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.6

Original article

АРУТЮНЯН Марина Самвеловна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: marina.aroehka@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-7940-1020>

ARUTYUNYAN Marina Samvelovna
Ufa University of Science and Technologies, Ufa,
Russia.

КУРБАНОВ Дени Абасович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: kurbanov.d.1957@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-2899-4978>

KURBANOV Denis Abasovich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa,
Russia.

ХИСМАТУЛЛИН Оливер Юрьевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: tekwin@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-3666-113X>

HISMATULLIN Oliver Yurievich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa,
Russia.

КОНЦЕПЦИЯ ЦЕЛОСТНОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА СОЗДАНИЯ ФОНДА ПЕНСИОННОГО И СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ: ОТ ИДЕИ ДО ВОПЛОЩЕНИЯ

THE CONCEPT OF AN INTEGRATED SOCIAL SUPPORT
SYSTEM AS A PREREQUISITE FOR THE ESTABLISHMENT
OF THE PENSION AND SOCIAL INSURANCE FUND: FROM IDEA TO IMPLEMENTATION

Аннотация. Реализация концепции деятельности «социального казначейства» посредством формирования единого фонда социального обеспечения в России в настоящее время находит свое воплощение путем создания Фонда пенсионного и социального страхования. Объективно указанная трансформация государственных внебюджетных фондов невозможна без соответствующей нормативно-правовой базы, основой которой является принятый 14 июля 2022 г. Федеральный закон № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации»². Цель: анализ перспектив централизации системы государственного управления социальными выплатами, оценка последствий внедрения такого механизма с частноправовой и государственной (публичной) позиций. Методы: эмпирические, теоретические, частнонаучные. Результаты: проведенное исследование позволило проследить эволюцию идеи и предпосылки создания единой системы социального обеспечения, оценить перспективы дальнейшего совершенствования механизма реализации социальной функции государства.

Ключевые слова: Фонд пенсионного и социального страхования РФ, социальное обеспечение, социальные функции государства

Abstract. The implementation of the concept of «social treasury» through the formation of a single social security fund in Russia is currently being realized through the creation of the Pension and Social Insurance Fund. Objectively, this transformation of state extra-budgetary funds is impossible without an appropriate regulatory framework, the basis of which is Federal Law No. 236-FZ «On the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation», adopted on July 14, 2022. Purpose: to analyze the prospects for the centralization of the system of public administration of social benefits, to assess the consequences of the introduction of such a mechanism from private law and state (public) positions. Methods: empirical, theoretical, specific scientific methods. Results: the conducted research allows us to trace the evolution of the idea and prerequisites for the creation of a unified social security system, to assess the prospects for further improvement of the mechanism for implementing the social function of the state.

Keywords: Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation, social security, social functions of the state

© Арутюнян М.С., Курбанов Д.А., Хисматуллин О.Ю., 2022

2 О принятии в первом чтении проекта федерального закона № 201615-8 «О бюджете Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов»: постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.10.2022).

Для цитирования: Арутюнян М.С. Концепция целостной системы социальной поддержки как предпосылка создания Фонда пенсионного и социального страхования: от идеи до воплощения // М.С. Арутюнян, Д.А. Курбанов, О.Ю. Хисматуллин // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 41–46. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.6.

Для цитирования: Arutyunyan M.S., Kurbanov D.A., Hismatullin O.Yu. The concept of an integrated social support system as a prerequisite for the establishment of the Pension and Social Insurance Fund: from idea to implementation. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 41–46. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.6 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы совершенствования системы социальной защиты населения имеют в российской правовой науке достаточно длительную историю [1, с. 67–68]. О необходимости концептуального реформирования существующей в России системы социального страхования было заявлено главой Счетной палаты РФ Т. Голиковой еще в 2017 г. По ее мнению, система социального страхования представлена не только Фондом обязательного медицинского страхования (ФОМС), а объединяет все государственные внебюджетные фонды. На тот период рассматривалось предложение о снижении общей ставки по всем страховым взносам с 30 до 22 %, а компенсация выпадающих доходов бюджетной системы планировалась с одновременным эквивалентным повышением ставки налога на добавленную стоимость¹. Низкая эффективность существующей системы широко обсуждалась на фоне снижения объема сбора соответствующих платежей, проблем администрирования взносов налоговыми органами. Кроме прочего, широкий резонанс вызвали произведенные выплаты должностным лицам ФОМС на улучшение жилищных условий².

ФОРМИРОВАНИЕ В РОССИИ АКТУАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОЙ ПРАВОВОЙ БАЗЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

20 мая 2022 г. зарегистрирован и направлен Председателю Государственной Думы законопроект № 127389-8 «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» (далее – ФПиСС РФ). В пояснительной записке к законопроекту необходимость принятия данного правового акта обоснована рядом обстоятельств. Прежде всего, неактуальностью

существующей правовой основы деятельности механизма финансирования расходов на пенсионное и социальное обеспечение граждан, которая представлена Положением о Пенсионном фонде РФ (далее – ПФР), утвержденным Постановлением Верховного Совета РФ от 27 декабря 1991 г. № 2122-1, и Положением о Фонде социального страхования Российской Федерации (далее – ФСС РФ), утвержденным Постановлением Правительства РФ от 12 февраля 1994 г. № 101. Разумеется, с момента принятия в данные акты практически ежегодно вносились изменения и дополнения, поскольку после вступления их в силу произошла смена подхода к выстраиванию механизма реализации социальных функций государства, что обусловлено политической и экономической трансформацией общества и государства, цифровизацией и инновационным подходом к коммуникации в сфере государственных услуг [2, с. 59].

В связи с указанным объединение функций фондов в рамках одной организации многими исследователями представляется логичным и обоснованным решением, которое может способствовать упрощению механизма учета и отчетности, снижению затрат на финансовое обеспечение деятельности и соответствующую экономию средств.

Реорганизацию ПФР и его территориальных органов в форме присоединения к нему ФСС РФ (с территориальными органами) планируется осуществить с 1 января 2023 г. Универсальное правопреемство в этом случае будет охватывать не только имущественные и договорные отношения, но также обеспечит права работников фондов, которым гарантируется смена работодателя без установления испытательного срока и аттестации на профессиональную пригодность.

Хотя основная цель создания объединенного фонда заключалась в формировании адекватной современным реалиям правовой базы, в пояснительной записке к законопроекту указано, что существующие правовые акты, в том числе акты фондов, сохраняют свое действие до принятия новых документов [3, с. 158]. Таким образом, обновление законодательства будет осуществляться постепенно в процессе функ-

¹ Голикова предложила объединить ФФОМС, ФСС и ПФР [Электронный ресурс]. URL: <https://vademec.ru/news/2017/06/02/golikova-predlozhila-obedinit-ffoms-fss-i-pfr/> (дата обращения: 22.09.2022).

² Фонд ОМС потратил 45 млн рублей на жилье для сотрудников [Электронный ресурс]. URL: <https://vademec.ru/news/2017/06/02/ffoms-potratil-45-mln-rublej-na-zhile-sotrudnikov/> (дата обращения: 22.09.2022).

ционирования ФПиСС РФ и с учетом опыта деятельности объединенного фонда.

На проект закона было направлено два положительных отзыва – Постановление Народного собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики от 26 мая 2022 г. и Решение президиума Парламента Кабардино-Балкарской Республики от 2 июня 2022 г. № 312-П, а также положительное заключение Счетной палаты РФ от 30 мая 2022 г. № ЗСП-45/12-01, в котором, однако, отмечается, что в тексте проекта недостаточно детально определены полномочия органа управления ФПиСС РФ – Наблюдательного совета, некорректно определен правовой статус работников фонда, в частности по содержанию социальных гарантий, что фактически приводит к смещению возникающих правоотношений в плоскость государственной службы.

В ходе обсуждения проекта закона в третьем чтении были высказаны некоторые замечания. Так, представитель фракции КПРФ А.В. Куринный напомнил, что совокупный бюджет фондов составит более 12 трлн руб., 2/3 которых формируются за счет взносов граждан, и заявил, что законопроекты партией не поддерживаются в части объединения фондов в связи с ростом налоговой нагрузки, который будет вызван увеличением базы по взносам на социальное страхование. Кроме того, по мнению партии, заявленная оптимизация функций фондов в рамках их объединения не будет эффективной, так как проектом прямо запрещено сокращать штатные должности (порядка 130 тыс. работников) существующих самостоятельных фондов. Таким образом, в объединенном фонде выполняемые функции будут дублироваться существующим сегодня персоналом. Увеличение расходов на финансирование фондов сопряжено и с проходящей цифровизацией и информатизацией деятельности. Кроме того, существующие сегодня особые социальные гарантии отдельным категориям работников фондов регулируются корпоративными актами фондов, содержание которых не раскрыто для свободного доступа и вызывает дополнительные расходы средств фондов.

Фракция ЛДПР (Я.Е. Нилов) заявила о поддержке законопроекта и о том, что необходимость объединения фондов поддерживалась фракцией еще более 10 лет назад. Среди ожидаемых положительных результатов объединения – снижение бюрократической нагрузки на работодателей, увеличение сумм пособий по временной нетрудоспособности за счет повышения налогооблагаемой базы, поэтапное повышение сумм пособий по уходу за детьми

и др. Сохранение самостоятельности ФОМСа рассматривается положительно, как и намерение перейти к прямому государственному финансированию медицинского обеспечения и ликвидации страховой медицины в России. Оптимизация позволит высвободить помещения для их использования в социальных целях, размещения организаций инвалидов, обеспечения досуга лицам пенсионного возраста и т. п. (хотя в условиях сохранения численности работников объединенного фонда появляются сложности с определением рабочих мест)³.

«Справедливая Россия» (А.А. Кузнецов) высказала позицию, что фонды – посредники. Было отмечено, что, к сожалению, расчетов сумм экономии средств не было представлено. Сегодня существуют самостоятельные цифровые платформы, обслуживающие деятельность фондов, на разработку и внедрение которых были потрачены значительные средства. Объединение фондов вызовет необходимость разработки новых программных ресурсов, что непродуктивно.

В связи с принятием закона о ФПиСС РФ не потребуется признать утратившими силу иные федеральные законы, их действие не будет приостановлено. В то же время на Минтруд возложена обязанность внести изменения в 75 федеральных законов, большая часть которых, впрочем, касается редактирования наименования фонда.

Комитет по бюджету и налогам Государственной Думы РФ по результатам рассмотрения проекта закона рекомендовал его к принятию в первом чтении в связи с тем, что в результате на отношения, связанные с формированием, распределением и использованием средств на пенсионное и социальное обеспечение, будет в полной мере распространяться бюджетное законодательство, включая механизм казначейского кассового обслуживания.

В заключении Комитета по вопросам семьи, женщин и детей в качестве главного положительного результата принятия законопроекта указано предусмотренное расширение круга лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, за счет распространения соответствующих гарантий на лиц, выполняющих работы, оказывающих услуги и реализующих товары на основании гражданско-правовых договоров. Фактически произойдет уравнивание правового положения

³ Законопроект № 127389-8 «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/127389-8> (дата обращения: 27.09.2022).

работников и указанных граждан в сфере социального обеспечения, что значительно упростит соответствующее администрирование в рамках действия механизма «одного окна». Данные меры будут способствовать более широкому применению принципа «социального казначейства», в том числе в рамках функционирования Единой государственной информационной системы социального обеспечения⁴.

Комитет Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов в заключении на проект закона отметил некорректность формулировки организационно-правовой формы создаваемого ФПиСС РФ, которая в соответствии с предусмотренными ГК РФ характеристиками юридических лиц в большей степени соответствует учреждению. Обращено внимание на необходимость более детального регулирования имущественных прав (на земельные участки, на информационные системы, на состав страховых взносов и порядок их актуарного оценивания), на некорректное регулирование статуса работников фонда в части учета стажа работы для целей пенсионного обеспечения.

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНА

В процессе обсуждения инициатив рассматривались различные варианты возможной организационно-правовой формы объединенного фонда. Так, с учетом замечаний комитетов и Правового управления Государственной Думы законопроектом № 126990-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵ (сопутствующие изменения ст. 9.1 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» указанием на такой тип государственного учреждения, как государственный внебюджетный фонд. В данном аспекте наибольшие опасения высказывались в части исключения возможности субсидиарной ответственности государства по обязательствам фонда [4, с. 115]. В этой связи одной из наиболее подходящих правовых конструкций является общественно полезный фонд, положениями о котором нор-

мы ГК РФ дополнены Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации», внесены изменения в существовавшую систему организационно-правовых форм юридических лиц в части некоммерческих унитарных организаций [5, с. 282]. В соответствии с ч. 1 ст. 123.18 данного закона учредители фонда не имеют имущественных прав в отношении созданного ими фонда и не отвечают по его обязательствам, что в целом соответствует общей концепции правовой конструкции юридического лица, но фактически исключает ответственность учредителя – государства.

Однако с учетом критических замечаний и широкого общественного резонанса инициативы не были реализованы, и в соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» новый объединенный фонд будет создан в организационно-правовой форме государственного учреждения (ст. 123.21 ГК РФ), и по обязательствам, не исполненным самим учреждением в соответствии с ч. 4 ст. 123.21 ГК РФ, возможно привлечение к субсидиарной ответственности собственника имущества (учредителя).

Высказываются мнения о возможных негативных налоговых последствиях инициативы объединения фондов. В частности, Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 239-ФЗ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 18 и 19 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения»» положения налогового законодательства приводятся в соответствие с требованиями применительно к вновь образуемому фонду. Определены новые размеры тарифов страховых взносов, подлежащих взысканию с 1 января 2023 г. Начиная с 2023 г. устанавливается единый тариф страховых взносов (на обязательное пенсионное страхование, на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, на обязательное медицинское страхование) в следующих единых размерах:

1) в пределах установленной единой предельной величины базы для исчисления страховых взносов – 30 %;

2) свыше установленной единой предельной величины базы для исчисления страховых взносов – 15,1 %.

4 Законопроект № 127389-8 «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/127389-8> (дата обращения: 27.09.2022).

5 Проект Федерального закона № 126990-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 19.05.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126990-8> (дата обращения: 22.07.2022).

Для плательщиков страховых взносов, производящих выплаты и иные вознаграждения в пользу прокуроров, сотрудников Следственного комитета РФ, судей федеральных судов, мировых судей, тарифы страховых взносов в отношении указанных выплат начиная с 2023 г. устанавливаются в следующих размерах:

1) на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством в пределах установленной единой предельной величины базы для исчисления страховых взносов – 2,9 %;

2) на обязательное медицинское страхование – 5,1 %.

Плательщики страховых взносов, производящие выплаты и иные вознаграждения в пользу прокуроров, сотрудников Следственного комитета РФ, судей федеральных судов, мировых судей, страховые взносы на обязательное пенсионное страхование с указанных выплат не исчисляют.

В аспекте трудовых правоотношений ожидается снижение количества отчетных документов, но отчитываться придется в том числе о лицах, заключивших со страхователем договоры гражданско-правового характера. Необходимы изменения и других правовых актов.

В качестве основных положительных последствий объединения фондов прогнозируется увеличение к 2025 г. максимальных размеров пособий в следующих пределах:

– пособие по уходу за ребенком составит 57,4 тыс. руб. (при действующей модели – 37,9 тыс. руб.). Оно выплачивается в размере 40 % от средней зарплаты, но не больше страхового заработка;

– пособие по беременности и родам (за 140 календарных дней) составит 660,9 тыс. руб. (при действующей модели – 435,9 тыс. руб.);

– пособие по временной нетрудоспособности при стаже 8 и более лет составит 143,5 тыс. руб. (по действующей модели – 94,7 тыс. руб.), при стаже от 5 до 8 лет – 114,8 тыс. руб. (по действующей модели – 75,7 тыс. руб.), при стаже до 5 лет – 86,1 тыс. руб. (при действующей модели – 56,8 тыс. руб.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Совершенствование институтов социального государства [6] в современных условиях проявляется в том числе в активной деятельности по обеспечению практической реализации закона и формированию объединенного фонда. В частности, как сообщил министр труда и социальной защиты России А.О. Котяков, апробирована процедура «бесшовного перехода» для граждан от деятельности существующих самостоятельных фондов к единому объединенному фонду, целью которой является организация работы клиентских служб по всем видам мер социальной поддержки (широко известный как «принцип одного окна»), администрируемым сегодня фондами индивидуально⁶.

Реализация закона является значительным шагом на пути внедрения принципиально нового подхода к проактивному (беззаявительному) уведомлению о возможных мерах государственной поддержки и назначению соответствующих выплат в упрощенном порядке, то есть к воплощению «социального казначейства», что в конечном итоге будет способствовать доступности для всех граждан дохода в минимально гарантированном объеме.

⁶ Котяков: заново подавать документы на выплаты после объединения ПФР и ФСС не потребуется [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14838519> (дата обращения: 27.09.2022).

Список источников

1. Великанов С.Е. Институциональное развитие системы социальной защиты в России : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / С.Е. Великанов. – Новочеркасск, 2009. – 164 с.
2. Гирич Е.А. Пенсионный фонд России: история создания, роль в системе пенсионного страхования / Е.А. Гирич, В.К. Печоев // Образование и право. – 2019. – № 12. – С. 59–61.
3. Боброва Д.Н. Обязательное пенсионное страхование в Российской Федерации: социальный эффект / Д.Н. Боброва // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 6 (120). – С. 156–162.
4. Миллер О.С. Трансформация социального страхования как инструмента социальной защиты населения на региональном уровне / О.С. Миллер, Е.А. Морозова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и прогнозные науки. – 2020. – № 5 (1). – С. 113–119.

References

1. Velikanov S.E. Institucional'noe razvitie sistemy social'noj zashchity v Rossii. Avtoref. Kand. Diss. [Institutional development of the system of social protection in Russia. Cand. Diss. Thesis]. Novocherkassk, 2009. 164 p.
2. Girich E.A., Tsechoev V.K. Pension fund of Russia: history of creation, role in pension insurance system. *Obrazovanie i pravo* = Education and Law, 2019, no. 12, pp. 59–61. (In Russian).
3. Bobrova D.N. Mandatory pension insurance in the Russian Federation: social effect. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* = Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics, 2019, no. 6 (120), pp. 156–162. (In Russian).
4. Miller O.S., Morozova E.A. Transformation of Social Insurance as an Instrument of Social Security. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences, 2020, no. 5 (1), pp. 113–119. (In Russian).

5. Яруллин Р.Р. Проблемы и перспективы развития фонда социального страхования РФ / Р.Р. Яруллин, Л.С. Юлмухаметова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2017. – № 5. – С. 281–283.

6. Тимонин А.Н. Социальное государство: к истории концепта / А.Н. Тимонин // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 1. – С. 28–37. – DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2020.1.4>.

5. Yarullin R.R., Yulmukhametova L.S. Problems and prospects of the social insurance fund of the Russian Federation. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* = Economy and Business: Theory and Practice, 2017, no. 5, pp. 281–283. (In Russian).

6. Timonin A.N. Social state: towards the history of the concept. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2020, no. 1, pp. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2020.1.4>. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Арутюнян Марина Самвеловна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса Института права Уфимского университета науки и технологий;

Курбанов Дени Абасович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса Института права Уфимского университета науки и технологий;

Хисматуллин Оливер Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового и экологического права Института права Уфимского университета науки и технологий.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arutyunyan Marina Samvelovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Civil Procedure of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies;

Kurbanov Denis Abasovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Civil Procedure of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies;

Hismatullin Oliver Yurievich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies.

Статья поступила в редакцию 19.10.2022; одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 23.11.2022. The article was submitted 19.10.2022; approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 23.11.2022.

Научная статья
УДК 340
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.7

ПЕСТРИКОВА Анастасия Александровна
Самара, Россия;
e-mail: anastasia801@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-9318-2397>

ХОЛОПОВА Елена Николаевна
Институт управления и территориального
развития Балтийского федерального
университета им. И. Канта,
Калининград, Россия;
e-mail: elchol@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-9077-1348>

Original article

PESTRIKOVA Anastasia Aleksandrovna
Samara, Russia.

KHOLOPOVA Elena Nikolaevna
Institute of Management and Territorial
Development, Immanuel Kant Baltic Federal
University, Kaliningrad, Russia.

РИСКИ ГЕНЕТИЧЕСКОГО РЕДАКТИРОВАНИЯ ГЕНОМА ЧЕЛОВЕКА С УЧЕТОМ РЕКОМЕНДАЦИЙ ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

RISKS OF GENETIC EDITING OF THE HUMAN GENOME, TAKING INTO ACCOUNT
THE RECOMMENDATIONS OF THE WORLD HEALTH ORGANIZATION

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью учета рисков редактирования генома человека (соматического и зародышевой линии) с учетом международных рекомендаций Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), возможностями внедрения такого редактирования в клиническую практику. Потенциальные преимущества редактирования генома человека включают новые стратегии диагностики, лечения и профилактики генетических нарушений, новые способы лечения бесплодия, инновационные способы повышения устойчивости к заболеваниям, вносят вклад в разработку вакцин и расширение знаний о человеческом организме в целом. Вместе с тем редактирование генома человека требует изучения рисков и преимуществ. Цель: анализ возможных рисков редактирования генома человека с учетом международных рекомендаций ВОЗ для формирования условий допустимости генетического редактирования в клиническую практику. Методы: общенаучные (логический, системный, структурно-функциональный, сравнительный, аналогии и моделирования, наблюдения, анализа международных нормативных актов – конвенций, доктрин, договоров, резолюций, деклараций, анализа деятельности ВОЗ на основе размещенной на интернет-сайтах информации), частнонаучные (институциональный, функциональной оценки, дифференцирования), специально-юридические (формально-юридического, сравнительно-правового толкования). Результаты: редактирование (соматическое и зародышевой линии) генома человека обладает существенным потенциалом для человечества и систем здравоохранения, медицины и науки. В Российской Федерации необходимо сформировать законодательные нормы, обеспечивающие возможность применения генетического редактирования с учетом рисков и выгод; обозначить понятие и различие соматического редактирования и редактирования зародышевой линии; закрепить основания ограничений применения генетического редактирования при «серьезном заболевании или расстройстве организма» и «улучшении функций организма»; определить понятие и правовой статус эмбриона и иных субстанций эмбрионального происхождения, а также возможности использования эмбрионов в научных и медицинских целях.

Abstract. The relevance of the study is determined by the need to take into account the risks of human genome editing (somatic and germ-line) taking into account the international recommendations of the World Health Organization (WHO), the possibilities of introducing such editing into clinical practice. Potential benefits of human genome editing include new strategies for diagnosis, treatment and prevention of genetic disorders, new treatments for infertility, innovative ways to increase disease resistance, they contribute to the development of vaccines and the expansion of knowledge about the human body as a whole. However, human genome editing requires examining risks and benefits. Purpose: to analyze the possible risks of human genome editing, taking into account the international recommendations of WHO to form the conditions for the admissibility of genetic editing in clinical practice. Methods: general scientific (logical, systemic, structural-functional, comparative, analogy and modeling, observation, analysis of international regulations: conventions, doctrines, treaties, resolutions, declarations, analysis of WHO activities based on information posted on websites), specific scientific (institutional, functional assessment, differentiation), special legal (formal legal, comparative legal interpretation). Results: human genome editing (somatic and germ-line) has significant potential for humanity and health, medicine and science systems. In the Russian Federation, there is a need to develop legislation to enable the application of genetic editing, taking into account risks and benefits; to define the concept and difference of somatic editing and germ-line editing; to fix the grounds of restrictions of application of genetic editing in «serious disease or disorder of the organism» and «improvement of functions of the organism»; to define the concept and legal status of embryo and other substances of embryonic origin, as well as possibilities of using embryos for scientific and medical purposes.

©Пестрикова А.А., Холопова Е.Н., 2022

Ключевые слова: генетические риски, соматическое редактирование, редактирование зародышевой линии человека, геном, генетическое редактирование, Всемирная организация здравоохранения

Для цитирования: Пестрикова А.А. Риски генетического редактирования генома человека с учетом рекомендаций Всемирной организации здравоохранения / А.А. Пестрикова, Е.Н. Холопова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 47–53. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.7.

Keywords: genetic risks, somatic editing, human germline editing, genome, genetic editing, World Health Organization

For citation: Pestrikova A.A., Kholopova E.N. Risks of genetic editing of the human genome, taking into account the recommendations of the World Health Organization. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 4, pp. 47–53. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.7 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

В 2022 г. были опубликованы первые международные рекомендации ВОЗ по внедрению редактирования (соматического и зародышевой линии) генома человека как одного из способов лечения в системе общественного здравоохранения, исходя из принципов безопасности, эффективности и этики. Отчеты ВОЗ были сформулированы на основе двухлетнего периода работы, в которой принимали участие сотни ученых, исследователей, пациентов, представителей различных религиозных конфессий, общественных организаций и коренных народов со всего мира.

Генеральный директор ВОЗ Тедрос Адхан Гебрейесус¹ обозначил, что «редактирование генома человека потенциально может повысить способность лечить и излечивать болезни, но полное воздействие будет достигнуто только в том случае, если использовать данную технологию на благо всех людей, а не с целью усугубить неравенство между странами и внутри стран» [1, с. 7350].

РЕКОМЕНДАЦИИ ВОЗ

Потенциальные преимущества редактирования генома человека включают более быструю и точную диагностику, целенаправленное лечение и профилактику генетических нарушений. Соматическая генная терапия, включающая модификацию ДНК пациента для лечения или излечения заболевания, сегодня успешно используется для лечения ВИЧ, серповидно-клеточной анемии и транстиретинового амилоидоза. Этот метод может значительно улучшить лечение различных видов рака. Однако существуют некоторые риски, связанные с редактированием зародышевой

линии и наследуемого генома человека, которые изменяют геном человеческих эмбрионов и передаются по наследству последующим поколениям, изменяя черты потомков.

В опубликованных отчетах содержатся рекомендации по управлению и надзору за редактированием генома человека в девяти отдельных областях, включая реестры редактирования генома человека, международные исследования, незаконные, незарегистрированные, неэтичные, небезопасные исследования, аспекты интеллектуальной собственности, образование, расширение прав и возможностей использования генетического редактирования². Рекомендации предлагают системное обеспечение безопасного, эффективного и этичного использования редактирования генома человека, необходимого для мирового сообщества.

В отчетах также представлена новая структура управления в системе ВОЗ, в которой определены конкретные инструменты, сценарии, практические проблемы при осуществлении, регулировании и контроле за исследованиями в области редактирования генома человека. В отдельных приложениях содержатся следующие конкретные рекомендации: проведение клинических испытаний соматического редактирования генома человека при серповидно-клеточной анемии в Западной Африке, использование соматического или эпигенетического редактирования генома человека для повышения спортивных результатов.

Новые доклады ВОЗ³ можно рассматривать как перспективу редактирования генома

¹ WHO expert advisory committee on developing global standards for governance and oversight of human genome editing: report of the sixth meeting, 25–26 March 2021 [Электронный ресурс] // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/who-expert-advisory-committee-on-developing-global-standards-for-governance-and-oversight-of-human-genome-editing-report-of-the-sixth-meeting> (дата обращения: 17.06.2022).

² Expert Advisory Committee on Developing Global Standards for Governance and Oversight of Human Genome Editing [Электронный ресурс] // World Health Organization. URL: https://www.who.int/health-topics/human-genome-editing/expert-advisory-committee-on-developing-global-standards-for-governance-and-oversight-of-human-genome-editing#tab=tab_1 (дата обращения 17.06.2022)

³ Expert Advisory Committee on Developing Global Standards for Governance and Oversight of Human Genome Editing [Электронный ресурс] // World Health Organization. URL: https://www.who.int/health-topics/human-genome-editing/expert-advisory-committee-on-developing-global-standards-for-governance-and-oversight-of-human-genome-editing#tab=tab_1 (дата обращения: 17.06.2022).

с целью минимизации рисков и использования на практике только тех способов, которые научно и практически доказали свои положительные результаты. Важно учитывать, что именно лауреаты Нобелевской премии Дженифер Дудна и Эммануэль Шарпантье – ведущие эксперты по редактированию генома человека на основе CRISPR/Cas, являются общественными защитниками создания нормативно-правовой базы в области редактирования генома, они предложили формирование моральных и этических основ законодательства в области генной инженерии.

РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОГО РЕДАКТИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Технология CRISPR/Cas изменила «ландшафт биомедицинских исследований и генной инженерии» благодаря значительным преимуществам перед альтернативными технологиями ZEN и TALEN, так как появился способ более экономичный, точный и широко применимый для редактирования генома.

Потенциальные области применения технологии CRISPR/Cas включают редактирование генома для лечения моногенетических (например, муковисцидоза), полигенетических и многофакторных заболеваний (например, деменции Альцгеймера), снижения риска полигенетических и многофакторных заболеваний (например, снижения предрасположенности к раку молочной железы и яичников).

Вместе с тем существуют риски при использовании данной технологии редактирования генома человека, что и приводит к дебатам о введении клинического моратория на редактирование наследуемого генома человека. На основе анализа существующих в правовой науке подходов к риску можно сформулировать ряд положений об их сущности применительно к генетическому редактированию: неопределенный, вероятностный характер наступления неблагоприятных последствий. Согласно п. 1 ГОСТ Р 51897-2011/Руководство ИСО 73:2009 «Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Термины и определения» (утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 16 ноября 2011 г. № 548-ст) риск есть следствие влияния неопределенности на достижение поставленных целей, а сама неопределенность – это состояние полного или частичного отсутствия информации, необходимой для понимания события, его последствий и их вероятностей; вероятность причинения вреда жизни или здоровью человека, его интересам

в результате деятельности исследователя; количественная мера опасности, вероятности потерь, негативных последствий.

Предметом многих научных исследований [2, с. 978] является риск, определяемый как нецелевое редактирование генома. Нецелевое редактирование – один из самых опасных рисков при генетическом редактировании, поскольку даже при максимальной точности редактирования избежать последствий, которые станут результатом изменения генома, невозможно, так как могут проявляться нежелательные и даже негативные последствия, влияющие на здоровье или жизнь. При редактировании генома в зиготе или эмбрионе на ранней стадии развития есть вероятность того, что некоторые клетки в полученном организме не будут иметь желаемого редактирования, что связано с генетическим мозаицизмом. Наличие двух или более различных генетических наборов клеток в организме может привести к проблемам со здоровьем [3, с. 307]. Также некоторые гены, которые вызывают серьезные генетические заболевания, обеспечивают их носителям защиту от инфекционных заболеваний (например, наследование генов от обоих родителей неизменно приводит к заболеванию серповидно-клеточной анемией, однако наследование гена от одного родителя приводит к появлению естественного иммунитета от малярии) [1, с. 7350].

Следует отметить, что в настоящее время знания о генах человека, генетических вариациях и взаимодействиях между генами и окружающей средой все еще ограничены, поэтому невозможно гарантировать, что будут выбраны подходящие гены для проведения генетического редактирования с максимальной точностью.

Названные и другие проблемы технического и этического характера приводят к нерешительности в отношении редактирования генома человека и к торможению правового регулирования. Однако перспективы использования данного инструмента при наследуемом редактировании поднимают и другие сложные биоэтические и юридические вопросы, такие как получение информированного согласия, проведение генетического редактирования в рамках системы здравоохранения, генетическое редактирование для улучшения состояния организма и др. Решение этих вопросов стало неотложной проблемой после исследования биофизика Хэ Цзянькуя в 2018 г. [4, с. 365; 5, с. 272; 6, с. 65], спровоцировавшего скандал. Он проводил эксперимент, в котором генетическая мутация в человеке-

ских эмбрионах была индуцирована с помощью CRISPR/Cas9, чтобы вызвать иммунитет против ВИЧ-инфекции.

Стоит заметить, что интерес Хэ Цзянькуя был в том числе и экономический. Он основал по меньшей мере две компании: Direct Genomics, которая занимается разработкой устройства для секвенирования одной молекулы (технология, разработанная Стивеном Квейком и лицензированная Helicos Biosciences), и Vienomics Biotech, предлагающую секвенирование генома и скрининг для онкологических больных и групп риска. После эксперимента, о котором Хэ Цзянькуй рассказывал на Втором международном саммите по редактированию генома в Гонконге, он был приговорен к трем годам тюремного заключения и оштрафован на 3 млн юаней (465 тыс. долларов США). Таким образом, стоит понимать, что при использовании возможностей редактирования генома человека могут стоять, прежде всего, экономические интересы, а не интересы защиты прав граждан в области охраны здоровья.

После обнародования результатов эксперимента Хэ Цзянькуя возобновились научные дискуссии о нормативно-правовом регулировании исследований, связанных с редактированием генома человека, введении моратория на редактирование зародышевой линии человека. При этом некоторые эксперты выступают против введения моратория на редактирование зародышевой линии человека [7, с. 1143], другие предлагают ввести временный мораторий на клинические исследования, чтобы дать время для формирования международных основ и разработки этических и правовых руководящих принципов на национальном уровне [8, с. 58].

Возражения относительно данного эксперимента можно сформулировать по трем направлениям: отсутствие прозрачности в отношении научных и организационных аспектов его проведения; отсутствие медицинской необходимости, поскольку есть альтернативные методы зачатия здорового потомства, и неправильная классификация эксперимента как способа лечения; незаконность эксперимента и пренебрежение протоколами проведения биомедицинских исследований.

Необходимо учитывать и другие нарушения медицинской и научной этики исследований при проведении данного генетического редактирования. Так, форма информированного согласия на 23 страницах была написана сугубо техническим языком и не содержала обсуждения побочных эффектов или

нежелательного нецелевого воздействия на геном. Не был указан распространенный метод экстракорпорального оплодотворения, применяемый в случаях, когда один из партнеров ВИЧ-положительный. Редактирование представлялось как благоприятная альтернатива для лечения. Форма согласия не была одобрена институциональным наблюдательным советом, где работал Хэ Цзянькуй. Ученый обошел и экспертную оценку, объявив о результатах эксперимента в видео, размещенном на Youtube 25 ноября 2018 г., не была представлена ни исследовательская работа, ни результаты эксперимента. Таким образом, до настоящего времени еще не понятны последствия, а кроме того, стало известно о рождении в 2020 г. третьего ребенка от другой пары, которая также участвовала в эксперименте. Эксперимент не был ни зарегистрирован, ни проверен или одобрен независимым советом по этике. Документы об этической экспертизе были подделаны, чтобы привлечь добровольцев, а эксперимент проводился за счет собственных средств ученого, что позволило избежать контроля [6, с. 166].

Данный эксперимент продемонстрировал нецелевые последствия редактирования генома, которые заключаются в следующем: отредактированный ген играет защитную роль в иммунных реакциях против вируса Западного Нила, распространенного в Европе, Африке и Северной Америке, его отсутствие может привести к летальному исходу при инфекциях, вызванных вирусом гриппа [9, с. 154].

УСЛОВИЯ И КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ ГЕНЕТИЧЕСКОГО РЕДАКТИРОВАНИЯ

При проведении данного эксперимента необходимо было учитывать различия в понятиях «лечение» и «улучшение состояния организма» с точки зрения правовых норм. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», раскрывая содержание используемых в нем понятий, определяет понятие «лечение» как «комплекс медицинских вмешательств, выполняемых по назначению медицинского работника, целью которых является устранение или облегчение проявлений заболевания или заболеваний либо состояний пациента» (то есть изменений организма, возникающих в связи с воздействием патогенных и (или) физиологических факторов и требующих оказания медицинской помощи), восстановление или улучшение его здоровья, трудоспособности и качества жизни

(п. 8 и 17 ст. 2). Нормативные правовые акты Российской Федерации не определяют такого понятия, как «улучшение состояния организма». Однако это имеет существенное значение при генетическом редактировании. Важно закрепить данное понятие в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», чтобы ограничить возможности применения генетического редактирования не в целях лечения. Таким образом, невозможно будет использовать данную методику, например, для выбора роста, умственных способностей и других физических характеристик ребенка. Такие возможности уже наличествуют в проводимых в настоящее время исследованиях. Так, отредактированный в эксперименте ген помимо создания устойчивости к ВИЧ-инфекции может привести к улучшению определенных когнитивных способностей. Например, было доказано улучшение функций памяти у мышей в ходе экспериментов, а также улучшение восстановительного процесса после инсультов и черепно-мозговых травм у людей⁴. Таким образом, нельзя в строгом смысле слова говорить о медикаментозной терапии для устранения или минимизации заболевания, а скорее об улучшении состояния организма, приводящем к снижению риска.

Ситуация с проведением эксперимента Хэ Цзянькуя неразрывно связана с разработкой технологии CRISPR/Cas и является парадигматическим примером ученого, который из-за огромной заинтересованности в научной репутации и корыстных коммерческих интересов обходил законы и биоэтические нормы. Данный эксперимент показал необходимость срочного установления правового регулирования генетического редактирования как на международном, так и на национальном уровне. Поиски лечения и профилактики генетических нарушений с помощью редактирования зародышевой линии должны соотноситься с принципами благополучия. Целью их применения является облегчение или предотвращение человеческих страданий. Данные этические принципы были сформулированы еще до эпохи генетического редактирования человеческого генома (в 1992 г. Флетчером и Андерсеном) и положили начало биоэтике [10, с. 26].

Ведущие ученые склоняются к мораторию в отношении клинических испытаний по редактированию зародышевой линии человека, но оставляют открытой возможность для про-

ведения фундаментальных научных исследований [8]. Данные исследования рассматриваются как необходимая научная практика для проведения анализа соотношения рисков и пользы, которая является необходимой стадией для последующего клинического испытания применения технологий генетического редактирования.

Очевидно, что невозможно применить глобальный мораторий, поскольку доступность технологии CRISPR/Cas не позволяет отследить ее использование (например, в частных компаниях или странах, где отсутствует национальная нормативно-правовая база по редактированию генома человека). С философской точки зрения возникает вопрос: насколько мораторий совместим с общепринятыми ценностями научной свободы, какова может быть актуальность любого фактического препятствия научному прогрессу, особенно в таких быстро развивающихся сферах, как генетика и биомедицина [11, с. 3727, 14].

Одной из проблем клинического применения редактирования генома человека является определение точных критериев его клинического использования. Эти вопросы связаны в том числе с использованием эмбриональных стволовых клеток человека и продуктов синтетической биологии, таких как клеточные модели эмбрионов и эмбриоидов. В связи с возможностью клонирования эмбрионов *in vitro*, который призван обеспечить возможность получения органов и тканей из стволовых клеток, возник вопрос: признавать ли равный статус за эмбрионами, созданными искусственно и полученными естественным путем?

В докладе Совета Европы от 19 июня 2003 г. «Защита эмбриона человека *in vitro*»⁵ было обозначено различие между эмбрионом, созданным естественным и искусственным путем. Эмбрион, созданный путем перенесения ядра соматической клетки в яйцеклетку с удаленным ядром (как в случае создания клона – овечки Долли), по мнению докладчиков, нельзя считать тождественным эмбриону, полученному путем слияния яйцеклетки и сперматозоида. Поэтому, как отмечают сторонники данной позиции, у эмбрионов разный статус, независимо от потенциала развития, то есть клонированный эмбрион не наделяется теми же правами, что и эмбрион, полученный есте-

⁴ Helicos went bankrupt in 2012 and SeqLL bought all its intellectual property and hardware [Электронный ресурс]. URL: <http://seqll.com> (дата обращения 17.06.2022).

⁵ Защита эмбриона *in vitro* : докл. Рабочей группы по защите эмбриона и плода человека вопросам защиты эмбриона человека *in vitro*, Страсбург, 19 июня 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.coe.int/t/dg3/healthbioethic/Activities/04_Human_embryo_and_fetus_en/GT3%20\(2003\)13%20RU.pdf](https://www.coe.int/t/dg3/healthbioethic/Activities/04_Human_embryo_and_fetus_en/GT3%20(2003)13%20RU.pdf) (дата обращения 17.06.2022).

ственным путем, пусть даже и с применением методов вспомогательных репродуктивных технологий. Разграничение различных клеточных субстанций и эмбриона человека с правовой точки зрения имеет значение для правового регулирования получения, хранения, использования, передачи и утилизации эмбриона человека и иных клеточных субстанций эмбрионального происхождения.

Необходимо отделить «человеческие партеноты» (организмов, полученных из неоплодотворенных яйцеклеток, которые не способны развиваться как эмбрионы) от «человеческих эмбрионов», не давая им статусной правовой защиты, определить критерии отграничения, не ссылаясь только на тотипотентность и потенциал развития, чтобы защитить человеческие эмбрионы от коммерческого использования.

Особенно это актуально с учетом возможностей современной науки. Ведь если толковать человеческий эмбрион в самом узком смысле, то в дальнейшем может оказаться, что любые генетические модификации, которые могут привести к развитию партенотов в человека, выпадут из правового поля. С точки зрения современных научных знаний партеноты считаются не способными к развитию в «человеческое существо» и поэтому не приравниваются к «человеческим эмбрионам». Но важно учитывать не только потенциал развития, но и цель использования эмбрионов и иных клеточных субстанций. Критерий происхождения клеточного материала – оплодотворение, SCNT (соматическое клонирование путем переноса ядра в соматические клетки человека), партеногенез. Критерий конечной цели развития – рождение или доведение до определенной стадии эмбрионального развития.

Ученые и комитеты по этике многих стран склоняются к тому, чтобы не использовать редактирование зародышевой линии человека до тех пор, пока риски и преимущества не будут в достаточной мере изучены. Требуется еще время для создания правовой базы по редактированию хромосомной и митохондриальной генетической информации. Важно постепенно сформировать общественное признание возможностей использования генетического редактирования. Например, можно использовать генетическое редактирование

зародышевой линии человека в лечении моногенетических заболеваний, учитывая, что на сегодняшний день соотношение риска и пользы в этих случаях является положительным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, очевидно, что редактирование генома человека обладает огромным потенциалом для человечества и систем здравоохранения, медицины и науки. Потенциальные преимущества редактирования генома человека включают новые стратегии диагностики, лечения и профилактики генетических нарушений, новые способы лечения бесплодия, новые способы повышения устойчивости к заболеваниям, вклад в разработку вакцин и расширение знаний о человеческом организме в целом. На сегодняшний день прогресс достигнут в применении редактирования соматического генома человека для борьбы с ВИЧ, серповидно-клеточной анемией и транстиретиновым амилоидозом.

Однако сохраняется неопределенность в отношении потенциальных выгод и рисков, а также пробелы в научном понимании таких аспектов, как нецелевые эффекты и долгосрочные риски. Именно поэтому в Российской Федерации необходимо сформировать законодательные нормы, обозначить возможности применения генетического редактирования, обозначить понятие и различие соматического редактирования и редактирования зародышевой линии. Закрепить условия применения генетического редактирования, а именно: обозначить «серьезное заболевание или расстройство организма» и «улучшение функций организма», при котором использование генетического редактирования должно быть ограничено. Определить понятие и правовой статус эмбриона, возможности использования эмбрионов в научных и медицинских целях, а также разграничение с иными клеточными эмбриональными субстанциями. То есть предстоит большая работа в области правового регулирования, которая должна проводиться с учетом международных рекомендаций и только с необходимыми мерами предосторожности, особенно в отношении наследуемого редактирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Archer N.M. Resistance to plasmodium falciparum in sickle cell trait erythrocytes is driven by oxygen-dependent growth inhibition / N.M. Archer, N. Petersen, M.A. Clark, C.O. Buckee, L.M. Childs, M.T. Duraisingh // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2018. – № 115. – P. 7350–7355.
2. Normile D. Shock greets claim of crispr-edited babies / D. Normile // Science. – 2018. – № 362. – P. 978–979.
3. Biesecker L.G. A genomic view of mosaicism and human disease / L.G. Biesecker, N.B. Spinner // Nature Reviews Genetics. – 2013. – № 14. – P. 307–320.
4. Baylis F. Human germline and heritable genome editing: the global policy landscape / F. Baylis, M. Darnovsky, K. Hasson, T.M. Krahn // CRISPR Journal. – 2020. – № 3. – P. 365–377.
5. Macintosh K.L. Heritable genome editing and the downsides of a global moratorium / K.L. Macintosh // CRISPR Journal. – 2019. – № 2. – P. 272–279.
6. Lander E.S. Adopt a moratorium on heritable genome editing / E.S. Lander, F. Baylis, F. Zhang, E. Charpentier, P. Berg, C. Bourgain et al. // Nature. – 2019. – № 567. – P. 165–168.
7. Joy M.T. Ccr5 is a therapeutic target for recovery after stroke and traumatic brain injury / M.T. Joy, E.B. Assayag, D. Shabashov-Stone, S. Liraz-Zaltsman, J. Mazzitelli, M. Arenas, et al. // Cell. – 2019. – № 176. – P. 1143–1157.
8. König H. Germline-editing moratorium – why we should resist it / H. König // Nature. – 2019. – Vol. 568, iss. 7753. – P. 458.
9. Cyranoski D. What crispr-baby prison sentences mean for research / D. Cyranoski // Nature. – 2020. – № 577. – P. 154–155.
10. Fletcher J.C. Germ-line gene therapy: a new stage of debate / J.C. Fletcher, W.F. Anderson // Law, Medicine & Health Care. – 1992. – № 20. – P. 26–39.
11. Park S., Beal P.A. Off-target editing by crispr-guided dna base editors / S. Park, P.A. Beal // Biochemistry. – 2019. – № 58. – P. 3727–3734.

REFERENCES

1. Archer N.M., Petersen N., Clark M.A., Buckee C.O., Childs L.M., Duraisingh M.T. Resistance to plasmodium falciparum in sickle cell trait erythrocytes is driven by oxygen-dependent growth inhibition. Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 2018, no. 115, pp. 7350–7355.
2. Normile D. Shock greets claim of crispr-edited babies. Science, 2018, no. 362, pp. 978–979.
3. Biesecker L.G., Spinner N.B. A genomic view of mosaicism and human disease. Nature Reviews Genetics, 2013, no. 14, pp. 307–320.
4. Baylis F., Darnovsky M., Hasson K., Krahn T.M. Human germline and heritable genome editing: the global policy landscape. CRISPR Journal, 2020, no. 3, pp. 365–377.
5. Macintosh K.L. Heritable genome editing and the downsides of a global moratorium. CRISPR Journal, 2019, no. 2, pp. 272–279.
6. Lander E.S., Baylis F., Zhang F., Charpentier E., Berg P., Bourgain C. et al. Adopt a moratorium on heritable genome editing. Nature, 2019, no. 567, pp. 165–168.
7. Joy M.T., Assayag E.B., Shabashov-Stone D., Liraz-Zaltsman S., Mazzitelli J., Arenas M. et al. Ccr5 is a therapeutic target for recovery after stroke and traumatic brain injury. Cell, 2019, no. 176, pp. 1143–1157.
8. König H. Germline-editing moratorium – why we should resist it. Nature, 2019, vol. 568, iss. 7753, pp. 458.
9. Cyranoski D. What crispr-baby prison sentences mean for research. Nature. 2020, no. 577, pp. 154–155.
10. Fletcher J. C., Anderson W.F. Germ-line gene therapy: a new stage of debate. Law, Medicine & Health Care, 1992, no. 20, pp. 26–39.
11. Park S., Beal P.A. Off-target editing by crispr-guided dna base editors. Biochemistry, 2019, no. 58, pp. 3727–3734.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пестрикова Анастасия Александровна – кандидат юридических наук;

Холопова Елена Николаевна – доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, старший научный сотрудник Института управления и территориального развития Балтийского федерального университета им. И. Канта.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pestrikova Anastasia Aleksandrovna – Candidate of Sciences (Law);

Kholopova Elena Nikolaevna – Doctor of Law, Candidate of Sciences (Psychology), Professor, Senior Researcher at the Institute of Management and Territorial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University.

Статья поступила в редакцию 04.10.2022; одобрена после рецензирования 06.11.2022; принята к публикации 08.11.2022. The article was submitted 04.10.2022; approved after reviewing 06.11.2022; accepted for publication 08.11.2022.

Научная статья
УДК 340
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.8

РОГИНКО Сергей Анатольевич
Институт мировой экономики
и международных финансов Финансового
Университета при Правительстве РФ,
Институт Европы РАН, Москва, Россия;
e-mail: roginco@bk.ru;
https://orcid.org/0000-0003-2094-9259

ФАЗЕЛЬЯНОВ Энварбик Михайлович
Институт Европы РАН, Москва, Россия;
e-mail: fenvarbik@hotmail.com;
https://orcid.org/0000-0002-6139-8345

Original article

ROGINKO Sergey Anatolyevich
Institute of World Economy and International
Finance of the Financial University under the
Government of the Russian Federation, Institute
of Europe of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.

FASELYANOV Envarbik Mikhailovich
Institute of Europe of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia.

БАШКОРТОСТАН И АРАБСКИЙ МИР: ПЕРСПЕКТИВА ИНВЕСТИЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ХАБА

BASHKORTOSTAN AND THE ARAB WORLD: INVESTMENT AND TECHNOLOGY
HUB PROSPECT

Аннотация. Предмет статьи – влияние климатической повестки на политику арабских нефтедобывающих стран и перспективы сотрудничества с ними России в целом и Башкортостана в частности. Авторы исследуют трансформацию климатической повестки в механизм, используемый для компенсации роста геополитического влияния арабских нефтедобывающих стран, включая формируемые глобальными климатическими соглашениями тренды на отказ от углеводородного топлива и дивестиции в нефтяной отрасли. Проанализированы новые типы рисков, появившиеся в нефтяной отрасли в последние годы и завязанные на климатическую повестку. Выявлены принципиально новые моменты в политике стран Персидского залива в 2022 г.: попытка продвижения собственной версии климатической повестки и концепции «нулевых выбросов». Оценивается перспектива изменения роли арабских стран в глобальной климатической повестке в свете кардинальных изменений миропорядка, произошедших в 2022 г.

Ключевые слова: научный центр мирового уровня, инвестиционно-технологический хаб, выбросы парниковых газов, климатическая политика, Парижское соглашение, ОПЕК, концепция «чистого нуля», Международное энергетическое агентство, дивестиционный тренд

Финансирование. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

Для цитирования: Рогинко С.А. Башкортостан и арабский мир: перспектива инвестиционно-технологического хаба / С.А. Рогинко, Э.М. Фазельянов // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 54–63. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.8.

Abstract. The article is focused on the influence of the climate agenda on the policy of Arab oil-producing countries and the prospects for cooperation with them of Russia in general and Bashkortostan in particular. The authors investigate the transformation of the climate agenda into a mechanism used to compensate for the growing geopolitical influence of Arab oil-producing countries, including trends formed by global climate agreements to abandon hydrocarbon fuels and divestment in the oil industry. The article analyzes the new types of risks that have appeared in the oil industry in recent years and are tied to the climate agenda. Fundamentally new moments in the policy of the Persian Gulf countries in 2022 are revealed: an attempt to promote their own version of the climate agenda and «Net zero» concept. The prospect of changing the role of Arab countries in the global climate agenda is assessed in the light of the fundamental changes in the world order in 2022.

Keywords: world-class research center, investment and technology hub, greenhouse gas emissions, climate policy, Paris Agreement, OPEC, «Net zero» concept, International Energy Agency, divestment trend

Financing. The article is prepared on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Roginko S.A., Faselyanov E.M. Bashkortostan and the Arab world: investment and technology hub prospect. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 54–63. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.8 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Республика Башкортостан, традиционно активная на внешнеэкономическом направлении, в настоящее время сталкивается с новыми вызовами, отражающимися в постановке новых целей и задач. Основным трендом видится разворот от сырьевой модели к инвестиционно-технологическому партнерству, который на уровне целеполагания в республике выразился в активизации работы с потенциальными инвесторами и формировании научно-образовательного центра мирового уровня. Нам представляется, что эти два компонента нового курса могут быть не только тесно связаны, но и стать взаимодополняющими, в том числе и за счет активизации сотрудничества с арабскими нефтедобывающими странами. О том, как этого добиться, будет рассказано далее.

БАШКОРТОСТАН: ЦЕЛИ И ПОТЕНЦИАЛ

Если говорить о перспективе технологического хаба, то стоит разобраться в том, как концепция научно-образовательного центра мирового уровня, разрабатывавшаяся 2–3 года назад, вписывается в современную политическую и экономическую ситуацию. Эта ситуация за последние полгода изменилась настолько, что даже само понятие «мировой уровень» стало требовать уточнения. Вопрос о том, на какой мировой уровень проектируется научно-образовательный центр и что подразумевается под миром, в котором продукция этого центра может быть востребована, лежит в основе его научно-технологического профиля. Ошибка в профилировании, выборе технологических партнеров и территориальной ориентации НИОКР может серьезно отразиться на эффективности этой инициативы.

Резкие перемены в мировой политике, вызванные, прежде всего, курсом коллективного Запада на конфронтацию с Россией, закрывают на как минимум на несколько лет традиционное для отечественной науки сотрудничество с западными странами. Впрочем, это сотрудничество и в прошлые годы трудно было назвать равноправным: западное понятие о так называемой «здоровой науке» (sound science) не предполагало наличие такой науки где-либо, кроме западных стран. Российские ученые воспринимались западными научными центрами как дешевый аутсорс, используемый для разработки отдельных компонентов оборудования или разделов НИОКР, а общую концепцию и сведение разделов и компонентов Запад оставлял за собой.

Понятно, что научно-образовательный центр мирового уровня рассчитан на другие роли в научном сообществе, и на эти роли может претендовать не в западном мире, а в том, который недавно был обозначен как «Мир Большинства», появившийся в ходе последних событий. По оценке бывшего посла США в Саудовской Аравии Д. Рандела и посла М. Гфёллера, бывшего политического советника Центрального военного командования США, речь идет о 90 % населения мира, живущего в странах, занявших по отношению к России дружественную или нейтральную позицию¹.

РАЗВОРОТ НА ВОСТОК

Мир стремительно раскалывается на лагерь, и этот процесс необычайно ускорился в последние месяцы, усиливая антизападные альянсы. Египет, Саудовская Аравия и Турция объявили о своей заинтересованности в присоединении к БРИКС; 15 сентября 2022 г. Иран подписал меморандум о вступлении в ШОС на состоявшемся в Самарканде саммите организации; Бахрейн, Египет, Саудовская Аравия и Катар получили в ШОС статус партнеров по диалогу.

Американских дипломатов тревожит активизация России на арабском Востоке, в частности, они воспринимают как руку помощи России арабскому миру речь, с которой в Каире 24 июля 2022 г. обратился министр иностранных дел РФ С.В. Лавров на встрече с постоянными представителями стран – членов Лиги арабских государств².

Этот тренд разворота в сторону арабских стран на федеральном уровне может быть поддержан, дополнен и развит на уровне региональном. Здесь сильной стороной Башкортостана станет его сопричастность исламскому миру, где научно-технологический потенциал республики может быть востребован, поскольку в арабском мире до сих пор сохраняется уважение к советской/российской науке и жива память о масштабных проектах технической помощи арабским странам, оказывавшейся нашей страной.

Комбинация научно-технологического и инвестиционного сотрудничества позволит выйти на новый уровень – от ситуационного взаимодействия к стратегическому партнерству. Однако с инвестициями арабских стран

¹ Gfoeeler M., Rundell D. Nearly 90 Percent of the World Isn't Following Us on Ukraine. September 15, 2022 [Электронный ресурс] // Opinion Newsweek. URL: <https://www.newsweek.com/nearly-90-percent-world-isnt-following-us-ukraine-opinion-1743061> (дата обращения: 23.09.2022).

² Там же.

в Россию дело обстоит несколько сложнее, и в целом вряд ли можно сказать, что в этой области достигнуты большие успехи. Одна из причин, на наш взгляд, кроется в упрощенном подходе к привлечению инвестиций, не учитывающем стратегических интересов арабских партнеров.

Как правило, основным инструментом привлечения внешних инвестиций является качественный бизнес-план, разработанный на основе международных методик. Однако этот классический метод, рассчитанный в основном на частных инвесторов, не всегда работает с арабскими капиталами, в своей массе полностью или частично подконтрольными государствам. Поэтому арабских партнеров не всегда интересует бизнес как таковой. Для них гораздо важнее партнерство, работающее на поддержку их стратегических интересов и понимание их как глобальных игроков, в котором им отказывает Запад (бизнес часто появляется как побочный продукт). И в идеале инвестпредложение арабскому партнеру должно содержать не только собственно прибыльный проект, но и давать этому партнеру некие стратегические преимущества. Интересно какие?

Для ответа на этот вопрос вспомним известный в политике термин «экономический гигант, но политический карлик». Он много лет применялся по отношению к Германии и, шире, к Евросоюзу, но стоит заметить, что еще в большей мере он применим к арабским нефтедобывающим странам. Получающие огромные доходы от продажи углеводородов, арабские страны оказались втиснуты в жесткие рамки предсказуемого поведения в политике, устанавливаемые коллективным Западом. Такое положение арабские страны не устраивало, но в целом они были вынуждены с ним мириться на протяжении многих лет, под давлением подчас занимая позиции, противоречащие собственным экономическим интересам. Нынешняя ситуация многим из них открывает окно возможностей для реализации таившихся десятилетиями амбиций, но следует признать, что далеко не все эти амбиции созвучны целям России, и даже в случае совпадения целей Россия не всегда обладает достаточным потенциалом для их продвижения.

КЛИМАТ И НЕФТЬ

Поговорим о редком случае полного, на наш взгляд, совпадения интересов России и арабских стран – о климатической повестке. Эта тема почти не фигурирует в двусторонних отношениях между Россией и нефтедобы-

вающими странами арабского Востока в силу традиционной для нашей страны ориентации этих отношений прежде всего на нефтегазовый диалог. А между тем для самих арабских стран климатическая повестка – предельно чувствительная тема, затрагивающая перспективу дальнейшего процветания и развития арабского Востока.

С точки зрения арабских стран главная угроза, исходящая от климатической повестки, выражается в известном меме: «Топливо должно остаться в земле». Этот мем озвучивали многие – от такой фарс-фигуры, как Г. Тунберг, до считавшегося до последнего времени авторитетным Международного энергетического агентства (МЭА), которое подверглось жесткой критике ОПЕК за опубликованную дорожную карту «Чистый ноль» (Net Zero), в которой говорится, что все новые инвестиции в добычу должны прекратиться, чтобы сдерживать изменение климата³. Критикой ОПЕК не ограничился, и 31 марта 2022 г. министры блока проголосовали за отказ использовать МЭА в качестве источника данных о добыче нефти своих членов. Делегаты ОПЕК заявили, что организация считает, что данные МЭА были испорчены предвзятостью в отношении ископаемого топлива⁴.

Причина такого политического дрейфа арабских стран в открытом пренебрежении их интересами, демонизации их как производителей «грязного» топлива, отказе многих банков от финансирования проектов нефтедобычи в этих странах. На протесты арабского мира против такой агрессивной «климатической» атаки США и Европа никак не реагировали годами, делая вид, что ничего не происходит.

С такой ситуацией арабские страны были вынуждены мириться, поскольку в последние 30 лет в условиях однополярного мира у них отсутствовала свобода маневра, существовавшая ранее, когда Советский Союз был не только альтернативным центром силы, но и активным игроком на Ближнем Востоке. Достаточно вспомнить известные нефтяные кризисы 1970-х годов. Первый из них, поводом для которого стал арабо-израильский

3 Net Zero by 2050. A Roadmap for the Global Energy Sector. Flagship report. May, 2021 [Электронный ресурс] // IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/net-zero-by-2050> (дата обращения: 22.09.2022).

4 Wang H., Griffin R., Coleman N. OPEC votes to stop using IEA production data to assess quota compliance: sources. Mar 31, 2022 [Электронный ресурс] // S&P Global. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/oil/033122-opec-votes-to-stop-using-iea-production-data-to-assess-quota-compliance-sources> (дата обращения: 22.09.2022).

конфликт 1973 г., дал возможность странам оформившегося к тому времени ОПЕК перекрыть поставки нефти и добиться роста цен в 4 раза: с 3 до 12 долл. за баррель. Следующий кризис, прошедший на фоне революции в Иране и ирано-иракской войны, привел к сокращению поставок нефти из этих стран, чем страны ОПЕК (и прежде всего, Саудовская Аравия) не замедлили воспользоваться: западные требования увеличить добычу, чтобы компенсировать выпадающие объемы поставок, остались без ответа, результатом стало новое повышение цен: с 14 долл. за баррель в 1978 г. до 35 долл. за баррель в 1981 г.⁵

Вряд ли стоит проводить прямые параллели между нефтяными кризисами 1970-х годов и нынешней ситуацией, в частности, следует отметить снижение зависимости арабских стран от отношений с США как одним из главных потребителей арабской нефти. Если еще в 2012 г. доля импортируемой США нефти поднималась до 60 %, то к 2014 г. сланцевая революция свела энергетическую зависимость Америки к нулю: Штаты сами превратились в крупнейшего в мире производителя нефти. Тем не менее нельзя не отметить, что дрейф арабских стран в сторону большей самостоятельности совпал по времени с формированием нового, альтернативного Западу центра силы, заземляющегося на Россию и Китай. Сдвиг геополитического баланса дал возможность арабским странам заговорить по-новому.

В частности, критикуя Запад за отказ исламским странам в праве на справедливость и равное партнерство, бывший премьер-министр Катара принц Хамад бен Джасим бен Джабер Аль Тани отметил: «Мы знаем из нашего опыта, что Запад забывает наши страны и не имеет с нами дела ни на основе взаимных интересов, ни на основе общих интересов, и не вспоминает о нас, кроме как в случае крайней необходимости, как будто наши страны – это сокровищница, которую они открывают в трудные времена. Отсюда они должны знать, что у нас тоже есть интересы, которые не должны быть затронуты»⁶.

⁵ Estrada M. The Evolution of Oil Prices from 1960 to 2019 [Электронный ресурс] // Social Security Research Centre. URL: https://www.researchgate.net/profile/Mario-Ruiz-Estrada/publication/332604602_The_Evolution_of_Oil_Prices_from_1960_to_2019/links/5cc6ad0ea6fdcc1d49b76d9a/The-Evolution-of-Oil-Prices-from-1960-to-2019.pdf (дата обращения: 22.09.2022).

⁶ Геополитика обиды: США задевали Саудовскую Аравию, а теперь не могут добиться ее помощи [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14185841?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 22.09.2022).

ВРЕМЯ ДАВАТЬ ОТПОР

Отпор пренебрежительному отношению Запада усиливается; в последнее время США и ЕС уже столкнулись с твердой позицией и других арабских стран, и прежде всего Саудовской Аравии в лице престолонаследника Мухаммеда ибн Салмана и ОАЭ в лице главы государства Мохаммеда ибн Заида. Их отказ от контактов с США – явление беспрецедентное, свидетельствующее о глубоких переменах в мире. Особенно большой резонанс в мире вызвал демарш наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда ибн Салмана, который в марте 2022 г. отказался ответить на телефонный звонок Дж. Байдена.

Еще большее возмущение на Западе вызвала позиция, занятая Саудовской Аравией и ОАЭ в конфликте западных стран с Россией. Как отмечал ведущий аналитик Королевского института международных отношений (Chatham House) С. Вакил, «Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Саудовская Аравия обнародовали свои растущие претензии к Вашингтону ... заняв нейтральную военную позицию и сохранив приверженность существующим договоренностям ОПЕК+ по добыче»⁷.

На другой аспект ситуации обращает внимание профессор Колумбийского университета А. Туз. По его мнению, сам факт обращения президента США к арабским странам с просьбой добывать больше нефти свидетельствует о банкротстве климатической политики Америки (провозглашающей всеобщий отказ от углеводородов)⁸.

Демаршами дело не ограничилось: арабский Восток, видя провалы Запада в энергетической политике, перешел к поучениям. В мае 2022 г. на Международной конференции по нефтяным технологиям в Эр-Рияде министр энергетики Саудовской Аравии принц Абдулазиз ибн Салман пренебрежительно назвал сценарий нулевых выбросов «ла-ла Лендом», который подрывается реальностью все еще растущего глобального спроса на нефть и газ. При обсуждении целей устойчивого развития министр вместо термина «нулевой уровень выбросов углерода» использовал термин «низкий уровень выбросов углерода», заявив,

⁷ Wakil S. Biden's Middle East trip shows the long game is his aim. July 19, 2022 [Электронный ресурс] // Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org/2022/07/bidens-middle-east-trip-shows-long-game-his-aim> (дата обращения: 22.09.2022).

⁸ Abadi C. Biden's Push for Lower Energy Prices Amounts to a 'Declaration of Bankruptcy'. July 14, 2022 [Электронный ресурс] // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/07/14/biden-lower-energy-prices-bankruptcy-climate-policy/> (дата обращения: 22.09.2022).

что это и есть «разница между ла-ла Лендом и реальностью»⁹.

Развивая эту мысль, Абдулазиз ибн Салман добавил: «Чистый ноль не означает вытаскивание вишен из пирога¹⁰, чистый ноль не означает ноль нефти». В качестве реальной проблемы он обозначил резкое сокращение инвестиций в нефтегазовую отрасль, которое создало опасность того, «что мир не сможет производить всю энергию, необходимую для содействия восстановлению»¹¹. Что же касается возобновляемых источников энергии, то, по мнению министра, сосредоточение исключительно на них является ошибкой.

Саудовского нефтяного фронтмена поддержал коллега из ОАЭ. Министр промышленности ОАЭ султан Ахмед аль-Джабер на шестом Глобальном энергетическом форуме Атлантического совета объяснил, что текущая волатильность на энергетических рынках является результатом геополитической напряженности, нереалистичного подхода к энергетическому переходу и долгосрочных недостаточных инвестиций в нефть и газ. «Нереалистичный подход, игнорирующий основы экономики, приведет только к ужесточению условий на рынках, которые в большей степени подвержены геополитическим потрясениям. Отказ от источников энергии, которые являются движущей силой мировой экономики, приведет к системному ограничению поставок, что подорвет экономический рост» – заключил аль-Джабер. По мнению министра ОАЭ, политики по всему миру, «включая многих в Европе», сейчас начинают примиряться с этими реалиями¹².

Такие слова, невозможные еще год назад, означают одно: климатической повестке Запа-

да брошен открытый вызов; от робких попыток защиты своих интересов арабский Восток перешел к продвижению своего понимания этой повестки и ее связи с энергетической безопасностью.

Понимание того, какие аспекты климатической повестки и какие правовые конструкции в этой области вызывают особенное неприятие арабского мира, может дать ключ к формированию повестки сотрудничества между Россией и ее регионами (включая Башкортостан), с одной стороны, и арабскими нефтедобывающими странами – с другой. Остановимся на этом подробнее.

ОСОБЕННОСТИ ПАРИЖСКОЙ ПОВЕСТКИ

Прежде всего, стоит отметить такую особенность, как выборочный подход Запада к положениям Парижского соглашения – базовой правовой конструкции в области глобального климата. Этот подход начинается с целей, наиболее известные из которых – удержание глобальной температуры и адаптации к изменению климата. И если цели удержания глобальной температуры Запад уделяет первостепенное внимание (правда, произвольно трактуя ее только в терминах снижения выбросов парниковых газов), то по части адаптации к изменению климата делается очень мало по сравнению с реальной значимостью этой цели, особенно для развивающихся стран.

Кроме этого, вызывает раздражение постоянное стремление Запада продвигать искаженную формулировку «температурной цели» Парижского соглашения. Все без исключения западные лидеры, финансовые институты и эксперты оперируют целевым показателем лимита в 1,5 °C, якобы установленным на Парижском саммите по климату. На самом деле климатическая цель Парижского соглашения сформулирована иначе: «удержание прироста глобальной средней температуры намного ниже 2 °C сверх доиндустриальных уровней и приложение усилий в целях ограничения роста температуры до 1,5 °C».

Этот, казалось бы, терминологический нюанс обладает огромной значимостью для нефтедобывающих стран, поскольку если ставить цель достижения лимита в 1,5 °C, то это потребует намного более резких и масштабных сокращений глобальных выбросов (по сравнению с предполагающимися для лимита в 2 °C), что вызовет более резкое и масштабное падение спроса на нефть.

Конкретные расчеты по этому вопросу были представлены так называемой Межпра-

⁹ Saudi energy minister blames lack of investment for surge in fuel prices. May 9, 2022 [Электронный ресурс] // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-energy-minister-says-gap-between-crude-prices-fuel-mobility-prices-around-2022-05-09/> (дата обращения: 22.09.2022).

¹⁰ Вольный перевод с английского слова «cherry picking».

¹¹ Paraskova T. Saudi Energy Minister: Insufficient Investment to Blame for High Fuel Prices. May 9, 2022 [Электронный ресурс] // Oilprice. URL: <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/Saudi-Energy-Minister-Insufficient-Investment-To-Blame-For-High-Fuel-Prices.html> (дата обращения: 22.09.2022).

¹² UAE Calls for Positive, Pragmatic Approach to the Energy Transition and Practical Climate Action to Ensure Energy Security and Economic Progress. May 24, 2022 [Электронный ресурс] // ADNOC. URL: <https://adnoc.ae/en/news-and-media/press-releases/2022/uae-calls-for-positive-pragmatic-approach-to-the-energy-transition-and-practical-climate-action> (дата обращения: 22.09.2022).

вительственной группой экспертов по изменению климата (МГЭИК) в рамках так называемой концепции «углеродного бюджета», основанной на гипотезе, что общий объем выбросов парниковых газов, разрешенных человечеству, – величина конечная, и количество лет, оставшихся человечеству для использования минерального топлива, зависит от температурного лимита.

Согласно оценке МГЭИК, при температурном лимите в 1,5 °C атмосфера сможет поглотить не более 400 гигатонн (Гт) CO₂ начиная с 2020 г. При ежегодных глобальных выбросах парниковых газов на уровне 42,2 Гт в год это означает, что углеродный бюджет будет израсходован уже в 2028 г. И никакого использования ископаемого топлива после 2028 г. не предполагается. При увеличении порога до 2 °C углеродный бюджет увеличивается до 1150 Гт, что откладывает его исчерпание примерно до 2045 г.¹³ То есть, если принять все расчеты МГЭИК на веру, можно сделать вывод о том, что температурный репер в 2 °C продлевает жизнь нефтяной отрасли на целых 17 лет по сравнению с репером в 1,5 °C.

Понимая опасность смены температурного репера, Саудовская Аравия заняла негативную позицию в отношении так называемого Специального доклада МГЭИК, в котором предлагался отказ от лимита в 2 °C и переход на 1,5-градусный лимит. На Конференции ООН по климату в г. Катовице (2018), на которой был представлен этот доклад, была предложена резолюция Конференции о поддержке выводов доклада. Однако позиции, занятые Саудовской Аравией и Россией, позволили заблокировать такую формулировку, вместо которой была согласована ни к чему не обязывающая «принять к сведению».

Еще большую опасность для нефтедобывающих стран представляет третья, менее известная цель, которая формулируется так: «приведение финансовых потоков в соответствие с траекторией в направлении развития, характеризующегося низким уровнем выбросов и сопротивляемостью к изменению климата»¹⁴. Эта формулировка цели дала мировому сообществу сигнал к беспрецедентной атаке на нефтегазовый сектор, к которой давно готовилось западное сообщество, ин-

доктринированное собственной вульгарной версией климатической повестки.

МГЭИК настаивала на том, чтобы не менее 66 % разведанных запасов органического топлива остались в Земле¹⁵. Еще в 2014 г. МЭА опубликовало специальный доклад «Перспективы мировых инвестиций в энергетику – специальный отчет» (World Energy Investment Outlook – Special Report). В нем утверждалось, что около 120 млрд долл. инвестиций в новые энергетические генерирующие мощности на ископаемом топливе не смогут окупиться; то же самое касается около 130 млрд долл. затрат на разведку нефти и около 50 млрд долл. на добычу газа¹⁶.

Адресат месседжа был изначально ясен, но для тех, кто не понял (или сделал вид), его уточнил тогдашний Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун: «Очевидно, что переход к экологически чистому энергетическому будущему неизбежен, выгоден и идет полным ходом, и что инвесторам предстоит сыграть ключевую роль»¹⁷. Не удовлетворившись этим, Пан Ги Мун начал лично уговаривать пенсионные фонды сократить инвестиции в ископаемое топливо, а страховые компании – отказаться от страхования подобных проектов¹⁸.

Вряд ли имеет смысл перечислять все виды давления на финансовый сектор, принятые для того, чтобы добиться от финансовых институтов отказа от инвестиций в проекты, связанные с ископаемым топливом, и даже выхода из подобных активов. В арсенал воздействия входят и «черные списки», и негативный пиар, и студенческие протесты, и демонстрации «зеленых», и заявления медийных фигур – от Л. ди Каприо до А. Шварценеггера. Опасаясь репутационного ущерба и оттока вкладчиков, крупные банки и страховые компании подстроились под новый тренд практически поголовно. В частности, в список

15 Clark D. How much of the world's fossil fuel can we burn. Mar 25, 2015 [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/environment/keep-it-in-the-ground-blog/2015/mar/25/what-numbers-tell-about-how-much-fossil-fuel-reserves-cant-burn> (дата обращения: 23.09.2022).

16 World Energy Investment Outlook – Special Report. June 3, 2014 [Электронный ресурс] // International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/topics/world-energy-outlook> (дата обращения: 23.09.2022).

17 Ban Ki-moon's remarks at Investor Summit on Climate Risk., 2016 [Электронный ресурс] // United Nations. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2016/01/ban-ki-moons-remarks-at-investor-summit-on-climate-risk/>

18 Ban Ki-moon urges pension funds to reduce investments in fossil fuels. Press Release. November 3, 2014 [Электронный ресурс] // Press Release. URL: <https://350.org/press-release/ban-ki-moon-urges-pension-funds-to-reduce-investments-in-fossil-fuels/> (дата обращения: 23.09.2022).

13 That's how fast the carbon clock is ticking. 2022 [Электронный ресурс] // Mercator Research Institute of Global Commons and Climate Change. URL: <https://www.mcc-berlin.net/en/research/co2-budget.html> (дата обращения: 22.09.2022).

14 The Paris Agreement, 2016 [Электронный ресурс] // United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/parisagreement_publication.pdf (дата обращения: 22.09.2022).

глобально значимых управляющих активами/владельцев с активами под управлением более 50 млрд долл., а также банков и страховщиков/перестраховщиков с активами под управлением или непогашенными кредитами на сумму более 10 млрд долл., ограничивающих кредитование ископаемого топлива для нефти, СПГ, газа, нефтеносных песков и бурения в Арктике, входят такие гиганты банковского мира, как ABNAMRO, Bank of America, BNP Paribas, Citigroup, Credit Suisse, Deutsche Bank, Goldman Sachs, Lloyds Banking Group, Société Générale, UBS, UniCredit, такие ведущие институты развития, как World Bank, EBRD, European Investment Bank (EIB), KfW, страховые компании AIG, Allianz, Generali Group и многие другие¹⁹. Общий размер капиталов, управляемых структурами, ориентированными на то, чтобы лишить средств проекты, связанные с ископаемым топливом, составлял на начало 2022 г. около 39 трлн долл.²⁰

Весь дивестиционный тренд, направленный на то, чтобы «топливо осталось в земле», представляет для арабских нефтедобывающих стран непосредственную угрозу. Хорошо известно, что подавляющее большинство неиспользуемых запасов нефти и газа находится на Ближнем Востоке²¹ и что местные государственные компании владеют большинством мировых запасов. Следовательно, именно эти страны могут понести наибольшие потери от заземляющейся на климатическую повестку политики отказа от минерального топлива. Эти соображения уже закладываются в инвестиционные калькуляции тех финансовых институтов, которые еще продолжают иметь дело с нефтяным и газовым бизнесом в этом регионе, что выражается в ухудшении условий кредитования соответствующих проектов, для которых становятся все менее доступны длинные и дешевые деньги. То же касается портфельных инвесторов в акции активов, связанных с ископаемым топливом, которые вынуждены учитывать подверженность этих активов риску большему, чем средний глобальный. Корректировка ожиданий этих инве-

сторов включает анализ вероятности stranded assets. Все эти риски увеличились на протяжении ряда лет до самого последнего времени, но попытки арабских стран привлечь внимание к проблеме успеха не имели.

Геополитические пертурбации последних месяцев позволили представителям этих стран напомнить об этих неприятностях. В частности, выступая на Всемирном правительственном саммите в Дубае 29 марта 2022 г., министр энергетики Саудовской Аравии Абдулазиз ибн Салман напомнил о своем выступлении на Конференции ООН по климату в Глазго (COP26) в 2021 г., где он подчеркнул при полном безразличии других мировых лидеров, что решение проблемы изменения климата было бы бессмысленным без обеспечения энергетической безопасности и экономической устойчивости и роста. «Сегодня никто не говорит об изменении климата. Основное внимание снова уделяется нефти, газу и энергетической безопасности»²² – заявил он.

Инфляция, ударившая по предложению сырьевых товаров по всему миру, также сделала акцент на понятии доступности энергии как первостепенной важности при переходе к чистому нулю. Сокращение предложения, вызванное прекращением финансирования нефтяной и газовой промышленности и отказом международных нефтяных компаний (под давлением акционеров и лоббистов изменения климата) от своих активов, связанных с ископаемым топливом, неизбежно подорвет экономический рост, поскольку цены на энергоносители станут непомерно высокими.

Чувствуя себя оправданными на фронте изменения климата и нулевых выбросов, производители стран Персидского залива снова обрели свой голос на политической арене. Призыв к производителям ОПЕК присоединиться к бойкоту против России и вытолкнуть ее из альянса, созданного шесть лет назад, был быстро отклонен. «Никто не сможет заменить российские 10 миллионов баррелей в день, если мы вытесним их из альянса», – заявил министр энергетики ОАЭ Сухайль Аль Мазруи на Глобальном энергетическом форуме Атлантического совета в Дубае 28 марта 2022 г.

Вторая причина – это снижение добычи у некоторых производителей ОПЕК. Естественное сокращение запасов нефти на месторождениях, которое в среднем составляет

19 Oil & Gas Divestment. 2022 [Электронный ресурс] // Institute for Energy Economics and Financial Analysis. URL: <https://ieefa.org/oil-gas-divestment> (дата обращения: 23.09.2022).

20 Pope K. Big numbers – dollars and institutions – behind divestments from fossil fuels. Jan. 4, 2022 [Электронный ресурс] // YaleClimateConnections. URL: <https://yaleclimateconnections.org/2022/01/big-numbers-dollars-and-institutions-behind-divestments-from-fossil-fuels/> (дата обращения: 23.09.2022).

21 McGlade, C. & Ekins, P. The geographical distribution of fossil fuels unused when limiting global warming to 2°C. Jan. 7. 2015 [Электронный ресурс] // Nature. URL: <https://www.nature.com/articles/nature14016> (дата обращения: 23.09.2022).

22 Husari R. Gulf oil producers feel vindicated, but don't expect them to turn on Russia. March 31. 2022 [Электронный ресурс] // Middle East Institute, Washington D.C. URL: <https://www.mei.edu/publications/gulf-oil-producers-feel-vindicated-dont-expect-them-turn-russia> (дата обращения: 23.09.2022).

около 5 % в год у крупнейших производителей на Ближнем Востоке, но может достигать 10–20 % в других странах, ударило по производственным мощностям нескольких стран-участниц, вынуждая тех, у кого есть свободные мощности, такие как Саудовская Аравия и ОАЭ, учитывать любые нехватки, которые могут появиться на рынке. Официальные лица ОПЕК сетуют на то, что нападки на ископаемое топливо в контексте разговоров об изменении климата и отсутствии инвестиций для поддержания добычи нефти в целях противодействия естественному спаду повлияли на способность некоторых производителей соблюдать выделенные им квоты на добычу.

Арабские страны не забыли, как их избегали и даже преследовали на Конференции ООН по изменению климата (COP26) в Глазго в 2021 г. Эта вновь обретенная уверенность раздвигает границы в политическом диалоге между странами Персидского залива и Западом, поскольку влиятельные страны ОПЕК – Саудовская Аравия и ОАЭ – отвергают призывы США и других союзников. Самый впечатляющий политический ход был сделан ОПЕК в ответ на требования Запада (включая США и лично Дж. Байдена) о наращивании арабскими странами добычи нефти с целью снижения глобальных цен. Предупреждая Запад воздерживаться от открытого давления на арабские страны, Сухайль Аль Мазруи в упомянутом выступлении открытым текстом призывал их: «Не говорите нам делать то или это. Мы эксперты в своей области, то, что мы делаем, направлено на то, чтобы сбалансировать рынок нефти на благо всех, включая потребителей в США»²³.

Но Запад, и прежде всего США, продолжали давление. И тогда произошло то, чего не было очень давно: вместо запрашиваемого Западом роста добычи страны ОПЕК согласовали 5 октября 2022 г. самое резкое сокращение добычи нефти с 2020 г. – на 2 млн баррелей в сутки. Причем это было сделано совместно с Россией в формате ОПЕК+ при открытом игнорировании позиции США. Этот редкий по жесткости шаг наверняка будет сопоставлен с нефтяными кризисами 1970-х годов и снова наводит на мысль о повторяемости политических коллизий по принципу «50 лет спустя».

Понимая, что политическая ситуация дает шанс на пересмотр климатической повестки, нефтяные страны Персидского залива уже готовятся дать бой своим оппонентам на предстоящей Конференции ООН по изменению климата (COP27) в Египте в 2022 г., и особен-

но на COP28 в Абу-Даби в 2023 г. Речь идет о том, чтобы изменить направленность климатической повестки, поставив во главу угла не умозрительные представления, а глобальные экономические реалии, связанные с необходимостью развития. Арабские страны исходят из того, что насущная потребность мира заключается в том, чтобы они компенсировали нехватку энергии, используя любые имеющиеся у них свободные мощности. Это усиливает их аргументацию о безответственности прекращения использования нефти и газа для достижения безуглеродной мировой экономики. Их контраргумент заключается в том, что производителям углеводородов необходимо продолжать инвестировать в свои нефтяные и газовые месторождения, стремясь свести к минимуму выбросы углерода на баррель.

Российский ответ

О чем это говорит России? О том, что раскол между арабским миром и Западом на сей раз не ограничивается традиционными противоречиями, касающимися объемов добычи и цен на энергоносители. Замахнувшись на климатическую повестку, арабские нефтяные гиганты поставили под вопрос саму основу существования Запада – его научный авторитет, обретший непререкаемость с исчезновением Советского Союза. Слова министра ОАЭ о том, что «мы эксперты в своей области», звучат как полноценная заявка на роль самостоятельного центра экспертизы, а отказ от аналитических услуг МЭА, обвиненного в тенденциозной интерпретации климатической повестки, как представляется, является только началом.

Продолжение неизбежно, и научно-технологическая экспертиза России в целом и Башкортостана в частности может быть востребована для решения этой задачи. Формирование компетенций потребует создания серьезного научного задела по широкому кругу дисциплин, начиная от международного климатического права и кончая экологически чистыми технологическими решениями. Безусловно, конкретная тематика сотрудничества будет определяться в ходе двусторонних консультаций, однако некоторые темы, представляющие, на наш взгляд, интерес для нефтедобывающих стран Залива, можно определить уже сейчас:

– правовая оценка объявленной в рамках «Европейского зеленого курса» инициативы ЕС по введению так называемого пограничного корректирующего углеродного механизма (Carbon Border Adjustment Mechanism – CBAM), которую многие развивающиеся страны опре-

²³ Там же.

деляют как новое и особое явление в мировой практике – углеродный колониализм. Речь идет о принудительном налогообложении импортируемых в ЕС товаров; облагаемой базой считается «углеродный след» импортируемой продукции. Первоначально опция включения нефти в список подлежащих обложению налогом товаров рассматривалась всерьез, что, разумеется, грозило арабским нефтедобытчикам колоссальными убытками, но в первую версию механизма энергоносители не были включены, что позволило арабским экспортерам на время расслабиться, но это время оказалось недолгим. 22 июня 2022 г. прошло голосование в Европарламенте по механизму CBAM, на котором список налогооблагаемых товаров было рекомендовано расширить за счет продукции нефтехимии. Такая ситуация вновь делает риски по CBAM актуальными для арабских стран, поскольку продукция нефтехимии является для них экспортным товаром. Тем более сам вектор расширения списка внушает опасения: следующими объектами могут стать продукты нефтепереработки и сырая нефть;

- необходимость развития и имплементации принципа CBDR – общей, но дифференцированной ответственности (Common but Differentiated Responsibility), обозначающего первичную ответственность коллективного Запада за эмиссию парниковых газов. Этот принцип, широко внедренный в сегодняшнюю правовую архитектуру ООН в области борьбы с изменением климата, признает суверенное право каждой страны самостоятельно выбирать направления и планы действий, формулировать концепцию, выстраивая свою климатическую политику и стратегию. Это включает анализ неправовой практики западных стран и структур, пытающихся использовать экстерриториальное право для навязывания суверенным странам своего видения по климатической политике и разработку мер противодействия этой практике;

- критический анализ концепции «углеродного бюджета», лежащей в основе политики «нефть должна остаться в земле», деструктивной для нефтяной промышленности всего мира, включая арабские страны и Россию; выработка альтернативной концепции, основанной на глобальных экономических реалиях, связанных с необходимостью развития;

- анализ деструктивных дивестиционных трендов и практик, включая оценку их негативного влияния на нефтегазовый сектор; выработка стратегии идеологического и политического противодействия;

- критический анализ предпринимаемых

западными «зелеными» НПО и ангажированными экспертами усилий для того, чтобы искусственно преувеличить размеры выбросов парниковых газов в арабских странах – экспортерах энергоносителей и энергоемкой продукции. Одним из таких способов является постоянное завышение коэффициента влияния метана на глобальный климат. Это так называемый потенциал глобального потепления, измеряемый в тоннах CO₂. За последние 10 лет этот показатель для тонны метана вырос с 21 до 25 тонн CO₂, и западные эксперты уже не первый год настаивают на дальнейшем повышении этого коэффициента – с 25 до 36 и даже до 93. Тем самым за счет искусственного повышения коэффициента энергетические лидеры исламского мира оказываются в положении виноватых при полном отсутствии вины. Их выбросы метана, сниженные в абсолютных размерах, будут при пересчитанном коэффициенте выданы за повышение национальных выбросов в CO₂-эквиваленте. И вместо благодарности за усилия по снижению выбросов исламские страны получают новую порцию обвинений от западных СМИ, и Запад будет их заставлять оправдываться за несуществующие грехи на конференциях ООН и других мировых форумах;

- анализ и критика двойных стандартов Запада в области климатической повестки. Призывая арабские страны к жертвам под лозунгом борьбы с изменениями климата, Запад, как показывает жизнь, на такие жертвы сам не идет. Так, при всей климатической риторике Байдена потребление каменного угля в США превысило уровень, существовавший во времена «климат-скептика» Трампа. Обещания Байдена свернуть «грязный» нефтегазовый сектор выполняются с точностью до наоборот. Евросоюз, обещавший в рамках «Зеленого курса» упор на возобновляемые источники, отходит от заложенных еще в 2020 г. принципов «зеленой таксономии», вводя туда до сих пор табуированные виды генерации, такие как атомная и газовая. Наконец, недавно озвученная линия ЕС на отказ от российского трубопроводного газа и переход на американский СПГ, отличающийся намного большим углеродным следом, окончательно проясняет реальную цену климатических лозунгов Запада и его претензий на глобальное климатическое лидерство. Еще дальше от собственных призывов к «чистому нулю» Европа отходит, решившись в 2022 г. на масштабный возврат к угольной генерации. Очередным примером климатического лицемерия Запада стали американские требования к

арабским странам увеличить добычу нефти, чтобы добиться снижения мировых цен на нее. Эти требования, де-факто означающие призывы к росту выбросов парниковых газов, иллюстрируют реальное отношение Запада к столь чтимой им на словах климатической повестке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Геополитические перемены последних месяцев, обозначившие дрейф арабских нефтедобывающих стран в сторону БРИКС и ШОС, позволяют судить о необходимости активизации сотрудничества с Россией, с которой эти страны оказываются в одних интегрирующих структурах. Очевидный запрос стран Персидского залива и ОПЕК на пересмотр климатической повестки, в целом коррелирующий с

интересами России, делает эту проблематику перспективной с точки зрения стратегического сотрудничества, в канву которого логично вписываются и проекты технологической кооперации, и инвестиционные проекты с ощутимой технологической компонентой. Эта перспектива открывает окно возможностей для формируемого в Башкортостане научного центра мирового уровня; запрос стран Персидского залива может обеспечить Башкортостану статус инвестиционно-технологического хаба. Проблема состоит, на наш взгляд, лишь в оперативности, требующейся потенциальным партнерам для продвижения своих инициатив для занятия этой ставшей востребованной на арабском Востоке роли. В условиях невиданных темпов, задаваемых нынешними переменами, долгая раскачка может привести к опозданию.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рогинко Сергей Анатольевич – Институт мировой экономики и международных финансов Финансового Университета при Правительстве РФ, Институт Европы РАН.

Фазельянов Энварбик Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный посол РФ, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roginko Sergey Anatolyevich – Institute of World Economy and International Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences.

Faselyanov Envarbik Mikhailovich – Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Leading Researcher of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 20.10.2022; одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 16.11.2022. The article was submitted 20.10.2022; approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 16.11.2022.

ШУПИЦКАЯ Оксана Николаевна

Гродненский государственный университет
им. Янки Купалы, Гродно,
Республика Беларусь;
e-mail: o.shupitskaya@grsu.by;
<https://orcid.org/0000-0002-1699-3583>

SHUPITSKAYA Oksana Nikolaevna

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno,
Republic of Belarus.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

THE RULE-OF-LAW STATE AND THE CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Аннотация. 15 марта 2022 г. вступили в действие изменения и дополнения, внесенные в Конституцию Республики Беларусь на республиканском референдуме, состоявшемся в феврале 2022 г. Новая редакция Основного закона закрепила изменения нормативного оформления конституционных принципов белорусского государства, провозглашаемого как правовое. Цель: анализ предусмотренных обновленной Конституцией Республики Беларусь конституционных принципов, воплощающих модель правового государства. Методы: общенаучные и частнонаучные методы познания: анализа, синтеза, обобщения, формально-логический и сравнительно-правовой. Результаты: новая редакция Конституции Республики Беларусь, вступившая в силу с 15 марта 2022 г., изменила некоторые конституционные принципы, воплощающие модель правового государства. Среди них – принципы народовластия и демократизма, разделения властей и независимости судебной власти. Модернизация, по мнению автора, коснулась также и вопросов взаимоотношений государства и личности, что выразилось в смещении акцентов на государство и государственный суверенитет.

Ключевые слова: правовое государство, модель государства, конституционный принцип, конституционная модель, нормативная форма, конституция

Для цитирования: Шупицкая О.Н. Правовое государство и Конституция Республики Беларусь / О.Н. Шупицкая // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 64–69. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.9.

Abstract. On March 15, 2022, the amendments and additions made to the Constitution of the Republic of Belarus at the republican referendum held in February 2022 came into effect. The new version of the Basic Law has fixed changes in the normative formalization of the constitutional principles of the Belarusian state, proclaimed as rule-of-law. Purpose: to analyze the constitutional principles provided for by the updated Constitution of the Republic of Belarus, embodying the model of the rule-of-law state. Methods: the author uses general scientific and specific scientific methods of cognition: analysis, synthesis, generalization, formal-logical and comparative-legal. Results: the new version of the Constitution of the Republic of Belarus, which entered into force on March 15, 2022, has changed some constitutional principles embodying the model of the rule-of-law state. Among them are the principles of people's power and democracy, separation of powers and independence of the judiciary. Modernization, according to the author, also touched upon the issues of relations between the state and the individual, which resulted in a shift in emphasis on the state and state sovereignty.

Keywords: rule-of-law state, state model, constitutional principle, constitutional model, normative form, constitution

For citation: Shupitskaya O.N. The rule-of-law state and the Constitution of the Republic of Belarus. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 64–69. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.9 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Правовое государство, с точки зрения теоретиков права, – наилучшая форма, модель организации политической власти, обеспечивающая развитие общества и соблюдение прав и свобод индивида. На это в исследованиях указывается как конституционалистами, так и теоретиками права. Среди них С.А. Авакьян [1, с. 59], Н.С. Бондарь [2, с. 109], Г.А. Василевич [3, с. 69], А.Ф. Вишневский [4, с. 520], В.Д. Зорькин¹, С.А. Комаров [5, с. 193], А.Н. Медушевский [6, с. 16–17], В.П. Сальников [7, с. 7–8] и многие другие.

Как утверждает А.Н. Кокотов, основы конституционного строя – это «собственное ценностное ядро, предопределяющее содержание всех иных исходных конституционных принципов» [8, с. 2163]. По своей сути правовое государство означает связанность его правом, верховенство права во всех сферах общественных отношений, включая государственную.

Конституционная реформа, прошедшая в Республике Беларусь в 2022 г., связанная с принятием изменений и дополнений в Конституцию белорусского государства на республиканском референдуме, затронула и нормативное оформление правового государства как модели организации политической власти в Беларуси. Данное исследование ставит своей целью проанализировать указанные изменения.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Белорусское государство в условиях национально-правовой системы романо-германского типа в Конституции² закрепило в качестве своей формы правовое государство. Как и в странах с правовой системой подобного типа, законодатель ориентировался на модель государства и общества, в котором превалирует государство, в отличие от стран с прецедентным типом правовой системы, конституционная модель которых ориентирована на верховенство права.

1 Зорькин В.Д. Государство и право уже не будут прежними [Электронный ресурс] // Адвокатская газета : сайт. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/valeriy-zorkin-gosudarstvo-i-pravo-uzhe-ne-budut-prezhnimi/> (дата обращения: 10.04.2022).

2 Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24.11.1996, 17.10.2004 и 27.02.2022 [Электронный ресурс] // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Правда, белорусский законодатель (в отличие от, например, от российского или казахского) определил при принятии Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. верховенство права как признак, принцип правового государства³. Так, согласно ч. 1 ст. 7 Конституции белорусского государства в Республике Беларусь устанавливался принцип верховенства права. Соответствующая формулировка сохранилась и после республиканского референдума 27 февраля 2022 г., по результатам которого были внесены изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь.

Верховенство права с точки зрения белорусской нормативно оформленной Основным законом государства конституционной модели означает в первую очередь связанность законом государства его органов и должностных лиц (ч. 2 ст. 7 Конституции Республики Беларусь в редакции 2022 г.); конституционность правовых актов (ч. 2 ст. 7 Конституции Республики Беларусь в редакции 2021 г.); процедурную правовую прозрачность, обеспечиваемую требованием опубликования или иного доведения до всеобщего сведения содержания нормативных правовых актов (ч. 5 ст. 7 Конституции Республики Беларусь). Значимый аспект принципа верховенства права – приоритет общепризнанных принципов международного права над национальным законодательством (ч. 1 ст. 8 Конституции Республики Беларусь).

Закрепление в белорусском Основном законе принципа верховенства права, а не верховенства закона, думается, не является случайным. Верховенство закона – принцип, в большей мере отвечающий позитивистскому взгляду на государственно-правовые явления. Право с точки зрения нормативной концепции представляет собой правила, содержащиеся в источниках права. В условиях белорусской правовой системы – в нормативных правовых актах в первую очередь.

Закон – нормативный правовой акт, принимаемый в особом порядке высшим представительным органом государственной власти – парламентом – или народом посредством референдума, регулирующий важнейшие общественные отношения. До вступления в силу изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь в 2022 г. силой закона обладали еще и акты Президента Республики Беларусь – декреты и указы. Более того, согласно ч. 3 ст. 137 Конституции Республики

3 Конституция Республики Беларусь : первоначальная редакция [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_Республики_Беларусь/Первоначальная_редакция (дата обращения: 07.03.2022).

Беларусь (до 15 марта 2022 г.)⁴ в случае расхождения декрета или указа с законом последний обладал верховенством лишь в случае, когда полномочия на издание акта Президента были предоставлены законом. Фактически это означало приоритет акта Главы государства над законом во всех случаях. Делегирование полномочий на издание правового акта парламентом Президенту на протяжении периода действия названной нормы права фактически не осуществлялось. Таким образом, верховенство закона в буквальном смысле слова отсутствовало. В соответствии с новой редакцией Конституции белорусского государства Президент Республики Беларусь издает указы и распоряжения. Издание декретов Основным законом Республики Беларусь, действующим в настоящее время, не предусмотрено. Акты, издаваемые Президентом, не должны противоречить законам. Это значит, что юридическая сила указов как нормативных правовых актов Главы государства ниже законов. Следовательно, такое состояние вещей соответствует буквальной трактовке конституционного принципа верховенства закона.

НОРМАТИВНАЯ ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В КОНСТИТУЦИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Нормативная форма реализации модели правового государства в различных странах может отличаться. Это отличие – своего рода видение управленцами, принимающими решения или влияющими на их принятие, того, какими способами и какими средствами должна быть воплощена форма правового государства в жизнь, – находит свое отражение в конституциях как писанных актах и конституционном законодательстве, конкретизирующем конституционные правила (принципы и нормы). Кроме того, данная форма под влиянием различных факторов, как внешних, так и внутренних, может меняться. Так произошло и в Республике Беларусь, где начиная с принятия Декларации о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики от 27 июля 1990 г.⁵ и первой Конституции суверенного белорусско-

го государства от 15 марта 1994 г.⁶ нормативное выражение модели правового государства несколько раз изменялось. При этом закрепление части конституционных принципов, воплощающих правовое государство в реальные общественные отношения в условиях белорусского государства, оставалось неизменным. К числу последних относятся, например, такие конституционные принципы, как гуманизм и приоритет общепризнанных принципов международного права. Другие же принципы, воплощающие правовое государство с точки зрения их нормативного оформления, претерпели изменения.

Так, согласно Основному закону белорусского государства, принятому Верховным Советом Республики Беларусь в 1994 г.⁷, желая обеспечить «незыблемые устои» правового государства, провозгласив в ч. 1 ст. 1 белорусское государство как правовое, Республика Беларусь закрепила такие конституционные принципы его реализации, как гуманизм (ч. 1 ст. 2), народовластие (ч. 1 ст. 3), демократизм (ч. 1 ст. 4), политический плюрализм (ч. 1 ст. 5), разделение властей (ст. 6), верховенство права (ч. 1 ст. 7), приоритет общепризнанных принципов международного права (ч. 1 ст. 8), нейтральный характер белорусского государства, ставящего своей целью сделать свою территорию безъядерной зоной (ч. 2 ст. 18) и др.

Согласно ныне действующей Конституции Республики Беларусь⁸ в белорусском государстве должен быть сформирован новый государственный орган – Всебелорусское народное собрание, которое согласно ч. 1 ст. 89-1 Основного закона является «высшим представительным органом народовластия». Данная новация означает несколько иное, нежели ранее, представление о конституционном принципе народовластия. По мнению членов конституционной комиссии, предложивших создание названного органа в Беларуси, и граждан, поддержавших Проект изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь, Всебелорусское народное собрание, состоящее из действующего и бывших Президентов страны, представителей законодательной, исполнительной и судебной власти, местных Советов депутатов и гражданского общества, должно определять направления развития общества и государства, выступать

4 Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2017. 64 с.

5 О государственном суверенитете Республики Беларусь : декларация Верховного Совета Республики Беларусь от 27.07.1990 № 193-XII [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etalonline.by/document/?regnum=v09000193> (дата доступа: 10.04.2022).

6 Конституция Республики Беларусь : первоначальная редакция.

7 Там же.

8 Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.

гарантом конституционного строя и гражданского согласия. Создание Всебелорусского народного собрания – это и иной взгляд на принципы демократизма и разделения властей. Оно будет осуществлять часть полномочий, ранее реализовывавшихся белорусским парламентом – Национальным Собранием Республики Беларусь. Всебелорусское народное собрание будет утверждать основные направления внутренней и внешней политики, военную доктрину, концепцию национальной безопасности, программы социально-экономического развития, заслушивать премьер-министра о выполнении программ социально-экономического развития, принимать решения о смещении с должности Президента, избирать судей Конституционного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь и членов Центральной избирательной комиссии. В соответствии с ч. 2 ст. 89-5 Конституции Республики Беларусь решения Всебелорусского народного собрания смогут отменять правовые акты, «противоречащие интересам национальной безопасности».

До вступления в силу последних изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь от 15 марта 2022 г. Президент Республики Беларусь, как Глава государства, занимал положение выше всех ветвей власти: законодательной – парламента, исполнительной – Совета Министров Республики Беларусь, судебной, представленной Конституционным Судом Республики Беларусь и системой судов общей юрисдикции. С созданием Всебелорусского народного собрания в системе государственных органов Республики Беларусь появляется еще один орган, место которого – выше Президента Республики Беларусь, Национального Собрания Республики Беларусь, правительства и высших судебных инстанций. О приоритете Всебелорусского народного собрания над постом Главы государства свидетельствуют его полномочия: вводить в Республике Беларусь чрезвычайное или военное положение; принимать решения о направлении белорусских военнослужащих за пределы государства «для участия в обеспечении коллективной безопасности»; смещать с должности Президента Республики Беларусь. Еще одно полномочие, о котором упоминалось ранее, – право отменять правовые акты иных государственных органов.

В определенном смысле развитием конституционных принципов разделения властей, а также независимости судебной власти является закрепление в новой редакции Кон-

ституции Республики Беларусь статуса Верховного Суда Республики Беларусь. Данный орган – высшая судебная инстанция в Беларуси по рассмотрению гражданских, уголовных, административных и других дел и возглавляет систему общих судов (ч. 1 ст. 112-1 Конституции Республики Беларусь).

Конституционному Суду Республики Беларусь в настоящее время посвящено две статьи Основного закона. Конституционный Суд Республики Беларусь – орган, осуществляющий конституционный контроль в целях защиты конституционного строя белорусского государства. В его компетенцию входит толкование Конституции Республики Беларусь, контроль за конституционностью законов, указов Президента Республики Беларусь, постановлений Совета Министров Республики Беларусь, иных нормативных правовых актов. Конституционный Суд Беларуси обладает правом давать заключения о конституционности проведения выборов Президента Республики Беларусь, депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики. Институт конституционной жалобы, суть которого заключается в возможности граждан обратиться в орган конституционной юстиции в случае нарушения их конституционных прав и свобод, предусмотренный действующей Конституцией Республики Беларусь, с одной стороны, повышает авторитет Конституционного Суда Республики Беларусь, с другой – создает условия для более полного обеспечения прав и свобод личности в белорусском государстве.

Конституционные принципы, воплощающие модель правового государства

Еще один пример трансформации конституционного принципа – закрепление вместо принципа нейтральности белорусского государства принципа «исключения военной агрессии со своей территории в отношении других государств» (ч. 2 ст. 18 Конституции Республики Беларусь).

Следующее изменение – принцип плюрализма. Политический плюрализм, рассматривавшийся ранее Конституцией белорусского государства как содействие, оказываемое политическими партиями и общественными объединениями «выявлению политической воли граждан», в настоящее время определяется как содействие названными субъектами «реализации и защите прав, свобод и интересов человека и гражданина» (ч. 1 ст. 5

Конституции Республики Беларусь). В конституционной модели Российской Федерации реализация принципа политического плюрализма связана не только с созданием и функционированием политических партий, но и с использованием пропорциональной избирательной системы при формировании нижней палаты парламента – Государственной Думы. Политические партии достаточно активно участвуют в политическом процессе, объединяя граждан по политическим интересам и способствуя реализации их участия в управлении делами государства и общества. Конституция Республики Беларусь не предусматривает возможность голосования за политическую партию или политический блок при формировании парламента, что значительно снижает значение политического плюрализма как конституционного принципа, воплощающего фундаментальное положение (идею) правового государства.

Принцип разделения властей до внесения изменений и дополнений в Конституцию Беларуси на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. нормативно оформлял функционирование белорусского государства в форме парламентской республики. После указанного события согласно Конституции республика по своей форме стала президентско-парламентской. В настоящее время форма правления в Беларуси сохраняется как президентско-парламентская республика. Между тем меняется распределение полномочий между высшими органами власти. Так, полномочия Главы государства сокращаются. Кроме того, согласно ч. 1 ст. 81 Конституции Республики Беларусь одно и то же лицо не может занимать должность Президента Республики Беларусь более двух сроков. Также уменьшаются полномочия Национального Собрания Республики Беларусь. Прежде всего, в части участия в формировании иных государственных органов.

Правовое государство как форма государства воплощается и посредством таких конституционных принципов, как обеспечение прав и свобод личности, равенство всех перед законом, судебная защита прав и свобод.

Изменения, коснувшиеся данного аспекта реализации правового государства, связаны со следующим. Наряду с признанием в качестве высшей цели государства обеспечения прав и свобод личности в Основном законе Республики Беларусь закреплено требование к индивиду проявлять социальную ответственность. Последняя понимается в первую очередь как внесение «посильного вклада в развитие общества и государства» (ч. 3 ст. 21 Конституции Республики Беларусь). Названный принцип дополняется положени-

ем, согласно которому «граждане заботятся о сохранении собственного здоровья», а также новыми конституционными обязанностями: сохранять историческую память о героическом прошлом белорусского народа и проявлять патриотизм.

Новая редакция Конституции Республики Беларусь выделила такие направления деятельности белорусского государства, как оказание поддержки семьям с детьми и в целом детям; создание необходимых условий для свободного развития молодежи; проявление особой заботы о ветеранах войны и труда, об инвалидах и пожилых.

Конституционное закрепление принципа судебной защиты прав и свобод индивида дополнено нормой, согласно которой решения и действия (бездействие) государственных органов и должностных лиц в случае, если они ущемляют права индивида, могут быть обжалованы в суде. Между тем обращение за правовой защитой в международные организации ограничено определенным условием. Указанное возможно, но лишь «в соответствии с международными договорами Республики Беларусь» (ст. 61 Конституции Республики Беларусь).

Воплощение модели правового государства в реальные общественные отношения связано и с принципом правовой определенности. Один из аспектов правовой определенности – в существующей системе источников права. С изменениями Конституции Республики Беларусь белорусское государство практически вернулось к так называемой классической системе источников права. Иерархия нормативных правовых актов возглавляется Конституцией государства. Далее следуют законы, принимаемые парламентом или народом. Ниже их по юридической силе – указы Президента Республики Беларусь, постановления Совета Министров Республики Беларусь, нормативные правовые акты иных государственных органов. В эту систему включаются в настоящее время решения Всебелорусского народного собрания, о юридической природе которых еще предстоит подумать.

Вторая сторона правовой определенности – правоприменение. А. Дайси, говоря о принципе верховенства права, указывал: «Этим термином мы выражаем прежде всего ту мысль, что никто не может быть наказан и поплатиться лично или своим состоянием иначе, как за определенное нарушение закона, доказанное обычным законным способом перед обыкновенными судами страны» [9, с. 188]. Суд должен быть независим, доступен и эффективен. Судебное разбирательство, воплощающее принцип правового государства, обеспечивает равноправие сторон,

законность, всестороннее исследование доказательств (о конституционных принципах правоприменения автор этой статьи писала в своих работах ранее [10; 11]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь можно рассматривать как новую попытку обеспечить реализацию модели правового государства. Для данной формы нормативного оформления правового государства характерен акцент на государственности и государственном суверенитете при

одновременном повышении значимости ответственности личности перед государством; поиск новых способов реализации принципа народовластия; замена принципа нейтрального характера государства на неагрессивное государство, использующее атом в мирных целях; изменение рядовых конституционных принципов, воплощающих принцип разделения властей; намерение повысить значимость судебной ветви власти за счет избираемости судей, придания конституционного статуса Верховному Суду Республики Беларусь, повышения авторитета Конституционного Суда белорусского государства.

Список источников

1. Авакьян С.А. Государство: взгляд с позиций конституционного права / С.А. Авакьян // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 2. – С. 52–61.
2. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России / Н.С. Бондарь. – Москва, 2012. – 544 с.
3. Василевич Г.А. Конституция. Человек. Государство. Кн. 3 / Г.А. Василевич. – Минск, 2002. – 232 с.
4. Вишневский А.Ф. Общая теория государства и права / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатюк, В.А. Кучинский. – Минск, 1998. – 560 с.
5. Комаров С.А. Общая теория государства и права : курс лекций / С.А. Комаров. – Москва : Манускрипт, 1996. – 316 с.
6. Сальников В.П. Право – фундамент для государства / В.П. Сальников // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 4 (50). – С. 7–8.
7. Медушевский А.Н. Диалог со временем. Российские конституционалисты конца XIX – начала XX века / А.Н. Медушевский. – Москва : Новый хронограф, 2010. – 488 с.
8. Кокотов А.Н. Право конституции в российском праве / А.Н. Кокотов // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10. – С. 2161–2168.
9. Dicey A.V. Introduction to the study of the law of the constitution. – 10th ed. – London, 1959. – 535 p.
10. Шупицкая О.Н. Реализация конституционных принципов в судебном правоприменении / О.Н. Шупицкая // Правоприменение. – 2020. – № 4 (1). – С. 56–64.
11. Шупицкая О.Н. Конституционные принципы и нормы как основа уголовного процесса / О.Н. Шупицкая // Право.by. – 2021. – № 2. – С. 76–80.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шупицкая Оксана Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shupitskaya Oksana Nikolaevna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of International Law, Yanka Kupala State University of Grodno.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 19.10.2022; принята к публикации 19.10.2022. The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 19.10.2022; accepted for publication 19.10.2022.

Научная статья
УДК 342.4
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.10

Original article

ЯМАЛЕТДИНОВА Наталья Владимировна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: fnv80-80@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-8263-2738>

YAMALETDINOVA Natalia Vladimirovna
Ufa University of Science and Technologies, Ufa,
Russia.

МАЛИКОВА Наталия Валерьевна
Уфимский юридический институт
МВД России, Уфа, Россия;
e-mail: natali-malikova@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-2038-6129>

MALIKOVA Natalia Valeryevna
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Ufa, Russia.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО АУДИТА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

THE ROLE OF SOCIAL AUDIT IN THE MANAGEMENT SYSTEM OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Аннотация. Социальный аудит – сравнительно новое явление в нашей стране. Разработка механизма включения институтов гражданского общества, экспертного сообщества в процесс формирования позитивной репутации правоохранительных структур и правовое сопровождение данного взаимодействия – одно из перспективных направлений сотрудничества государства и общества. Предметом социального аудита правоохранительной деятельности является объективная, своевременная и полная информация о соответствии показателей оперативно-служебной деятельности нормативным предписаниям, регламентирующим работу ОВД, поступающая со всех уровней социально-правового обследования. Цель статьи: определение роли социального аудита в системе управления деятельностью ОВД, выявление направлений контроля в рамках комплексного общественного аудита правоохранительной деятельности. Методы: диалектический, системный, логический, формально-юридический, системно-функциональный. Результаты: определены особенности социального аудита ОВД, выявлены его потенциальные направления и исследованы отличительные черты каждого из них.

Ключевые слова: социальный аудит, правоохранительные органы, аудит, система управления персоналом, правоохранительная деятельность

Для цитирования: Ямалетдинова Н.В. Роль социального аудита в системе управления деятельностью органов внутренних дел / Н.В. Ямалетдинова, Н.В. Маликова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 70–76. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.10.

Abstract. Social audit is a relatively new phenomenon in our country. The development of a mechanism for the involvement of civil society institutions and the expert community in the process of forming a positive reputation of law enforcement agencies and legal support for this interaction is one of the promising areas of cooperation between the state and society. The subject of the social audit of law enforcement activities is objective, timely and complete information on the compliance of the regulations governing the work of the Department of Internal Affairs with the indicators of operational and service activities received from all levels of social and legal survey. Purpose: to determine the role of social audit in the management system of the Department of Internal Affairs, to identify areas of control within the framework of a comprehensive public audit of law enforcement activities. Methods: dialectical, system, logical, formal-legal, system-functional. Results: the features of the social audit of the Department of Internal Affairs are determined, potential directions of the social audit of the Department of Internal Affairs are identified and the distinctive features of each of them are investigated.

Keywords: social audit, law enforcement agencies, audit, personnel management system, law enforcement activity

For citation: Yamaletdinova N.V., Malikova N.V. The role of social audit in the management system of internal affairs bodies. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 70–76. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.10 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Социальный аудит правоохранительной деятельности представляет собой комплекс процедур диагностирования общественных отношений, осуществляемого в процессе реализации правоохранительными органами своих функций посредством добровольного социального диалога сторон в целях выявления противоречий, возникающих в правоохранительной организации или правоохранительной системе в целом, оценки возможностей их разрешения и выработки конкретных рекомендаций для заинтересованных организаций.

Предмет социального аудита, содержанием которого выступает не финансово-экономическая сфера, не материальные активы, а человеческий ресурс, определяет сложность и специфику данной деятельности. По правовому и функциональному содержанию проверяемых процедур можно выделить такие формы социального аудита правоохранительной деятельности, как аудит соответствия (оценивается соответствие практических действий ОВД определенным нормативным актам) и аудит эффективности (направлен на изучение не только достигнутых результатов, но и методов, с помощью которых были достигнуты результаты).

В системе управления деятельностью правоохранительных структур комплексный социальный аудит осуществляется в рамках следующих процедур:

- 1) аудит структуры управления правоохранительного органа;
- 2) аудит системы управления персоналом;
- 3) аудит мотивационного поля сотрудников;
- 4) изучение социально-психологического климата, сложившегося в правоохранительном коллективе, и др.

Аудит структуры управления правоохранительного органа

Исследование административной вертикали правоохранительного органа состоит в анализе соответствия организационной структуры ОВД и его подразделений нормативным правовым актам, регулирующим деятельность ведомства, специфике его деятельности и возможности решения стоящих перед ними задач. Результаты аудита структуры управления должны стать основанием для принятия

необходимых управленческих решений по совершенствованию данной структуры.

Необходимо отметить, что в процессе аудита структуры управления может проводиться мониторинг следующих показателей:

1) нормативно-правовой составляющей. При этом может проводиться анализ исполнения нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы управления ОВД, а также изучение правоустанавливающих и организационно-распорядительных документов, регламентирующих распределение функций между элементами структуры управления. В состав последних входят: уставы, приказы и распоряжения руководителей различного уровня, положения о подразделениях, должностные инструкции, положения о внутреннем служебном документообороте, трудовые договоры и прочие документы;

2) информационной составляющей. При этом проводится анализ информационного обеспечения управления и его соответствия целям, задачам и структуре управления. Эта деятельность включает сбор и структурирование информации, характеризующей состояние объекта управления, ее анализ в ходе определения эффективности управленческой деятельности;

3) процедуры управления. В этом случае должна производиться оценка взаимосвязи между процедурами, которые составляют основу деятельности того или иного ОВД, и ключевыми функциями управления. Проводится анализ схемы управления, в ходе которого определяется структура административного подчинения и функционального взаимодействия, четкость разделения подконтрольных структур на функциональные и профильные подразделения [1, с. 14];

4) стратегии управления. Организуется контроль качества выполнения основных функций управления: анализа оперативной обстановки, осуществления ведомственного контроля, проведения кадровой политики и др. Оценивается реалистичность стратегического планирования, целостность и системность поставленных стратегических целей, закреплённых в нормативных актах, понимание их руководителями и применение в оперативном управлении. При проведении аудита необходимо четко выявить зависимость между целями осуществляемой проверки, стратегическими целями и задачами правоохранительной структуры.

Аудит системы управления персоналом

Под персоналом (от лат. *personalis* – личный) в нашем случае понимается весь личный состав правоохранительной структуры: сотрудники, имеющие специальные звания, наемные работники и государственные служащие. В целях получения объективных результатов необходимо включить в это число и стажеров, то есть лиц, принятых с испытательным сроком для замещения тех или иных должностей.

Основное предназначение аудита системы управления персоналом заключается в детальном анализе его количественных и качественных характеристик. К первым относятся, например, распределение персонала внутри ОВД, наличие резерва кадров, ко вторым – стиль управления и уровень управляемости персоналом, механизмы принятия кадровых решений, корпоративная культура, причины трудовых конфликтов и т. п.

В зависимости от задач, поставленных перед аудиторской группой руководством ОВД или заказчиком аудита системы управления персоналом, он может быть включен как элемент в программу аудита структуры управления. Кроме того, он может осуществляться и самостоятельно для оценки системы управления персоналом и кадрового потенциала правоохранительной структуры.

После создания эталонного образца аудиторская группа имеет возможность оценить отдельные элементы системы управления персоналом. Этот процесс необходимо начинать с оценки внешней эффективности системы управления персоналом. Представляется обоснованной точка зрения Т.Д. Синявец, которая полагает, что внешняя эффективность системы управления персоналом – взаимодействие этой системы с внешними субъектами (службой занятости, инспекцией по труду, кадровыми и рекрутинговыми агентствами, консультантами) и всей системой управления в целом [2, с. 56]. Анализ влияния внешних факторов на управление персоналом поможет аудитору оценить реальное состояние дел в этом сегменте правоохранительной деятельности и его влияние на реализацию социальной политики ОВД.

В процессе оценки внешней эффективности системы управления персоналом проводится диагностика уровня коммуникаций с внешними по отношению к правоохранительной структуре субъектами правоотношений.

В их число должны входить органы государственной власти, правоохранительные органы, выполняющие смежные функции, иные организации, с которыми аудируемая структура поддерживает постоянные отношения.

Нельзя обойти вниманием и такое направление аудита системы управления персоналом, как диагностика механизмов включения ее в систему управления правоохранительной структурой. Изучение этого направления позволяет выявить противоречия в работе системы и определить пути повышения ее эффективности. В ходе этой деятельности возможна оценка эффективности мероприятий по управлению персоналом и оправданности количества бюджетных средств, выделяемых на их проведение. Также в рамках данного направления можно выявить противоречия между системой управления персоналом и иными подсистемами управления, наметить пути их устранения [3, с. 298].

Заключительным шагом может быть анализ гармонизации социально-трудовых отношений в ОВД. Он состоит в оценке социальной политики организации и формировании предложений по созданию эффективной системы социальной защиты интересов сотрудников.

К методам оценки системы управления персоналом традиционно относят исследование структуры организации и документов, регламентирующих управленческие отношения, проведение комплексного анализа статистических данных по кадровому составу, экспертную оценку основных и вспомогательных процедур управления персоналом [4, с. 57]. Можно ожидать, что применительно к социальному аудиту, проводимому в рамках правоохранительной системы, к этому перечню добавятся:

- анализ системы подбора кадров, связанный с проведением компетентными органами специальной проверки кандидатов на службу;
- оценка результативности системы первоначальной специальной подготовки сотрудников;
- анализ работы с кадровым резервом сотрудников и др.

Таким образом, в результате проведения аудита системы управления персоналом руководство ОВД и (или) заказчики аудита получают не только целостную картину состояния системы управления человеческими ресурсами, но и информацию о соответствии используемых кадровых технологий целям и задачам правоохранительной деятельности.

Аудит мотивационного поля сотрудников

Аудит структуры управления тесно связан с аудитом мотивационного поля (мотивационным аудитом). Для обеспечения эффективной деятельности весьма актуальна разработка системы оптимальной мотивации труда сотрудников. Задачи, решаемые при проведении аудита мотивационного поля, включают в себя:

- оценку соответствия существующей системы управления мотивацией целям и задачам, стоящим перед ОВД;
- оценку соответствия издержек от мероприятий, направленных на совершенствование процесса мотивации персонала, отдаче от их внедрения;
- рекомендации по увеличению эффективности системы мотивации персонала и др.

К методам проведения аудита мотивационного поля относятся различные виды интервьюирования, анкетирования и тестирования, методы анализа, наблюдения и формализованного описания процедур, а также статистические методы обработки информации. Помимо этого, могут быть использованы и специфические методики психологической и социально-психологической диагностики. Нельзя забывать, что для различных правоохранительных структур могут потребоваться различные наборы методик. Это справедливо и для различных уровней управления, а также для различных категорий сотрудников одного правоохранительного органа.

Нельзя обойти вниманием и специфичные формы воздействия на мотивационную сферу сотрудников. К ним следует отнести мотивирование, стимулирование, содействие и корректировку. Мотивированием является определение различных организационных целей в качестве условий для реализации наиболее важных мотивов с точки зрения организации и их возможно более глубокое агрегирование в мотивационную сферу сотрудников. Мотивирование носит индивидуальный характер.

В отличие от мотивирования стимулирование может иметь и коллективный характер. Предметы стимулирования (стимулы) могут быть как материальными, так и моральными объектами. Предлагая сотруднику стимулы в качестве поощрения за трудовые достижения, руководитель может воздействовать на его потребности, формируя тем самым мотивы, полезные для организации.

Содействие руководителя сотруднику заключается в предоставлении последне-

му дополнительных полномочий, доступа к конфиденциальной информации и иным нематериальным ресурсам организации. Формой, противоположной поддержке, является ограничение руководителем подобных полномочий и возможностей сотрудника.

Корректировка деятельности сотрудника состоит в информировании его руководителем о квалификации его трудовых усилий с точки зрения их полезности для организации и, соответственно, об их одобрении или порицании. Методами корректировки являются прямая и обратная связь между руководителем и его подчиненными. Она выражается в реакции руководителя на те или иные результаты их деятельности, что способствует закреплению полезных для организации навыков у сотрудников.

Этапы проведения подобного аудита имеют некоторые особенности. Так, при проведении переговоров с заказчиком аудита необходимо уяснить формализованные и неформализованные стимулы, используемые руководством ОВД. Желательным будет и изучение личных потребностей и служебных мотивов различных категорий сотрудников.

При выполнении программы этапа обследования, озаглавленного «Подготовительные и организационные работы», особенностью является то, что аудиторская группа должна уточнить соответствие стимулов, применяемых в организации в отношении сотрудников, мотивам сотрудников, провести оценку соотношения материальных и нематериальных стимулов и оценить эффект от воздействия тех и других.

На заключительном этапе изучения мотивационного поля по требованию заказчика аудита и в соответствии с заключенным с ним договором могут быть разработаны рекомендации по изменению действующих в организации стимулов и повышению их эффективности.

По итогам аудита мотивационного поля возможно принятие следующих управленческих решений:

- повышение эффективности кадровой политики правоохранительной структуры;
- совершенствование системы моральных и материальных стимулов;
- оптимизация взаимодействия между подразделениями и коллективами ОВД;
- выбор форм и методов повышения квалификации сотрудников;
- реализация планов карьерного развития персонала и др.

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА, СЛОЖИВШЕГОСЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОМ КОЛЛЕКТИВЕ

При изучении психологического климата, сложившегося в правоохранительном коллективе, анализируется влияние психологических особенностей сотрудников на социальный климат и мотивацию к труду. Можно ожидать, что положительное изменение социального климата в коллективе напрямую влияет на улучшение качества и эффективности правоохранительной деятельности.

Правоохранительный коллектив является самым важным ресурсом, находящимся в распоряжении его руководителя. Успех правоохранительной деятельности обеспечивает благоприятный морально-психологический климат в коллективе, способствует поддержанию высокой работоспособности сотрудников, а значит – получению высоких результатов в оперативно-служебной подготовке и повышению эффективности правоохранительной деятельности.

На социально-психологический климат правоохранительного коллектива оказывает влияние множество объективных и субъективных факторов. Причем воздействуют они не прямо, а косвенно, через восприятие сотрудников. Среди них выделяются факторы внешней и внутренней среды. И те и другие подлежат тщательному изучению при проведении социального аудита в системе управления правоохранительной деятельностью.

К факторам внешней среды относятся экономическая, политическая и социальная обстановка, складывающаяся как в стране, так и в регионе дислокации подразделений правоохранительной структуры, уровень жизни граждан, состояние культуры и т. д.

Факторы внутренней среды включают в себя организацию труда сотрудников, уровень их жизни в сравнении со средним по региону, систему стимулирования труда, методы и стиль руководства, информированность коллектива о состоянии дел в ОВД и значительное количество других показателей.

На уровне правоохранительной структуры в целом наиболее эффективными являются материальные факторы. На уровне правоохранительного коллектива позитивное воздействие оказывают факторы, связанные с межличностными отношениями; на личностном уровне – факторы, связанные с формированием трудовой мотивации.

В.М. Шепель выделяет три компонента социально-психологического климата, названных им «климатическими зонами». К первой он относит социальный климат, опосредованный соблюдением конституционных прав и обязанностей работников. Ко второй – моральный климат, определяемый моральными нормами, принятыми в конкретном коллективе. К третьей – психологический климат, устанавливаемый формальными и неформальными отношениями между работниками [5, с. 28].

Правоохранительный коллектив, как и любая другая социальная группа, усваивает и использует ценностные ориентации, свойственные на данный момент обществу. Кроме того, он вырабатывает и собственную систему ценностей, определяемую спецификой его деятельности и соответствующую его положению в социуме. Социальные установки характеризуют отношение сотрудников и к своим статусам, и ролям в коллективе, а также значение конкретного коллектива в правоохранительной структуре в целом.

Кроме всего перечисленного, при проведении диагностики социально-психологического климата, сложившегося в правоохранительном коллективе, могут быть приняты во внимание следующие параметры:

- взаимная приемлемость руководителя того или иного уровня (которая характеризуется в основном степенью его авторитета) и его подчиненных;
- групповая социально-психологическая совместимость, заключающаяся в согласованности не только профессиональных функций, но и социальных ролей, интересов и ценностных ориентиров сотрудников;
- сплоченность правоохранительного коллектива, осознаваемая сотрудниками как ценностно-ориентационное единство действий при выполнении оперативно-служебных задач. Она характеризуется степенью совпадения мотивов, оценок и социальных установок членов коллектива по отношению к объектам правоохранительной деятельности;
- идентификация сотрудников с правоохранительной структурой, в которой они проходят службу. Она состоит в принятии ими целей, ценностей и норм поведения правоохранительного коллектива. Необходимо отметить, что идентификация может быть не только положительной, но и отрицательной;
- социальные ожидания членов правоохранительного коллектива, характеризующиеся,

в частности, удовлетворенностью уровнем жизни, условиями труда, социальным положением и др.

На состояние социально-психологического климата влияет целый ряд факторов. Поэтому субъективная удовлетворенность им не может и не должна рассматриваться в качестве единственного признака, характеризующего социальные процессы в ОВД. Можно ожидать, что формы и методы исследования социально-психологического климата в правоохранительном коллективе в основном будут соответствовать формам и методам проведения внешнего и внутреннего социального аудита правоохранительной деятельности, рассмотренным ранее. Однако существуют и некоторые особенности.

Для изучения межличностных отношений в коллективе наиболее часто применяются социометрический метод и метод экспертных оценок.

Исследовательский метод социометрии разработан американским психиатром, социальным психологом Я. Морено, который исследовал связь субъективного благополучия, переживаемого личностью, с ее социально-психологическим статусом. Суть метода заключается в измерении межличностных отношений в профессиональной группе. Он используется для диагностики межличностных и межгрупповых отношений в коллективах, а также для изучения структуры преимущественно малых групп сотрудников с целью ее улучшения.

Особенность метода экспертных оценок состоит в том, что респондентами опроса являются эксперты – высококвалифицированные специалисты в сфере межличностных отношений, в нашем случае – применительно к правоохранительной деятельности. Надежность оценок и прогнозов в данном случае достаточно высока и во многом зависит от организации исследований, компетентности и квалификации экспертов, а также от качества анализа и обработки полученных при работе данных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование социально-психологических методов управления правоохранительным коллективом имеет важное практическое значение. Оно организуется в первую очередь для совершенствования социальных механизмов воздействия субъекта управления на его объекты и организации эффективного функционирования правоохранительного коллектива как социального образования.

Разработка и внедрение в сферу управления комплекса диагностических процедур, сконцентрированных на исследовании социально-экономических и организационно-технических мер, действие которых направлено на повышение эффективности деятельности ОВД и его подразделений, представляет собой одно из ключевых направлений совершенствования системы управления правоохранительной деятельностью. В зависимости от наличия либо отсутствия рисков (отрицательно влияющих факторов) данная деятельность может осуществляться по следующим направлениям:

- 1) оптимизация структуры управления правоохранительным органом и его подразделениями;
- 2) совершенствование стиля управления правоохранительным коллективом;
- 3) улучшение взаимоотношений между сотрудниками;
- 4) улучшение условий труда и его стимулирования;
- 5) изменение системы оценки служебных показателей со стороны руководства правоохранительной структурой.

Таким образом, совершенствование системы управления правоохранительной деятельностью имеет свою специфику, зависящую от особенностей формирования и развития коллективов. Социальный же аудит в качестве инструмента этого процесса не только исследует особенности социально-правовых отношений в ОВД, но и предлагает методологию для их совершенствования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнов Э.А. Стандартизация и аудит системы управления организации / Э.А. Смирнов // Менеджмент в России и за рубежом. – 1998. – № 5. – С. 12–19.
2. Синявец Т.Д. Комплексный аудит системы управления персоналом / Т.Д. Синявец // Кадровик. – 2008. – № 8. – С. 56–57.
3. Назаренко С.В. Реализация государственного и гражданского контроля (на примере Вооруженных Сил РФ) / С.В. Назаренко // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 3. – С. 292–306.
4. Яшкова Н.В. Кадровый аудит в системе управления персоналом / Н.В. Яшкова, Л.В. Тимофеева // Фундаментальные исследования. – 2019. – № 2. – С. 55–59.
5. Шепель В.М. Управленческая психология / В.М. Шепель. – Москва : Экономика, 1984. – 246 с.

REFERENCES

1. Smirnov E.A. Standardization and audit of the organization's management system. Menedzhment v Rossii i za rubezhom = Management in Russia and Abroad, 1998, no. 5, pp. 12–19. (In Russian).
2. Sinyavets T.D. Comprehensive audit of the personnel management system. Kadrovik = HR Manager, 2008. – no. 8. – С. 56–57. (In Russian).
3. Nazarenko S.V. The implementation of state and civil control (on the example of the Armed Forces of the Russian Federation). Social'no-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge, 2018, no. 3, pp. 292–306. (In Russian).
4. Yashkova N.V., Timofeeva L.V. Personnel audit in the system of personnel management. Fundamental'nye issledovaniya = Basic Research, 2019, no. 2, pp. 55–59. (In Russian).
5. Shepel V.M. Upravlencheskaya psikhologiya [Management psychology]. Moscow, Ekonomika Publ., 1984. 246 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ямалетдинова Наталья Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий;

Маликова Наталия Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yamaletdinova Natalia Vladimirovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies;

Malikova Natalia Valeryevna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 22.10.2022; принята к публикации 22.10.2022. The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 22.10.2022; accepted for publication 22.10.2022.

Главная тема:
ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Cover Theme:
PRIVATE LAW ISSUES OF MODERN JURISPRUDENCE

Научная статья
УДК 347.44
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.11

Original article

АЛИМГАФАРОВА Алина Ришатовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: alimgafarova94@bk.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-9743-6235>

ALIMGAFAROVA Alina Rishatovna
Ufa University of Science and Technologies,
Ufa, Russia.

ГИМАДРИСЛАМОВА Олеся Рамильевна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: giolesya@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-6509-4314>

GIMADRISLAMOVA Olesya Ramil'yevna
Ufa University of Science and Technologies,
Ufa, Russia.

**АРБИТРАЖНОЕ СОГЛАШЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**ARBITRATION AGREEMENT AS PART OF THE MECHANISM FOR CIVIL LAW
CONTRACTUAL REGULATION**

Аннотация. В условиях современных реалий – постоянно меняющейся социально-политической обстановки, усложнения существующих правовых связей – в области обязательственного права наметилась положительная тенденция, связанная со стремлением участников гражданского оборота принимать больше личного участия в конструировании договорных правоотношений, то есть осуществлять их индивидуальное регулирование. В связи с этим особенно актуальным стал вопрос о поиске и подробном исследовании правовых средств, способствующих эффективному регулированию договорных правоотношений, причем как в материальном, так и в процессуальном аспектах. Одним из таких средств является арбитражное соглашение, раскрытие регулятивных свойств которого в полной мере становится возможным при применении к нему основных положений концепции гражданско-правового договорного регулирования как одного из прогрессивных направлений цивилистической науки современного периода. Цель: анализ арбитражного соглашения с позиции концепции гражданско-правового договорного регулирования, выявление его особенностей и определение места в структуре механизма гражданско-правового договорного регулирования. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы анализа, синтеза, индукции, классификации; частнонаучные методы: формально-логический и толкования правовых норм. Результаты: исследование смешанной правовой природы арбитражного соглашения позволило рассмотреть его как эффективный и эксклюзивный элемент механизма гражданско-правового договорного регулирования, содействующий индивидуальной регламентации участниками договорных правоотношений процессуальных аспектов своего взаимодействия.

Abstract. In the current circumstances of the constantly changing socio-political situation and the increasing complexity of existing legal relations, a positive trend has emerged in the field of obligation law, connected with the desire of the participants of civil circulation to take more personal part in the construction of contractual legal relations, that is, to implement their individual regulation. In this connection, the search for and detailed study of legal means to facilitate the effective regulation of contractual legal relations, both in substantive and procedural terms, has become an issue of particular relevance. One such means is an arbitration agreement, the disclosure of the regulatory properties of which becomes fully possible when applying to it the basic provisions of the concept of civil law contractual regulation as one of the progressive directions of modern civil science. Purpose: to analyze the arbitration agreement from the standpoint of the concept of civil law contractual regulation, to identify its features and determine its place in the structure of the mechanism for civil law contractual regulation. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of analysis, synthesis, induction, classification; specific scientific methods: formal-logical and interpretation of legal norms. Results: the study of the mixed legal nature of the arbitration agreement makes it possible to consider it as an effective and exclusive part of the mechanism for civil law contractual regulation, facilitating the individual regulation of the procedural aspects of their interaction by the participants in contractual legal relations.

© Алимгафарова А.Р., Гимадрисламова О.Р., 2022

Ключевые слова: арбитражное соглашение, гражданско-правовой договор, гражданско-правовое договорное регулирование, процессуальное соглашение, правовое средство, инструментальная теория права

Для цитирования: Алимгафарова А.Р. Арбитражное соглашение как элемент механизма гражданско-правового договорного регулирования // А.Р. Алимгафарова, О.Р. Гимадрисламова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 77–85. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.11.

Keywords: arbitration agreement, civil law contract, civil law contractual regulation, procedural agreement, legal means, instrumental theory of law

For citation: Alimgafarova A.R., Gimadrislamova O.R. Arbitration agreement as part of the mechanism for civil law contractual regulation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 4, pp. 77–85. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.11 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

В современный период одним из актуальных направлений развития отечественного гражданского права является расширение представлений о сферах и пределах договорного регулирования гражданско-правовых отношений. Именно договорное регулирование позволяет адекватно реагировать на специфику общественных отношений, характеризующихся переплетением частноправовых и публично-правовых интересов и позволяющих говорить о конвергенции частного и публичного права.

Специфика общественных отношений и недостаточность их нормативно-правового регулирования обуславливает объективную необходимость договорного правового регулирования. Кроме того, прослеживается очевидная тенденция усиления диспозитивных начал в деятельности участников гражданского оборота, расширения самостоятельности их действий: стороны договорных отношений, в особенности лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, все чаще прибегают к саморегулированию своих правоотношений, стремясь не просто скопировать содержание норм ГК РФ и иных законов, то есть включить обычные условия в заключаемые договоры, а именно создать собственные «микронормы», предусмотреть отличный от легитимного вариант поведения. Поэтому особую значимость в настоящее время приобретает вопрос о возрождении и дальнейшем развитии концепции гражданско-правового договорного регулирования. Зародившаяся еще в советское время, эта концепция до сегодняшнего дня осталась без должного внимания.

Согласно положениям данной концепции гражданско-правовое договорное регулирование выступает в качестве вида правового регулирования, осуществляемого субъектами гражданского права посредством заключаемых

между ними гражданско-правовых договоров, и представляет собой децентрализованное (автономное, частное) правовое регулирование [1, с. 21]. То есть гражданско-правовой договор в ней рассматривается через его регулятивные свойства – его динамическую природу, в которой раскрывается та самая сущность договора, которая не видна при изучении в статике.

Однако стремление к договорному регулированию правоотношений можно наблюдать не только в материальном, но и в процессуальном аспекте. Так, еще в Древнем Риме процесс базировался на процессуальном договоре *judicio contrahitur*; *litis contestatio* изначально считалась соглашением сторон о принятии присяжного судьи, назначенного претором на основании переговоров между тяжущимися [2, с. 216], а механизм *compromissum sub roena* включал в качестве одного из базисных договоров, регулирующих арбитражное разбирательство, соглашение о том, что споры, которые могут возникнуть между сторонами, передаются на рассмотрение в арбитраж [3, с. 58].

Сегодня необходимым условием третейского разбирательства является наличие арбитражного соглашения между сторонами. Именно оно выступает связующим звеном, воплощающим в себе оба аспекта: материальный и процессуальный.

Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже¹ в ст. 7, Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»² в ст. 7 определяют арбитражное соглашение как соглашение сторон о передаче в арбитраж всех

1 Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. (с изм., принятыми в 2006 г.) [Электронный ресурс] // ЮНСИТРАЛ : сайт. URL: https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/ml-arb/07-87000_Ebook.pdf (дата обращения: 11.04.2022).

2 Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. 1), ст. 2.

или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между ними в связи с каким-либо конкретным правоотношением, независимо от того, носит оно договорный характер или нет.

Норма ст. 7 Закона «О международном коммерческом арбитраже»³ практически дословно воспроизводит указанные выше нормы, уточняя, что споры могут возникнуть не только в связи с каким-либо конкретным правоотношением, но и его частью. В этих же нормах указывается, что арбитражное соглашение может быть заключено в виде арбитражной оговорки в договоре или в виде отдельного соглашения [4, с. 127].

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АРБИТРАЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ

Вопрос о правовой природе арбитражного соглашения на протяжении длительного времени остается дискуссионным в научном сообществе. Важным он является и в контексте договорного регулирования.

Если с арбитражной оговоркой, включенной в содержание гражданско-правового договора как его неотъемлемая часть, сложностей не возникает (рассматривая арбитражное соглашение как самостоятельное [5, с. 55], мы считаем, что, заключая договор, содержащий арбитражную оговорку, стороны приходят к соглашению по двум самостоятельным договорам [6, с. 359; 7, с. 38], то есть арбитражное соглашение является автономным [8, с. 90] (это приобрело универсальное признание и отображается как в Типовом законе ЮНСИТРАЛ о торговом арбитраже, так и в национальных законах об арбитраже [9, с. 204], правоприменительной практике⁴) и его действительность не зависит от действительности основного договора), то в отношении правовой природы арбитражного соглашения идет жаркая полемика. В доктрине выделяются несколько основных теорий, раскрывающих правовую природу арбитражного соглашения.

Первая теория – договорная, сторонники которой (Ю.Г. Басин и М.К. Сулейменов [10, с. 15] Э. Гаврилов [11, с. 25], М.Ю. Лебе-

дев [12, с. 146, 147], С.В. Николюкин [13, с. 33], Е.Ю. Новиков [14, с. 195, 196]) ставят знак равенства между арбитражным соглашением и гражданско-правовой сделкой исходя из того, что арбитражное соглашение опосредует частноправовые отношения и является по природе гражданско-правовым договором, имеющим характерные признаки и элементы. При этом в рамках договорной теории выделяются еще несколько самостоятельных подходов к сущности арбитражного соглашения.

Согласно первому (классическому) подходу арбитражное соглашение тождественно гражданско-правовому договору и, как и последний, порождает гражданские права и обязанности для участвующих в нем сторон [12, с. 146, 147; 14, с. 195, 196].

Согласно второму подходу (так называемая смешанная теория, или доктрина *sui generis*) арбитражное соглашение является гражданско-правовым договором, порождающим в том числе и ряд процессуальных последствий [15, с. 90; 16, с. 235].

Представители второй теории – процессуальной (Н.Г. Елисеев [17, с. 22], Е.А. Иванова [18, с. 112]) – полагают, что арбитражное соглашение, имеющее выраженный процессуальный характер, представляет собой волеизъявление заинтересованных лиц, направленное на выбор формы защиты права (судебная, внесудебная юрисдикционная, внесудебная неюрисдикционная) и порядка урегулирования как будущего, так и возникшего правового спора, влекущее процессуальные последствия с момента заключения. При этом правоприменитель редко исследует правовую природу арбитражного соглашения, а когда дело до этого доходит, стоит на позиции процессуальной правовой природы арбитражного соглашения.

Так, в одном из судебных решений был сделан вывод о том, что «третейское соглашение не может рассматриваться как сделка по смыслу, придаваемому ей статьей 153 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку не порождает присущих ей гражданских прав и обязанностей. Соглашение о передаче спора на разрешение третейским судом фиксирует результат распоряжения сторонами своими процессуальными правами и обязанностями»⁵. В другом случае указывается, что «суд первой инстанции допустил существенные нарушения норм материального и

3 О международном коммерческом арбитраже : закон от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 25.12.2018) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32, ст. 1240.

4 Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.

5 Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.06.2005 по делу № А56-21019/04 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2022).

процессуального права, а именно: не определил правовую природу арбитражного соглашения как процессуального соглашения»⁶.

Однако до настоящего времени наработки по теории процессуальных соглашений мы можем видеть только в доктрине, а в нормах российского права указание на возможность заключения такого рода соглашений отсутствует.

В связи с указанным считаем, что более «жизнеспособной» и верной в настоящее время является первая теория, раскрывающая именно гражданско-правовую природу арбитражного соглашения.

М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, рассматривая вопрос о соотношении гражданско-правового договора и иных соглашений, среди критериев разграничения отраслевых договоров называли, во-первых, принадлежность к частному или публичному праву, во-вторых, особенность субъектного состава, и в-третьих, само содержание договора [19, с. 24–25].

Считаем, что арбитражное соглашение по своей природе вполне укладывается в «русло» гражданско-правовых договоров, так как оно входит в сферу действия частного права, «регулирует взаимоотношения частных лиц, основанные на их интересах и реализуемые к их пользе с помощью правил диспозитивного характера» [20, с. 4].

Кроме того, и у гражданско-правового договора, и у арбитражного соглашения один и тот же предмет регулирования: имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие в процессе осуществления частными субъектами предпринимательской и иной экономической деятельности. Однако едиственный аспект, который вызывает определенные сомнения при решении вопроса о соотношении гражданско-правового договора и арбитражного соглашения, касается их назначения в договорном регулировании.

Так, если гражданско-правовой договор в первую очередь призван «создать» новое правоотношение путем установления взаимных прав и обязанностей сторон, касающихся материально-правового аспекта такого правоотношения, то арбитражное соглашение направлено лишь на изменение уже существующего правоотношения, поскольку в нем, как правило, закрепляются положения, касающиеся именно процессуального аспекта правоотно-

шения: выбор сторонами формы защиты своих прав и интересов, изменение подведомственности разрешения спора путем изъятия его из компетенции государственного суда и передачи в арбитраж.

Таким образом, и гражданско-правовой договор, и арбитражное соглашение, по сути своей являясь разновидностями гражданско-правовой сделки – выраженного волеизъявления лица, направленного на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, отражают различные ее аспекты, в связи с чем не могут быть признаны абсолютно идентичными.

Еще М.И. Брагинский, раскрывая различия между категориями «договор» и «соглашение», отмечал, что «любой гражданско-правовой договор порождает правоотношение, выступает основанием его возникновения, изменения или прекращения, а в случае соглашения, не являющегося договором, ситуация иная: соглашение не создает новое правоотношение, а только может изменить некоторые условия существующего базового правоотношения или прекратить его» [20, с. 119].

Таким образом, арбитражное соглашение, действительно, является гражданско-правовым, однако не договором, а именно соглашением. В этой связи обозначенная договорная теория правовой природы арбитражного соглашения требует соответствующей корректировки.

Исследуя обозначенные в рамках договорной теории подходы, следует отметить, что именно смешанная теория, согласно которой арбитражное соглашение всегда имеет так называемый «процессуальный» эффект, а именно наступление предусмотренных законом процессуально-правовых последствий после его заключения, на наш взгляд, позволяет наиболее ярко продемонстрировать специфику самого арбитражного соглашения, выделяющую его из ряда «классических» гражданско-правовых договоров, а также процессуальных соглашений.

Нельзя оставить без внимания еще один подход к правовой природе арбитражного соглашения, сформировавшийся из автономной теории сущности самого арбитража, согласно которой арбитраж представляет собой автономную систему вне границ других областей права – нечто уникальное, непохожее ни на какое иное правовое явление, свободное от договорных и процессуальных элементов [21, с. 88]. Соответственно, под арбитражным соглашением предлагается понимать самосто-

⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.07.2020 № Ф09-2991/20 по делу № А76-48658/2019 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.06.2022).

ятельное, уникальное соглашение, не относящееся ни к процессуальным соглашениям, ни непосредственно к гражданско-правовым сделкам.

Очевидным недостатком данного подхода, по нашему мнению, является то, что он не дает никакой конкретики и в целом выводит арбитражное соглашение за пределы всей правовой действительности, что вносит еще большую неясность в исследование вопроса о правовой природе арбитражного соглашения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что арбитражное соглашение имеет смешанную правовую природу, поскольку, с одной стороны, представляет собой гражданско-правовое соглашение (результат встречных волеизъявлений частных лиц, направленных на изменение материально-правового отношения), а с другой стороны, основной эффект (и основная цель заключения) арбитражного соглашения выражается в том, что оно порождает процессуально-правовые последствия, состоящие в исключении спора из компетенции государственных судов с его одновременным включением в компетенцию арбитража (третейского суда)⁷.

АРБИТРАЖНОЕ СОГЛАШЕНИЕ В СТРУКТУРЕ МЕХАНИЗМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Очевидно, что арбитражное соглашение – это не просто документ, фиксирующий наименование арбитража, полномочного рассматривать споры, вытекающие из тех или иных договорных правоотношений, это частноправовое средство, содержащее обоюдное намерение сторон урегулировать возможные споры в определенном порядке.

Именно правовые средства, отражая функциональные свойства правовых явлений, способствуют динамике права и правоотношений.

Формулируя условия арбитражного соглашения, напрямую влияющие на вопрос о его дальнейшей исполнимости, стороны договора осуществляют индивидуальное правовое регулирование (саморегулирование) своих правоотношений, тем самым раскрывая регулятивные возможности арбитражного соглашения.

⁷ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 07.08.2013 по делу № А41-4461/11 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.07.2022) ; Определение Арбитражного суда Московской области от 08.07.2013 по делу № А41-4461/2011 (дело «Юнитек против Джорджия Пасифик») [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.07.2022).

Таким образом, в аспекте концепции гражданско-правового договорного регулирования резонно говорить об арбитражном соглашении как об одном из инструментов, при помощи которого стороны могут урегулировать свои договорные правоотношения, то есть как о правовом средстве, входящем в механизм гражданско-правового договорного регулирования наряду с самим гражданско-правовым договором, правовой нормой, правоотношением и рядом иных «традиционных» элементов. При этом сам механизм гражданско-правового договорного регулирования имеет свою специфику, которая, безусловно, накладывает отпечаток и на действие входящих в него элементов.

Если исходить из комбинированного подхода, раскрывающего двойственную природу механизма правового регулирования в целом – с одной стороны, как процесс, имеющий определенные стадии (правотворчество, правоприменение, правореализация и др.), с другой стороны, как совокупность статичных правовых средств (правовая норма, правоотношение, правоприменительный акт и др.) [22, с. 248–251], – можно сформировать представление о механизме гражданско-правового договорного регулирования, под которым предлагается понимать совокупность правовых средств, оказывающих влияние и непосредственно используемых субъектами гражданских правоотношений при индивидуальном договорном регулировании ими своих правоотношений, а также последовательный процесс их взаимодействия между собой.

Арбитражное соглашение призвано урегулировать вопрос, касающийся дальнейшего взаимодействия сторон договора, на случай, когда нормальное течение правоотношения нарушено неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств кем-либо из участников, когда между ними не получается достичь определенных договоренностей, а также в ряде иных случаев. И несмотря на то что законодатель для такой ситуации предусматривает возможность обращения в государственный суд за защитой своих прав, с позиции гражданско-правового договорного регулирования именно арбитражное соглашение выступает тем самым элементом, воплощающим в себе истинное частноправовое начало, при помощи которого стороны договора могут отойти от «привычного» рассмотрения вытекающих из их правоотношений споров в государственных судах и передать эти полномочия арбитрам, значительно ускорив процесс разрешения таких споров, а зачастую и повысив качество их рассмотрения.

Безусловно, арбитражное соглашение не является обязательным элементом механизма гражданско-правового договорного регулирования, что логично, поскольку в противном случае компетенция государственных судов на рассмотрение споров в принципе была бы исключена. Однако оно занимает определенное место в общей структуре такого механизма.

Так, все правовые средства, входящие в механизм гражданско-правового договорного регулирования, можно объединить в три группы.

Первая группа – средства-инструменты (установления), которые имеют для него основополагающее значение, поскольку именно под их непосредственным воздействием формируется содержание будущего гражданско-правового договора, составляющего ядро гражданско-правового договорного регулирования. К таковым в теории традиционно относят правовую норму, гражданско-правовой договор, правоприменительный акт, акт толкования права, правосознание, правовую культуру и иные.

Таким образом, можно заметить, что средства-установления, входящие в состав механизма гражданско-правового договорного регулирования, во многом совпадают с элементами, составляющими механизм общего правового регулирования. Однако необходимо обратить особое внимание на различие в функциях, осуществляемых одними и теми же средствами при правовом регулировании и при гражданско-правовом договорном регулировании.

Вторая группа – средства-формы, которые являются одними из наиболее спорных частей предложенной классификации, так как возможность признания правовых форм в качестве правовых средств признается далеко не всеми учеными. Многие относят их к средствам-установлениям, однако существуют и противоположные позиции.

С.К. Струнков относит правовые формы к виду процессуальных правовых средств, которым присущи следующие признаки [23, с. 8]:

- 1) они обеспечивают интересы субъектов юридического процесса;
- 2) являются способом достижения поставленных процессуальных целей субъектов юридического процесса;
- 3) отражают информационно-энергетические качества и ресурсы процессуального права, что наделяет их юридической силой, направленной на преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов

субъектов процессуальных правоотношений;

4) имеют юридическую силу для субъектов процессуального права;

5) являются обеспечивающими по отношению к материальным правовым средствам и ведут к юридически значимым последствиям;

6) поддерживаются и обеспечиваются юрисдикционными органами [22, с. 9].

На наш взгляд, важнейшим и специфичным для средств-форм является пятый признак – их обеспечивающий, сопровождающий характер в отношении иных материальных правовых средств, поскольку именно в этом проявляется их истинное предназначение. Но несмотря на то что фактически средство-форма в большинстве случаев выступает в качестве внешнего облика средства-установления, при рассмотрении гражданско-правового договорного регулирования их отдельное исследование имеет большое значение, поскольку они обладают определенной спецификой. К таким средствам-формам можно отнести сам гражданско-правовой договор, деловую переписку, протокол разногласий к договору, дополнительное соглашение к договору, соглашение о расторжении договора и иные.

Третья группа – средства-деяния, которые фактически приравниваются к стадиям механизма гражданско-правового договорного регулирования предпринимательской деятельности:

- 1) преддоговорная стадия;
- 2) заключение гражданско-правового договора;
- 3) изменение гражданско-правового договора;
- 4) расторжение гражданско-правового договора.

Арбитражное соглашение, на наш взгляд, следует отнести к группе средств-установлений, поскольку оно имеет самостоятельное значение в процессе регламентации сторонами гражданско-правового договора своих правоотношений, а не просто оформляет их, как это делают вышеперечисленные средства-формы.

В целом общую схему механизма гражданско-правового договорного регулирования с отражением всех его элементов и стадий можно представить следующим образом.

1. Преддоговорная стадия – включает в себя правовые средства, которые оказывают влияние на формирование условий будущего гражданско-правового договора субъектами гражданских правоотношений, – все, что воздействует как на волеизъявление сторон, направленное на заключение договора, так

и на само содержание такого договора. В нее же включается и процесс согласования проекта гражданско-правового договора, в котором начинают действовать такие правовые средства, как переговоры, деловые переписки сторон, протоколы согласования разногласий. Данная стадия завершается формированием сторонами итогового проекта гражданско-правового договора.

2. Стадия заключения гражданско-правового договора – юридический факт, влекущий за собой возникновение правоотношения.

В случае, когда гражданско-правовые отношения, возникшие из заключенного договора, протекают «нормально» и не требуется их пересмотра или уточнения, договорное регулирование прекращается на данном этапе, а правоотношение действует до указанного в договоре срока действия самого договора или обязательств, из него вытекающих.

В случае же, если в ходе реализации сторонами своих договорных прав и обязанностей возникает необходимость в их изменении – наступает третья стадия договорного регулирования.

3. Стадия изменения гражданско-правового договора – включает в себя правовые средства, присущие преддоговорной стадии механизма договорного регулирования, а также специфичные средства-установления: первоначальный гражданско-правовой договор и дополнительное соглашение к нему.

Возможна также ситуация, при которой «нормальное» течение правоотношения может нарушиться, в связи с чем как по обоюдному волеизъявлению сторон, так и по инициативе одной стороны может возникнуть желание или же потребность расторгнуть гражданско-правовой договор. В такой ситуации в механизме договорного регулирования может наступить четвертая стадия.

4. Стадия расторжения гражданско-правового договора – включает в себя такие правовые средства, как сам гражданско-правовой договор, соглашение сторон о расторжении до-

говора. Арбитражное соглашение как элемент механизма гражданско-правового договорного регулирования намеренно не отражено ни на одной из указанных стадий, поскольку его место в общей структуре механизма невозможно установить однозначно.

Арбитражное соглашение фактически может появиться на любой из стадий – как на первоначальном этапе, когда стороны ведут переговоры, обговаривают условия будущего взаимодействия, так и непосредственно в процессе заключения гражданско-правового договора, при котором арбитражная оговорка может быть непосредственно включена в его текст.

Договориться о передаче рассмотрения всех споров, вытекающих из договора, можно и на третьей стадии – путем внесения соответствующих изменений в первоначальный гражданско-правовой договор, подписав дополнительное соглашение к нему, или же путем заключения отдельного соглашения.

Точно так же и при расторжении гражданско-правового договора, учитывая существование и так называемых «последоговорных» отношений сторон, нормы действующего законодательства не содержат запрета на подписание арбитражного соглашения и после юридического прекращения действия договора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, арбитражное соглашение, имеющее специфичную, смешанную правовую природу, представляет собой один из эффективных элементов механизма гражданско-правового договорного регулирования, способствующего индивидуальной регламентации участниками договорных правоотношений процессуальных аспектов своего взаимодействия. Никакой другой элемент не выполняет эту задачу, что делает роль арбитражных соглашений в системе гражданско-правового договорного регулирования столь существенной и значимой.

Список источников

1. Казанцев М.Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М.Ф. Казанцев. – Екатеринбург, 2008. – 333 с.
2. Дернбург Г. Пандекты. Т. 1. Общая часть / пер. Г. фон Рехенберга под рук. и ред. проф. Московского университета П. Соколовского. – Москва : Университетская типография, 1906. – 481 с.
3. Сковрцов О.Ю. Дискуссии о правовой природе арбитраж / О.Ю. Сковрцов // Вестник международного коммерческого арбитража. – 2017. – № 2. – С. 55–66.

REFERENCES

1. Kazantsev M.F. Konceptiya grazhdansko-pravovogo dogovornogo regulirovaniya. Avtoref. Dokt. Diss. [The concept of civil law contractual regulation. Doct. Diss. Thesis]. Yekaterinburg, 2008. 333 p.
2. Dernburg G.; Sokolovsky P. (ed.). Pandects. Moscow, University Printing House Publ., 1906. Vol. 1. 481 p.
3. Skvortsov O.Yu. Discussions on the legal nature of arbitration. Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha = International Commercial Arbitration Review, 2017, no. 2, pp. 55–66. (In Russian).

4. Гимадрисламова О.Р. Арбитражное соглашение: проблемы исполнимости / О.Р. Гимадрисламова // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 10 (137). – С. 127–130.
5. Born B.G. International commercial arbitration: commentary and materials. – Transnational publisher & Kluwer Law International, 2001. – 1149 p.
6. Лебедев С.Н. Избранные труды по международному коммерческому арбитражу, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву / С.Н. Лебедев ; сост. А.И. Муранов. – Москва : Статут, 2009. – 717 с.
7. Зыков Р.О. Международный арбитраж в Швеции: право и практика : монография / Р.О. Зыков. – Москва : Статут, 2014. – 285 с.
8. Борн Гэри Б. Международный арбитраж: право и практика : пер. с англ. / Гэри Б. Борн ; под ред. Н.А. Бабаджаняна. – Москва : Российский институт современно-го арбитража, 2020. – 928 с.
9. Интервью с проф. Майданом Кунтуаровичем Сулейменовым, председателем Казахстанского Международного Арбитража, председателем Правления Арбитражной Палаты Казахстана, директором НИИ частного права Каспийского университета, председателем Ассоциации цивилистов Казахстана, академиком национальной академии наук Республики Казахстан // Коммерческий арбитраж. – 2021. – № 1 (6). – С. 202–222.
10. Басин Ю.Г. Третейский суд в Казахстане: проблемы правового регулирования / Ю.Г. Басин, М.К. Сулейменов // Третейский суд в Казахстане: проблемы правового регулирования : материалы международной научно-практической конференции, Астана 3 фев. 2003 г. – Алматы : КазГЮУ, 2003. – С. 7–20.
11. Гаврилов Э.О. О толковании третейского (арбитражного) соглашения / Э.О. Гаврилов // Хозяйство и право. – 2010. – № 2. – С. 23–30.
12. Лебедев М.Ю. Правоотношения с сфере третейского судопроизводства / М.Ю. Лебедев // Актуальные проблемы процессуальной цивилистической науки : материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию профессора М.А. Викут. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. – С. 144–148.
13. Николюкин С.В. Содержание соглашения об арбитраже (третейском соглашении) / С.В. Николюкин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 7. – С. 33–37.
14. Новиков Е.Ю. Третейское разбирательство споров, подведомственных судам общей юрисдикции: проблемы нормативного регулирования / Е.Ю. Новиков // Актуальные проблемы гражданского процесса / под ред. В.А. Мусина. Санкт-Петербург, 2002. – С. 194–198.
15. Николюкин С.В. Международный коммерческий арбитраж : монография / С.В. Николюкин. – Москва : Юстицинформ, 2009. – 216 с.
16. Рожкова М.А. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / М.А. Рожкова, Н.Г. Елисеев, О.Ю. Скворцов ; под общ. ред. М.А. Рожковой. – Москва : Статут, 2009. – 525 с.
17. Елисеев Н.Г. Процессуальный договор / Н.Г. Елисеев. – Москва : Статут, 2015. – 368 с.
18. Иванова Е.А. Соглашения в сфере гражданской юрисдикции: процессуально-правовой аспект / Е.А. Иванова ; Уральск. гос. юрид. ун-т. – Москва : Статут, 2020. – 180 с.
19. Брагинский М.И. Договорное право. Книга первая. Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 3-е изд. – Москва : Статут, 2001. – 847 с.
20. Гражданское право : учебник : в 4 т. / под ред. проф. Е.А. Суханова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : БЕК, 1998. – Т. 1. – 816 с.
4. Gimadrislamova O.R. Arbitration agreement: enforceability issues. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2019, no. 10 (137), pp. 127–130. (In Russian).
5. Born B.G. International commercial arbitration: commentary and materials. Transnational publisher & Kluwer Law International, 2001. 1149 p.
6. Lebedev S.N. Izbrannye trudy po mezhdunarodnomu kommercheskomu arbitrazhu, pravu mezhdunarodnoj trgovli, mezhdunarodnomu chastnomu pravu, chastnomu morskomu pravu [Selected works on international commercial arbitration, international trade law, private international law, private maritime law]. Moscow, Statut Publ., 2009. 717 p.
7. Zikov R.O. Mezhdunarodnyj arbitrazh v SHvecii: pravo i praktika [International Arbitration in Sweden: Law and Practice]. Moscow, Statut Publ., 2014. 285 p.
8. Born Gary B. International arbitration: law and practice. Russian Institute of Modern Arbitration, 2020. 928 p.
9. Interview with prof. Maidan Kuntuarovich Suleimenov, Chairman of the Kazakhstan International Arbitration, Chairman of the Board of the Arbitration Chamber of Kazakhstan, Director of the Research Institute of Private Law of the Caspian University, Chairman of the Civil Law Association of Kazakhstan, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. *Kommercheskij arbitrazh = Commercial Arbitration*, 2021, no. 1 (6), pp. 202–222. (In Russian).
10. Basin Yu.G., Sulejmenov M.K. Arbitration Court in Kazakhstan: problems of legal regulation. *Tretejskij sud v Kazahstane: problemy pravovogo regulirovaniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Astana 3 fevralya 2003 g. [Arbitration Court in Kazakhstan: problems of legal regulation. Materials of the international scientific and practical conference, Astana February 3, 2003]. KAZGUU University, 2003, pp. 7–20. (In Russian).
11. Gavrilov E.O. On the interpretation of the arbitration (arbitration) agreement. *Hozhaystvo i pravo = Economy and Law*, 2010, no. 2, pp. 23–30. (In Russian).
12. Lebedev M.Yu. Legal relations with the sphere of arbitration proceedings *Aktual'nye problemy processual'noj civilisticheskoy nauki : materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu professora M.A. Vikut* [Actual problems of procedural civil science: materials of the scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of Professor M.A. Vikut]. Saratov State Academy of Law, 2003, pp. 144–148. (In Russian).
13. Nikolyukin S.V. Contents of the Arbitration Agreement (Arbitration Agreement). *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2009, no. 7, pp. 33–37. (In Russian).
14. Novikov E.Yu. Arbitration of disputes under the jurisdiction of courts of general jurisdiction: problems of normative regulation. In Musin V.A. (ed.). *Aktual'nye problemy grazhdanskogo processa* [Actual problems of civil procedure]. Saint Petersburg, 2002, pp. 194–198. (In Russian).
15. Nikolyukin S.V. *Mezhdunarodnyj kommercheskij arbitrazh* [International commercial arbitration]. Moscow, Yusticininform, 2009. 216 p.
16. Rozhkova M.A., Eliseev N.G., Skvortsov O.Yu.; Rozhkova M.A. (ed.). *Dogovornoe pravo: soglasheniya o podsudnosti, mezhdunarodnoj podsudnosti, primiritel'noj procedure, arbitrazhnoe (tretejskoe) i mirovoe soglasheniya* [Contract law: agreements on jurisdiction, international jurisdiction, conciliation procedure, arbitration (arbitration) and settlement agreements]. Moscow, Statut Publ., 2009. 525 p.
17. Eliseev N.G. *Processual'nyj dogovor* [Procedural contract]. Moscow, Statut Publ., 2015. 368 p.
18. Ivanova E.A. *Soglasheniya v sfere grazhdanskoj yurisdikcii: processual'no-pravovoj aspekt* [Agreements in the field of civil jurisdiction: procedural and legal aspect]. Moscow, Statut Publ., 2020. 180 p.

21. Rubellin-Devichi J. L'arbitrage: Nature juridique. Droit interne et droit international privé [Arbitration: Legal Nature. Domestic Law and Private International Law] / J. Rubellin-Devichi, J. Vincent. – Paris : Librairie générale de droit et de jurisprudence, 1965. – 412 p.

22. Мелехин А.В. Теория государства и права : учебник / А.В. Мелехин. – Москва : Юстиция, 2019. – 326 с.

23. Струнков С.К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С.К. Струнков. – Саратов, 2003. – 187 с.

19. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Dogovornoe pravo. Kniga pervaya. Obshchie polozheniya [Contract law. Book one. General provisions]. 3rd ed. Moscow, Statut Publ., 2001. 847 p.

20. Sukhanov E.A. (ed.). Grazhdanskoe pravo [Civil law]. 2nd ed. Moscow, BEK Publ., 1998. Vol. 1. 816 p.

21. Rubellin-Devichi J. L'arbitrage: Nature juridique. Droit interne et droit international privé [Arbitration: Legal Nature. Domestic Law and Private International Law] / J. Rubellin-Devichi, J. Vincent. Paris, Librairie générale de droit et de jurisprudence Publ., 1965. 412 p.

22. Melekhin A.V. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of state and law]. Moscow, Yusticiya Publ., 2019. 326 p.

23. Strunkov S.K. Processual'no-pravovye sredstva: problemy teorii i praktiki. Avtoref. Kand. Diss. [Procedural and Legal Means: Problems of Theory and Practice. Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2003. 187 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алимгафарова Алина Ришатовна – ассистент кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий;

Гимадрисламова Олеся Рамильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alimgafarova Alina Rishatovna – Teaching Assistant of the Chair of Civil Law of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies;

Gimadrislamova Olesya Ramil'yevna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 22.10.2022; принята к публикации 22.10.2022. The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 22.10.2022; accepted for publication 22.10.2022.

Научная статья
УДК 342.4
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.12

Original article

КАЗАКОВ Никита Андреевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: kazakov.nikita@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-5240-6155>

KAZAKOV Nikita Andreevich
Ufa University of Science and Technologies,
Ufa, Russia.

АХТЯМОВА Евгения Викторовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: evaah@rambler.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-7454-5041>

AKHTYAMOVA Evgeniya Viktorovna
Ufa University of Science and Technologies,
Ufa, Russia.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LEGAL PROBLEMS OF USING HUMAN GENETIC INFORMATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье анализируются вопросы, возникающие при использовании генетической информации человека. Исследование действующего законодательства, регулирующего использование такой информации, позволило выявить проблемы, связанные с определением правовой природы генетической информации в системе персональных данных, а также с надлежащей ее правовой защитой. Цель: выявить правовые проблемы использования генетической информации на основе международного законодательства, судебной практики и действующего российского законодательства и обозначить возможные пути их решения. Методы: сравнения, описания и интерпретации, диалектический, формально-логический, структурно-системного анализа и синтеза. Результаты: исследование позволило определить современное состояние правового регулирования генетической информации, наметить пути решения правовых проблем в данной сфере.

Ключевые слова: генетическая информация, геномная информация, геном, понятие геномной (генетической) информации, персональные данные, правовое регулирование, легитимный интерес, нематериальное благо

Для цитирования: Казаков Н.А. Правовые проблемы использования генетической информации человека в Российской Федерации / Н.А. Казаков, Е.В. Ахтямова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 86–93. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.12.

Abstract. The article analyzes the issues arising when using human genetic information. The study of the existing legislation governing the use of such information reveals problems in determining the legal nature of genetic information in the personal data system, as well as its adequate legal protection. Purpose: to identify the legal problems of the use of genetic information on the basis of international legislation, judicial practice and the current Russian legislation and to identify possible ways of their solution. Methods: comparison, description and interpretation, dialectical, formal-logical, structural-system analysis and synthesis. Results: the study allows to determine the current state of legal regulation of genetic information, as well as to outline ways of solving legal problems in this area.

Keywords: genetic information, genomic information, genome, concept of genomic (genetic) information, personal data, legal regulation, legitimate interest, intangible good

For citation: Kazakov N.A., Akhtyamova E.V. Legal problems of using human genetic information in the Russian Federation. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 86–93. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.12 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Длительный труд ученых всего мира, исследовавших геном человека на протяжении десятилетий, успешно завершился его полной расшифровкой. Безусловно, такое масштабное открытие способствует развитию не только науки, но и всех сфер жизни общества. По этому поводу справедлива точка зрения А.А. Бавева, который полагает, что «геном человека – это уже не только фундаментальная научная проблема, но и крупное социальное явление, как финансовое, так и производственное. Изучение генома достигло такого состояния, что и гуманитарии, занимающиеся вопросами философии, социологии, права, и религиозные деятели, и вообще общественность должны, наконец, вплотную заняться вопросами биоэтики» [1, с. 9]. С подобным мнением трудно не согласиться, поскольку в настоящее время геномная информация о человеке стала настолько широко использоваться в различных сферах жизни общества, что регулирование ее использования и защиты должно носить комплексный характер.

Представляется, что генетическую информацию следует считать уникальной и особенной по следующим причинам: 1) имеет фундаментальное значение для определения личной идентичности; 2) доступ к такой информации и контроль над ней позволяют получить власть над жизнью человека; 3) позволяет определить членов семьи человека; 4) зная генетическую информацию человека, можно проанализировать его будущее; 5) доступность проведения тестирования генов может способствовать тайному, в том числе противоправному, использованию генетической информации.

В условиях продолжающегося процесса глобализации широкое использование передовых технологий заставляет каждую страну соответствовать заданным мировым стандартам. Наша страна реализует политику развития генетических технологий на 2019–2027 годы¹, в которой одной из важнейших задач выступает формирование условий для развития научной, научно-технической деятельности, получения и внедрения результатов, необходимых для создания генетических технологий, в том числе технологий генетического редактирования, по таким направлениям, как биобез-

опасность и обеспечение технологической независимости, применение генетических технологий для развития сельского хозяйства, совершенствования медицины и промышленной микробиологии.

ГЕНОМ ЧЕЛОВЕКА И ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Бурный процесс развития науки влечет необходимость должного урегулирования общественных отношений, возникающих в связи с использованием генетической информации человека.

Заметим, что правовое регулирование обозначенных отношений должно основываться на двухуровневом правовом регулировании, которое состоит из международного и национального законодательства. В связи этим представляет интерес определение геномной информации на обозначенных законодательных уровнях.

Несмотря на то что формирование и развитие данных отношений начало происходить в международном масштабе, что в целом соответствует объединенному характеру исследования генома человека, мы начнем с понятия, которое содержится на внутригосударственном уровне.

В ст. 1 Федерального закона от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» геномная информация определяется как «персональные данные, включающие кодированную информацию об определенных фрагментах дезоксирибонуклеиновой кислоты физического лица или неопознанного трупа, не характеризующих их физиологические особенности»². В качестве биологического материала геномной информации выступает как человек (его ткани и выделения), так и труп (остатки).

Определение биологического материала дано в ст. 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах». Под ним понимаются «биологические жидкости, ткани, клетки, секреты и продукты жизнедеятельности человека, физиологические и патологические выделения, мазки, соскобы, смывы, биопсийный материал»³.

Однако принятые нормативно-правовые акты, регулирующие использование геномной информации человека, не содержат юридиче-

1 Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы : постановление Правительства РФ от 22.04.2019 № 479 [Электронный ресурс] // Правительство России : сайт. URL: <http://government.ru/docs/36457/> (дата обращения: 15.06.2022).

2 О государственной геномной регистрации в Российской Федерации : федер. закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 49, ст. 5740.

3 О биомедицинских клеточных продуктах : федер. закон от 23.07.2016 № 180-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (ч. I), ст. 3849.

ски точного ее определения и не отражают очевидный факт ее взаимосвязи с родственниками и предками владельца генома.

Определение понятия генетических данных человека закреплено в Международной декларации о генетических данных человека от 16 октября 2003 г.: «это информация о наследуемых характеристиках отдельных лиц, полученная путем анализа нуклеиновых кислот или путем иного научного анализа»⁴. Уточняется, что такие генетические данные носят исключительно конфиденциальный характер.

Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека относит генетическую информацию к персональным данным субъекта и определяет цели сбора, последующей обработки и хранения такой информации: прежде всего, в целях оказания медицинской помощи (включая генодиагностику), в рамках различных научных изысканий, антропологических и археологических исследований, а также в целях проведения судебных экспертиз в рамках разного судопроизводства⁵ и в любых других целях, не противоречащих Всеобщей декларации о геноме человека.

Распространение правового режима персональных данных на геномную информацию человека прослеживается также и в соответствующих решениях Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Анализируя судебную практику ЕСПЧ, можно сделать вывод о том, что генетическая информация входит в понятие «тайна частной жизни», которая рассматривается в широком понимании, поскольку в нее входит в том числе деятельность профессионального и делового характера⁶.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон № 152) персональные данные – это «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту

персональных данных)»⁷. В тексте обозначенного закона определено в том числе и понятие биометрических персональных данных, под которыми понимаются сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, позволяющие установить его личность.

Поскольку в российском законодательстве отсутствует понятие геномной информации и нет четкой позиции законодателя относительно применения к ней конкретного правового режима, обратимся к доктрине. Так, например, М.Н. Малеина под геномной информацией понимает «биометрические персональные данные, извлекаемые из определенных фрагментов дезоксирибонуклеиновой кислоты (иногда рибонуклеиновой кислоты) живого физического лица или трупа, на основании которых можно идентифицировать личность, определить генетические predispositions или выявить закономерности развития человека, полученные добровольно, а в случаях, предусмотренных законом, принудительно, закрепленные в биологическом образце и (или) хранящиеся в информационной карте, базе данных» [2, с. 56–57]. Также автор говорит о необходимости применения к геномной информации режима персональных данных.

Заметим, что в международном законодательстве присутствуют акты, предоставляющие защиту физическим лицам при обработке и учете их персональных данных. Так, представляют интерес положения Директивы № 2016/680 Европарламента и Совета Европейского союза. В ней генетические данные определены как «персональные данные, касающиеся унаследованных или приобретенных генетических характеристик физического лица, которые представляют уникальную информацию о физиологии или о здоровье указанного физического лица и которые являются результатом, в частности, анализа биологического образца соответствующего физического лица»⁸. При этом Директива учитывает риск неправомерного использования обозна-

4 Международная декларация о генетических данных человека. Принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 20-м пленарном заседании 16.10.2003 [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО : сайт. URL: <https://ru.unesco.org/themes/etika-nauki-i-tehniki/deklaratsiya-geneticheskikh-dannykh-cheloveka> (дата обращения: 15.06.2022).

5 Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека. Принята на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 11.11.1997 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 15.06.2022).

6 Постановление ЕСПЧ от 21.06.2011 «Дело «Шимоволос (Shimovolos) против Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.06.2022).

7 О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3451.

8 О защите физических лиц при обработке персональных данных компетентными органами в целях предотвращения, расследования, выявления или уголовного преследования преступлений или исполнения уголовных наказаний, о свободном обращении таких данных, а также об отмене Рамочного Решения 2008/977/ПВД Совета ЕС : Директива № 2016/680 Европейского парламента и Совета Европейского союза [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.06.2022).

ченных данных для иных целей, в том числе для целей управления. Также логична позиция Директивы в том, что передача персональных данных хотя и допустима третьим странам и международным организациям, но с соблюдением высокого уровня их защиты.

Важной особенностью Директивы является закрепление положения о том, что «обработка персональных данных отвечает следующим характеристикам: законности, справедливости и транспарентности»⁹.

Основная проблема использования генома человека, на наш взгляд, кроется в использовании его с целью дискриминации его носителя в интересах иных лиц. Примерами могут служить страховые и трудовые отношения. Так, в США до принятия Акта о недискриминации на основе генетической информации (Genetic Information Nondiscrimination Act, далее – GINA)¹⁰ страховщики могли отказать в выплате страхового возмещения на основании того, что генетические данные явно указывают на предрасположенность страхователя к тем или иным заболеваниям. Показательным примером такой дискриминации выступает дело, по которому женщину в связи с профилактическими действиями по борьбе с раком лишили выплаты страхового возмещения на основании выявленной мутации гена BRCA1, свидетельствующего о повышенном риске рака молочной железы¹¹.

В трудовых отношениях имеют место проблемы с трудоустройством при анализе проведенных генетических тестов потенциальных работников, поскольку работодатели делают выбор в пользу уравновешенных и здоровых кандидатов, а не в пользу тех, у кого выявлена предрасположенность к агрессивному поведению и к определенным серьезным заболеваниям. Однако важно понимать, что наличие факта предрасположенности человека в поведении или здоровье отнюдь не означает,

что он будет действовать определенным образом или заболеет именно этим заболеванием. В медицинской практике много случаев, когда пациент умирал совершенно от другого заболевания, а не от того, к которому у него была выявлена предрасположенность по результатам генетического теста.

Согласно Директиве ЕС для использования и обработки персональных данных в исследовательских или иных социально значимых целях необходимо наличие строго легитимного интереса. Заметим, что и в отечественном законодательстве, в частности в Законе № 152, используется аналогичное основание, однако на практике субъекты, использующие такие данные в подобных целях, не уделяют этому основанию должного внимания.

Так, согласно п. 7 ч. 1 ст. 6 Закона № 152 обработка персональных данных может производиться в случае, если она «необходима для осуществления прав и законных интересов оператора или третьих лиц, в том числе в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», либо для достижения общественно значимых целей при условии, что при этом не нарушаются права и свободы субъекта персональных данных»¹².

Согласно п. «f» пар. 1 ст. 6 «Общего регламента по защите данных» «обработка необходима для соблюдения законных интересов контроллера или третьего лица, за исключением, если интересы или основные права и свободы субъекта данных, для которых требуется защита персональных данных, являются более важными, чем такого рода интересы, в особенности если субъектом данных является ребенок»¹³.

Если сравнивать приведенные положения отечественного и зарубежного законодательства, то можно сделать вывод о схожих целях использования генетических данных, но отсутствие рекомендаций или разъяснений не позволяет должным образом применять в России такое правовое основание, как леги-

9 О защите физических лиц при обработке персональных данных компетентными органами в целях предотвращения, расследования, выявления или уголовного преследования преступлений или исполнения уголовных наказаний, о свободном обращении таких данных, а также об отмене Рамочного Решения 2008/977/ПВД Совета ЕС : Директива № 2016/680 Европейского парламента и Совета Европейского Союза [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.06.2022).

10 The Genetic Information Nondiscrimination Act of 2008 [Электронный ресурс] // ЕЕОС : сайт. URL: <https://www.eeoc.gov/statutes/genetic-information-nondiscrimination-act-2008> (дата обращения: 17.06.2022).

11 National Human Genome Research Institute. Cases of genetic discrimination. [Электронный ресурс] // NHGRI : сайт. URL: <https://www.genome.gov/cases-of-genetic-discrimination> (дата обращения: 17.06.2022).

12 О персональных данных : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.06.2022).

13 Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) [Электронный ресурс]. URL: <https://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679>. (дата обращения: 17.06.2022).

тимный интерес, что является несомненным упущением.

Легитимный интерес имеет важное значение для развития экономического оборота, обеспечения информационной безопасности и, самое главное, для социально значимых или научных целей, в том числе в области исследования генома человека (при условии распространения правового режима персональных данных на геном человека). Тем не менее его применение возможно лишь в случае принципиального соблюдения фундаментальных прав человека, необходимости в применении, вероятности достижения социально значимой цели и публичного интереса, безусловной возможности наложения права вето.

Помимо указанного, конструкция легитимного интереса может также соотноситься с требованиями третьих лиц о предоставлении персональных данных конкретного лица. В качестве оснований раскрытия такого рода информации могут быть выделены: потенциальная угроза здоровью, возможность предотвращения нанесения вреда. При этом исследователи ограничивают генетическую информацию от иных сведений и собственно персональных данных, содержащихся в медицинской документации пациента, указывая, что такого рода информация в качестве ее отличительной черты будет затрагивать непосредственно интересы кровных родственников.

С.Г. Чубукова считает целесообразным разработать новый федеральный закон о геномной информации, поскольку в России отсутствует комплексное регулирование данных отношений и не предоставляется должной защиты от несанкционированного использования генетической информации [3, с. 103]. Она также отмечает, что генетическая информация не обладает теми признаками, которые позволили бы отнести ее к персональным данным, соответственно, ее использование не может в должной мере обеспечить защиту и интересы родственников носителя генов.

Генетическая информация является закодированной и заключается в клетках организма. По своей сути она неизменна (без учета вмешательства и возможных мутаций). Носителем ее выступает не только индивидуум, но и взаимосвязанные с ним группы субъектов (кровные родственники). Помимо этого, генетическая информация отвечает за идентификацию индивидуума, как прямую, так и косвенную.

С учетом того, что генетическая информация является идентифицирующим ресурсом, позволяющим определить родственное окру-

жение, физиологические и психологические особенности человека и иную информацию, в том числе вносить коррективы в последующий процесс развития человека как рода, важно эффективно соотносить методы правового регулирования отношений, складывающихся по поводу использования такой информации, в виде сочетания либерального и консервативного направления.

ПРАВО НА ГЕНОМ ЧЕЛОВЕКА

Уровень мирового технологического развития напрямую свидетельствует в целом об уровне развития общества. В связи с тем, что в настоящее время процесс развития биотехнологий идет стремительно, возникает актуальный вопрос о субъективных правах граждан на свой геном и генетическую информацию, содержащуюся в ДНК. Данный вопрос интересует немало исследователей в данной сфере, и в настоящее время ведутся оживленные дискуссии.

Обращаясь к данному дискуссионному вопросу, представляется необходимым определить, что представляет собой субъективное право. В.П. Грибанов дает следующее его определение: «дозволенная законом мера возможного поведения управомоченного лица» [4, с. 9].

О.С. Иоффе, рассматривая субъективное право, определил его как «средство регулирования поведения граждан, осуществляемое нормами права путем обеспечения определенного поведения других лиц, в целях удовлетворения интересов управомоченного, совпадающих с интересами государства или не противоречащих им» [5, с. 561].

В свою очередь, С.А. Сеницын определяет ценность такого права «как регулятора общественных отношений в части предоставленной законом свободы поведения субъектов права» [6, с. 56].

Рассмотренные точки зрения ученых в целом предполагают возможность распоряжения субъективным правом его носителем по своему усмотрению, но в предусмотренных законом пределах. Данное положение касается правомочий индивидуума в отношении его генетической информации в том числе.

В то же время, поскольку геном является непосредственной и даже определяющей частью человеческого организма, возникает обоснованный вопрос о праве человека на редактирование генома в рамках его субъективного права. Данный вопрос имеет особую актуальность в связи с применением в 2021 г. довольно резонансной технологии CRISPR/Cas9 (комплекс из белка и рибонуклеиновой

кислоты), так называемых «молекулярных ножниц», которые позволяют удалить дефектный ген и заменить его на «правильный», уже без паталогических мутаций.

Поскольку изменение генома затрагивает не только конкретного индивида – носителя соответствующего гена, но также все его последующие поколения, не стоит забывать о том, что это наносит ущерб свободному выбору будущего его поколения и нарушает течение естественного отбора человеческого генома. Не исключено, что потомки предка, изменившего свой геном, могут не одобрить его действия.

Стоит заметить, что сторонники модификации генома человека недостаточно заботятся о проблеме необратимости подобных действий и уж тем более о будущем поколении. Не исключена вероятность того, что необратимое изменение гена индивидуума, даже если оно сделано с позитивными намерениями (например, для устранения определенного генетического заболевания), может привести к возникновению иных генетических проблем уже в другом поколении индивида.

Соответственно, установление определенного правового режима в отношении использования и распоряжения генетической информацией способствовало бы признанию конкретных прав, одним из которых является право на геном человека. В этом случае можно было бы говорить о защищенности прав на генную информацию и в то же время на идентичность человека через закрепленные права на геном, о чем, заметим, указывается во многих актах международного значения.

Актуальным вопросом является отнесение генетической информации к нематериальным благам. В соответствии с положениями ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся «вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага». Исходя из положений ст. 150 ГК РФ, к нематериальным благам законодатель относит жизнь и здоровье, достоинство личности, личную неприкосновенность, честь и доброе имя, деловую репутацию, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личную и семейную тайну, свободу передвижения, свободу выбора места пребывания и жительства,

имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие ему от рождения или в силу закона». Хотя информация не относится к объектам гражданских прав, применимость гражданско-правовых способов охраны именно генетической информации правомерна в связи с ее взаимосвязью и воздействием на такие нематериальные блага, как жизнь и здоровье.

Одним из важных вопросов является возможность допуска к геномной информации заинтересованных лиц. К таковым субъектам можно отнести не только кровных родственников носителя тех или иных генов, но и иных субъектов правоотношений, в которых он состоит. Несомненно, что такое раскрытие должно быть обоснованно и урегулировано законодателем с учетом соблюдения процедуры конфиденциальности.

Указанную точку зрения поддерживают Е.С. Болтанова и М.П. Имекова, которые указывают на то, что генетическая информация является элементом нематериальных благ с учетом распространения правового режима частной жизни. К тому же, по их мнению, генетическая информация может быть отнесена к результатам интеллектуальной деятельности, например, создание базы данных, при выполнении условий геномной регистрации [7, с. 121].

Отметим, что точка зрения некоторых ученых по вопросу отнесения генетической информации к объектам патентного права оказалась несостоятельной ввиду того, что геном дан человеку в силу естественного его происхождения и в связи с этим не может выступать объектом патентования. Также учитывается, что патент на ген человека не может обладать патентоспособностью в связи с тем, что генетическая информация по своим характеристикам существенно отличается от изобретения. Подобный принцип реализуется в европейском (п. «d» абз. 2 ст. 52 Европейской патентной конвенции¹⁴) и в отечественном законодательстве (подп. 6 п. 5 ст. 1350 ГК РФ).

Примером запрета патентования генома человека выступает дело Myriad Genetics, в котором было установлено, что указанная организация обладала патентом на строго определенный набор генов, называемых BRCA1, и возможных изменений, влияющих на организм, а эти характеристики определяют повышенную вероятность развития рака.

Однако при рассмотрении дела в 2014 г. Верховный суд США указал в своем решении,

¹⁴ Европейская патентная конвенция от 05.10.1973 [Электронный ресурс] // ЕПО : сайт. URL: <https://www.epo.org/law-practice/legal-texts/html/epc/2016/d/index.html> (дата обращения: 17.06.2022).

что «гены и информация, которую они кодируют, не могут быть запатентованы просто потому, что они были изолированы из окружающего генетического материала»¹⁵, в связи с чем Myriad Genetics лишилось монополии на эту последовательность генов.

В то же время на ген или набор генов, который был вычленен и изменен, не может быть наложен запрет на X-патент, что позволяет сделать вывод о том, что при проведении процедуры изменения и модификации генов организмы и используемые методы генной терапии будут защищены патентом. Соответственно, «патент на гены – это исключительное право на определенную биологическую последовательность, предоставленное лицу, имеющему непосредственное отношение к идентификации этой последовательности или работе по ее преобразованию» [8, с. 15–17].

Учитывая позицию Е.С. Болтановой и М.П. Имековой, определяющих персональные данные как нематериальное благо, входящее в перечень объектов гражданских прав в соответствии со ст. 128 ГК РФ, полагаем, что на персональные данные необходимо распространить режим частной жизни.

Поскольку понятие частной жизни в российском законодательстве конкретно не определено, стоит обратиться к юридической литературе. Так, М.Н. Малеина определяет тайну частной жизни как «информацию, не имеющую отношения к профессиональной и общественной деятельности лица» [9, с. 264]. Помимо этого, автором логично определена возможность распространения на нее в том числе и режима тайны, связанной с осуществлением профессиональной деятельности (медицинской, нотариальной, адвокатской, банковской тайны и т. д.) [9, с. 265].

С учетом того, что в юридической литературе преобладает мнение об установлении специального правового статуса генетической информации и выделении ее в отдельную категорию персональных данных с ограниченным доступом, следует согласиться с мнением Е.М. Тужиловой-Орданской и Е.В. Ахтямовой, которые считают, что «генетической инфор-

мации человека должен быть предан особый правовой статус. Ее необходимо выделить из группы персональной биометрической информации в самостоятельный вид персональных данных с ограниченным доступом, исходя из родственной (кровной) связи третьих лиц с носителем такой информации. Следует непосредственно в ГК РФ указать персональные данные как неимущественное благо с выделением генетических данных человека в качестве его особой разновидности. Представляется важным осуществить согласование норм ГК РФ и Закона о персональных данных, поскольку в ст. 152.2 ГК РФ не определяется механизм их взаимодействия» [10, с. 275].

Таким образом, право на генетическую информацию выходит за рамки традиционной модели частного права, прав личности и прав интеллектуальной собственности и выдвигает на первый план интересы, прежде всего, ее носителя и его кровных родственников. При этом правовой статус, который должна принимать геномная информация, должен быть ориентирован на специальную категорию информации о геноме. Немаловажное значение имеет органичное сочетание частных и публичных методов в урегулировании данной отрасли, поскольку иначе останется неразрешенным вопрос о применимости положений законодательства о защите и ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, приходим к следующим выводам относительно правовой защиты генома человека и связанных с этим проблем. В российском законодательстве отсутствует легальное определение генетической информации. При этом стоит отметить юридические конструкции ее использования с позиции определения ее как персональных данных. Подобное может упростить и обеспечить должное использование генетических данных в социально значимых целях.

Важным является придание особого правового статуса генетической информации. Обособление генома человека в качестве отдельной категории персональных данных является важным этапом в построении корректной системы защиты нарушенных прав. В связи с этим необходимо внести определенные изменения в законодательство, в частности в Закон № 152 и ГК РФ.

¹⁵ Supreme Court of USA. Association for Molecular Pathology et al. V. Myriad Genetics, inc., et al. Certiorari to the United States Court of Appeals for the Federal Circuit No 12-398. Argued April 15, 2013 – Decided June 13, 2013. [Электронный ресурс] // Supreme Court of the United States: сайт. URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/12pdf/12-398_1b7d.pdf (дата обращения: 17.06.2022).

Список источников

1. Баев А.А. Геном человека: некоторые эτικο-правовые проблемы настоящего и будущего / А.А. Баев // Человек. – 1995. – № 2. – С. 5–13.
2. Малеина М.Н. Понятие и классификации геномной (генетической) информации / М.Н. Малеина // Lex Russica. – 2020. – Т. 73, № 7. – С. 50–58. – DOI: 10.17803/1729-5920.2020.164.7.050-058.
3. Чубукова С.Г. Правовые проблемы защиты генетической информации: субъектный подход / С.Г. Чубукова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 5. – С. 96–103. – DOI: 10.17803/2311-5998.2020.69.5.096-103.
4. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – 2-е изд., стер. – Москва : Статут, 2001. – 411 с.
5. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение / О.С. Иоффе. – Москва : Статут, 2020. – 782 с.
6. Синицын С.А. Абсолютные и относительные субъективные гражданские права: проблемы теории / С.А. Синицын // Журнал российского права. – 2016. – № 2. – С. 55–62. – DOI: 10.12737/17644.
7. Болтанова Е.С. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав / Е.С. Болтанова, М.П. Иमेкова // Lex Russica. – 2019. – № 6 (151). – С. 110–121. – DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.110-121.
8. Трушина Н.И. Патентование генов: философские, правовые и этические аспекты / Н.И. Трушина // Социально-политические науки. – 2017. – № 5. – С. 15–17.
9. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление и защита) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М.Н. Малеина. – Москва, 1997. – 431 с.
10. Тужилова-Орданская Е.М. Проблемы гражданского-правового регулирования в сфере защиты прав гражданина в Российской Федерации при использовании генетической информации / Е.М. Тужилова-Орданская, Е.В. Ахтямова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – Вып. 52. – С. 263–284. – DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-263-284.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ахтямова Евгения Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий;

Казаков Никита Андреевич – аспирант кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Akhlyamova Evgeniya Viktorovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies;

Kazakov Nikita Andreevich – Postgraduate Student of the Chair of Civil Law of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 16.11.2022; принята к публикации 16.11.2022. The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 16.11.2022; accepted for publication 16.11.2022.

REFERENCES

1. Baev A.A. Human genome: some ethical and legal problems of the present and future. *Chelovek = Man*, 1995, no. 2, pp. 5–13. (In Russian).
2. Maleina M.N. The concept and classification of genomic (genetic) information. *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 7, pp. 50–58. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.164.7.050-058. (In Russian).
3. Chubukova S.G. Legal problems of genetic information protection: a subjective approach. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2020, no. 5, pp. 96–103. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.69.5.096-103. (In Russian).
4. Gribanov V.P. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskih prav [Implementation and protection of civil rights]*. 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2001. 411 p.
5. Ioffe O.S. *Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu. Iz istorii civilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie [Selected works on civil law. From the history of civil thought. Civil legal relationship]*. Moscow, Statut Publ., 2020. 782 p.
6. Sinitsyn S.A. Absolute and relative subjective civil rights: theoretical issues. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 2, pp. 55–62. DOI: 10.12737/17644. (In Russian).
7. Boltanova E.S., Imekova M.P. Genetic information in the system of objects of civil rights. *Lex Russica*, 2019, no. 6 (151), pp. 110–121. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.110-121. (In Russian).
8. Trushina N.I. Gene patenting: philosophical, legal and ethical grounds. *Social'no-politicheskie nauki = Socio-Political Sciences*, 2017, no. 5, pp. 15–17. (In Russian).
9. Maleina M.N. *Lichnye neimushchestvennyye prava grazhdan (ponyatie, osushchestvlenie i zashchita). Dokt. Diss. [Personal non-property rights of citizens (concept, implementation and protection). Doct. Diss.]*. Moscow, 1997. 431 p.
10. Tuzhilova-Ordanskaya E.M., Akhtyamova E.V. Issues of civil law regulation regarding the protection of civil rights when using genetic information in the Russian Federation. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2021, iss. 52, pp. 263–284. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-263-284. (In Russian).

Научная статья
УДК 347.45/.47
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.13

Original article

КОЛЕСНИЧЕНКО Ольга Викторовна
Рязанский филиал Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя, Рязань, Россия;
e-mail: olja_korn@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-3645-2861>

KOLESNICHENKO Olga Viktorovna
Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow
University of the Ministry of Internal Affairs of
Russia, Ryazan, Russia.

КАРАТЕЛЬНЫЕ И СПРАВЕДЛИВЫЕ ФОРМЫ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ В ИСТОЧНИКАХ ПРАВА И ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

PUNITIVE AND FAIR FORMS OF COMPENSATION FOR HARM TO HEALTH IN THE SOURCES
OF LAW AND THE CIVIL LAW DOCTRINE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE
19TH - EARLY 20TH CENTURY

Аннотация. Несмотря на то что одной из важнейших задач развития института возмещения убытков признается строгая регламентация понятийной базы, в современной цивилистике вопросы выбора форм и способов возмещения вреда здоровью остаются без должного теоретического обоснования и рассмотрения. Поскольку проблемы применения гражданско-правовых последствий повреждения данного нематериального блага обычно раскрываются исключительно в контексте применения института компенсации морального вреда, особый интерес представляет исследование истории развития общих правил наступления деликтной ответственности за вред здоровью, а также первых попыток привлечения средств страхового возмещения для защиты имущественных интересов пострадавших от несчастных случаев. Цель: исследование деликтных источников и норм гражданского права Российской империи конца XIX – начала XX в., имеющих отношение к развитию традиционных и альтернативных правовых форм возмещения вреда здоровью, для выявления подходов, актуальных в современных условиях. Частные задачи состоят в выявлении проблем правовой регламентации соответствующих общественных отношений, основополагающих теоретических подходов и отдельных значимых мнений по вопросам о сущности и правовой природе деликтной ответственности в ее различных модификациях, а также альтернативных правовых средств возмещения вреда здоровью. Методы: общеправовые (материалистический, диалектический), общенаучные (логический, системно-структурный, аксиологический), частнонаучные (формально-юридический, историко-правовой, системный). Результаты: автором обосновывается существование в источниках права и цивилистической доктрине Российской империи рассматриваемого периода предпосылок к расширенному толкованию конструкции деликтной ответственности, сопровождающемуся включением в содержание такой ответственности справед-

Abstract. Despite the fact that one of the most important tasks for the development of the institution of compensation for losses is recognized as a strict regulation of the conceptual base, in modern civil law, the issues of choosing forms and methods of compensation for harm to health remain without proper theoretical justification and consideration. Since the problems of applying civil law consequences of damage to a given intangible good are usually revealed exclusively in the context of applying the institution of compensation for moral damage, it is of particular interest to study the history of the development of general rules for the onset of tort liability for harm to health, as well as the first attempts to attract insurance compensation funds to protect the property interests of accident victims. Purpose: to study the doctrinal sources and norms of civil law of the Russian Empire of the late 19th - early 20th centuries, related to the development of traditional and alternative legal forms of compensation for harm to health, in order to identify approaches that are relevant in modern conditions. The specific tasks are to identify the problems of legal regulation of the relevant social relations, underlying theoretical approaches and individual significant opinions on the issues of the essence and legal nature of tort liability in its various modifications, as well as alternative legal remedies for harm to health. Methods: general philosophical (materialistic, dialectical), general scientific (logical, system-structural, axiological), specific scientific (formal-legal, historical-legal, systemic) research methods are used. Results: the author substantiates the existence in the sources of law and the civil law doctrine of the Russian Empire of the period under consideration of the prerequisites for an expanded interpretation of the construction of tort liability, where such liability is accompanied by the inclusion of a fair obligation to compensate for material losses of a certain activity. Legal tools to individualize the punitive function of such liability, unusual in the modern era, have been identified (restrictions preventing the transfer of material losses to persons who are not delinquents when they commit crimes, the possibility to cover the indirect consequences of an offense with reward in terms of intentional unlawful acts, etc.). The difference between punitive

© Колесниченко О.В., 2022

2 В наименовании статьи сохранен термин «вознаграждение вреда», поскольку именно он использовался в законодательстве и в юридической литературе рассматриваемого периода. Здесь и далее используется в значении «возмещение вреда».

ливой обязанности по вознаграждению материальных потерь от определенного рода деятельности. Установлено наличие правовых инструментов индивидуализации карательной функции такой ответственности, нехарактерных для современной эпохи (ограничения, препятствующие переложению материальных потерь на лиц, не являющихся делинквентами, при совершении ими преступлений, возможность охватить вознаграждением опосредованные последствия правонарушения в части, касающейся умышленных недозволенных деяний, и др.). Различие между карательными и справедливыми формами возмещения вреда преподносится в качестве системообразующей проблемы цивилистики, решение которой и сегодня остается методологическим «ключом» к преодолению пробелов и противоречий правовой регламентации деликтных обязательств.

Ключевые слова: вред здоровью, физический вред, вознаграждение, возмещение, справедливость, карательная функция, деликтная ответственность

Для цитирования: Колесниченко О.В. Карательные и справедливые формы вознаграждения вреда здоровью в источниках права и цивилистической доктрине Российской империи конца XIX – начала XX века / О.В. Колесниченко // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 94-102. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.13.

and fair forms of compensation for harm is presented as a system-forming problem of civil law, the solution of which remains today the methodological «key» to overcome gaps and contradictions in the legal regulation of tort obligations.

Keywords: harm to health, physical harm, reward, compensation, justice, punitive function, tort liability

For citation: Kolesnichenko O.V. Punitive and fair forms of compensation for harm to health in the sources of law and the civil law doctrine of the Russian Empire in the late 19th – early 20th century. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 94-102. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.13 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

В современной цивилистической доктрине исследование правовой природы, форм и способов защиты нематериальных благ акцентировано на их воплощении в личных немущественных правах, с помощью которых достигается индивидуализация личности в обществе [1, с. 234], о чем недвусмысленно свидетельствует понимание их сущности как обеспечивающих гражданину физическую и интеллектуальную неприкосновенность его внутреннего мира [2, с. 30]. Поскольку наука тяготеет к постулированию качественной специфики способов защиты всех категорий нематериальных благ, проистекающих из особенностей их правовой природы, проблемы применения гражданско-правовых последствий повреждения здоровья обычно раскрываются в контексте применения института компенсации морального вреда, облеченного в правовую форму «возмездия» от применения имущественной санкции к делинквенту [3, с. 18]. Вопросы выбора форм и способов возмещения вреда здоровью в материальном смысле остаются без должного теоретического обоснования и рассмотрения, несмотря на то что строгая регламентация понятийной базы обоснованно считается одним из ключевых направлений развития института возмещения убытков [4, с. 689]. В сложившихся условиях особый интерес представляет изучение истории развития общих правил наступления

деликтной ответственности за вред здоровью, а также первых попыток привлечения средств страхового возмещения для защиты имущественных интересов пострадавших в результате несчастных случаев.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ ЗА ВРЕД ЗДОРОВЬЮ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ И ИСТОЧНИКАХ ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Как известно, в дореволюционной литературе в соответствии с принятой официальной терминологией понятие «вознаграждение за вред» использовалось для всех случаев повреждения материальных или нематериальных благ субъектов. Качественной особенностью законодательной техники того периода являлось определение правовых условий назначения компенсаций в двух обособленных разделах отд. 2 «О вознаграждении частном», отнесенного к гл. 6 Свода законов гражданских, которые посвящены «вреде и убыткам», причиненным преступлением или проступком, а также происходящим от деяния, не признаваемого преступлением или проступком¹. Неотъемлемым условием применения

¹ Свод законов Российской Империи (по изд. 1900 г.). Кн. 3. Т. X [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/> (дата обращения: 22.04.2022).

раздела о «преступном» вреде служило доказанное особым процессуальным порядком виновное совершение лицом преступления или проступка, причем, несмотря на то что интенсивность вины признавалась не имеющей правового значения для определения размера компенсации [5, с. 417–428], отдельное правило на этот счет все же существовало. Совершивший умышленное недозволенное деяние мог быть присужден к обязанности отвечать в повышенном размере и за более отдаленные неблагоприятные последствия своих действий (бездействия), если удавалось подтвердить, что его намерением охватывалось причинение потерпевшему каких-либо «более или менее важных» убытков или потерь (ст. 645 разд. II отд. 2 Свода законов гражданских).

Активную дискуссию между тем порождало содержание разд. III гл. 6 т. X Свода законов гражданских, в котором речь шла о вознаграждении за вред и убытки, следовавшие от деяний и упущений, не составляющих преступления (проступка). Перечисление в ст. 684 обстоятельств, освобождающих от обязанности по вознаграждению такого вреда, не вносило необходимой ясности в понимание ее правовой природы и качественных отличий от обязанности, предусмотренной ст. 644. В сущности, речь шла лишь о конкретизации обстоятельств, свидетельствующих о невозможности установления волевого элемента вины применительно к содеянному (принуждение на основании норм закона, личная оборота и др.). Иные нормы данного раздела частично отсылали к общему порядку определения размера причиненного вреда и убытков и повторяли положения об основных началах ответственности родителей (лиц, осуществляющих надзор за малолетними, безумными и сумасшедшими) за вред, причиняемый малолетними, частично – регулировали отдельные случаи возмещения вреда за последствия недозволенных деяний «иного рода» (возмещение вреда господами и верителями, владельцами диких и других опасных животных и др.).

А.М. Гуляев, проводя последовательный обзор действовавшего законодательства и кассационной практики Правительствующего сената, отмечал, что основанием ответственности по ст. 684 Свода законов гражданских является уже не вина, а причинная связь между вредом (убытками) и деянием, поскольку таковая может обнимать не только злой умысел и неосторожность, но и то «направление воли, за пределами которого лежит простой случай» [6, с. 489].

Такому подходу, однако, прямо противоречили указания на необходимость установления вины применительно к отдельным видам упущений (владельцы диких и иных опасных животных, к примеру, должны были быть повинны в недосмотре за ними), ввиду которых содержание рассматриваемой статьи воспринималось, скорее, в качестве общего правила, обязывающего каждого вознаграждать всякий вред и убытки, если они происходили от его действий (бездействия) [7, с. 68–69]. Предпринимались также попытки обосновать альтернативные количественные параметры оценки вины для целей гражданско-правового регулирования взамен «отрицательных критериев виновности», устанавливаемых ст. 684 [8, с. 74]. В целом же существующие разновидности недозволенных деяний чаще всего подразделялись по сугубо формальным основаниям на гражданские правонарушения, совпадающие с преступлениями (проступками), и правонарушения, порождающие лишь обязанность по возмещению вреда [9, с. 577].

Юрико-техническое решение, предполагающее обособленное регулирование имущественных последствий различных по степени своей общественной опасности недозволенных деяний, находило различный отклик в доктрине и развивающейся судебной практике в отношении отдельных видов обязательств. В частности, И.М. Тютрюмов в обстоятельном обзоре законов гражданских обосновывал, что перечисленные в ст. 649–654 случаи привлечения третьих лиц к исполнению обязанности по возмещению вреда, причиненного чужим преступлением или проступком, составляют суть исключения исчерпывающего характера [10, с. 763]. По этой логике господа и верители не могли быть привлечены к возмещению причиненного их слугами и поверенными вреда в случае совершения ими преступлений.

Из приводимого К.П. Змировым объяснения относительно процессуальных аспектов участия владельцев железнодорожных и паровозных предприятий в рассмотрении дел о преступлениях, совершенных их служащими, следовало, что имущественная ответственность третьих лиц может носить карательный характер, если они привлекаются к обязанности по возмещению вреда за собственную вину, выразившуюся в ненадлежащем надзоре или недосмотре за его причинителем, а может представлять собой явление обособленное, существующее в силу специальных правовых оснований, при этом последнее исключает

привлечение третьего лица к возмещению вреда в суде уголовном [7, с. 37].

Можно было бы предположить, что законодатель разделял таким образом карательные и иные формы возмещения вреда, основное различие между которыми состояло в том, что первые применялись при наличии вины тех или иных лиц в наступлении неблагоприятного результата (большая вина здесь как бы поглощала меньшую, поэтому при совершении преступлений или проступков вызванные ими вред и убытки не могли быть полностью или частично переложены на третьих лиц, лишь опосредованно причастных к случившемуся), вторые же предписывали отдельным субъектам нести вызванные их деятельностью материальные потери только потому, что было бы несправедливо сохранить их бремя за потерпевшим. Последовательному применению такого подхода, однако, препятствовало отсутствие в нормах права четко выраженного правила о возложении обязанности по вознаграждению вреда, причиненного преступлением или проступком, исключительно на его причинителя в сочетании с желанием законодателя использовать право требования потерпевшего к очевидно более состоятельному в имущественном плане третьему лицу в качестве эффективного средства гражданско-правовой защиты.

Появление альтернативных подходов к определению основания и условий вознаграждения вреда, причиненного здоровью в процессе эксплуатации транспорта

С развитием промышленности и технологий идея справедливого возмещения вреда и солидаризации имущественной ответственности получила дальнейшее распространение в том ключе, что именно на началах справедливости в противовес карательным началам на субъектов, извлекающих прибыль от определенного рода деятельности, предполагалось возлагать вызванные такой деятельностью убытки. Будучи отправной идеей для преобразования законодательства в области вознаграждения за вред, причиненный повреждением здоровья или смертью, эта идея тем не менее повлекла за собой принципиально различное развитие форм и способов возмещения физического вреда применительно к отдельным повреждающим факторам.

Специальная норма ст. 683 Свода законов гражданских об ответственности железнодо-

рожных и паровозных предприятий в 1900 г. впервые ввела опровержимую презумпцию вины предпринимателей в причинении вреда здоровью в ходе эксплуатации железных дорог и паровозного сообщения. Такая ответственность реализовывалась в своем непосредственном значении, то есть не была тождественна современной конструкции ответственности независимо от вины («строгой» ответственности). Основанием, освобождающим предприятие от обязанности вознаградить вред данного рода, служило не только доказательство воздействия непреодолимой силы, но и наступление несчастия «не по вине управления предприятием и его агентов».

Вместе с тем развитие судебной практики по применению указанных положений шло вразрез с их буквальным содержанием или даже существенно их дополняло. Так, причинение вреда волею случая могло быть доказуемо предпринимателем как факт, подтверждающий отсутствие вины в несчастии со стороны его управления или агентов, однако Правительствующий сенат в своей кассационной практике достаточно быстро встал на сторону подхода, согласно которому случай не исключал применения ст. 683. Происхождение вреда «не по вине управления предприятием или его агентов» следовало толковать в ограничительном смысле как доказательство его причинения только лишь в результате собственной вины потерпевшего или не принадлежащих к предприятию посторонних лиц, деяния которых не производили собой той особой опасности, которая присуща эксплуатации железных дорог или паровозному сообщению².

Идея о виновном свойстве ответственности владельцев железнодорожных и паровозных предприятий вкупе с предположением об особом содержании этой вины находила косвенное подтверждение в предоставлении таким субъектам права обратного требования к совершившим недозволенное деяние агентам. Виновность железной дороги или паровозного предприятия, исходя из этого подхода, состояла в отсутствии постоянной, непрерывной и неослабевающей заботливости [11, с. 707], которая могла бы оградить и от простой случайности, если ее проявлению способствовала особая опасность данного рода деятельности.

² Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1901 г. № 115 // Вознаграждение за вред и убытки, вследствие смерти или повреждения здоровья, причиненных железнодорожными и паровозными предприятиями, по решениям Правительствующего Сената. СПб.: Сенатская тип., 1908. С. 113.

Однако согласно отмеченному выше принципу действия «карательных» форм возмещения вреда большая вина поглощала меньшую, поэтому при наличии возможности вменения конкретных упущений в вину отдельным физическим лицам ответственность могла быть доведена до непосредственного причинителя вреда без ущерба интересам пострадавшего. Тем временем при урегулировании несчастных случаев, наступлению которых способствовали деяния самого пострадавшего, вновь подлежал применению общий стандарт вины в гражданском праве, понимаемой в контексте проявления/непроявления той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась бы по обстоятельствам дела от каждого разумного человека³. Как справедливо отмечал по этому поводу Т.М. Яблочков, лежащая в основе ответственности идея о происхождении несчастия от «опасности промысла» не доводилась до конца, а сама такая ответственность была подобна товару, измеряемому аршином в 16 вершков для обычных покупателей и 12 вершков – для подвыпивших [5, с. 414].

С появлением в законе норм об усиленной ответственности железнодорожных и паровозных предприятий изменился и подход к способам и порядку вознаграждения вреда здоровью. В то время как общими нормами гражданского законодательства определение размера возмещения вреда отдавалось на усмотрение суда, для данного случая впервые обосновывался принцип полного возмещения всего фактического причиненного ущерба. Из объема и размера последнего исключались составляющие и части выплат, погашенные в результате применения альтернативных форм компенсации, во внедрении которых владелец предприятия принимал непосредственное участие (речь шла, в частности, о выплате пособий пострадавшим агентам и служащим из сберегательных касс и касс взаимопомощи предприятия в той части, в которой источником их формирования не являлись собственные взносы заявителя или начисленные по ним проценты⁴). В отличие от общих правил вознаграждение назначалось по выбору по-

терпевшего, а не суда в форме повременных платежей либо единовременной суммы. В последнем случае, однако, с тем расчетом, что с ее выплатой погашались все будущие материальные претензии пострадавшего независимо от последующего ухудшения состояния здоровья.

ПОЯВЛЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЙ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЗДОРОВЬЮ В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ НА ПРОИЗВОДСТВЕ.

ИНЫЕ ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

В рассматриваемый период ввиду все тех же причин, связанных с расширением области применения машин в процессе человеческой жизнедеятельности, появилась потребность в предложении более эффективных правовых средств возмещения вреда лицам, пострадавшим в результате несчастных случаев в промышленности и на производстве. Первым шагом на этом пути стало принятие специальных правил о вознаграждении за вред, причиненный при эксплуатации предприятий фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности в отношении фабричных и заводских рабочих⁵, согласно которым владельцы таких предприятий могли быть освобождены от обязанности произвести необходимое вознаграждение только в том случае, если могли доказать происхождение физического вреда от злого умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего. Для оценки последней вводился параметр соответствия поведения работника условиям и обстановке производства работ⁶.

Несмотря на то что приводимые положения не вошли в состав действовавшего гражданского законодательства (в ст. 683 Свода законов гражданских появилось примечание о регламентации соответствующих вопросов Уставом о промышленности), на данном этапе речь шла, на наш взгляд, о модификации конструкции имущественной ответственности

3 Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1905 г. № 31 // Вознаграждение за вред и убытки, вследствие смерти или повреждения здоровья, причиненных железнодорожными и паровозными предприятиями, по решениям Правительствующего Сената. С. 130–131.

4 Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 28 июня 1912 г. № 1301 // Законы гражданские. Петроград : Изд. И.И. Зубкова под фирмой «Законоведение», 1915. Т. I. С. 676.

5 Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности: высочайше утв. 2 июня 1903 г. [Электронный ресурс] // Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова : сайт. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1903.htm> (дата обращения: 22.04.2022).

6 Свод законов Российской Империи. Кн. 4. Т. XI. Ч. 2. Устав о промышленности. СПб. : Книжное товарищество «Деятель», 1912. С. 1263–1279.

владельцев горнозаводских и фабричных производств. В отличие от специальной ответственности владельцев транспортных предприятий она приобретала не только полностью независимый от вины («строгий») характер, но и была распространена до пределов влияния обстоятельств непреодолимой силы с тем условием, что телесные повреждения были причинены пострадавшему работами по производству предприятия или произошли от таких работ. Обоснованием такого подхода служила преобладавшая еще до принятия закона 1903 г. доктринальная позиция, согласно которой в результате сознательного вовлечения к служению в производстве различных сил природы сами условия труда на таких предприятиях отличались высокой вероятностью случайных и неожиданных проявлений сил и движений предметов, чаще всего являющихся непосредственной причиной несчастий [12, с. 230].

В связи с развитием постулата о неустрашимом свойстве опасностей, присущих производственному процессу, стала постепенно приобретать осязаемые очертания теория риска в деликтных обязательствах. Выдвигаемая часто теми же авторами, которые в качестве субъективного условия возникновения любой обязанности по вознаграждению вреда воспринимали только вину в различных ее формах, она, однако, содержала в себе ключевую мысль о том, что опасность наступления внезапных вредоносных событий, грозящая рабочим, представляет собой не что иное, как профессиональный риск, присущий данному роду деятельности. Принятие этого риска владельцами фабрично-заводских и горных предприятий в полном объеме предполагало и вознаграждение потерь от его объективизации, независимо от наличия или отсутствия с их стороны конкретных упущений [13, с. 4, 13]. Впрочем, и этот подход не давал полноценного объяснения законодательным изменениям, в особенности применительно к оговорке о грубой неосторожности пострадавшего, которая умаляла практическое значение вводимых правил. Идея профессионального риска нередко вновь раскрывалась через такое представление о социальной справедливости, при котором расширенная ответственность предпринимателей всегда являлась безвиновной [14, с. 5–6].

От описанных теоретических представлений проистекали первые предложения о введении обязательного страхования жизни и здоровья рабочих, материализовавшиеся в 1912 г. с принятием соответствующего

закона⁷. Сущность описываемой в нем страховой формы возмещения вреда состояла в реализации такой разновидности личного страхования, где страховым событием признавался любой факт гибели или увечья рабочего, произошедший во время или вследствие исполнения им своих обязанностей, независимо от виновности нанимателя. Определение несчастного случая было построено таким образом, чтобы подчеркнуть наступление *ответственности* предпринимателя за профессиональный риск как опасность, создаваемую самими условиями производства работ. При таком подходе потери от рисков, происходящих от опасностей иного рода (например, от эксплуатации транспорта предприятия), не подлежали возмещению, несмотря на то что они могли состоять в причинении физического вреда рабочим и служащим.

В то время как обязанность по оплате страховой премии предлагалось рассматривать в качестве видоизмененной формы деликтной ответственности, утрачивающей свою «индивидуальность», доктрина избегала окончательного определения основания и условий возникновения деликтных обязательств данного рода, вновь ограничиваясь обращением к принципу справедливости. В ситуации, когда расширением пределов ответственности в количественном отношении (увеличением числа обязанных лиц) аргументировалось облегчение бремени ее несения посредством установления границ вознаграждения [13, с. 165], игнорировались различия между правовым результатом, основаниями возникновения и прекращения деликтного и страхового обязательства, а равно и такими разновидностями страхования, как страхование рисков причинения вреда и страхование ответственности.

Интересно, что отход от принципа полного вознаграждения причиненного вреда был характерен уже для закона о специальной ответственности предпринимателей от 2 июня 1903 г., согласно которому ключевым критерием для определения размера вознаграждения служила утрата трудоспособности. Так, в период временной неспособности к труду пострадавший имел право на получение половины своего прежнего заработка в течение всего периода болезни. Далее, в случае лишения способности к труду навсегда и в полном

⁷ О страховании рабочих от несчастных случаев: высочайше утвержденный и одобренный Государственным советом и Государственной думой закон от 23 июня 1912 г. // Собрание узаконений. 1912. 11 июля. Отд. I, ст. 1230.

объеме, пожизненная пенсия равнялась 2/3 прежнего дохода, а при частичном сохранении таковой определялась в уменьшенном размере, соответственно степени ослабления трудоспособности. Не оплачивались первые три дня болезни, кроме того, дополнительным ограничением служило исчисление годового содержания пострадавшего из расчета 260 рабочих дней в году, тогда как в реальности продолжительность рабочего времени превышала этот показатель в среднем на 20 дней, то есть практически на один период выплаты заработной платы [15, с. 135–138]. При назначении по желанию пострадавшего единовременной выплаты взамен пожизненной пенсии ее размер был равен десяти ежегодным содержаниям⁸, а расходы на лечение возмещались в суммах, определяемых по нормативам финансирования местных больниц, и только в том случае, если пострадавшему не предлагалось бесплатного лечения в лечебницах, принадлежащих работодателю.

Закон 1912 г. несколько увеличил объем вознаграждения пострадавшим, однако в основу правил его определения была положена обширная практика добровольного страхования предпринимателями жизни и здоровья рабочих, наработанная с 1903 г., в рамках которой задача полного вознаграждения даже не ставилась. Так, пособия временно нетрудоспособным были доведены до 2/3 прежнего заработка, а пенсии при постоянной нетрудоспособности рассчитывались на основании аналогичного показателя, теперь уже с учетом конкретной степени такой утраты. Лишь в редких случаях вознаграждение соответствовало реальному денежному содержанию. К ним относились случаи полной потери зрения, потери обеих рук или ног, сумасшествие и др. Число рабочих дней в году признавалось равным 280 в качестве общего правила, в то же время при замене периодических выплат единовременной суммой сохранялись принципы, изложенные в законе 1903 г. Поскольку предприниматели по-прежнему обязывались организовывать оказание медицинской помощи рабочим за свой счет, расходы на лечение возмещались только тогда, когда данная помощь пострадавшему по тем или иным причинам не предлагалась, и были ограничены двумя параметрами: действительным характером затрат и квотой, утверждаемой присутствием по делам страхования рабочих.

Несмотря на развитие двух столь различ-

ных подходов к правовой регламентации вознаграждения вреда от новых техногенных угроз, в отношении постепенно актуализирующейся проблемы ответственности владельцев автомобильного транспорта высказывалось мнение о том, что определение ее правовой природы «не представляет особых затруднений». К этой категории новых несчастных случаев предлагалось применять те же начала «усиленной» ответственности, которые ранее были предусмотрены для владельцев железнодорожных и фабрично-заводских предприятий [16, с. 583]. Что касается иных случаев возникновения обязанности по возмещению вреда (физического и не только), происхождение которого нельзя было связать с повышенными опасностями особого рода, то здесь законодатель оказался весьма скуп на применение принципа конкретной справедливости [17, с. 290]. Так, например, должностные лица, по общему правилу ст. 677 Свода законов гражданских, лично возмещали вред, причиненный действиями (бездействием), совершенными ими в качестве представителей государственной власти, тогда как специальный процессуальный порядок рассмотрения требований граждан, пострадавших в результате их «неосмотрительности, нерадения и медленности», не отменял условия о вине [18, с. 422–426]. Область имущественной ответственности судей была ограничена случаями приговора невиновному при доказанном наличии «злого умысла» или «пристрастия» либо «явно неправильном толковании закона, ясно изложенного» (ст. 678)⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как можно видеть, в дореволюционный период развития гражданского права применительно к вреду здоровью условно разделялись карательные и справедливые формы компенсации. Основное различие между ними состояло в том, что первые применялись при наличии вины тех или иных лиц в наступлении неблагоприятного результата, вторые же предписывали отдельным субъектам нести вызванные их деятельностью материальные потери только потому, что было бы несправедливым сохранить их бремя за потерпевшим.

Вместе с тем последовательному применению этого подхода препятствовали соображения практической целесообразности,

⁸ Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1909 г. № 15 // Законы гражданские. Т. I. С. 667.

⁹ Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1891 г. № 8; от 1885 г. № 76 // Законы гражданские. Т. I. С. 672.

оправдывающие предоставление жертве права требования к наиболее состоятельному в имущественном плане лицу в качестве эффективного средства гражданско-правовой защиты. Так, в исследуемый период уже допускалось расширенное толкование конструкции деликтной ответственности, включающее в нее справедливую обязанность по вознаграждению материальных потерь, проистекающих от определенного рода деятельности, субъектами, извлекающими от такой деятельности основные экономические выгоды и обладающими для ее исполнения необходимыми материальными ресурсами, то есть такая ответственность в ряде случаев модифицировалась из карательной в справедливую форму компенсации. Во избежание такого «упрощения» предлагались механизмы предупреждения несправедливости уже по отношению к обязанным лицам, включая возможность окончательного доведения ответственности до виновного лица (право регресса), установление ограничений по объему и размеру компенсаций, введение обязательного страхования пропорционально количеству или качественному расширению пределов «ответственности». Карательные средства компенсации реализовывались так же посредством регламентации обособленных правил о вознаграждении за вред в зависимости от тяжести недозволенного деяния, введения ограничений, препятствующих переложению материальных потерь на лиц, не являющихся непосредственными причините-

лями вреда, при совершении последними некоторых преступлений и проступков, а также правила о возможности охватить вознаграждением опосредованные последствия правонарушения в части, касающейся умышленных недозволенных деяний.

Наряду со всем сказанным важнейшим заблуждением, на долгие годы определившим содержание дискуссий о назначении института гражданско-правовой ответственности, стало размывание границ между карательным и справедливым средством компенсации. Устранение этой системообразующей проблемы сегодня требует от цивилистической доктрины формирования единой позиции по ряду весьма «неудобных» вопросов, включая, в частности, вопросы о том, существует ли в зоне гражданско-правового регулирования вина за пределами традиционных понятий умысла и неосторожности, должна ли большая или меньшая вина влиять на возможность фактического доведения ответственности до нарушителя, может ли размер материальной ответственности отличаться в зависимости от степени тяжести и общественной опасности деяния, в каких пределах допустим регресс в деликтных и страховых правоотношениях и др. Таким образом, различие между карательными и справедливыми формами возмещения вреда и по сей день является своего рода методологическим «ключом» к решению многих противоречий и проблем правовой регламентации деликтных обязательств.

Список источников

1. Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовое регулирование личных прав граждан: теоретические основы и проблемы совершенствования в эпоху глобализации / А.Е. Шерстобитов, А.Х. Ульбашев // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 440. – С. 231–243.
2. Андреев В.К. Существо нематериальных благ и их защита / В.К. Андреев // Журнал российского права. – 2014. – № 3. – С. 27–33.
3. Богданов Д.Е. Справедливость как основное начало социализации и гуманизации деликтной ответственности / Д.Е. Богданов // Адвокат. – 2013. – № 3. – С. 7–19.
4. Монастырский Ю.Э. Реформа гражданско-правовых обязательств в РФ и ее влияние на институт возмещения вреда (убытков) / Ю.Э. Монастырский // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – Вып. 54. – С. 689–698.
5. Яблочков Т.М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков / Т.М. Яблочков. – Ярославль : Тип. Губернского правления, 1911. – Т. II. – 612 с.

REFERENCES

1. Sherstobitov A.E., Ulbashev A.Kh. Civil law regulation of personal rights of citizens: theoretical foundations and problems of improvement in the era of globalization. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University, 2019, no. 440, pp. 231–243. (In Russian).
2. Andreev V.K. The essence of intangible benefits and their protection. Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law, 2014, no. 3, pp. 27–33. (In Russian).
3. Bogdanov D.E. Justice as the basic principle of socialization and humanization of tort liability. Advokat = Advocate, 2013, no. 3, pp. 7–19. (In Russian).
4. Monastyrsky Yu.E. The reform of civil law obligations in the Russian Federation and its impact on the institution of compensation for harm (losses). Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences, 2021, iss. 54, pp. 689–698. (In Russian).
5. Yablochkov T.M. Vliyanie viny potepvshogo na razmer vozmeshchaemyh emu ubytkov [Influence of the victim's guilt on the amount of damages reimbursed to him]. Yaroslavl, Printing house of the Provincial government Publ., 1911. Vol. II. 612 p.

6. Гуляев А.М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства, кассационной практики Прав. Сената и проекта Гражданского уложения / А.М. Гуляев. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 638 с.
7. Змирлов К.П. Вознаграждение за вред и убытки, вследствие смерти или повреждения здоровья, причиненных железнодорожными и паровыми предприятиями : по решениям Правительствующего сената / К.П. Змирлов. – Санкт-Петербург : Сенатская тип., 1908. – 200 с.
8. Дювернуа Н.Л. Конспект лекций по русскому гражданскому праву / Н.Л. Дювернуа. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. – 425 с.
9. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Изд. Бр. Башмаковых, 1911. – 851 с.
10. Тютрюмов И.М. Законы гражданские / И.М. Тютрюмов. – Петроград : изд. И.И. Зубкова под фирмою «Законоведение», 1915. – Т. I. – 870 с.
11. Брук М. Хроники гражданского суда / М. Брук // Юридический вестник. – 1886. – № 12. – С. 707–722.
12. Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России / В.П. Литвинов-Фалинский. – Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1900. – 365 с.
13. Литвинов-Фалинский В.П. Ответственность предпринимателей за увечья и смерть рабочих по действующим в России законам / В.П. Литвинов-Фалинский. – Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1903. – 382 с.
14. Нолькен А.М. Законы о вознаграждении за увечье и смерть в промышленных заведениях частных, общественных и казенных: практическое руководство / А.М. Нолькен. – Санкт-Петербург : Изд. юридического книжного склада «Право», 1911. – 372 с.
15. Войтинский И. Общая и профессиональная трудоспособность в сенатской практике по применению закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении увечных рабочих / И. Войтинский // Право. – 1912. – № 3. – С. 134–138.
16. Гинс Г. Автомобильное право, в особенности гражданская ответственность владельцев автомобилей / Г. Гинс // Право. – 1910. – № 10. – С. 580–589.
17. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – Москва : Статут, 2020. – (Классика российской цивилистики). – 351 с.
18. Лазаревский Н.И. Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами / Н.И. Лазаревский. – Санкт-Петербург : Тип. Санкт-Петербургского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 1905. – 712 с.
6. Gulyaev A.M. Russkoe grazhdanskoe pravo. Obzor dejstvuyushchego zakonodatel'stva, kassacionnoj praktiki Prav. Senata i proekta Grazhdanskogo ulozheniya [Russian civil law. Review of current legislation, cassation practice of the Governing Senate and draft Civil Code]. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1913. 638 p.
7. Zmirlov K.P. Voznagrazhdenie za vred i ubytki, vsledstvie smerti ili povrezhdeniya zdorov'ya, prichinennyh zheleznodorozhnymi i parohodnymi predpriyatiyami: po resheniyam Pravitel'stvuyushchego senata [Compensation for harm and losses due to death or damage to health caused by railway and steamship enterprises: by decisions of the Governing Senate]. Saint Petersburg, Senate Printing House Publ., 1908. 200 p.
8. Duvernoix N.L. Konspekt lekcij po russkomu grazhdanskomu pravu [Abstract of lectures on Russian civil law]. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1897. 425 p.
9. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian civil law]. Moscow, Brothers Bashmakov Publ., 1911. 851 p.
10. Tyutryumov I.M. Zakony grazhdanskije [Civil laws]. Petrograd, Zakonovedenie Publ., 1915. Vol. I. 870 p.
11. Brook M. Chronicles of the Civil Court. Yuridicheskij vestnik = Legal Bulletin, 1886, no. 12, pp. 707–722. (In Russian).
12. Litvinov-Falinsky V.P. Fabrichnoe zakonodatel'stvo i fabrichnaya inspekciya v Rossii [Factory legislation and factory inspection in Russia]. Saint Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1900. 365 p.
13. Litvinov-Falinsky V.P. Otvetstvennost' predprinimatelej za uvech'ya i smert' rabochih po dejstvuyushchim v Rossii zakonam [Responsibility of entrepreneurs for injury and death of workers under the laws in force in Russia]. Saint Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1903. 382 p.
14. Nolken A.M. Zakony o voznagrazhdenii za uvech'e i smert' v promyshlennyh zavedeniyah chastnyh, obshchestvennyh i kazennyh: prakticheskoe rukovodstvo [Laws on remuneration for mutilation and death in private, public and state industrial establishments: a practical guide]. Saint Petersburg, Pravo Publ., 1911. 372 p.
15. Voitinsky I. General and professional capacity for work in Senate practice on the application of the law of June 2, 1903 on the remuneration of crippled workers. Pravo = Law, 1912, no. 3, pp. 134–138. (In Russian).
16. Gins G. Automobile law, in particular the civil liability of car owners. Pravo = Law, 1910, no. 10, pp. 580–589. (In Russian).
17. Pokrovsky I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava [Main problems of civil law]. Moscow, Statut Publ., 2020. 351 p.
18. Lazarevsky N.I. Otvetstvennost' za ubytki, prichinennye dolzhnostnymi licami [Responsibility for losses caused by officials]. Saint Petersburg, Slovo Publ., 1905. 712 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kolesnichenko Olga Viktorovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines, Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 09.09.2022; одобрена после рецензирования 18.10.2022; принята к публикации 19.10.2022. The article was submitted 09.09.2022; approved after reviewing 18.10.2022; accepted for publication 19.10.2022.

Научная статья
УДК 347.131.2
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.14

Original article

МАКАРОВА Ольга Александровна
Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: moamoa@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-3021-6449>

MAKAROVA Olga Alexandrovna
Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О ПРИЗНАНИИ АКЦИЙ БЕСХОЗЯЙНЫМИ

REVIEW OF JUDICIAL PRACTICE IN CASES OF RECOGNIZING SHARES AS OWNERLESS

Аннотация. Статья выполнена на основе анализа судебно-арбитражной практики по делам о признании акций эмитента бесхозными и признании права собственности эмитента на эти акции. Поскольку юридическое лицо, являвшееся акционером эмитента, ликвидировано, то акции, числящиеся в реестре акционеров за таким ликвидированным юридическим лицом, по мнению эмитента, являются брошенными (п. 2 ст. 226 ГК РФ). Обращаясь в суд с иском о признании акций бесхозными, истец ссылается на то, что участники (акционеры) и кредиторы ликвидированного юридического лица, их правопреемники ему неизвестны; какие-либо лица своих прав и какого-либо интереса в отношении акций не проявляют, что явно свидетельствует об утраченном интересе к акциям; спорные акции числятся за лицом, не обладающим правоспособностью. По мнению истца-эмитента, в отсутствие собственника акций и полномочий эмитента исключить из реестра недействующее юридическое лицо запись о ликвидированном юридическом лице в реестре акционеров является формальностью, создающей правовую неопределенность судьбы акций, и не может свидетельствовать о наличии у акций собственника; сам факт того, что в процессе ликвидации юридического лица акции не были включены в ликвидационный остаток или конкурсную массу и распределены в установленные сроки между заинтересованными лицами, свидетельствует об отказе от права собственности на такие акции. Сложившаяся ситуация препятствует ведению нормальной финансово-хозяйственной деятельности эмитента, поскольку его акции фактически выведены из гражданского оборота. Поэтому предъявление заявления о признании акций бесхозными является единственным доступным способом защиты прав и законных интересов как эмитента, так и его акционеров². Обобщение судебно-арбитражной практики свидетельствует о сформировавшемся однозначном подходе арбитражных судов по таким делам: вслед за Вер-

Abstract. The article is based on the analysis of judicial and arbitration practice in cases of recognizing the issuer's shares as ownerless and recognizing the issuer's ownership of these shares. Since the legal entity that was the issuer's shareholder has been liquidated, the shares listed in the register of shareholders for such a liquidated legal entity, in the opinion of the issuer, are abandoned (Clause 2 of Article 226 of the Civil Code of the Russian Federation). When applying to the court with a claim to recognize the shares as ownerless, the claimant alleges that the participants (shareholders) and creditors of the liquidated legal entity, their legal successors, are unknown to him; any persons do not show their rights and any interest in relation to the shares, which clearly indicates a lost interest in the shares; disputed shares are registered with a person who does not have legal capacity. In view of the claimant - issuer, in the absence of the owner of the shares and the issuer's authority to exclude from the register an inactive legal entity, the entry on the liquidated legal entity in the register of shareholders is a formality that creates legal uncertainty about the fate of the shares, and cannot indicate that the shares have an owner; the very fact that during the liquidation of a legal entity the shares were not included in the liquidation balance or bankruptcy estate and were distributed within the established time limits among the interested parties indicates a waiver of ownership of such shares. The current situation impedes the normal financial and economic activities of the issuer, since its shares have actually been withdrawn from civil circulation. Therefore, the application to recognize shares as ownerless is the only available way to protect the rights and legitimate interests of both the issuer and its shareholders. The generalization of judicial and arbitration practice shows that arbitration courts have developed an unequivocal approach to such cases: following the Supreme Court of the Russian Federation, arbitration courts indicate that shares do not have the signs of ownerless things upon liquidation of the shareholder - a legal entity and the issuer of shares does not have the right of the owner of these shares. «A liquidated legal entity that was previously a shareholder has legal successors in the person of its participants (shareholders) who have the right to a liquidation quota (clause 8 of Article 63 of the Civil Code of the Russian Federation, Clause 1 of Article 148 of the Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ «On insolvency (bankruptcy)» and on the distribution of property discovered after its liquidation (Clause 5.2 of Article 64 of the Civil Code of the Russian Federation), or

© Макарова О.А., 2022

2 В рассмотренных арбитражных делах в качестве ответчика привлекалась либо Федеральная налоговая служба, либо регистратор (держатель реестра). ФНС обоснованно заявила, что является ненадлежащим ответчиком. Что касается регистратора, то он указал, что с его стороны отсутствуют какие-либо нарушения прав и законных интересов эмитента. Представляется, что в данной категории дел речь идет об установлении факта: признания вещи (акций) бесхозной и признания права на эти акции эмитента. Регистратор обязан по решению суда сделать соответствующую запись в реестре.

ховным Судом РФ арбитражные суды указывают, что акции не обладают признаками бесхозяйных вещей при ликвидации акционера – юридического лица и у эмитента акций не возникают правомочия собственника в отношении этих акций. «Ликвидированное юридическое лицо, ранее являвшееся акционером, имеет правопреемников в лице своих участников (акционеров), обладающих правом на ликвидационную квоту (п. 8 ст. 63 ГК РФ, п. 1 ст. 148 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон № 127-ФЗ) и на распределение имущества, обнаруженного после его ликвидации (п. 5.2 ст. 64 ГК РФ), либо в случае ликвидации юридического лица в результате завершения конкурсного производства правами на распределение обнаруженного имущества юридического лица обладают его неудовлетворенные кредиторы (п. 5.2 ст. 64 ГК РФ, п. 11 ст. 142 Закона № 127-ФЗ)»³. Представляется, что такой формально верный подход судебной практики не обеспечивает интересы эмитента и не решает вопрос о судьбе акций, которые значатся в реестре как принадлежащие ликвидированному юридическому лицу – акционеру. Цель: проанализировать действующее законодательство о ликвидации юридических лиц с точки зрения обеспечения интересов эмитента, акциями которого владеет ликвидированное юридическое лицо, и ответить на вопросы: обязан ли эмитент выявлять участников ликвидированного юридического лица – акционера эмитента, обязано ли само ликвидированное юридическое лицо уведомлять эмитента о своих участниках, как быть в ситуации, когда участники ликвидированного юридического лица, а также его кредиторы продолжительное время не обращаются за распределением имущества, оставшегося после ликвидации юридического лица? Методом исследования явился формально-юридический подход, а также метод буквального толкования положений действующего законодательства. Результаты: режим акций, принадлежащих ликвидированному юридическому лицу – акционеру, законодательно не определен. ГК РФ и специальные законы о коммерческих корпорациях не предусматривают возможность признания таких акций бесхозяйными с целью передачи их эмитенту. Вместе с тем такой вариант нельзя исключать, применяя аналогию закона по ст. 6 ГК РФ. Сложившаяся судебная практика отказывается в признании акций ликвидированного юридического лица бесхозяйными, тем самым не позволяя эмитенту распоряжаться ими и сохраняя неопределенность в их режиме. Выход из ситуации – включение в законодательство положений, обязывающих юридическое лицо, принявшее решение о своей ликвидации, уведомлять об этом эмитента и регистратора (держателя реестра).

Ключевые слова: ликвидация юридического лица, бесхозяйные вещи, бесхозяйные акции, право на ликвидационную квоту, ликвидационный остаток (квота)

Для цитирования: Макарова О.А. Обзор судебной практики по делам о признании акций бесхозяйными / О.А. Макарова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 103–111. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.14.

³ Определение Верховного Суда РФ от 03.08.2021 № 304-ЭС21-12087 по делу № А75-15245/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/> (дата обращения: 10.08.2022); Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2021 № 304-ЭС21-11230 по делу № А75-18996/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/> (дата обращения: 10.08.2022).

in the event of liquidation of a legal entity as a result of the completion of the tender proceedings, the unsatisfied creditors of the legal entity have the right to distribute the discovered property (Clause 5.2 of Article 64 of the Civil Code of the Russian Federation, Clause 11 of Article 142 of Law No. 127-FZ)». This formally correct approach of judicial practice does not seem to safeguard the interests of the issuer and does not address the fate of the shares that are listed in the registry as belonging to the liquidated entity – the shareholder. Purpose: to analyze the current legislation on liquidation of legal entities from the point of view of securing the interests of the issuer, the shares of which are owned by the liquidated legal entity, and answer the questions: whether the issuer is obliged to identify participants in the liquidated legal entity – the shareholder of the issuer, whether the liquidated legal entity itself is obliged to notify the issuer about its participants, what to do in the situation when the participants of the liquidated legal entity, and its creditors do not apply for a long time for the distribution of the property remaining after the liquidation of the legal entity. The research method is a formal legal approach, as well as a method of literal interpretation of the provisions of the current legislation. Results: the regime of shares owned by a liquidated legal entity – a shareholder is not defined by law. The Civil Code of the Russian Federation and special laws on commercial corporations do not provide for the possibility of recognizing such shares as ownerless in order to transfer them to the issuer. At the same time, such an option cannot be ruled out by applying the analogy of the law under Article 6 of the Civil Code of the Russian Federation. The established judicial practice refuses to recognize the shares of a liquidated legal entity as ownerless, thereby preventing the issuer from disposing of these shares and maintaining uncertainty in their regime. The way out is to include in the law provisions obliging the legal entity that has decided to liquidate itself to notify the issuer and the registrar (the holder of the registry) thereof

Keywords: liquidation of a legal entity, ownerless things, ownerless shares, right to liquidation quota, liquidation balance (quota)

For citation: Makarova O.A. Review of judicial practice in cases of recognizing shares as ownerless. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 103–111. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.14 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, порядок ликвидации юридического лица регламентирован нормами ГК РФ (ст. 61–64.1) и положениями специальных федеральных законов. Речь идет, прежде всего, об уведомлении кредиторов данного юридического лица и удовлетворении их требований. Специальные федеральные законы предусматривают также порядок распределения имущества ликвидированного юридического лица, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, между его участниками (акционерами). Между тем ликвидируемое юридическое лицо может являться акционером акционерного общества – эмитента и иметь его акции. Какова судьба таких акций, если они остались у ликвидированного юридического лица после удовлетворения требований кредиторов? Для ответа на этот вопрос была проанализирована судебная практика за 2019–2021 гг. по делам о признании акций ликвидированного юридического лица бесхозными и сделаны выводы, направленные на совершенствование положений законодательства с точки зрения обеспечения интересов эмитента акций.

ПОНЯТИЕ БЕСХОЗНОЙ ВЕЩИ

В соответствии со ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся вещи, иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги).

По смыслу п. 3 ст. 218 ГК РФ в случаях и в порядке, предусмотренных ГК РФ, лицо может приобрести право собственности на имущество, не имеющее собственника, на имущество, собственник которого неизвестен, либо на имущество, от которого собственник отказался или на которое он утратил право собственности по иным основаниям, предусмотренным законом.

В соответствии с п. 1 ст. 225 ГК РФ вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен, либо, если иное не предусмотрено законами, от права собственности на которую собственник отказался, является бесхозной.

В п. 1 ст. 226 ГК РФ указано, что движимые вещи, брошенные собственником или иным образом оставленные им с целью отказа от права собственности на них (брошенные вещи), могут быть обращены другими лицами в свою собственность в порядке, предусмотренном п. 2 данной статьи. В соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 226 ГК РФ другие брошенные вещи поступают в собственность лица, вступившего

во владение ими, если по заявлению этого лица они признаны судом бесхозными.

Особенность бездокументарных ценных бумаг заключается в том, что осуществление и передача обязательственных и иных имущественных прав, закрепленных такой ценной бумагой, возможны только с соблюдением правил учета этих прав в соответствии со ст. 149 ГК РФ.

Права по бездокументарной ценной бумаге переходят к приобретателю с момента внесения лицом, осуществляющим учет прав на бездокументарные ценные бумаги, соответствующей записи по счету приобретателя (п. 2 ст. 149.2 ГК РФ).

Права владельцев на эмиссионные ценные бумаги удостоверяются записями на лицевых счетах в реестре, ведение которого осуществляется регистратором, или в случае учета прав на эмиссионные ценные бумаги – в депозитарии записями по счетам депо в депозитариях (ст. 28 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»). Права, удостоверяемые путем указанной фиксации, порядок официальной фиксации прав и правообладателей, порядок документального подтверждения записей и порядок совершения операций с бездокументарными ценными бумагами определяются законом или в установленном им порядке¹.

ГК РФ и Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об акционерных обществах) не предусматривают возможность признания права собственности акционерного общества – эмитента на акции, которые принадлежали акционеру – ликвидированному юридическому лицу, как на бесхозные.

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О ПРИЗНАНИИ АКЦИЙ БЕСХОЗНЫМИ

Сложившаяся арбитражная практика также свидетельствует о том, что арбитражные суды отказывают в удовлетворении исков о признании права собственности на акции как на бесхозные, если акционер – юридическое лицо ликвидирован.

В качестве оснований для отказа в таких исках указывается на то, что Закон об акционерных обществах предусматривает исчерпы-

1 О порядке открытия и ведения держателями реестров владельцев ценных бумаг лицевых и иных счетов и о внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты Федеральной службы по финансовым рынкам: приказ Федеральной службы по финансовым рынкам от 30.07.2013 № 13-65/пз-н (ред. от 16.11.2018) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151591/ (дата обращения: 10.08.2022).

вающий перечень случаев, при которых права на размещенные обществом акции могут переходить непосредственно к самому акционерному обществу (п. 4.1 ст. 17, абз. 4 п. 1 ст. 34, ст. 72 и 75)². При этом из всех названных случаев только один касается ситуации, когда права на размещенные обществом акции переходят к нему не в силу предусмотренной законом обязанности, а путем реализации обществом соответствующего права – права на приобретение им собственных акций на основании ст. 72 Закона об акционерных обществах. Цена приобретения акций определяется советом директоров общества в соответствии со ст. 77 Закона об акционерных обществах. Процедура, определенная ст. 72 Закона об акционерных обществах о преимущественном праве общества на приобретение собственных акций, применяется с учетом ограничений, предусмотренных ст. 73 этого же нормативного правового акта, направленных на защиту интересов кредиторов акционерного общества и его акционеров.

В некоторых случаях арбитражные суды указывают на специфику бездокументарных ценных бумаг, отмечая, что бездокументарные эмиссионные ценные бумаги существуют лишь в форме записей по лицевым счетам, которые ведет держатель реестра, или в случае учета прав на акции в депозитарии – записей по счетам депо в депозитарии. Исходя из специфики бездокументарной акции, ею невозможно владеть как существующей в осязаемой форме вещью в виде физического обладания. Владельцами бездокументарных ценных бумаг именуются лица, в отношении которых содержатся соответствующие записи на лицевых счетах у держателя реестра (а в случае учета прав на акции в депозитарии – записи по счетам депо в депозитариях). Исключение лица из данных учета прав на акции ведет к утрате им фактического контроля над ценными бумагами, лишает возможности распоряжаться акциями и осуществлять удостоверяемые ими права. Владение именными бездокументарными ценными бумагами ввиду их бездокументарности осуществляется через реализацию прав, ими предоставляемых, а именно: права на участие в общем собрании акционеров с правом голоса по всем вопросам его компетенции; права на получение дивидендов; права на получение части имущества акционерного общества (ст. 31

Закона об акционерных обществах). Учитывая статус эмитента, предусмотренные ст. 31 Закона об акционерных обществах права по акциям не могут быть фактически реализованы истцом. Единственное право истца как эмитента в отношении собственных акций – распоряжение ими через распределение между акционерами или погашение в соответствии с Законом об акционерных обществах, что, в свою очередь, невозможно до момента зачисления акций на лицевой счет эмитента. Следовательно, истец, являясь эмитентом, не вступил во владение спорными акциями как своими собственными в силу особой специфики указанного объекта прав и порядка фиксации права, что исключает возможность принятия решения о передаче указанных акций в собственность эмитента. На основании изложенного истец не доказал свое право на предъявление иска о признании имущества бесхозяйным, удовлетворение которого в силу ст. 226 ГК РФ фактически сделало бы истца собственником чужих акций³.

В качестве основного аргумента суды указывают, что ликвидированное юридическое лицо, ранее являвшееся акционером, имеет своих участников (акционеров), которым принадлежит право на ликвидационную квоту (п. 8 ст. 63 ГК РФ, п. 1 ст. 148 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) и на распределение имущества, обнаруженного после его ликвидации (п. 5.2 ст. 64 ГК РФ), либо в случае ликвидации юридического лица в результате завершения конкурсного производства правами на распределение обнаруженного имущества юридического лица обладают его неудовлетворенные кредиторы (п. 5.2 ст. 64 ГК РФ, п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве)⁴. Факт ликвидации организации, которой принадлежали акции, не свидетельствует о том, что у эмитента

3 Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.04.2021 по делу № А75-18996/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/453e> (дата обращения: 10.08.2022) ; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.04.2021 по делу № А75-15245/2019.

4 Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.12.2021 по делу № А56-71063/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/> (дата обращения: 10.08.2022) ; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.12.2021 по делу № А56-45615/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/> (дата обращения: 10.08.2022) ; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23.05.2022 по делу № А69-2050/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/> (дата обращения: 10.08.2022) ; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.02.2021 по делу № А40-3278/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/> (дата обращения: 10.08.2022).

2 Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.03.2022 по делу № А27-24426/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/49> (дата обращения: 10.08.2022) ; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.04.2021 по делу № А75-15245/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/49> (дата обращения: 10.08.2022).

акций возникают правомочия собственника в отношении этих акций.

Право участников на ликвидационную квоту

Ликвидационной квотой (или ликвидационным остатком) является имущество юридического лица, оставшееся после удовлетворения требований кредиторов. Из п. 8 ст. 63 ГК РФ следует, что такое имущество передается его учредителям (участникам), имеющим вещные права на это имущество или корпоративные права в отношении юридического лица, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или учредительным документом юридического лица. При наличии спора между учредителями (участниками) относительно того, кому следует передать вещь, она продается ликвидационной комиссией с торгов.

Как следует из ст. 31 Закона об акционерных обществах, акционеры – владельцы обыкновенных акций общества могут в соответствии с настоящим законом и уставом общества участвовать в общем собрании акционеров с правом голоса по всем вопросам его компетенции, а также имеют право на получение дивидендов, а в случае ликвидации общества – право на получение части его имущества. Аналогичное право закреплено в Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью», где сказано, что участники ООО вправе получить в случае ликвидации общества часть имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимость (ст. 8). Право на ликвидационную квоту в любой коммерческой корпорации существует в форме корпоративного и обязательственного права [1, с. 172–173; 2, с. 101–102; 3].

Право на ликвидационную квоту (ликвидационный остаток) является корпоративным правом и, будучи таковым, имеет все признаки и особенности корпоративного права. Корпоративное право на ликвидационную квоту может существовать в качестве права участия (членства), возникающего в связи с приобретением доли (акции) в уставном (складочном) капитале корпорации, и в качестве обязательственного права, порождаемого сложным юридическим составом, одним из элементов которого является правоотношение участия (членства). Обязательственное право на ликвидационную квоту возникает у участника (члена) корпорации в момент определения предмета обязательства, связанного с фактической выплатой ликвидационной квоты. Предмет такого обязательства опре-

деляется посредством установления размера доли каждого участника (члена) корпорации в ее имуществе, оставшемся после расчетов с кредиторами и подлежащем распределению между участниками (членами). Размер ликвидационной квоты определяется на основании данных ликвидационного баланса, составленного ликвидационной комиссией и утвержденного общим собранием участников (членов) коммерческой корпорации [4, с. 894–895]. Его реализация обусловлена необходимостью совершить определенные корпоративные действия, а именно принятием решения общего собрания о ликвидации общества, о назначении ликвидационной комиссии и об утверждении промежуточного и окончательного ликвидационных балансов [5, с. 9].

Законами о хозяйственных обществах установлена очередность распределения между акционерами (участниками) оставшегося после завершения расчетов с кредиторами имущества ликвидируемого общества.

Как быть с акциями, принадлежащими ликвидируемому акционеру – юридическому лицу, ведь в реестре акционеров данные акции значатся за ликвидированным юридическим лицом? Можно ли полагать, что принадлежащие ликвидируемому юридическому лицу акции относятся к имуществу, подлежащему распределению между акционерами, имея в виду, что бездокументарные ценные бумаги – это имущественные права, которые переходят к приобретателю с момента внесения лицом, осуществляющим учет прав на бездокументарные ценные бумаги, соответствующей записи по счету приобретателя?

ГК РФ и специальные федеральные законы не предусматривают обязанность юридического лица, являющегося акционером и принявшим решение о своей ликвидации, извещать об этом эмитента и регистратора (держателя реестра). Порядок действий ликвидационной комиссии по выявлению и уведомлению кредиторов, по представлению в регистрирующий орган уведомления о составлении промежуточного ликвидационного баланса определены нормами ГК РФ, а также положениями Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Ни эмитент, ни регистратор (держатель реестра) не являются кредиторами юридического лица – акционера, принявшего решение о своей ликвидации. Поэтому эмитент не имеет информации о принятом юридическим лицом – акционером таком решении. Более того, специальные законы не предусматривают

обязанность эмитента выявлять участников (акционеров) ликвидированного юридического лица.

В судебной практике данный вопрос решен неоднозначно. Так, в деле № А75-18996/2019 эмитент указывал, что не обязан выявлять участников ликвидированного юридического лица⁵. А в деле № А40-34243/2017 суд первой инстанции подчеркнул, что истец, являясь эмитентом спорных акций, не доказал совершение действий, направленных на выяснение акционеров КФХ Доронина В.Ф., имеющих право на предъявление требований в отношении имущества (акций), ранее принадлежавшего КФХ Доронина В.Ф.⁶

Можно предположить несколько вариантов развития событий по переходу акций ликвидированного юридического лица к эмитенту. Первый – самый удобный, когда ликвидационная комиссия на основании утвержденного общим собранием участников (акционеров) ликвидационного баланса распределяет принадлежащие ликвидируемому юридическому лицу акции между его участниками (акционерами). Здесь же возможна ситуация, когда акции включены в конкурсную массу и распределены между кредиторами юридического лица. При этом само ликвидируемое юридическое лицо (от имени которого действует ликвидационная комиссия), еще значащееся в ЕГРЮЛ как существующее, делает передаточное распоряжение регистратору о переходе акций к участникам (акционерам) или кредиторам юридического лица, которым открываются лицевые счета в реестре. Представляется, что в специальные федеральные законы следует включить положения о том, что ликвидационная комиссия по итогам распределения имущества между акционерами (участниками) составляет протокол, передаваемый эмитенту.

Вторая ситуация – когда акции ликвидируемого юридического лица, которые значатся за юридическим лицом в реестре у эмитента, не распределены между участниками ликвидированного юридического лица и не распределены между кредиторами юридического лица в случае его банкротства. Казалось бы, можно воспользоваться п. 5.2. ст. 64 ГК РФ, в соответствии с которым в случае обнаружения имущества ликвидированного юриди-

ческого лица, исключенного из ЕГРЮЛ, в том числе в результате признания такого юридического лица несостоятельным (банкротом), заинтересованное лицо или уполномоченный государственный орган вправе обратиться в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества среди лиц, имеющих на это право⁷. Эмитент, безусловно, является заинтересованным лицом, так как именно его акции выведены из оборота и имеют неопределенный режим. Но обнаруженные акции должны быть распределены среди лиц, имеющих на это право, то есть между участниками ликвидированного юридического лица или его неудовлетворенными кредиторами. И акции могут перейти к ним только на основании решения суда. Сам же эмитент приобрести эти акции не может.

Другая проблема в том, что заявление о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица может быть подано в течение пяти лет с момента внесения в ЕГРЮЛ сведений о прекращении юридического лица. Соответственно, эмитент должен быть уведомлен об этом.

Было бы верным, чтобы акционер – юридическое лицо уведомляло о своей предстоящей ликвидации не только регистрирующий орган, но и держателя реестра (депозитария), а последний мог довести эту информацию до эмитента акций. В случае, если ликвидационной комиссией по данным ликвидационного баланса принято решение о распределении акций между участниками (акционерами), ликвидационная комиссия подает передаточное распоряжение регистратору. Если участники (акционеры) ликвидируемого юридического лица отказываются от приобретения акций, принадлежащих ликвидируемому юридическому лицу, то такие акции приобретаются самим эмитентом по цене, определяемой советом директоров эмитента. Это особенно актуально в том случае, когда участники ликвидированного юридического лица длительное время не проявляют интереса в отношении акций ликвидированного юридического лица. В судебной практике встречаются дела, в которых эмитент указывает, что участники ликвидированного юридического лица не проявляют какого-либо интереса в отноше-

⁵ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.04.2021 по делу № А75-18996/2019.

⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.03.2018 по делу № А40-34243/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/> (дата обращения: 10.08.2022).

⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.11.2021 по делу № А40-201403/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/> (дата обращения: 10.08.2022); Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.01.2020 по делу № 43-7619/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/> (дата обращения: 10.08.2022).

нии акций ликвидированного юридического лица более 12 лет⁸.

Наконец, нельзя не обратить внимание на два дела, которые рассматривались в 2016–2017 гг. и, как представляется, являются выходом из неопределенности судьбы акций ликвидированного юридического лица. Суды пошли по пути применения положений ГК РФ о признании вещи бесхозяйной по аналогии применительно к акциям ликвидированного юридического лица. Возможность применения аналогии закона была высказана в Постановлении 11 Арбитражного апелляционного суда от 18 августа 2016 г. по делу № А49-2517/2016, в котором истец – АО ОАО «Молочный комбинат «Пензенский» – обратился с иском к АО ВТБ Регистратор о признании бесхозяйными 191 обыкновенной бездокументарной акции ОАО «Молочный комбинат «Пензенский», ранее принадлежащей колхозу им. Кирова, и передаче их во владение истца путем обяания ответчика списать их с лицевого счета колхоза им. Кирова и зачислить на лицевой счет эмитента ОАО «Молочный комбинат «Пензенский».

В обоснование заявленных требований истец сослался на положения ст. 218, 225, 226 ГК РФ, а также Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и указал на отсутствие в течение продолжительного времени притязаний на спорное имущество со стороны участников либо кредиторов колхоза им. Кирова, ликвидированного вследствие его банкротства.

В ходе рассмотрения дела судом первой инстанции АО ВТБ Регистратор представило отзыв, в котором указало на возможность удовлетворения требований истца, вместе с тем отметило, что не нарушало и не нарушает его права. АО ВТБ Регистратор также указало на то, что с момента ликвидации колхоза им. Кирова прошло более пяти лет и в соответствии с п. 3.3 Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг, утвержденного Постановлением Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг РФ от 2 октября 1997 г. № 27 (ныне отмененное), п. 2.2 Положения указанные акции можно считать ценными бумагами неустановленных лиц, а в соответствии с п. 3.32 Положения их списание возможно на основании вступившего в законную силу судебного акта. Поскольку действующим законодательством не установлены нормы, позволяющие эмитенту и (или) регистратору са-

мостоятельно произвести действия, связанные с устранением оснований, изложенных в иске, единственным способом защиты прав эмитента и его акционеров, а также получения надлежащего документа для проведения операций в реестре эмитент считает данное обращение в суд.

Суд указал, что единственно допустимым способом восстановления нарушенного права эмитента является признание указанных акций бесхозяйными с передачей их во владение эмитенту для последующего перераспределения в порядке, установленном Законом об акционерных обществах. Апелляционный суд посчитал возможным применить нормы закона, регулирующие сходные отношения, на бесхозяйные движимые вещи, сославшись на ст. 6 ГК РФ (аналогия закона). Для признания движимых вещей брошенными собственником и признания права собственности на данные вещи необходимо представить доказательства того, что бесхозяйная вещь не имеет собственника или собственник ее неизвестен либо отказался от вещи, а также того, что лицо, обратившееся с требованием о передаче бесхозяйных вещей, приступило к использованию данных вещей или совершило иные действия, свидетельствующие об обращении вещей в собственность.

Из материалов дела следует: кто-либо из заинтересованных лиц правом на приобретение оставшегося после ликвидации имущества, в том числе указанного пакета акций, на протяжении всего периода после ликвидации Общества до момента подачи иска не воспользовался, не заявил права на акции и не обратился их в свою собственность путем подачи соответствующего заявления об открытии лицевого счета в реестре акционеров и зачислении на него акций ликвидированного лица, не представил эмитенту и реестродержателю необходимые документы, подтверждающие права на указанные акции, в том числе анкету зарегистрированного лица. Непринятие мер по обращению акций в собственность и фиксации прав на акции в реестре акционеров свидетельствует об утрате собственником интереса в отношении указанных акций, в связи с чем исковые требования в части признания спорного пакета акций бесхозяйным подлежат удовлетворению. Акции числятся на лицевом счете ликвидированного лица. Истец, являясь эмитентом, не вступил во владение спорными акциями как своими собственными в силу особой специфики указанного объекта прав и порядка фиксации права, что действительно исключает возможность принятия решения о передаче указанных акций в собственность эмитента. При признании акций бесхозяйными

⁸ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.04.2021 по делу № А75-18996/2019 ; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.08.2018 по делу № А40-3919/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/> (дата обращения: 10.08.2022).

ми, учитывая, что во владении истца указанные акции не находились, они могут быть переданы во владение эмитенту⁹.

Аналогичная позиция сформулирована в Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 7 декабря 2017 г. по делу № А55-4434/2017, в котором суд указал следующее: «Эмитент (реестродержатель) лишен права в одностороннем порядке вывести несуществующего акционера из числа существующих и работающих акционеров с целью размещения акций среди работающих и фактически существующих акционеров. Единственным допустимым способом восстановления нарушенного права является признание указанных акций бесхозяйными с передачей их во владение эмитенту для последующего перераспределения указанных акций в порядке, установленном ФЗ «Об акционерных обществах».

Судами применены нормы ст. 226 ГК РФ с учетом ст. 6 ГК РФ (аналогия закона). Для признания движимых вещей брошенными собственником и признания права собственности на данные вещи необходимо представить доказательства того, что бесхозяйная вещь не имеет собственника или собственник ее неизвестен либо отказался от вещи, а также то, что лицо, обратившееся с требованием о передаче бесхозяйных вещей, приступило к использованию данных вещей или совершило иные действия, свидетельствующие об обращении вещей в собственность. В материалы дела представлено достаточное количество доказательств, подтверждающих отсутствие сведений о собственнике акций. Соответственно, исковые требования в части признания спорного пакета акций бесхозяйным правомерно удовлетворены»¹⁰.

⁹ Постановление 11 Арбитражного апелляционного суда от 18.08.2016 по делу № А49-2517/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d27ac2e2-3763-4a9a> (дата обращения: 10.08.2022).

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 07.12.2017 по делу № А55-4434/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a2435acf-3e10> (дата обращения: 10.08.2022).

Выводы

Вопрос о судьбе акций ликвидированного юридического лица остается законодательно неопределенным. Поскольку акции эмитента, принадлежащие ликвидированному юридическому лицу, выводятся из оборота, эмитент не может ими распоряжаться. Выход из сложившейся ситуации видится в возможности признания таких акций бесхозяйными на основании решения суда при применении ст. 6 ГК РФ (аналогия закона) при условии, что участники ликвидированного юридического лица и его неудовлетворенные кредиторы более пяти лет не проявляют какого-либо интереса к акциям ликвидированного юридического лица.

Другой вариант – включение в специальные законы положений о том, что юридическое лицо, принявшее решение о своей ликвидации или признанное банкротом, обязано уведомить об этом эмитента и регистратора (держателя реестра) и предоставить им список своих участников (акционеров).

Ликвидационная комиссия по результатам распределения между участниками (акционера) имущества, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, также извещает об этом эмитента и регистратора. Если участники (акционеры) ликвидированного юридического лица, а также его кредиторы в случае признания его банкротом не проявляют интереса в отношении акций ликвидированного юридического лица продолжительное время (более пяти лет), такие акции на основании решения суда признаются бесхозяйными и передаются эмитенту для перераспределения их между акционерами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белов В.А. Хозяйственные общества / В.А. Белов, Е.В. Пестерева. – Москва : Центр ЮрИнфоР, 2002. – 332 с.
2. Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения / С.Д. Могилевский. – Москва : Статут, 2010. – 419 с.
3. Тяжева О.А. Некоторые аспекты выявления правовой природы ликвидационного остатка (ликвидационной квоты): анализ актуальных проблем в правоприменительной практике / О.А. Тяжева // Юрист. – 2020. – № 4. – С. 53–59.
4. Корпоративное право : учебный курс : в 2 т. / Е.Г. Афанасьева и др. ; отв. ред. И.С. Шиткина. – Москва : Статут, 2017. – Т. 1. – 976 с.
5. Корпоративное управление: вопросы теории, проблемы практики : коллективная монография / М.И. Барабанова и др. ; под ред. М.В. Мельник, Ю.И. Растовой. – Санкт-Петербург : СПбГЭУ, 2017. – 230 с.

REFERENCES

1. Belov V.A., Pestereva E.V. Hozyajstvennyye obshchestva [Economic companies]. Moscow, Centr YurInfoR Publ., 2002. 332 p.
2. Mogilevsky S.D. Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu: zakonodatel'stvo i praktika ego primeneniya [Limited liability company: legislation and practice of its application]. Moscow, Statut Publ., 2010. 419 p.
3. Tyazheva O.A. Some aspects of the identification of the legal nature of liquidation surplus (liquidation quota): an analysis of relevant issues in law enforcement practice. Yurist = Jurist, 2020, no. 4, pp. 53–59. (In Russian).
4. Afanasiev E.G., Vaypan V.A., Gabov A.V., Gubin E.P., Karelin S.A., Kozlova N.V., Kopylov D.G. et al.; Shitkin I.S. (ed.). Korporativnoye pravo [Corporate law]. Moscow, Statut Publ., 2017. Vol. 1. 976 p.
5. Barabanova M.I., Vetrova I.F., Gasanov G.S., Kovalenko B.B., Kozhevina O.V., Leonova O.G., Makarova O.A. et al.; Melnik M.V., Rastova Yu.I. (eds.). Korporativnoye upravleniye: voprosy teorii, problemy praktiki [Corporate governance: issues of theory, problems of practice]. Saint Petersburg State University of Economics, 2017. 230 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макарова Ольга Александровна – доктор юридических наук, доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Makarova Olga Alexandrovna – Doctor of Law, Assistant Professor of the Department of Commercial Law, Saint Petersburg State University.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 09.10.2022; принята к публикации 10.10.2022. The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 09.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Научная статья
УДК 347.2
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.15

Original article

ТУЖИЛОВА-ОРДАНСКАЯ Елена Марковна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: ordanskayelena@list.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-5529-7946>

TUZHILOVA-ORDANSKAYA Elena Markovna
Ufa University of Science and Technologies, Ufa,
Russia.

ХУРТОВ Михаил Сергеевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: ya.hurtov@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-6004-9971>

KHURTOV Mikhail Sergeevich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa,
Russia.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ И ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ СОБСТВЕННИКОВ СОСЕДНИХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PUBLIC LAW AND PRIVATE LAW
RESTRICTIONS ON THE RIGHTS OF OWNERS OF NEIGHBORING LAND PLOTS

Аннотация. В статье рассматривается проблема регулирования гражданских правоотношений между собственниками соседних земельных участков, складывающихся при осуществлении права собственности, с обязанностью учитывать законные интересы соседей и претерпевать допустимое воздействие, исходящее с соседнего земельного участка. Цель: анализ проблемы правового регулирования правоотношений в сфере гражданского права, складывающихся между собственниками граничащих земельных участков. В ходе исследования применялся целый ряд научных методов: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юрико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: выявлен пробел в законодательном регулировании гражданских правоотношений, закрепляющих обязанность собственника учитывать законные интересы собственников соседних земельных участков; определены различия между такими правовыми категориями, как пределы осуществления права собственности и пределы права собственности, данные категории разграничены с понятием «злоупотребление права с целью причинить вред другому лицу».

Ключевые слова: гражданское право, соседские правоотношения, соседское право, вещное право, права собственности, ограничения права, содержание права

Для цитирования: Тужилова-Орданская Е.М. Проблема соотношения публично-правовых и частноправовых ограничений прав собственников соседних земельных участков / Е.М. Тужилова-Орданская, М.С. Хуртов // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 112–118. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.15.

Abstract. The article considers the problem of regulation of civil law relations between the owners of neighboring land plots that develop in the exercise of the right of ownership, with the obligation to take into account the legitimate interests of neighbors, and undergo an acceptable impact, emanating from a neighboring land plot. The purpose of the study is to analyze the problem of legal regulation of legal relations in the field of civil law that develop between the owners of borderland plots. In the course of the study, a number of scientific methods are used: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. The results of the study make it possible to reveal a gap in the legislative regulation of civil law relations, stipulating the obligation of the owner to take into account the legitimate interests of owners of neighboring land plots. The article determines the differences between such legal categories as the limits of the exercise of the right to property and the limits of the right to property, these categories are delimited with the notion of «abuse of the right to cause harm to another person».

Keywords: civil law, neighborly legal relations, neighborly law, property law, property rights, restrictions on rights, content of the right

For citation: Tuzhilova-Ordanskaya E.M., Khurtov M.S. The problem of the relationship between public law and private law restrictions on the rights of owners of neighboring land plots. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 112–118. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.15 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Соседские правоотношения являются естественной частью жизни любого цивилизованного общества, основанного на признании абсолютного права частной собственности и установлении принципов уважения прав и интересов других лиц, добросовестности осуществления гражданских прав. Поиск закономерностей реализации свободы права собственности и одновременного его ограничения в интересах других лиц, в том числе владельцев соседствующих участков, составлял предмет изучения многих поколений исследователей-правоведов.

Ограничения права собственности следует разделять на две группы: публично-правовые и частноправовые, истоки этого разграничения берут свое начало в римском праве. Так, в Древнем Риме были соответствующие законы, а именно уставы городов, наиболее известный из которых – закон Зенона в отношении Константинополя.

В традиционном понимании ограничение права собственности в интересах соседей относится к частноправовым ограничениям.

РАССМОТРЕНИЕ ВОПРОСА О ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ И ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЯХ ПРАВ СОБСТВЕННИКОВ В ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВОПОРЯДКЕ

В частности, в праве Германии указанные вопросы регулируются в рамках частных, соседских правоотношений.

Г. Дернбург писал, что право по своей природе должно защищать интересы соседей и общества, тем самым право определяет пределы и возлагает обязанности на собственников. Также он отмечал ряд оснований для разграничения частноправовых и публично-правовых ограничений права собственности. Ограничения публично-правового характера, по его мнению, влияют на такие нормы права, как:

- 1) полицейские ограничения при строительстве, которые устанавливают требования, обеспечивающие безопасность, чистоту, здоровье населения и эстетику зданий в поселении;
- 2) обязанность собственника городских зданий по их содержанию;
- 3) запрет на возведение построек возле крепостей;
- 4) денежные и натуральные повинности, обременяющие собственника земельных участков (землевладельца) по содержанию дороги [1, с. 82].

Ограничения права собственности частноправового характера Г. Дернбург рассматривал как соседские права.

Проводя разделение ограничений права собственности на публично-правовые и частноправовые, О. Гирке указывал, что публично-правовые ограничения существуют в интересах общества, они обоснованы суверенным правом государства или другого публичного образования [2, с. 33]. Частноправовые ограничения существуют лишь в интересах конкретных частных лиц, устанавливаются в отношении частных прав на объекты недвижимости и, главное, могут быть отменены на основании воли частного лица, а также не требуют официального закрепления в государственных актах.

В Германском гражданском уложении положения о соседских правоотношениях закреплены в параграфе, содержащем нормы о праве собственности¹.

Говоря об ограничении права собственности, немецкие правоведы уделяли внимание соотношению с границами осуществления права, а в дальнейшем – разграничению с запретом злоупотреблять своим правом, при этом злоупотребление правом в германской юридической науке было принято рассматривать как нарушение права.

Соответственно, возникает ряд вопросов, касающихся правовой природы соседских правоотношений, ответ на которые имеет не только теоретическое значение, но и сугубо практическое – для ясного формирования судебной практики. Первый вопрос можно сформулировать следующим образом: является ли ограничение права собственности в интересах соседей (в частном интересе) пределом права собственности или пределами осуществления права собственности?

Второй вопрос вытекает из первого: если все-таки это пределы осуществления права, то чем они отличаются от запрета злоупотребления правом? Если же все-таки ограничение права собственности в интересах соседей – это пределы осуществления права собственности, то в этом случае право собственности имеет двойственную природу, а именно в отношении с третьими лицами право собственности абсолютно, а в отношении с соседями ограничено по своему содержанию, то есть относительно.

¹ Германское гражданское уложение от 01.01.1900 (с посл. изм. и доп. от 31.03.2013) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.05.2022).

Подходы к вопросу о публично-правовых и частноправовых ограничениях прав собственников в дореволюционный и советский период

В дореволюционном российском праве понимание соседских правоотношений как института, содержанием которого является ограничение права собственности, закладывалось при разработке проекта Гражданского уложения Российской империи.

Исследования такого правового явления, как ограничение права собственности в частных интересах, велись дореволюционными правоведом в XIX в.

Ограничения публично-правового характера обозначались через понятие «право участия общего», а ограничения частноправового характера – через «право участия частного».

В праве того периода данные категории четко разграничивали. Главным критерием для разграничения, по мнению авторитетных дореволюционных юристов, выступали следующие условия:

1) право участия общего представляет собой категорию ограничения прав собственности в интересах всех и каждого, а право участия частного – ограничения в пользу конкретных лиц;

2) порядок их защиты. Так, Г.Ф. Шершеневич приводил следующий пример: «Если, собственник участка земли, через который пролегает дорога, препятствует проезду, загородив ее, то проезжающий вправе обратиться к содействию ближайшей полицейской власти» [3, с. 250];

3) основания возникновения права участия частного и права участия общего в том, что участие общего устанавливается в отношении всех граждан, возникает, изменяется и прекращается только указанным в нормативно-правовых актах образом (изменение траектории дороги), а право участия частного, установленное в интересах конкретных лиц, может по их соглашению возникать, изменяться и прекращаться

О различиях ограничения права собственности в публично-правовом и частноправовом интересе писал К.П. Победоносцев. Он считал, что не следует смешивать данные категории. Первая категория (публично-правовая) есть право общее, соответственно, обезличенное, установленное в пользу всех. Вторая категория (частноправовая) представляет собой особенное право, принадлежащее конкретному лицу вследствие известного правоотношения по земле и воде, соседям или другим лицам.

Первая категория (публично-правовая) может быть защищена и восстановлена не только в судебном порядке, но и в административном – путем распоряжения властей, действующих для защиты общей пользы и интереса. Вторая категория (частноправовая) защищается в порядке гражданского судопроизводства [4, с. 364].

Ряд авторов, проводя исследование вещного права, указывали об ограничениях как установленных законом границах права собственности, без проведения анализа их соотношения с осуществлением права и его содержанием. Так, Е.В. Васьковский в своих работах рассматривал категорию ограничения права собственности как «сужение возможности собственника господствовать над вещью» [5, с. 283].

Однако следует отметить, что правоведы того времени не анализировали различия между законным ограничением права собственности (границами) и пределами осуществления права, которые иногда также именовались ограничением права собственности. Правоведы писали как о праве собственности и его границах, так и об осуществлении правомочий в границах самого права собственности.

Г.Ф. Шершеневич, описывая значения ограничений права собственности, указывал, что обширные правомочия, которые предоставляются собственнику, могут быть реализованы во вред интересам других лиц [6, с. 174].

В.И. Синайский отмечал, что «Право собственности всегда есть полное, хотя бы собственник не имел владения, ни пользования, ни распоряжения. Неполным может быть осуществление права собственности, но не само право собственности» [7, с. 205].

Соседские правоотношения как отношения по ограничению права собственности в частных интересах (соседей) являются способом осуществления права собственности. Запреты, возникающие в соседских правоотношениях, представляют собой стеснения правомочий собственника и, соответственно, являются пределами осуществления права, а не пределами (границами) самого права.

Следует отметить, что концепция пределов права собственности и пределов осуществления права собственности встретила критику в юридической доктрине. Некоторые правоведы полагают, что выход за пределы осуществления права есть выход за пределы самого права [8, с. 56].

Мы не можем согласиться с таким подходом ввиду того, что право собственности – это абстрактная возможность наиболее полного осуществления власти над вещью в пределах, декларированных законом. В этих грани-

цах закон определяет формы дозволенного и возможного поведения (способы осуществления права). Характеристику таких форм приводил И.Б. Новицкий, указывая, что «в мире растительном бывают породы, которым не дано подниматься выше известного роста, их высота предустановлена самой природой; бывают иные породы, которые способны очень разрастаться и подниматься в высоту, но рука садовника обрезает их на известном уровне, какой для них установлен человеком. То же наблюдается и с правами: одни мелкокороты, имеют узкое содержание по природе, например, лицу предоставлено право проходить через смежную землю ... такие права напоминают мелкий кустарник; а бывает и иначе, именно иначе обстоит дело с правом собственности: оно напоминает дерево, которое могло бы подняться очень высоко, да только нож садовника-законодателя отрезает все то, что выступает за известный уровень» [9, с. 92].

Разграничение категорий «пределы права собственности» и «пределы осуществления права собственности» содержится в работах дореволюционного цивилиста В. Доманжо. По его мнению, «существует множество диаметрально противоположных взглядов, что в поисках этих границ суды, не имея общих начал, легко могут быть вовлечены в целый ряд роковых для частных лиц и небезопасных для самой устойчивости гражданских прав ошибок» [10, с. 18].

Формирование доктрины о пределах осуществления права в отечественной науке – в большей степени заслуга В.П. Грибанова. Так, в 70-х годах прошлого века им была создана концепция о границах осуществления гражданских прав, в которой была аргументирована природа различия пределов права и пределов осуществления права.

В своем исследовании В.П. Грибанов писал: «Всякое субъективное право, будучи мерой возможного поведения управомоченного лица, имеет определенные границы как по своему содержанию, так и по характеру осуществления. Границы эти могут быть большими или меньшими, но они существуют всегда. Границы есть неотъемлемое свойство всякого субъективного права, ибо при отсутствии таких границ право превращается в свою противоположность – в произвол и тем самым вообще перестает быть правом» [11, с. 18].

Таким образом, позиция В.П. Грибанова гармонична с позицией других правоведов, устанавливающей необходимость разграничения пределов субъективного права как меры возможного поведения и пределов осуществления права.

Осуществление права происходит путем реализации правомочий, составляющих его содержание, путем совершения реальных действий в рамках субъективного права и ограниченными только формами ответственности.

В современной российской цивилистической доктрине ведется дискуссия о различиях между ограничением права и пределами его осуществления. Так, по мнению В.П. Камышанского, деление ограничений прав на две самостоятельные системы поддерживается многими цивилистами и не создает проблем в доктрине и практике [12, с. 105].

Нормы, регулирующие соседские правоотношения, следует отличать от административных ограничений и запретов, которые, как правило, основываются на санитарно-эпидемиологических, градостроительных, пожарных и других правилах публичного права.

Ограничения права собственности не исчерпываются только ограничениями в интересах соседей. Как указывает В.П. Камышанский, к ним можно отнести ограничения сособственников в правомочиях владения, пользования и распоряжения общим имуществом, а также ряд других ограничений, установленных гражданским законодательством [13, с. 202].

Касаясь вопроса об ограничении права собственности и пределах осуществления права, В.П. Камышанский отмечает, что требования закона к собственнику по поводу учета прав третьих лиц предполагают, что это граница (пределы) либо ограничение права. Ученый излагает это следующим образом: «Оно есть граница (предел), если не предполагает возможности несобственника вторгаться в сферу юридического господства собственника. И оно есть ограничение, если сужение возможностей собственника осуществлять правомочия обусловлено внешним воздействием, вторжением третьих лиц в сферу юридического господства собственника» [13, с. 84].

Также В.П. Камышанский утверждает, что границы (пределы) могут быть отрицательными, а не положительными, раскрывая это следующим образом: «Это означает, что право собственности не может быть установлено указанной в законе совокупностью правомочий собственника. Его контуры могут быть обозначены положениями закона и иных правовых актов о том, что собственник не может делать» [13, с. 88].

Пределы права собственности он обозначает как правовые ограничения и, раскрывая их, характеризует как устанавливающие пределы свободы собственника пределы воз-

можного поведения (пределы права собственности), а ограничение права собственности (пределы осуществления права собственности) – это стеснение правомочий при осуществлении законных прав. Ограничиваться может правомочие, являющееся содержанием права собственности. Ученый считает, что в дореволюционный период соседские правоотношения относили к ограничению права собственности (пределы осуществления права собственности) [13, с. 149]

Соседские правоотношения по своему содержанию как способ осуществления права собственности следует отличать от запрета злоупотребления правом (шикана). Однако, по мнению Ю.Д. Слюбаевой, осуществление права собственности и запрет злоупотребления правом (шикана) могут коррелировать, а также существуют ситуации, устанавливающие запрет на злоупотребление правами в соседских правоотношениях. Понятие соседских правоотношений как способ осуществления права собственности дает возможность опровергнуть доктрину двойственности права собственности, ведь последнее всегда является абсолютным, ограничения затрагивают только отдельные правомочия [8, с. 71].

Обозначенный подход позволяет определять нарушения прав соседей в рамках соседских правоотношений как гражданское правонарушение, тем самым предоставляя на практике возможность для защиты в виде негаторного иска. Только в том случае, если сосед действует в рамках своего права, но при этом с целью причинить вред другому лицу, можно применять запрет на недопущение злоупотребления правом.

Доктрина о разграничении пределов права и пределов осуществления права собственности поддержана Е.А. Сухановым, который считает, что пределы (границы) права являются не его ограничением, а определением его содержания [14, с. 127].

ОТРАЖЕНИЕ ИНСТИТУТА ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В теории гражданского права нет единства мнений относительно понятия «ограничение права собственности в интересах соседей». Возможно, это связано с тем, что отечественному законодательству и праву известно только понятие ограничения права собственности в публичных интересах. В частности, у нас отсутствуют нормы права, регулирующие соседские правоотношения, а также недостаточно развито правовое регулирование сервитутов

и права необходимой дороги, известное развитым зарубежным правовым порядкам, которые рассматривают данное право в качестве ограничения права собственности в интересах соседей [15, с. 63].

Тем не менее следует отметить попытку, намечающуюся в законопроекте о внесении изменений в ГК РФ² (далее – Проект), сформулировать и определить понятие и содержание соседских правоотношений.

В разделе Проекта, посвященном вещным правам, разграничиваются категории ограничения права собственности в частном и публичном интересе. Две статьи Проекта декларируют ограничения права собственности в интересах соседей, устанавливаются ограничения права собственности на такой объект гражданских прав, как земельный участок (ст. 293 и 294). Ограничению права собственности в публичных интересах посвящены ст. 295 и 296.

Проект формулирует общие положения о соседских правоотношениях, в соответствии с которыми собственник земельного участка обязан осуществлять такие правомочия, как владение и пользование вещью с соблюдением прав и законных интересов собственников (владельцев) соседних земельных участков (ст. 293). Данная норма закрепляет также обязанность собственника земельного участка претерпевать воздействие с соседнего земельного участка в виде газа, дыма, копоти, тепла и пр. при условии, что такое воздействие не влияет на пользование земельным участком либо влияет, но не превышает границы, установленные нормативами либо разумными пределами, которые, в свою очередь, определяются исходя из местоположения земельного участка или правового обычая.

Положения ст. 295 Проекта закрепляют возможность ограничения правомочий собственника земельного участка в публичных интересах, которые по своему содержанию ограничивают правомочие пользования, но не затрагивают правомочия распоряжения. Данная конструкция ориентирована на применение в том случае, если публичный интерес не может быть реализован путем установления ограниченных вещных прав или в рамках обязательственных правоотношений, при условии, что ограничение должно быть наименее обременительным для собственника.

Ограничения права собственности на зе-

² О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : проект федер. закона № 47538-6/5 в ред. от 06.12.2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.05.2022).

мельный участок по своему содержанию предполагают доступ к земельному участку других лиц. Соответственно, данные ограничения могут быть без согласия собственника установлены для обеспечения:

- 1) возможности проезда или прохода через земельный участок;
- 2) выполнения ремонтных работ инженерных, коммунальных сетей, а также различных объектов транспортной инфраструктуры;
- 3) размещения геодезических знаков и доступа к ним;
- 4) изъятия (забора) водных ресурсов из водных объектов;
- 5) прохода сельскохозяйственных животных;
- 6) проведения геологических, научных и исследовательских работ по исследованию недр;
- 7) сохранности объектов, являющихся объектами культурного наследия.

Пункт 6 ст. 295 Проекта указывает, что если ограничения приводят к невозможности использовать земельный участок, у собственника возникает право требовать выкупа данного земельного участка по цене, которая определяется в соответствии со ст. 296 Проекта, либо компенсации убытков и предоставления равноценного земельного участка.

Стоит отметить, что разработчиками Проекта предпринята попытка внести в ГК РФ нормы, регулирующие правоотношения, которые на данный момент являются элементом публичного права, а именно земельного права, в том числе такую конструкцию, как публичный сервитут. Очевидно, что в случае принятия данных изменений нужно будет приводить отдельные специальные нормативно-правовые акты в соответствии с новыми положениями ГК РФ [16, с. 34].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, стоит отметить, что ограничения права собственности в понимании указанных выше авторов есть пределы осуществления права собственности. Сами ограничения делятся на публичные и частные. Публичные ограничения известны нашему правопорядку довольно хорошо, в отличие от частных, которые по своей природе являются содержанием соседских правоотношений. Данные различия поддерживаются рядом

видных ученых. Разграничения основываются на следующих критериях:

1) по цели защиты (частного или публичного интереса). Нормы, предусматривающие публично-правовые ограничения права собственности, устанавливаются в интересах общества (неограниченного круга лиц), а ограничения права собственности в интересах частных лиц направлены на защиту конкретного лица (соседей) и представляют собой соседские правоотношения;

2) по способам защиты (частноправовым или публично-правовым). Публично-правовые ограничения права собственности основываются на императивном методе правового регулирования, а частноправовые ограничения права собственности регулируются диспозитивным методом;

3) по методу правового регулирования (диспозитивного или императивного). Нормы, защищающие публичный интерес, содержатся в земельном, градостроительном, административном законодательстве и представляют собой нормы публичного права. Осуществление их защиты происходит в административном порядке, тогда как нормы, регулирующие соседские правоотношения, содержатся в гражданском законодательстве и защищаются гражданско-правовыми способами.

Соотношение пределов осуществления права и пределов права заключается в том, что пределы осуществления права представляют собой сужения правомочий собственника ввиду наличия законных интересов других лиц и необходимости их соблюдения, а пределы (границы) права – это установленное законом содержание самого субъективного права, вбирающее в себя ряд правомочий.

Пределы осуществления права в соотношении с запретом на злоупотребление правом также стоит разграничивать. Как известно, злоупотребление правом есть реализация (осуществление) права с целью причинить вред другому лицу, а пределы осуществления права – это сужение правомочий субъективного права, которые, в свою очередь, заканчиваются там, где начинаются права других.

В соседских правоотношениях не возникают новые субъективные права, однако собственник земельного участка, окруженного соседними земельными участками, при осуществлении своего субъективного права должен учитывать законные интересы соседей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пандекты : в 4 т. / Генрих Дернбург, проф. Берлин. ун-та ; пер. под рук. и ред. и предисл. П. Соколовского, проф. Моск. ун-та. – Москва : Университетская типография, 1906. – Т. 1 – 481 с.
2. Gierke O. Deutsches Privatrecht. Zweiter Band / O. Gierke Sachenrecht. – Leipzig, 1905. – 418 p.
3. Шершеневич Г.Ф. Избранное : в 6 т. Т. 5. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Статут, 2017. – 832 с.
4. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть. Вещные права / К.П. Победоносцев. – Москва : Статут, 2002. – 800 с.
5. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Бр. Башмаковы, 1912, – 968 сб. Васильевский Е.В. Учебник русского гражданского права / Е.В. Васильевский. – Москва : Статут, 2003. – 283 с.
7. Синайский В.И. Русское гражданское право / В.И. Синайский. – Москва : Статут, 2002. – 638 с.
8. Сюбаева Ю.Д. Гражданско-правовое регулирование ограничений права собственности на земельный участок в интересах соседей (соседского права) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю.Д. Сюбаева. – Москва, 2019. – 204 с.
9. Новицкий И.Б. Право собственности: (Субъекты, объекты, содержание и защита права собственности. Право общей собственности): (комментарий к ст. 52–65 Гражданского кодекса) / И.Б. Новицкий. – Москва : Право и жизнь, – 1925. – 63 с.
10. Доманжо В. Вопрос об ответственности за вред, причиненный при осуществлении права / В. Доманжо. – Москва : Юрайт, 2018. – 236 с.
11. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В.П. Грибанов. – Москва : Статут, 2000. – 248 с.
12. Камышанский В.П. Пределы и ограничения права собственности : монография / В.П. Камышанский. – Волгоград : Волгоградск. акад. МВД России, 2000. – 224 с.
13. Камышанский В.П. Право собственности: пределы и ограничения / В.П. Камышанский. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. – 303 с.
14. Суханов Е.А. Вещное право : научно-познавательный очерк / Е.А. Суханов. – Москва, 2017. – 560 с.
15. Емелькина И.А. Ограничения права собственности на земельные участки в интересах соседей (соседское право) в гражданском праве России и в зарубежных правовых системах / И.А. Емелькина, Ю.Д. Сюбаева. – Москва : Юстицинформ, 2021. – 328 с.
16. Тужилова-Орданская Е.М. Судьба земельного участка и зданий, на нем расположенных: новеллы гражданского законодательства / Е.М. Тужилова-Орданская // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 3 (98). – С. 30–34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий;

Хуртов Михаил Сергеевич – аспирант кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Civil Law of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies;

Khurtov Mikhail Sergeevich – Postgraduate student of the Chair of Civil Law of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 18.10.2022; принята к публикации 19.10.2022. The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 18.10.2022; accepted for publication 19.10.2022.

REFERENCES

1. Zavyalov M.M. Corporations as a functional state driver under turbulence conditions. Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki = Economic Problems and Legal Practice, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 126–129. (In Russian).
2. Natocheeva N.N., Borodin A.I., Belyanchikov T.V. Economic sovereignty of the banking sector of Russia in the context of geopolitical tensions. Bankovskoe delo = Banking, 2022, no. 6, pp. 25–30. (In Russian).
3. Zavyalov M.M., Niklaus V.S. Financial policy of the Russian Federation in sanctional conditions. Samoupravlenie, 2019, vol. 2, no. 4 (117), pp. 103–106. (In Russian).
4. Khamenushko I.V. Currency regulation in the context of sanctions. Nalogoved = Tax Expert, 2022, no. 4, pp. 75–81. (In Russian).
5. Shogenova D.H. Threats to Russia's economic security under sanctions. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: Theory and Practice, 2022, no. 4-2 (86), pp. 234–238. (In Russian).
6. Usmanova K.N. Russian experience in constructing payment systems: from ruble rate to payment in national currencies of the CIS and EAEU countries. Finansovyy biznes = Financial Business, 2021, no. 7 (217), pp. 105–108. (In Russian).
7. Goloborodko A.YU., Shcherbakova T.A., Lyakhov A.V. Socio-economic development of Russia: threats, opportunities, modern vectors of national policy. Finansovaya ekonomika = Financial Economy, 2022, no. 4, pp. 7–10. (In Russian).
8. Streltsov R.S., Polkovnikova A.V. Economic consequences of Western sanctions and counter-sanctions of the Russian Federation. Nauka Krasnoyarsk = Science of Krasnoyarsk, 2022, vol. 11, no. 1-3, pp. 121–125. (In Russian).
9. Zavyalov M.M., Litvin A.G. Legal mechanisms of financial control of the balance of payments of the state in the conditions of non-monetary factors of inflation. Samoupravlenie, 2022, no. 1 (129), pp. 269–274. (In Russian).
10. Zavyalov M.M. Influence of the economic policy of the state on the sustainable economic growth of the subjects of the Russian Federation. Samoupravlenie, 2021, no. 3 (125), pp. 300–303. (In Russian).
11. Zakharov G.G., Harlanov A.S. Virtual currency: place in the financial system, features, advantages and disadvantages. Finansovye rynki i banki = Financial Markets and Banks, 2021, no. 10, pp. 81–86. (In Russian).
12. Kamyschanskiy V.P. Predely i ogranicheniya prava sobstvennosti [Limits and restrictions of property rights]. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000. 224 p.
13. Kamyschanskiy V.P. Pravo sobstvennosti: predely i ogranicheniya [Law of property: scope and limitations]. Moscow, Unity, Law & Legislation Publ., 2000. 303 p.
14. Sukhanov E.A. Veshchnoe pravo [Property law]. Moscow, 2017. 560 p.
15. Emelkina I.A., Syubaeva Yu.D. Ogranicheniya prava sobstvennosti na zemel'nye uchastki v interesah sosedej (soseds'koe pravo) v grazhdanskom prave Rossii i v zarubezhnykh pravoporyadkakh [Restrictions on the right to own land in the interests of neighbors (neighborhood law) in Russian civil law and foreign law]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2021. 328 p.
16. Tuzhilova-Ordanskaya E.M. The fate of land and buildings located on it: novelties of the civil legislation. Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy, 2014, no. 3 (98), pp. 30–34. (In Russian).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья
УДК 343.98; 577.21
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.16

Original article

АМИНЕВ Фарит Гизарович

Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: faminev@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-4031-4103>

AMINEV Farit Gizarovich

Ufa University of Science and Technologies, Ufa,
Russia.

ГАРАФУТДИНОВ Равиль Ринатович

Уфимский федеральный исследовательский
центр Российской академии наук,
Уфа, Россия;
e-mail: garafutdinovr@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-9087-7364>

GARAFUTDINOV Ravil Rinatovich

Ufa Federal Research Center of the Russian
Academy of Sciences, Ufa, Russia.

ЧЕМЕРИС Алексей Викторович

Уфимский федеральный исследовательский
центр Российской академии наук,
Уфа, Россия;
e-mail: chemeris@gmail.com;
<https://orcid.org/0000-0002-8917-0449>

CHEMERIS Alexey Viktorovich

Ufa Federal Research Center of the Russian
Academy of Sciences, Ufa, Russia.

ГЕНОМ ЧЕЛОВЕКА ОТ МАТЕРИ + ГЕНОМ ЧЕЛОВЕКА ОТ ОТЦА = ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ. ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ДНК-ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ И ДНК-РЕГИСТРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

HUMAN GENOME FROM THE MOTHER + HUMAN GENOME FROM THE FATHER =
PERSONAL DATA. LEGAL ISSUES OF DNA-IDENTIFICATION OF THE PERSON
AND DNA-REGISTRATION OF THE POPULATION

Аннотация. Актуальной задачей повышения эффективности борьбы с преступностью на современном этапе является использование достижений различных наук и соответствующих инновационных технологий для разработки средств и методов раскрытия и расследования преступлений. Показано, что в целях идентификации человека по молекуле ДНК достаточным является исследование и кодирование только половинного набора хромосом организма, то есть его гаплоидный набор. Однако только полный (диплоидный) геном определяет фенотипические и иные биологические характеристики организма. Цель: акцентировать внимание на ошибочности использования информации о референсном (искусственно собранном) квазигиплоидном геноме человека, в том числе в ДНК-криминалистике. Доказать необходимость проведения всеобщей ДНК (геномной) регистрации населения только на основе нейтральных ДНК-маркеров (приводятся аргументы в пользу этой точки зрения). Рассмотреть вопросы этического характера, возникающие при ДНК-фенотипировании как составной части при проведении расследований. Методы: эмпирические

Abstract. The use of science and relevant innovative technologies for the development of tools and techniques for detecting and investigating crimes is an urgent task of increasing the effectiveness of fighting crime at the current stage. It is shown that in order to identify a person by a DNA molecule, it is sufficient to study and encode only a half of the body's chromosomes, that is, its haploid set. However, only the complete (diploid) genome determines the phenotypic and other biological characteristics of the organism. Purpose: to emphasize the erroneous use of information on the reference (artificially collected) quasi-haploid human genome, including in DNA-forensic science. Another purpose is to prove the necessity of conducting universal DNA (genomic) registration of the population only on the basis of neutral DNA markers (arguments are made for this view). Ethical issues arising from DNA phenotyping as part of investigations are addressed. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: comparative-legal, system-structural, analysis, modeling, social survey and interpretation of legal norms. Results: the research

© Аминев Ф.Г., Гарафутдинов Р.Р., Чемерис А.В., 2022

методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: сравнительно-правовой, системно-структурный, анализа, моделирования, социального опроса и толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило обозначить возможности установления более полных характеристик человека при полногеномном исследовании (диплоидных геномов); рассмотрены преимущества исследований SNP-локусов (снупов) по отношению к исследованиям STR-локусов; показаны возможности применения новых технологий для ДНК-идентификации личности в результате проведения всеобщей геномной регистрации населения Российской Федерации.

Ключевые слова: ДНК, геном, однонуклеотидный полиморфизм, снупы, персональные данные, исследование преступлений, ДНК-фенотипирование, ДНК-идентификация, геномная регистрация

Для цитирования: Аминев Ф.Г. Геном человека от матери + геном человека от отца = персональные данные. Правовые вопросы ДНК-идентификации личности и ДНК-регистрации населения / Ф.Г. Аминев, Р.Р. Гарифутдинов, А.В. Чемерис // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 119–125. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.16.

identifies the possibilities of establishing more complete characteristics of a person in genome-wide studies (diploid genomes); the advantages of SNP-loci (SNPs) studies in relation to STR-loci studies are considered. The article shows the possibilities of using new technologies for DNA identification of the person as a result of universal genomic registration of the population of the Russian Federation.

Keywords: DNA, genome, single nucleotide polymorphism, SNPs, personal data, crime investigation, DNA phenotyping, DNA identification, genomic registration

For citation: Aminev F.G., Garafutdinov R.R., Chemeris A.V. Human genome from the mother + human genome from the father = personal data. Legal issues of DNA-identification of the person and DNA-registration of the population. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 119–125. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.16 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Прежде всего, следует пояснить столь необычное название данной публикации. Так, термин «геном» уже давно на слуху и в целом понятен даже тем, кто не имеет отношения к биологии, медицине и прочим дисциплинам, оперирующим этим понятием. Однако мало кто знает, когда этот термин появился, и какой смысл в него закладывался.

Термину «геном» более 100 лет. Предложил его немецкий ученый Г. Винклер в 1920 г. в своей монографии, посвященной вопросам партеногенеза, где им высказана следующая мысль: «Я предлагаю использовать для гаплоидного набора хромосом, который вместе с прилежащей протоплазмой определяет материальные основы вида, выражение «геном»» [1, с. 165]. Причем в то время о ДНК как о молекуле наследственности еще не думали.

Некоторое время назад мы посвятили столетнему юбилею термина «геном» специальную статью [2], поэтому здесь акцентируем внимание лишь на тех моментах, которые имеют непосредственное отношение к ДНК-идентификации и ее правовым аспектам.

ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИПЛОИДНОГО ГЕНОМА ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ФЕНОТИПИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ЧЕЛОВЕКА

Если применять определение ядерного генома к человеку, то получается, что под этим понятием следует подразумевать половинный

набор хромосом, то есть иметь в виду 23 хромосомы. Однако это не совсем корректно, поскольку у мужчин имеются 22 аутосомы и две разных половых X- и Y-хромосомы. На самом деле необходимо принимать во внимание все 46 хромосом у каждого индивида, поскольку все аутосомы отличаются (имеются в виду парные, не говоря уже про разные), равно как и две X-хромосомы у женщин. Только полный диплоидный геном определяет фенотипические (внешние) и иные биологические характеристики индивида, которые составляют персональные данные.

Для идентификации личности могут быть использованы и исследования находящейся в прилегающей к ядру цитоплазме (в протоплазме, в митохондриях) митохондриальной ДНК, формирующей митогеном. Но из-за технологических трудностей проведение идентификации с ее помощью ограничено и затруднено. Возникающие иногда у отдельных людей генетические аномалии по числу хромосом здесь оставляем за скобками.

Очевидно, что половина хромосом достается человеку от матери, другая половина – от отца. X-хромосома имеет размер около 154 млн пар нуклеотидов (п. н.), а Y-хромосома заметно короче – около 57 млн п. н. Следовательно, размер генома у мужчин почти на 100 млн п. н. меньше. Уже много лет считается, что размер генома человека без привязки к полу составляет около 3 млрд п. н., что не совсем корректно, если задаваться вопросом о том, что действительно считать полным геномом.

Весной 2022 г. наконец было сообще-

но о завершении секвенирования практически полного (гаплоидного) генома человека, проведенного в формате «от теломеры до теломеры», называемом еще T2T (telomere-to-telomere). Размер его оказался равным приблизительно 3,055 млрд п. н. [3, с. 47]. При этом секвенировался геном не конкретного человека, а ДНК из клеток культуры тканей гомозиготной линии с кариотипом 46,XX (женского типа), что позволило собрать без пробелов все 23 хромосомы (попарно полностью одинаковых) в их формально гаплоидном варианте и исправить все ошибки многочисленных предыдущих сборок, что позволяет считать секвенированный таким образом геном новым референсным геномом человека, обозначенным как CHM13. Что касается всех предыдущих референсных геномов человека, то они были квазигаплоидными (псевдо-, мнимо гаплоидными), поскольку при их сборке в заключительной нуклеотидной последовательности абсолютно хаотичным образом располагались фрагменты материнских и отцовских парных хромосом, что объясняется ограниченными возможностями современных технологий секвенирования полных геномов.

Но чтобы получить информацию о фенотипических признаках человека, биологические следы которого изъяты с места происхождения, на основе исследования особенностей его ДНК, необходимо секвенировать полные диплоидные геномы, размер которых для мужчин будет составлять около 6,0 млрд п. н., а для женщин приблизительно 6,1 млрд п. н. В этой связи, возможно, стоит ввести в оборот новый термин – «дигеном» или, еще короче, «дином» – вместо прилагательного «диплоидный» для действительно полных ядерных геномов, которые у человека должны состоять из 46 хромосом. Причиной введения нового термина («дигеном») на основе корня «геном» служит уже устоявшееся понятие генома: а) геном есть совокупность всей ДНК из гаплоидного набора хромосом; б) геномами называют молекулы ДНК у лишенных пloidности прокариотических организмов; в) геномами считают генетический материал вирусов, могущий быть представленным и молекулами РНК.

ОТ ТЕХНОЛОГИЙ УСТАНОВЛЕНИЯ КВАЗИГАПЛОИДНЫХ ГЕНОМОВ ЛЮДЕЙ И ПОЛНЫХ ДИ(ГЕ)НОМОВ К ДНК-РЕГИСТРАЦИИ ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ SNP-ЛОКУСОВ

Пожалуй, здесь стоит уделить некоторое внимание вопросу о том, почему в подавляющем большинстве случаев исследователи до сих пор массово оперируют квазигаплоид-

ными геномами людей, считая их полными, размером около 3 млрд п. н., заключенными в 23 хромосомах, а не 6 млрд п. н., содержащимися в 46 хромосомах. Во-первых, это сложилось исторически. Так, в знаковой статье, посвященной десятилетию расшифровки первых человеческих геномов, известный американский специалист К. Вентер описал, как при организации международного проекта «Геном человека» в конце 1980-х годов из-за имевшихся опасений, что он отвлечет слишком много денег от других проектов биологических исследований, было принято решение ограничиться секвенированием половинного (гаплоидного) набора хромосом и, следовательно, секвенированием, ориентировочно, 3 млрд п. н. вместо необходимых 6 млрд п. н. [4, с. 676]. При этом необходимо заметить, что тогдашние (да и нынешние) технологии не позволяли легко секвенировать диплоидный геном человека, поскольку возникали серьезные трудности компьютерной сборки прочитанных нуклеотидных последовательностей из-за высокой схожести парных хромосом. И это – во-вторых. Тем не менее диплоидные геномы людей, называемые еще фазированными, или гаплотипными, установлены, и первым стал геном самого Вентера, секвенированный в таком статусе лишь наполовину еще методом Сэнгера [5, с. 2117]. Позже появилась информация и о других диплоидных геномах разных людей, секвенированных в том числе по технологиям новых поколений. Таковых до сих пор немного, но за ними будущее.

Несмотря на то что Вентер в упомянутой нами статье обратил внимание на необходимость секвенирования диплоидных геномов [4, с. 677], по-прежнему продолжается массовое секвенирование квазигаплоидных геномов, ценность которых для криминалистических целей ничтожна. В качестве подтверждения непонимания некоторыми исследователями современных реалий можно привести выдержки из опубликованной не так давно статьи в журнале Nature [6, с. 690], где большим коллективом авторов сделано 10 предсказаний из области геномики человека, которые, по их мнению, могут сбыться к 2030 г. Приведем здесь выборочно лишь некоторые предсказания (сохранив авторскую нумерацию), имеющие определенное отношение к процессу расследования преступлений, с нашими комментариями.

1. Генерация и анализ полной последовательности генома человека будет обычным делом для любой исследовательской лаборатории, став таким же простым, как проведение очистки ДНК.

Из того, что авторы статьи в Nature ни словом не упомянули про диплоидные геномы, следует, что они имели в виду фактически квазигаплоидные геномы, которые к 2030 г. действительно могут легко и быстро секвенироваться, но к тому времени такие секвенированные геномы уже точно не будут никому нужны, поскольку должна будет вестись сборка исключительно диплоидных геномов человека – похромосомно в формате T2T. По всей видимости, авторы не удосужились прочитать упомянутую нами статью Вентера, а то бы нацеливали научное сообщество на секвенирование именно диплоидных геномов, которые несут действительно полную информацию о каждом человеке (включая важную для разыскной работы информацию о внешнем облике человека), что до некоторой степени соответствует персональным биологическим данным. Наши коллеги из медицинской сферы подробно освещают этот вопрос, а также проблемы использования молекулярно-генетических технологий в «выявлении заболеваний наследственного характера и врожденных дефектов организма» [7, с. 125].

2. Биологическая функция(-и) каждого человеческого гена будет известна; для некодирующих элементов в геноме человека такое знание будет скорее правилом, чем исключением.

Действительно, можно допустить, что это произойдет, и тогда ДНК-фенотипирование (установление совокупности внешних признаков организма, формирующихся на основе генотипа), которому в последние годы в криминалистике стали уделять повышенное внимание, сможет проводиться с большей достоверностью. Но вполне вероятно, что нужда в нем практически отпадет (за исключением расследования «старых» преступлений), поскольку ДНК-регистрация всего населения начнется раньше.

3. Общие особенности эпигенетического ландшафта (устойчивых путей развития клеток и всего организма) будут регулярно включаться в прогностические модели влияния генотипа на фенотип.

Это предсказание оправдывается лишь в случае секвенирования полных диплоидных геномов людей, о чем в статье из Nature не упоминается. Для розыскных целей при расследовании преступлений это могло бы помочь в более точном (чем это делается сейчас) установлении приблизительного возраста владельца биологических следов, но если к этому времени будет проведена ДНК-регистрация всего населения, то необходимость

этого будет практически исключена, кроме опять-таки случаев расследования старых преступлений по останкам людей, которые ранее не были введены в базу данных геномной регистрации.

8. Полная последовательность генома человека вместе с информативными аннотациями при желании будет доступна на его смартфоне.

Это предсказание вполне реально может сбыться даже ранее 2030 г., так как к тому времени квазигаплоидные геномы будут легко секвенироваться. Возникнут ли при этом проблемы этического характера – неочевидно, поскольку персональные биологические данные становятся значимыми лишь при секвенировании полных диплоидных геномов. Но поскольку сейчас, несмотря на то что геномы людей в плане секвенирования активно исследуются уже на протяжении двух десятилетий, сохраняется непонимание различий между квазигаплоидными «полными» геномами людей и их действительно полными ди(ге)номами, можно допустить, что и к 2030 г. эта ситуация полностью переломлена не будет, и тогда часть населения при таком масштабе распространения геномных данных через мобильную связь будет справедливо опасаться, что эту информацию не удастся сохранить в тайне от мошенников.

Возвращаясь к диномам (дигеномам) людей и их полиморфизму, следует отметить, что он огромен, и двух полностью одинаковых геномов не существует. Так, недавно были продемонстрированы небольшие отличия в геномах одноййцевых близнецов из-за возникновения постзиготических мутаций [8, с. 29]. А Вентер еще в 2010 г. отметил, что отличия между его «материнскими» и «отцовскими» хромосомами достигают 0,5 %, что довольно много и гораздо больше, чем допускалось ранее [4, с. 676]. Из этого следует, что все парные хромосомы человека, вне всякого сомнения, несут множественные различия, и для медицинских целей нужно секвенировать все 46 хромосом.

Что касается ДНК-криминалистики, то для ДНК-регистрации (геномной регистрации) абсолютно не требуются знания полных диномов конкретных людей (знания квазигаплоидных геномов для этого абсолютно непригодны, так как при расследовании преступлений требуется информация об обоих аллельных вариантах используемых маркерных признаков). Здесь достаточно оперировать отдельными небольшими участками ДНК, обеспечивающими должный уровень полиморфизма, позволяющий проводить од-

нозначную ДНК-идентификацию личности по биологическому материалу, а также вести ДНК-регистрацию всего населения путем, например, генетического штрих-кодирования на основе тетрааллельных SNP (Single-Nucleotide Polymorphism – SNP, произносимый как «снип»), характеризующихся наивысшим уровнем цифровизации данных [9, с. 110520]. Для этого должны использоваться нейтральные участки геномов, не связанные с наследственными заболеваниями.

Проводимая ныне ДНК-идентификация личности на основе STR-локусов характеризуется определенными недостатками, но с учетом уже довольно большого числа людей (в России – около 2 млн), для которых установлены их STR-профили, эти маркерные локусы должны войти в состав улучшенных диагностических наборов, рассчитанных на однозначное установление личности по найденным биологическим следам. Пример такой «кооперации» маркерных признаков виден в производимом американской фирмой Verogen, Inc. наборе ForenSeqTM, с помощью которого одновременно анализируются 27 аутосомных STR-локусов, 24 и 7 STR-локусов из Y- и X-хромосом соответственно, а также 174 снипа, часть которых рассчитана на выявление фенотипических признаков, а другая часть предназначена для установления родства, в том числе между поколениями, притом что STR-полиморфизм для этого непригоден во все или малодостоверен с учетом большей мутационной изменчивости этих локусов. Однако нужно заметить, что снипы в составе данного набора являются разрозненными в том смысле, что взяты из абсолютно разных частей генома, тогда как гораздо большее число комбинаций обеспечивают снипы в составе микрогаплотипов (точнее, микродиплотипов), чему мы ранее уделили определенное внимание [10, с. 302].

Таким образом, использование снипов в составе микродиплотипов дает больше шансов установить родственников преступников, а затем и самих преступников, что в последнее время стало активно использоваться и называется генеалогическим поиском. Причем есть примеры раскрытия громких, в том числе серийных, преступлений многолетней давности, но все они производились без задействования микродиплотипов, которые теоретически могли бы помочь раскрыть еще больше преступлений.

В этой связи нельзя не отметить звучащие возражения правозащитных организаций, не согласных с подобным использованием геном-

ной информации, фактически вовлекающей в анализ полиморфизм ДНК многих людей, не знающих об этом и, возможно, не согласных с подобным использованием их персональных биологических данных. Однако нужно принимать во внимание и позицию пострадавшей стороны (потерпевших), рассчитывающей на поимку и наказание преступника и имеющей на это гораздо больше прав, в том числе моральных.

Также правозащитные организации противятся внедрению в расследование преступлений такого подхода, как ДНК-фенотипирование, позволяющего по полиморфизму ДНК устанавливать внешний облик преступника в случаях отсутствия его ДНК-профиля в базе данных геномной регистрации. Как и в случае с генеалогическим поиском, ДНК-фенотипирование уже позволило раскрыть немало преступлений. Причина недовольства та же: правозащитные организации считают, что в этом случае правоохранительные органы анализируют персональные данные конкретных людей и неважно, что на этом этапе анализа они обезличенные. Причем ДНК-фенотипирование воссоздает внешний облик человека, который виден каждому, и считать эти данные персональными не совсем корректно. Тем более что к практике использования фотороботов и восстановления лиц преступников со слов свидетелей претензий ни у кого нет. К тому же полного портретного сходства с помощью ДНК-фенотипирования добиться пока не удастся, и вряд ли это произойдет в ближайшем будущем.

Однако правозащитники не выступают против ДНК-фенотипирования, в результате которого устанавливается биологический пол носителя обнаруженной ДНК. И это притом что сейчас гендерный вопрос перешел чуть ли не в политическую плоскость. По-видимому, главная причина такой лояльности к этому анализу кроется в том, что он проводится с конца 1980-х годов и с ним уже все полностью свыклись, в отличие от установления с помощью полиморфизма ДНК других внешне видимых черт личности. Хотя пол – это основной фенотипический признак, который мог бы вызывать наибольшее беспокойство правозащитников, этого не происходит, что ярко демонстрирует надуманность прочих претензий к ДНК-фенотипированию.

Многие спорные вопросы ДНК-фенотипирования и генеалогического поиска может снять ДНК-регистрация всего населения по нейтральным маркерным признакам, обеспечивающим однозначную ДНК-идентифи-

кацию личности [11, с. 509]. В целом ряде стран этому вопросу уделяется определенное внимание и даже шла серьезная подготовка, что было рассмотрено нами ранее [12, с. 298]. Есть опасения, что знания диплоидных геномов потенциально могут способствовать разработке этнического оружия, однако они надуманны, поскольку для предлагаемой нами системы ДНК-регистрации будут использованы сведения о ДНК полиморфизме ничтожно малого (в масштабах всего динома) количества локусов. Данные локусы будут браться из разных хромосом и их удаленных участков, а нацелить «этноспецифический» агент (какой-либо вирус, генно-инженерную конструкцию и пр.) на физически не связанные нуклеотидные последовательности невозможно. Уникальность каждого человека будет заключаться в комбинации всей информации по выбранным локусам, ко-

торая для каждого отдельного такого локуса не уникальна [13, с. 426].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Практическое применение описанной технологии ввода только нейтральных маркерных признаков в систему геномной регистрации с высоким уровнем цифровизации облегчит решение всего комплекса правовых и этических вопросов ДНК-идентификации личности и ДНК-регистрации населения. Можно констатировать, что применительно к целям борьбы с преступностью необходимо создавать базы ДНК-данных всего населения планеты. И, отвечая на возражения оппонентов такой регистрации, следует отметить, что лучше всеобщую ДНК-регистрацию не откладывать надолго, поскольку это может спасти немало жизней, и это наша твердая точка зрения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Winkler H. Verbreitung und Ursache der Parthenogenesis im Pflanzen und Tierreiche / H. Winkler. – Jena : Gustav Fischer Verlag, 1920. – 250 s.
2. Кулуев Б.Р. Сто лет гаплоидным геномам. Сейчас наступает время диплоидных / Б.Р. Кулуев, А.Х. Баймиев, Г.А. Геращенко, У.Б. Юнусбаев, Р.Р. Гарафутдинов, Я.И. Алексеев, А.Х. Баймиев, А.В. Чемерис // Биомика. – 2020. – Т. 12 (4). – С. 411–434. – DOI: 10.31301/2221-6197.bmcs.2020-33.
3. Nurk S. The complete sequence of a human genome / S. Nurk, S. Koren, A. Rhie et al. // Science. – 2022. – Vol. 376 (6588). – P. 44–53. – DOI: 10.1126/science.abj6987.
4. Venter J.C. Multiple personal genomes await / J.C. Venter // Nature. – 2010. – Vol. 464 (7289). – P. 676–677. – DOI: 10.1038/464676a.
5. Levy S. The diploid genome sequence of an individual human / S. Levy, G. Sutton, P.C. Ng et al. // PLOS Biology. – 2007. – Vol. 5 (10). – P. 254. – DOI: 10.1371/journal.pbio.0050254.
6. Green E.D. Strategic vision for improving human health at The Forefront of Genomics / E.D. Green, C. Gunter, L.G. Biesecker et al. // Nature. – 2020. – Vol. 586 (7831). – P. 683–692. – DOI: 10.1038/s41586-020-2817-4.
7. Хусаинова Р.И. Современные молекулярно-генетические технологии в медицине: этические и правовые вопросы / Р.И. Хусаинова, Е.В. Ахтямова, И.Р. Миннихметов, Р.И. Султанова // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 2 (60). – С. 123–131.
8. Jonsson H. Differences between germline genomes of monozygotic twins / H. Jonsson, E. Magnusdottir, H.P. Eggertsson et al. // Nat Genet. – 2021. – № 53 (1). – P. 27–34. – DOI: 10.1038/s41588-020-00755-1.
9. Garafutdinov R.R. A new digital approach to SNP encoding for DNA identification / R.R. Garafutdinov, A.R. Sakhabutdinova, P.A. Slominsky, F.G. Aminev, A.V. Chemeris // Forensic Science International. – 2020. – Vol. 317. – P. 110520. – DOI: 10.1016/j.forsciint.2020.110520.
10. Чемерис Д.А. Микродиplotипы как новые маркеры для ДНК-идентификации личности / Д.А. Чемерис, Р.Р. Гарафутдинов, А.М. Сагитов и др. // Биомика. – 2020. – Т. 12 (2). – С. 300–317. – DOI: 10.31301/2221-6197.bmcs.2020-17.

REFERENCES

1. Winkler H. Verbreitung und Ursache der Parthenogenesis im Pflanzen und Tierreiche. Jena, Gustav Fischer Verlag Publ., 1920. 250 s.
2. Kuluev B.R., Baymiev An.Kh., Gerashchenkov G.A., Yunusbaev U.B., Garafutdinov R.R., Alekseev Ya.I., Baymiev A.Kh., Chemeris A.V. One hundred years of haploid genomes. Now time comes for diploid. Biomika = Biomics, 2020, vol. 12 (4), pp. 411–434. DOI: 10.31301/2221-6197.bmcs.2020-33. (In Russian).
3. Nurk S., Koren S., Rhie A. et al. The complete sequence of a human genome. Science, 2022, vol. 376 (6588), pp. 44–53. DOI: 10.1126/science.abj6987.
4. Venter J.C. Multiple personal genomes await. Nature, 2010, vol. 464 (7289), pp. 676–677. DOI: 10.1038/464676a.
5. Levy S., Sutton G., Ng P.C. et al. The diploid genome sequence of an individual human. PLOS Biology, 2007, vol. 5 (10), pp. 254. DOI: 10.1371/journal.pbio.0050254.
6. Green E.D., Gunter C., Biesecker L.G. et al. Strategic vision for improving human health at the Forefront of Genomics. Nature, 2020, vol. 586 (7831), pp. 683–692. DOI: 10.1038/s41586-020-2817-4.
7. Khusainova R.I., Akhtyamova E.V., Minniahmetov I.R., Sultanova R.I. Modern molecular genetic technologies in medicine: ethical and legal issues. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2020, no. 2 (60), pp. 123–131. (In Russian).
8. Jonsson H., Magnusdottir E., Eggertsson H.P. et al. Differences between germline genomes of monozygotic twins. Nat Genet, 2021, no. 53 (1), pp. 27–34. DOI: 10.1038/s41588-020-00755-1.
9. Garafutdinov R.R., Sakhabutdinova A.R., Slominsky P.A., Aminev F.G., Chemeris A.V. A new digital approach to SNP encoding for DNA identification. Forensic Science International, 2020, vol. 317, p. 110520. DOI: 10.1016/j.forsciint.2020.110520.
10. Chemeris D.A., Garafutdinov R.R., Sagitov A.M., Sagitova M.A., Mikhailenko K.I., Zubov V.V., Vasilov R.G., Slominsky P.A., Anisimov V.A., Khusnutdinova E.K., Alexeyev Ya.I., Kurochkin V.E., Lavrov G.S., Vorobev A.A., Aminev F.G., Chemeris A.V. Microdiplotypes as a new markers for DNA identification. Biomika = Biomics, 2020, vol. 12 (2), pp. 300–317. DOI: 10.31301/2221-6197.bmcs.2020-17. (In Russian).

11. Аминев Ф.Г. О потенциале всеобщей геномной регистрации в предупреждении преступлений / Ф.Г. Аминев, А.В. Чемерис, С.В. Хомутов // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 4. – С. 505–511. – DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(4).505-511.

12. Анисимов В.А. ДНК-криминалистика – зарождение, современность и перспективы / В.А. Анисимов, Р.Р. Гарафутдинов, А.М. Сагитов, А.Р. Сахабутдинова, Э.К. Хуснутдинова, Ф.Г. Аминев, А.В. Чемерис // Биомика. – 2019. – Т. 11 (3). – С. 282–314.

13. ДНК-криминалистика / А.В. Чемерис и др. – Москва : Наука, 2022. – 466 с.

11. Aminev F.G., Chemeris A.V., Khomutov S.V. On the Crime Prevention Potential of Universal Genomic Registration. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 4, pp. 505– 511. DOI: 10.17150/2500- 4255.2022.16(4).505-511. (In Russian).

12. Anisimov V.A., Garafutdinov R.R., Sagitov A.M., Sakhabutdinova A.R., Khusnutdinova E.K., Aminev F.G., Chemeris A.V. DNA forensics – the origin, present state and future prospects. *Biomika = Biomics*, 2019, vol. 11 (3), pp. 282–314. (In Russian).

13. Chemeris A.V., Aminev F.G., Garafutdinov R.R., Anisimov V.A., Sagitov A.M., Khusnutdinova E.K., Sakhabutdinova A.R. et al. *DNK-kriminalistika [DNA forensics]*. Moscow, Nauka Publ., 2022. 466 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аминев Фарит Гизарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, заслуженный юрист Республики Башкортостан, академик Российской академии естественных наук;

Гарафутдинов Равиль Ринатович – кандидат биологических наук, заведующий лабораторией физико-химических методов анализа биополимеров Института биохимии и генетики – обособленного структурного подразделения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук;

Чемерис Алексей Викторович – доктор биологических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, главный научный сотрудник Института биохимии и генетики – обособленного структурного подразделения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aminev Farit Gizarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences;

Garafutdinov Ravil Rinatovich – Candidate of Biological Sciences, Head of the Laboratory of Physical and Chemical Methods for the Analysis of Biopolymers of the Institute of Biochemistry and Genetics, Separate Structural Subdivision of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences;

Chemeris Alexey Viktorovich – Doctor of Biological Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies, Chief Researcher of the Institute of Biochemistry and Genetics, Separate Structural Subdivision of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.10.2022; одобрена после рецензирования 06.11.2022; принята к публикации 07.11.2022. The article was submitted 15.10.2022; approved after reviewing 06.11.2022; accepted for publication 07.11.2022.

Научная статья
УДК 343.915, 351.751
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.17

ГОТЧИНА Лариса Владимировна
Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета
Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: lgotchina@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-4477-6559>

Original article

GOTCHINA Larisa Vladimirovna
St. Petersburg Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia.

ЭКСТРЕМИСТСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА МОЛОДЕЖЬ: ОТ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ К СОВРЕМЕННОСТИ

EXTREMIST IMPACT ON YOUTH: FROM HISTORICAL TRENDS TO THE PRESENT

Аннотация. Предпосылкой исследования явилось усилившееся экстремистское воздействие на молодежь России вследствие снижения взаимопонимания, повышения тревожности, потребности населения в самозащите. В работе проанализированы социально-правовые явления: молодежный экстремизм и наркотизм, установлена их взаимосвязь и взаимовлияние, рассмотрены причины и следствия указанных явлений, которые определяются как угроза национальной безопасности. Выделены тенденции проявления молодежного наркотизма и экстремизма в современной России. Усилению криминального воздействия на молодежь способствовал способ совершения преступлений – «с использованием информационных, телекоммуникационных и высоких технологий». Целью работы является исследование особенностей экстремистского воздействия на молодежь в современной России с учетом исторических тенденций. Проведен контент-анализ работ российских авторов для оценки современного состояния экстремизма, его тенденций. Выводы подкреплены экспертными оценками и результатами социологических исследований. Результаты: отмечается, что экстремизм в России направлен в первую очередь на уничтожение славянской нации руками своего же населения; в России формируется личность преступника особого типа (экстремистская, наркотизированная). В современных условиях необходима государственная программа по усилению информирования молодежи, воспитания, основанного на знании истории своей страны.

Ключевые слова: молодежные экстремизм и наркотизм, международные преступления, высоколатентные преступления, молодежь

Для цитирования: Готчина Л.В. Экстремистское воздействие на молодежь: от исторических тенденций к современности / Л.В. Готчина // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 126–129. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.17.

Abstract. The prerequisite for the study is the increased extremist impact on young people in Russia. The consequence is a decrease in tolerance, an increase in anxiety, and the need of the Russian population for self-defense. The paper analyzes social and legal phenomena: youth extremism and drug addiction, establishes their relationship and mutual influence, considers the causes and consequences of these phenomena, which are defined as a threat to national security. The trends in the manifestation of youth drug addiction and extremism in modern Russia are highlighted. The method of committing crimes «using information, telecommunications and high technologies» contributed to the strengthening of the criminal impact on young people in Russia. The purpose of this work is to study the features of extremist impact on young people in modern Russia, taking into account historical trends. A content analysis of the works of Russian authors is carried out in order to assess the current state of extremism and its trends. The conclusions are supported by expert assessments and the results of sociological research methods. Results: it is noted that extremism in Russia is aimed, first of all, at the destruction of the Slavic nation by the hands of its own population; in Russia the personality of a criminal of a special type (extremist, drugged) is being formed. In modern conditions, there is a need for a state program to strengthen youth information and education based on knowledge of the history of their country.

Keywords: youth extremism and drug addiction, international crimes, high-latent crimes, youth

For citation: Gotchina L.V. Extremist impact on youth: from historical trends to the present. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 126–129. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.17 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Экстремистское воздействие на молодежь на современном этапе усиливается. Молодые люди вербуются криминальными структурами, которые заманивают их в свои сети, обещая хорошие заработки. Самое страшное заключается в том, что экстремистская идеология стремится вытеснить из общественного сознания нравственные начала, заменяя гуманность на жестокость, взаимопонимание – на ненависть и месть.

Втягивание молодежи в криминальный бизнес в большинстве случаев связано с социальной неустroенностью и с отсутствием финансовой стабильности в жизни, неустroенностью или же низкооплачиваемостью полученной профессии. Преобладающее отсутствие в таком возрасте семьи также является фактором молодежной преступности. При этом многолетний постулат, что семья является лучшим фактором сдерживания от преступности и иных форм отрицательных девиаций, еще актуален для России. Однако западное лоббирование отрицания семьи как таковой, насаждение западной концепции «гражданского однополного брака» разрушают многовековые нравственные устои российского общества и способствуют криминализации (в том числе экстремистской) населения.

Современной тенденцией молодежной преступности является наркотический экстремизм – применение насилия под воздействием психоактивных веществ.

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ НАСИЛИЯ

Экстремизм представляет собой призывы к насильственным действиям против существующего политического строя, социально-экономического уклада жизни страны или религиозных установок. Насилие применяется как один из ключевых методов экстремистской идеологии, при этом по своей разнovidности оно бывает физическим или психическим. Элементы второго просматриваются в действиях, реализуемых на спортивных площадках, когда принимаются решения о допуске к участию в соревнованиях спортсменов «без флага». Получается, что спортивное сообщество больше интересуется не спортивными результатами, а факт неучастия к определенной национальности.

Практика показывает, что сегодня проблема молодежного экстремизма связана и с самоопределением этой возрастной группы.

Экстремистское криминальное воздей-

ствие на молодежь преследует две основные цели:

1) медленное, но неуклонное уничтожение нации;

2) вербовка в экстремистские, террористические группы, которая сегодня ярко демонстрируется в ходе специальной военной операции на Украине. Реализации указанной цели способствуют многовековые родственные и социальные связи украинцев и русских, особенно проживающих в приграничных регионах России, как следствие, наблюдается разрыв таких связей, ожесточение людей.

Современные формы проявления экстремизма, терроризма и наркотизма характеризуются тем, что в данную деятельность вовлекается более молодая группа людей. Это неслучайно. В целом молодой возраст характеризуется большой активностью, однако, рассматривая наш вопрос, отметим, что ключевым фактором формирования признака молодости у экстремизма, терроризма и наркотизма является сформировавшаяся в образовательной и молодежной среде западная идеология, насаждаемая и в России. Она разрушает семейные устои, перечеркивает нравственные идеалы, провоцирует ненависть и вражду. Основная цель современной идеологии экстремизма и наркотизма – сокращение численности славянского населения руками самой российской молодежи.

Западная экстремистская идеология в образовательной и молодежной среде сформирована под воздействием переписанных положений учебников по истории XX в., где совсем по-другому интерпретируются события и последствия Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В результате такого преступного воздействия на молодежь в ряде стран выросло новое поколение, которое с ненавистью и враждой относится к российскому обществу. То есть появление экстремистски настроенной молодежи – это результат внедрения плановой образовательной программы по формированию личности преступника особого типа. В результате сегодня мы наблюдаем на территории Украины представителей разных экстремистских, террористических и националистских группировок, отличающихся особой жестокостью и цинизмом.

НАРКОТИКИ И ЭКСТРЕМИЗМ

Молодежный экстремизм тесно связан с наркотизмом. Такая взаимосвязь выявлена на основе результатов ряда российских исследований молодежного экстремизма в России,

проведенных в 2003–2006 гг. под руководством доктора социологических наук, профессора А.А. Козлова [1], которые до сих пор актуальны, а также молодежного наркотизма и мониторинга меняющегося законодательства по противодействию ему [2, с. 24].

«Лидирующей тенденцией наркотизма является приобщение к нему уже на протяжении третьего десятилетия основной группы российского населения – молодежи» [2, с. 23]. Так, результатом криминального воздействия является сформировавшаяся значительная часть молодежи, «в чем-то поддерживающая» экстремизм (24 %), среди ее представителей преобладают мужчины (52 %) и несовершеннолетние (57 %), лица, живущие в неполной семье (27,1 %) [1, с. 208–211].

Лица, причастные к наркотизму, имеют такие же социально-демографические характеристики. В частности, и столетие назад, и сегодня подтверждается преобладание мужской вовлеченности в наркооборот [3, с. 78, 84]. Поэтому исследование проблем наркомании чаще имело мужские характеристики в условиях большого города [4, с. 26], где проживает больше половины молодых людей, подверженных экстремистским настроениям (59,1 %) [1, с. 210].

«Обращает на себя внимание связь наркопотоков с зонами глобальной нестабильности» [3, с. 147]. Так, «атрибутами магистрального перемещения героина и кокаина является стремительное разрастание экстремистской и террористической активности в государствах наркотрафика. Именно в этом контексте следует рассматривать транзит кокаина как причину взрывного – в 400 раз – роста насилия в ряде стран Центральной Америки, разрастание экстремизма и терроризма в государствах Западной Африки и Сахеля. В условиях жесткого противостояния ... и конкуренции за ... товар роста насилия и убийств и в странах транзита неизбежно ведет к их дестабилизации. Абсолютно та же логика причинно-следственных связей реализуется сегодня и в Центральной Азии на путях транзита афганского героина. Таким образом, экстремизм, терроризм и в целом рост насилия – явления производные, по сути, вторичные по отношению к двум центрам планетарного наркопроизводства»¹.

Полученные нами на основе анализа состояния российского наркотизма и экстремизма результаты подтверждаются следующими особенностями:

«– российские экстремизм и наркотизм характеризуются признаком молодечности;

– наркобизнес финансирует экстремизм;

– наркопреступность и экстремистская деятельность реализуются организованными преступными формированиями;

– большинство экстремистов во время совершения преступлений находятся под воздействием наркотических средств или психотропных веществ;

– наркотизм и экстремизм – явления, порождающие международные преступления, в том числе против мира и безопасности человечества; они существуют вне государственных границ;

– экстремизм и наркотизм – явления труднопрогнозируемые, потому что высоклатентные. Они проявляются как в странах с тяжелым экономическим состоянием, так и в наиболее развитых и благополучных государствах» [2, с. 26–27].

Идеология экстремизма и наркотизма широко пропагандируется на западе и насаждается местному населению. Срачиваясь с культурой народа, идеи насилия и верховенства силы становятся обыденными, приемлемыми, особенно в условиях ухудшения экономической ситуации ряда европейских стран. Так, канцлер Австрии К. Нехаммер назвал единственный действенный выход против растущей инфляции – употребление алкоголя или психотропных веществ² [15]. Неудивительно, что «экстремистская деятельность в современных условиях направлена против российского населения, а наркотизм – в отношении здоровых, независимых от наркотиков россиян, а также то, что лица, допускающие немедицинское потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, часто совершают деяния, предусмотренные статьями 282.1 и 282.2 УК РФ. Поэтому наркотизм можно рассматривать как экстремизм, направленный против себя» [5, с. 39].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня необходимо внутригосударственное сдерживание экстремизма на минимальном уровне, потому что, во-первых, он снижает российскую безопасность, способствует изменению структуры преступности в сторону усиления ее организованности, увеличения насильственных характеристик, омоложения

¹ Доклад директора ФСКН России В.П. Иванова на 30-й Международной конференции правоохранительных органов по борьбе с незаконным оборотом наркотиков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fskn.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2022).

² Нехаммер заявил, что в случае роста инфляции в Австрии останется только алкоголь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/07/12/nekhammer-zayavil-chto-v-sluchae-rosta-inflyacii-v-avstrii-ostanetsya-alkogol.html> (дата обращения: 25.09.2022).

его участников и апробации эффективных методов совершения преступлений, например, «с использованием информационных, телекоммуникационных и высоких технологий». Так, в 2021 г. «заблокировано свыше 100 тыс. интернет-ресурсов, содержащих экстремистские призывы, удалено более 7,5 тыс. материалов» [6, с. 72]. Во-вторых, ухудшает психологическое здоровье населения, повышая агрессивность, тревожность, порождая страх, отчуждение людей.

Как нам представляется, криминальное воздействие на молодежь в виде навязывания экстремистских идей с использованием информационно-телекоммуникационных се-

тей, Интернета можно нейтрализовать только через грамотное информирование молодежи, воспитание, основанное на знании истории своего государства, что должно стать приоритетным направлением государственной политики России и других стран для формирования в правосознании толерантности, исключения ненависти и вражды. В этих целях в полной мере необходимо использовать неограниченные возможности российской суверенной государственно-правовой идеологии и русской суверенной философии права. В современной России востребована и государственная программа противодействия наркопреступности и экстремизму.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козлов А.А. Терроризм в молодежном сознании: угроза и вопросы безопасности / А.А. Козлов, Э.П. Теплов. – Санкт-Петербург, 2007. – 301 с.
2. Готчина Л.В. О взаимосвязи и взаимовлиянии экстремизма и наркотизма / Л.В. Готчина // Таврический научный обозреватель. – 2015. – № 2-3. – С. 23–27.
3. Клейменов И.М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, развитие уголовной политики в условиях глобализации: монография / И.М. Клейменов. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – 300 с.
4. Готчина Л.В. Уголовная ответственность за склонение к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения: монография / Л.В. Готчина, В.В. Семенова. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 152 с.
5. Готчина Л.В. Современные проявления молодежного экстремизма через экскурс исследований / Л.В. Готчина // Особенности формирования антиэкстремистской и антитеррористической среды в вузе на современном этапе: сборник докладов Международной науч.-практ. конф. Белгород, 17 марта 2022 г. / сост. В.И. Борисовский; под общ. ред. С.Н. Глаголева. – Белгород: БГТУ, 2022. – С. 33–40.
6. Ишук Я.Г. Тенденции цифрового терроризма и экстремизма в период пандемии COVID-19 / Я.Г. Ишук // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 2 (68). – С. 72–82.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Готчина Лариса Владимировна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gotchina Larisa Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 22.10.2022; принята к публикации 22.10.2022. The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 22.10.2022; accepted for publication 22.10.2022.

ДИКАРЕВ Илья Степанович
Волгоградский государственный
университет, Волгоград, Россия;
e-mail: iliadikarev@volsu.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

DIKAREV Ilya Stepanovich
Volgograd State University, Volgograd, Russia,

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА В ВОЕННЫХ СУДАХ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

SPECIAL PROCEDURE FOR MILITARY COURTS TO TRY TERRORIST CRIMES:
HISTORICAL PARALLELS

Аннотация. Современное уголовно-процессуальное законодательство устанавливает ряд особенностей процедуры производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности. Однако объем и значение таких особенностей столь незначительны, что говорить о наличии дифференцированной формы производства по делам данной группы не приходится. Между тем в военном уголовном судопроизводстве России второй половины XIX – начала XX в. производство по уголовным делам о преступлениях государственных характеризовалось существенной спецификой. Учитывая, что в современном уголовном процессе рассмотрение уголовных дел о преступлениях террористической направленности также отнесено к компетенции военных судов, изучение накопленного исторического опыта представляется весьма полезным для определения направлений совершенствования действующего законодательства. Цель: выявить применявшиеся в военных судах царской России особенности производства по уголовным делам о государственных преступлениях, связанных с террористической деятельностью, и на основе сравнительного анализа с действующим порядком наметить пути совершенствования современного уголовно-процессуального законодательства. Методы: методологической базой исследования послужил диалектический метод. Кроме того, применялись общенаучные методы анализа, синтеза и системный подход, а также специально-юридические методы: историко-правовой, юридической интерпретации и логико-юридический. Результаты: проведенное исследование показало, что предпринимаемые современным законодателем шаги в направлении регламентации производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности во многом повторяют процессы, происходившие в законодательстве Российской империи в период, когда страна столкнулась с беспрецедентной террористической угрозой. В то же время историко-правовой анализ позволил выявить лакуны в современной регламентации процессуальной деятельности, выражающиеся, в частности, в отсутствии влияния особых правовых режимов (включая правовой режим контртеррористической операции) на процессуальную форму производства по уголовным делам.

Abstract. Contemporary criminal procedure legislation establishes some features of the procedure for criminal proceedings relating to terrorist crimes. However, the size and importance of such features are so insignificant that there is no differentiation in the form of proceedings in this group. Meanwhile, in the second half of the 19th and early 20th century, military criminal proceedings in Russia were characterized by significant specifics in criminal cases involving state crimes. The study of historical experience seems to be very useful for determining the directions for improving the current legislation, because in contemporary criminal proceedings, the consideration of criminal cases on terrorist crimes is attributed to the competence of military courts. Purpose: to identify the peculiarities of criminal proceedings concerning state crimes related to terrorist activities used in the military courts of tsarist Russia, and on the basis of a comparative analysis with the current procedure, to outline ways to improve modern criminal procedure legislation. Methods: the dialectical method is the methodological basis of the study. In addition, general scientific methods of analysis, synthesis and a systematic approach are used, as well as special legal methods: historical-legal, legal interpretation and logical-legal. Results: the study shows that the steps taken by the modern legislator in regulating criminal proceedings on terrorist crimes largely repeat the processes that took place in the legislation of the Russian Empire during the period when the country faced an unprecedented terrorist threat. At the same time, the historical and legal analysis reveals gaps in the current regulation of procedural activities, such as the lack of influence of special legal regimes (including the legal regime of the counter-terrorism operation) on the procedural form of criminal proceedings.

Ключевые слова: военный суд, подсудность, процессуальная форма, гласность, терроризм, преступления террористической направленности

Keywords: military court, jurisdiction, procedural form, publicity, terrorism, terrorist crimes

Для цитирования: Дикарев И.С. Особый порядок производства в военных судах по делам о преступлениях террористической направленности: исторические параллели / И.С. Дикарев // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 130–137. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.18.

For citation: Dikarev I.S. Special procedure for military courts to try terrorist crimes: historical parallels. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 4, pp. 130–137. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.18 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Действующее российское законодательство определяет сущность противодействия терроризму как деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, а также физических и юридических лиц, нацеленную на решение задач по предупреждению терроризма; выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом) и минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма¹.

Противодействие терроризму может быть эффективным, только когда такая деятельность носит комплексный характер, связанный с применением норм различной отраслевой принадлежности. При этом в рамках отдельных отраслей права формируется группа специализированных правовых норм, регламентирующих средства (в том числе материально-правовые и процессуальные) противодействия терроризму. В частности, уголовно-процессуальное право регламентирует такие элементы борьбы с терроризмом, как расследование и судебное рассмотрение уголовных дел о преступлениях террористической направленности.

Российское уголовно-процессуальное законодательство предусматривает ряд особенностей производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности, которые можно разделить на несколько групп: 1) допускающие повышенный уровень ограничения прав и свобод лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование; 2) направленные на выявление специфических для данной группы дел обстоятельств, входящих в предмет доказывания; 3) императивно определяющие подсудность уголовных дел и состав суда [1].

Система уголовно-процессуальных средств борьбы с терроризмом проходит в на-

стоящее время этап становления. Своего решения ждет целый ряд вопросов, касающихся регламентации деятельности по расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел террористической направленности. Ответы на многие из них можно найти, обратившись к истории военного уголовного судопроизводства, накопившего огромный опыт противодействия террористическим угрозам. Изучение истории полезно не только тем, что оно знакомит исследователя с принимавшимися в свое время законодательными решениями, но – и это главное – позволяет судить об их эффективности и целесообразности применения в современных условиях.

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Обращаясь к законодательству дореволюционной России, нельзя не увидеть очевидных параллелей с современностью. Вторая половина XIX – начало XX в. характеризовались беспрецедентным ростом числа противоправных деяний, которые в наши дни принято именовать преступлениями террористической направленности. Здесь надо отметить, что ни Уголовное уложение 1845 г., ни даже разработанное с учетом накопленного за десятилетия опыта противодействия терроризму Уголовное уложение 1903 г. не выделяли терроризм или террористический акт в качестве самостоятельного состава преступления – такого рода деяния охватывались понятием «государственные преступления» [2, с. 103]. Поэтому, когда в нормативных актах рассматриваемого периода идет речь о «преступлениях государственных», следует понимать, что в виду имеются, прежде всего, преступления террористической направленности. Именно против них в первую очередь были направлены чрезвычайные законы последних десятилетий существования Российской империи.

Одним из первых ответов законодателя на активизацию революционного движения, широко практиковавшего в своей борьбе терро-

1 О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2022).

ристические методы, стало временное подчинение дел о государственных преступлениях ведению военного суда. Сразу отметим, что в настоящем исследовании основное внимание будет уделено вопросам, связанным с рассмотрением военными судами уголовных дел в отношении гражданских лиц. Такой выход за пределы традиционной для военных судов персональной подсудности, с одной стороны, был свидетельством чрезвычайного характера принимаемых законов, а с другой – обусловил существенную специфику процессуальной формы.

Именным Высочайшим указом от 9 августа 1878 г. было предусмотрено предание военному суду лиц, обвиняемых в вооруженном сопротивлении властям, нападении на должностных лиц, находящихся при исполнении или в связи с исполнением ими должностных обязанностей, если такие действия сопровождались убийством (покушением на убийство), нанесением ран, увечий, тяжких побоев или поджогом². Надо отметить, что законодатель не относил такие дела прямо к подсудности военных судов – передача уголовных дел осуществлялась на основании дискреционных решений сначала органов военного управления соответствующих местностей в лице главных начальников военных округов, а позднее также по распоряжениям генерал-губернаторов³.

Как не вспомнить здесь недавние изменения в современном уголовно-процессуальном законодательстве⁴, предусмотревшие передачу по решению Верховного Суда РФ, вынесенному на основании ходатайства Генерального прокурора РФ или его заместителя, для рассмотрения в окружной (флотский) военный суд уголовных дел о ряде преступлений (большинство из которых террористической направленности) при наличии реальной угрозы личной безопасности участников судебного разбирательства, их близких родст-

венников, родственников или близких лиц. Обратим внимание на то, что как по указам от 9 августа 1878 г. и 5 апреля 1879 г., так и по Федеральному закону от 27 декабря 2009 г. № 346-ФЗ компетенция военных судов распространена на гражданских лиц, обвиняемых в совершении преступлений террористической направленности.

Несмотря на очевидность исторической параллели законодательных решений, принятых с разницей в 130 лет, надо сказать о том, что мотивы, лежащие в их основании, различны. Дело в том, что уголовные дела о преступлениях террористической направленности передавались в военные суды для суждения их по законам военного времени, что предполагало назначение виновным повышенной меры наказания (лишение всех прав состояния и смертная казнь). Другими словами, дореволюционный законодатель своим решением преследовал цель ужесточения ответственности террористов. В современных условиях рассмотрение уголовного дела военным судом такого эффекта не обеспечивает.

Примечательно, что главные начальники военных округов и генерал-губернаторы по передаваемым ими в военные суды уголовным делам наделялись чисто процессуальными полномочиями, свойственными судопроизводству в военное время. В частности, они были вправе «прощать виновных и смягчать им наказание», утверждать приговоры к смертной казни, а также не давать движения поданным по делу кассационным жалобам.

Убийство императора Александра II продемонстрировало невозможность обеспечения общественной безопасности не только законами, «сообразованными с обычным состоянием мирного общежития», но и «разрозненными чрезвычайными законами». В это время законодатель осознает необходимость конструирования особых правовых режимов, создающих оптимальную «среду» для противодействия преступным посягательствам террористической направленности. 14 августа 1881 г. издается Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия⁵, предусматривавшее возможность введения в отдельных местностях исключительного положения нескольких видов: 1) усиленной охраны; 2) чрезвычайной охраны и 3) режима, вводимого в губерниях и областях, смежных

2 О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени: [Именной Высочайший указ от 09.08.1878] // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1880. Собр. 2. Т. LIII. Отд. II, ст. 58778.

3 О назначении временных генерал-губернаторов в городах С.-Петербурге, Харькове и Одессе и о предоставлении, как сим генерал-губернаторам, так и генерал-губернаторам в Москве, Киеве и Варшаве некоторых особых прав для охранения порядка и общественного спокойствия во вверенном им крае: [Именной Высочайший указ от 05.04.1879] // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1881. Собр. 2. Т. LIV. Отд. I, ст. 59476.

4 О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 27.12.2009 № 346-ФЗ // Российская газета. 2009. 29 дек.

5 Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия: [Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров от 14.08.1881] // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1885. Собр. 3. Т. I, ст. 350.

с объявленными в исключительном положении. На территориях, состоявших на положении усиленной охраны, генерал-губернаторы, а в не подчиненных им губерниях – министр внутренних дел сохранили право передавать на рассмотрение военного суда для суждения по законам военного времени *отдельные дела об общеуголовных преступлениях*, когда это признавалось необходимым в интересах ограждения общественного порядка. Если же объявлялось положение чрезвычайной охраны, то генерал-губернатор имел право изъятия из общей подсудности с передачей на рассмотрение военного суда уже *целых категорий дел «об известном рода преступлении и проступках»*. По сути, генерал-губернатор, реализуя такое право, получал возможность изменения в отдельных местностях регламентации подсудности уголовных дел. Своим решением он устанавливал императивную подсудность военным судам определенных категорий уголовных дел, среди которых основную массу составляли деяния террористического характера.

Понятно, что подобный алгоритм регламентации подсудности немыслим в современных условиях. Но вместе с тем оставить без внимания положения действующего законодательства, предусматривающие прямое отнесение к подсудности военных судов целого ряда уголовных дел о преступлениях террористической направленности, нельзя. Напомним, что в соответствии с Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ⁶ уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, ч. 4 ст. 211 УПК РФ, которые ранее могли передаваться в военные суды по решению Верховного Суда РФ только при наличии реальной угрозы личной безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц, а также уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 277, 278, 279 и 360 УК РФ, если их совершение было сопряжено с осуществлением террористической деятельности, с 1 января 2015 г. были отнесены к исключительной подсудности Московского окружного военного суда и Северо-Кавказского окружного военного суда⁷. Таким образом, как в законодательстве дореволюционной России, так и в действу-

ющем уголовно-процессуальном законе четко просматривается интенция законодателя установить специализацию военных судов по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [3].

Влияние особых правовых режимов на уголовно-процессуальную форму

Следует сказать о том, что на рубеже XIX–XX вв. российский законодатель всегда сопровождал регламентацию особых правовых режимов установлением специальных правил судопроизводства по уголовным делам. И это, несомненно, правильно, поскольку объективные условия, служащие основанием введения особого правового режима в той или иной местности, всегда требуют приспособления к ним процессуальной формы [4]. Несомненно, это касается и процедуры производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности. Положение от 18 июня 1892 г.⁸ о местностях, объявленных состоящими на военном положении, предоставляя генерал-губернаторам право передавать на рассмотрение военного суда отдельные дела о преступлениях, предусмотренных общими уголовными законами (прежде всего, дел о вооруженном сопротивлении властям, нападении на должностных лиц, находящихся при исполнении или в связи с исполнением ими должностных обязанностей, если такие действия сопровождались убийством, покушением на убийство, нанесением ран, увечий, тяжких побоев или поджогом), устанавливало ряд процессуальных правил производства по таким делам. В частности, закон требовал каждый раз особого назначения временных членов суда, причем исключительно из числа штаб-офицеров, и рассмотрения уголовных дел только при закрытых дверях, а избрание и назначение защитника проводить по правилам, предусмотренным положениями Военно-судебного устава. Местные начальники полиции в период военного положения получали право задерживать на срок не более двух недель любых лиц, «внушающих основательное подозрение» в совершении преступлений государственных или нарушающих существенные интересы армии, в принадлежности к противозаконным сообществам, а также производить в любое время обыски и наложение ареста на всякого рода имущество, указывающее на преступность действий или намерений.

6 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ // Российская газета. 2014. 7 мая.

7 В настоящее время перечень преступлений и круг военных судов (включая их наименования) изменились, однако подробный анализ этих изменений выходит за пределы тематики настоящей статьи.

8 О местностях, объявляемых состоящими на военном положении : [Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 18.06.1892] // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1895. Собр. 3. Т. XII, ст. 8757.

Если говорить о современном законодательстве, то оно почти не содержит примеров дифференциации уголовно-процессуальной формы, применяемой в местностях, где введены особые правовые режимы (исключение составляет только положение п. «ж» ст. 12 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ⁹). Между тем очевидно, что общий порядок судопроизводства непригоден для расследования и судебного рассмотрения уголовных дел в условиях военного времени (а тем более в боевой обстановке). Особые правила судопроизводства требуются и в условиях действия правового режима контртеррористической операции. К сожалению, в направлении разработки дифференцированных форм процессуальной деятельности, адекватных специфическим условиям ее осуществления на территориях, где действуют особые правовые режимы, пока еще сделано очень мало.

ОГРАНИЧЕНИЕ ГЛАСНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

В Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. появляется важный элемент процессуальной формы производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности – ограничение гласности. Действовавший в рассматриваемый период Военно-судебный устав 1867 г. также предусматривал ограничение гласности по уголовным делам о государственных преступлениях, но они касались главным образом дел об обвинении подсудимых в произнесении дерзких и оскорбительных слов против государя императора или членов Императорского Дома (ст. 1120)¹⁰. При объявлении положения усиленной охраны генерал-губернаторы, а в не подчиненных им губерниях – министр внутренних дел получили право требовать рассмотрения при закрытых дверях «судебных дел, публичное рассмотрение коих может послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка».

Тенденция к ограничению гласности судопроизводства по делам о преступлениях террористической направленности прослеживается

⁹ О чрезвычайном положении : федер. конституц. закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2022).

¹⁰ Устав военно-судебный (С.В.П., 1869 г., XXIV). Дополнен позднейшими узаконениями и распоряжениями по 1879 год. – Казань : Губернская тип., 1879. С. 219.

и в современном уголовно-процессуальном законодательстве. В 2014 г. перечень уголовных дел, по которым допускается оглашать только вводную и резолютивную части приговора, был расширен за счет уголовных дел, относящихся к рассматриваемой группе¹¹. Причем основаниями для такого законодательного решения послужили соображения, связанные с обеспечением безопасности судей, а также стремление не допустить распространения сведений об организации и структуре преступных сообществ, совершающих террористические акты и вооруженные мятежи. Надо учитывать, что террористам зачастую бывает важно показать общественности, особенно тем группам населения, которых они оценивают как потенциальную социальную базу своей поддержки, что они вынуждены обращаться к терроризму ввиду наличия неких объективных и непреодолимых обстоятельств [5]. Очевидно, что открытое судебное заседание вкупе с предусмотренной законом возможностью его видеозаписи и даже трансляция по радио, телевидению или в сети Интернет создает для этого оптимальные условия. В этой связи ограничение гласности судопроизводства по такого рода делам необходимо распространить не только на этап оглашения приговора, но и на все судебное разбирательство. В этой связи в уголовно-процессуальное законодательство целесообразно включить положение, согласно которому рассмотрение уголовных дел о преступлениях террористической направленности всегда осуществляется в закрытом судебном заседании [6, с. 20].

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Процессуальная форма производства в военных судах по делам о государственных преступлениях изначально отличалась упрощением и ускорением¹². Так, если преступление было очевидным, предание суду осуществлялось без производства предварительного

¹¹ О внесении изменений в статьи 241 и 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 21.07.2014 № 251-ФЗ // Российская газета. 2014. 25 июля.

¹² О порядке производства дел о лицах гражданского ведомства, передаваемых военному суду на основании Высочайших указов 9 августа 1878 года и 5 апреля 1879 года : [Именной Высочайший указ от 08.04.1879] // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1881. Собр. 2. Т. LIV. Отд. I, ст. 59491.

следствия, на основании сведений, собранных в ходе дознания. Дело могло слушаться без вызова свидетелей, если таковые не могли явиться в суд в течение трех дней, на основе оглашенных в судебном заседании показаний, данных на предварительном следствии или дознании. Всего один день давался прокурору – на представление полученного после производства предварительного следствия уголовного дела генерал-губернатору со своим заключением о дальнейшем направлении дела; суду – на то, чтобы дать законный ход делу, полученному от прокурора, а также на изготовление приговора после его оглашения; сторонам – на обжалование приговора. Как писал Н.А. Троицкий, главной чертой военно-судебного разбирательства оказывалась чисто воинская оперативность, неминуемо сопряженная в данном случае с крайней бесцеремонностью [7, с. 209].

Особое место в истории российского контртеррористического законодательства занимают Правила о военно-полевых судах от 20 августа 1906 г.¹³ Надо сказать, что те немногие научные работы, в которых рассматривается деятельность этих судов, дают резко негативную оценку военно-полевой юстиции. Во многом это объясняется тем, что такие работы публиковались в советское время [8; 9], когда иной взгляд на борьбу царской военной юстиции с революционным движением был немыслим. Мы не будем здесь судить о справедливости таких оценок, поскольку это выходит за пределы тематики настоящей статьи. В то же время нельзя недооценивать сложность ситуации, в которой оказалась правоохранительная система царской России на рубеже XIX–XX вв. Идеи массового террора в этот период охватили практически все революционные структуры страны, причем в их число входили не только анархисты, социалисты-революционеры, но и социал-демократы. Российское общество стало привыкать к насилию как к совершенно нормальному и обыденному способу противостояния монархической власти [10, с. 7–8]. Соответственно, жестким и категоричным оказался и ответ на террористические угрозы.

Особые условия и масштабы противоправной деятельности неизбежно требуют корректировки процессуальной формы. В рассматриваемый период в столицу поступали многочисленные сообщения с мест об увеличении числа террористических актов

и подготовке широкомасштабных вооруженных восстаний. Выступая 8 июня 1906 г. перед депутатами Государственной думы, министр внутренних дел П.А. Столыпин приводил статистику террористических актов за год – с апреля 1905 г. по апрель 1906 г.: всего пострадало 671 должностное лицо, из которых убито 288 человек, остальные ранены. Сообщалось также о 156 неудачных покушениях [10, с. 147]. При этом, как отмечают М.Б. Колотков и С.М. Лоскутов, все усилия полиции пропадали даром ввиду несовершенства судебной системы, позволявшей многим террористам оставаться безнаказанными или получать сравнительно небольшие наказания. В сложившихся условиях становилось очевидно, что обычное правосудие не в силах справиться с террором и следует прибегнуть к временным экстраординарным мерам [2, с. 120].

Ключевая особенность военно-полевой юстиции состояла в ее быстроте (неслучайно ее прозвали «скорострельной»). Интенцию развитию процессуальной формы в данном направлении придавали не только уже апробированные прежде правила производства в военных судах, но и личные взгляды императора Николая II, признававшего смертные приговоры только тогда правильными, когда они приводятся в исполнение через 48 часов после совершения преступления. В ином случае, считал самодержец, такие приговоры являются «актами мести и холодной жестокости» [8, с. 90].

Военно-полевые суды учреждались немедленно после совершения преступления, причем решение о предании суду содержалось непосредственно в приказе соответствующего военного начальника об учреждении военно-полевого суда. Сразу после формирования военно-полевой суд приступал к разбирательству дела и был обязан рассмотреть его не позднее двух суток. Разбирательство уголовного дела происходило в закрытом судебном заседании, а приговор вступал в силу немедленно по провозглашении и в течение суток подлежал исполнению.

Низкий уровень процессуальных гарантий в военно-полевых судах, обеспечивавший быстроту и «безотказность» военной юстиции, вызывал тревогу у ряда политических деятелей. В марте 1907 г. группа депутатов II Государственной думы внесла законодательное предложение об отмене военно-полевых судов. В Государственном совете эта инициатива поддержки не нашла, а во время обсуждения в Государственной думе П.А. Столыпин признал, что в ситуации с военно-полевыми судами

¹³ Правила о военно-полевом суде от 20.08.1906 // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1909. Собр. 3. Т. XXVI. Отд. I, ст. 28257.

«государственная необходимость стоит выше права»¹⁴.

Опыт использования военно-полевой юстиции в борьбе с терроризмом со всей очевидностью показал, что трансформация порядка судопроизводства, приспособляемого к особым условиям, должна иметь разумные пределы, не переходя ту границу, за которой судебная деятельность утрачивает черты правосудия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование наглядно показало наличие в судопроизводстве по уголовным делам о преступлениях террористического характера ряда значимых особенностей, которые воспроизводятся законодателем всякий раз, когда уголовный процесс мобилизуется на борьбу с терроризмом. Ключевое значение имеет расширение военной подсудности, придание военным судам специализации по уголовным делам о преступлениях

террористической направленности. Кроме того, неизменно ограничивается гласность судопроизводства, что обусловлено различными причинами, главная из которых состоит в предупреждении распространения террористической идеологии и использования обвиняемыми по таким делам скамьи подсудимых в качестве пропагандистской трибуны.

В то же время анализ контртеррористического законодательства царской России вскрывает ряд лакун в современной регламентации аналогичных правоотношений. Речь идет прежде всего об отсутствии дифференцированных форм судопроизводства, приспособленных к условиям особых правовых режимов. Одним из таких является правовой режим контртеррористической операции, в рамках которого если не судебное разбирательство, то уж как минимум досудебное производство по уголовным делам обязательно должно вестись по особым правилам, которых современное законодательство до сих пор не содержит.

¹⁴ Основные положения законопроекта об отмене положения о военно-полевых судах. 9 марта 1907 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/37159> (дата обращения: 03.08.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дикарев И.С. Уголовно-процессуальные особенности производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности / И.С. Дикарев // 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы : тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (26–28 мая 2022 г.) / пред. редкол. А.В. Павлов. – Омск : Омская академия МВД России, 2022. – С. 21–24.
2. Колотков М.Б. Антитеррористическая политика Российской империи: историко-правовое исследование : монография / М.Б. Колотков, С.М. Лоскутов. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 168 с.
3. Дикарев И.С. Специализация военных судов по уголовным делам о преступлениях террористической направленности / И.С. Дикарев // Вестник военного права. – 2021. – № 4. – С. 26–31.
4. Дикарев И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2013. – № 12. – С. 18–21.
4. Петрищев В.Е. Противодействие террористической идеологии – приоритетное направление профилактики терроризма. Статья для II Всероссийской научно-практической Конференции в МГУ им М.В. Ломоносова. Москва, 13–14 октября 2010 г. / В.Е. Петрищев [Электронный ресурс]. URL: <http://nac.gov.ru/publikacii/stati-knigi-broshyury/petrishchev-ve-protivodeystvie.html>.

REFERENCES

1. Dikarev I.S. Criminal procedural features of proceedings in criminal cases on terrorist crimes. 20 let dejstviya Uголовno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: uroki i perspektivy. Tezisy dokladov i soobshchenij mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (26–28 maya 2022 g.) [20 years of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Lessons and Perspectives. Abstracts of reports and presentations of the international scientific and practical conference (May 26–28, 2022)]. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022, pp. 21–24. (In Russian).
2. Kolotkov M.B., Loskutov S.M. Antiterroristicheskaya politika Rossijskoj imperii: istoriko-pravovoe issledovanie [Antiterrorist policy of the Russian Empire: historical and legal research]. Moscow, YurLitinform, 2020. 168 p.
3. Dikarev I.S. Basis of the specialization of military courts in criminal cases of terrorist crimes. Vestnik voennogo prava = Military Law Bulletin, 2021, no. 4, pp. 26–31. (In Russian).
4. Dikarev I.S. Differentiation of the criminal-procedural forms and factors determining it are revealed. Rossijskaya yusticiya = Russian Justice, 2013, no. 12, pp. 18–21. (In Russian).
4. Petrishchev V.E. Countering terrorist ideology is a priority area for the prevention of terrorism. Article for the II All-Russian Scientific and Practical Conference at Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Moscow, October 13–14, 2010. Available at: <http://nac.gov.ru/publikacii/stati-knigi-broshyury/petrishchev-ve-protivodeystvie.html>.

5. Дикарев И.С. Гласность уголовного судопроизводства в контексте противодействия терроризму (часть вторая) / И.С. Дикарев, С.Л. Никонович // Вестник военного права. – 2022. – № 2. – С. 16–22.

6. Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. / Н.А. Троицкий. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1976. – 408 с.

7. Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. Т. 4. Петропавловская крепость. 1900–1917 / М.Н. Гернет. – 3-е изд. – Москва : Госюриздат, 1962. – 303 с.

8. Полянский Н.Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / Н.Н. Полянский. – Москва : Изд-во Московского университета, 1958. – 240 с.

9. Колотков М.Б. Террор и антитеррор в России: историко-правовой аспект : монография / М.Б. Колотков. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 184 с.

5. Dikarev I.S. Nikonovich S.L. Publicity of criminal proceeding in the context of countering terrorism. Vestnik voennogo prava = Military Law Bulletin, 2022, no. 2, pp. 16–22. (In Russian).

6. Troitsky N.A. Carskie sudy protiv revolyucionnoj Rossii. Politicheskie processy 1871–1880 gg. [Tsarist courts against revolutionary Russia. Political trials in 1871–1880]. Saratov State University, 1976. 408 p.

7. Gernet M.N. Istoriya carskoj tyur'my [History of the royal prison]. 3rd ed. Moscow, Gosyurizdat, 1962. Vol. 4. 303 p.

8. Polyansky N.N. Carskie voennye sudy v bor'be s revolyuciej 1905–1907 gg. [Tsarist military courts in the fight against the revolution of 1905–1907]. Moscow, Moscow State University, 1958. 240 p.

9. Kolotkov M.B. Terror i antiterror v Rossii: istoriko-pravovoj aspekt [Terror and anti-terrorism in Russia: historical and legal aspect]. Moscow, YurLitinform, 2018. 184 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дикарев Илья Степанович – доктор юридических наук, доцент, директор Института права Волгоградского государственного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dikarev Ilya Stepanovich – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Director of the Institute of Law, Volgograd State University.

Статья поступила в редакцию 09.09.2022; одобрена после рецензирования 09.10.2022; принята к публикации 10.10.2022. The article was submitted 09.09.2022; approved after reviewing 09.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.

Научная статья
УДК 343
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.19

ИВАНОВ Вячеслав Васильевич
Самарский национальный
исследовательский университет
им. академика С.П. Королёва, Самара, Россия;
e-mail: Ivanov_sl@rambler.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-9915-0521>

ЗУЕВ Дмитрий Игоревич
Самарский национальный
исследовательский университет
им. академика С.П. Королёва, Самара, Россия;
e-mail: zuev5500@gmail.com;
<https://orcid.org/0000-0002-0496-9420>

Original article

IVANOV Vyacheslav Vasilievich
Samara National Research University,
Samara, Russia.

ZUEV Dmitry Igorevich
Samara National Research University,
Samara, Russia.

ЦИФРОВОЙ ДВОЙНИК И ЦИФРОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, СООТНОШЕНИЕ, ЗНАЧЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ И В ПРАВЕ В ЦЕЛОМ

DIGITAL TWIN AND DIGITAL IDENTITY: CONCEPT, CORRELATION, MEANING IN THE
PROCESS OF COMMITTING CYBERCRIMES AND IN LAW IN GENERAL

Аннотация. Современное развитие компьютерных технологий сопровождается все большим погружением человека в виртуальный мир, где он зачастую проводит многие часы. Чем дольше человек использует компьютер и различные электронные гаджеты, тем больше следов он оставляет. Фактически складывается ситуация, при которой в виртуальном мире возникает цифровая копия, или цифровой двойник, человека. Это явление новое для юридической науки, требующее исследования. Целью статьи является анализ концепции «цифрового двойника» и ее развитие, изучение подходов зарубежных и отечественных авторов – представителей различных областей знания к определению данного термина, выявление возможностей использования этой концепции в правовой сфере. При написании статьи использованы методы: сравнительно-правовой, анализа и синтеза. По итогам исследования получены следующие результаты: у каждого пользователя компьютера и гаджетов появляется его цифровая копия, некий цифровой двойник, от имени которого человек совершает различные, в том числе преступные, действия в виртуальном пространстве. Общественные отношения в киберпространстве во многом не урегулированы правом, и, разрабатывая основу для регулирования таких специфических правоотношений, необходимо начинать с определения субъекта. Особое внимание авторы обращают на вопрос об отождествлении цифровой личности с реальной, а также на отсутствие законодательного регулирования правового статуса цифрового двойника. Показано несовпадение категорий «цифровая личность» и «цифровой двойник». Предлагается более корректное наименование цифрового двойника для правового регулирования, в частности для идентификации аккаунта, с помощью которого было совершено преступление в сети Интернет, – цифровой двойник личности. Также в работе предложены основные принципы для после-

Abstract. The modern development of computer technologies is accompanied by an increasing immersion of a person into the virtual world, where he often spends many hours. The longer a person uses a computer and various electronic gadgets, the more traces he leaves. In fact, there is a situation in which a digital copy or digital twin of a person appears in the virtual world. This phenomenon is new to legal science and requires its own research. The purpose of the article is to analyze the concept of «digital twin» and its development, to study the approaches of foreign and Russian authors from various fields of knowledge to the definition of this term, to identify the possibilities of using this concept in the legal sphere. When writing the article, the following methods are used: comparative legal, analysis and synthesis. The following results are obtained: every computer and gadget user has his «digital copy», a kind of «digital twin», on behalf of which a person performs various, including criminal actions in the virtual space. Public relations in the cyberspace are largely not regulated by law, and when developing a framework for regulating such specific legal relations, it is necessary to begin with the definition of the subject. The authors pay special attention to the question of equating a digital identity with a real one, as well as the lack of legislative regulation of the legal status of a digital twin. The discrepancy between such categories as «digital identity» and «digital twin» is shown. A more correct definition of a digital twin is proposed for legal regulation, in particular for identifying the account with which the Internet crime was committed – a digital identity twin. The paper also proposes the basic principles for the subsequent legal regulation of public relations arising and developing in the cyberspace and lays the foundation for further research on the topic of legal regulation of the digital twin.

дующего правового регулирования общественных отношений, возникающих и развивающихся в сфере киберпространства, заложена основа для дальнейшего исследования темы правового регулирования цифрового двойника.

Ключевые слова: цифровая личность, цифровой двойник, киберпространство, виртуальное пространство, цифровые следы, электронные следы, киберпреступления

Для цитирования: Иванов В.В. Цифровой двойник и цифровая личность: понятие, соотношение, значение в процессе совершения киберпреступлений и в праве в целом / В.В. Иванов, Д.И. Зуев // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 138–144. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.19.

Keywords: digital identity, digital twin, cyberspace, virtual space, digital traces, electronic traces, cybercrime

For citation: Ivanov V.V., Zuev D.I. Digital twin and digital identity: concept, correlation, meaning in the process of committing cybercrimes and in law in general. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 138–144. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.19 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Погружение человечества в виртуальную среду, происходящее на протяжении нескольких последних десятилетий, сулит много выгод, но и множество опасностей. В последнее время преступления в сфере кибербезопасности занимают отдельную строчку в сводных статистических отчетах правоохранительных органов. Развитие технологий влечет необходимость развития правового регулирования новых отношений. Одним из таких направлений является изучение новых для отечественной юриспруденции категорий – «цифровой двойник» и «цифровая личность».

КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ СОВЕРШЕНИЯ

Активное развитие информационно-телекоммуникационных технологий и мощный скачок в области научно-технического прогресса за последние два десятилетия привели к появлению киберпространства (cyberspace). Впервые этот термин применил американско-канадский писатель-фантаст У. Гибсон в 1980-х годах в одном из своих произведений. В дальнейшем термин «киберпространство» перестал ассоциироваться исключительно с художественной сферой и сейчас активно используется в самых разных отраслях науки, в том числе в юриспруденции и в официальных государственных актах¹.

В современной зарубежной научной литературе киберпространство определяется как

«цифровое пространство для обработки и обмена информацией, созданное ИКТ (информационно-телекоммуникационные технологии) системами и сетями, связанными между собой и отношениями между пользователями»².

Схожим образом данное понятие определяется и отечественными авторами, в частности А.А. Данельян под киберпространством понимает «сочетание компьютеров, мобильных устройств и пользователей, которые вступают между собой во взаимодействие на расстоянии» [1, с. 262].

В социологии киберпространство определяют как «виртуальный мир, в котором человек действует и общается с помощью компьютерных средств, является активным участником и способствует рождению новых событий, имеющих коммуникационную природу и не имеющих кроме компьютерной другой реальности» [2, с. 235].

В современных условиях киберпространство становится главным каналом распространения и хранения информации. Мгновенный доступ к сети Интернет практически из любой точки Земли и ее глобальный охват заставили все больше публично-правовых образований, организаций и частных лиц переместить часть своей деятельности в виртуальную сеть. Не стала исключением и преступная деятельность. Все больше преступлений совершается с использованием ИКТ и сети Интернет.

По данным ФКУ ГИАЦ МВД РФ, за 2021 г. было совершено 517,7 тыс. преступлений с использованием ИКТ и в сфере компьютерной информации, что составляет четверть от все-

¹ Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Правительство РФ : сайт. URL: <http://government.ru/news/9800/> (дата обращения: 15.09.2022).

² Cyberspace as an Area of Legal Regulation [Электронный ресурс] // Springer Link. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-78551-2_3 (дата обращения: 15.09.2022).

го количества преступлений, зарегистрированных за год³. Еще в 2000 г. Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями ввел в оборот термин «киберпреступность» («киберпреступления»), которым охватываются «все преступления, которые совершаются с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети»⁴.

Рассматривая вопрос о механизме совершения киберпреступлений, необходимо отметить, что основные особенности заключаются в способе их совершения. Как верно отмечает ряд авторов, сейчас совершается множество правонарушений, где непосредственным объектом является человек или его имущество, но при этом «информационная технология становится неотъемлемой частью способа совершения преступлений, средством его» [3, с. 53]. Это применимо как к хищению имущества или прав на него, так и к хищению персональных данных, их присвоению и иным подобным способам преступлений.

При этом в зависимости от границ преступной деятельности выделяют три разные ситуации: а) когда вся преступная деятельность полностью сосредоточена в цифровой среде; б) часть преступлений совершается в виртуальном мире, а часть – в реальном; в) цифровые технологии используются только для координации деятельности между участниками [3, с. 60].

Проблема использования в раскрытии и расследовании преступлений традиционных следов человека многократно описана в криминалистической литературе. Использование же цифровых следов во всем их многообразии является сравнительно новым для современного криминалиста.

Являясь альтернативной формой объективной реальности, киберпространство в то же время не может существовать само по себе, в отрыве от материального мира, так же как и электронные следы, оставляемые ли-

цом в сети Интернет в результате совершения преступления, поскольку одним из признаков электронных следов является опосредованность их восприятия через материальный носитель, вне этого носителя такие следы существовать не могут [4, с. 83]. От обратного можно сделать вывод, что воздействие на киберпространство, оставление в нем электронных следов напрямую реальным субъектом невозможно. Это необходимо учитывать для понимания особенностей слеодообразования в процессе совершения преступлений в киберпространстве. Для любого воздействия на киберпространство, в частности для совершения киберпреступлений, необходимо, во-первых, использование электронного устройства, способного получить доступ в сеть Интернет (мобильный телефон, ноутбук, персональный компьютер и др.). Во-вторых, как правило, необходимо наличие некой цифровой личности – реального субъекта, посредством и от имени которого будут совершаться те или иные действия, что наглядно видно на примере социальных сетей и большинства мессенджеров. К примеру, если мы зайдем на сайт социальной сети «ВКонтакте» не пройдя авторизацию, то никаких действий, которые могут оставить хоть какие-то цифровые следы (оставить комментарий, загрузить фотографию и т. д.), мы совершить не сможем.

При таком способе совершения преступления образуются специфические следы, в частности это могут быть следы выхода в сеть Интернет в конкретный период времени из конкретного места, компьютерная программа, переписка в электронном виде и др. Правила работы с данными следами имеют свои особенности. Помимо содержащегося в ст. 164.1 УПК РФ указания на обязательность привлечения специалиста в таких случаях существуют и иные криминалистические особенности. Мы остановимся лишь на вопросах, связанных с так называемым цифровым двойником.

Концепция «цифрового двойника»

Разделяя мир на реальный и виртуальный, мы признаем, что кроме реальной личности должна существовать еще и цифровая. В науке виртуальную модель реального физического объекта называют цифровым двойником (digitaltwin). Концепция «цифрового двойника» была представлена доктором в области компьютерной инженерии из Мичиганского университета М. Гривзом (Michael Grieves) в 2002 г. для обозначения динамической виртуальной модели реального объекта вместе

3 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ : сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552> (дата обращения: 15.09.2022).

4 Справочный документ для семинара-практикума по преступлениям, связанным с использованием компьютерной сети. Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Вена, 10–17 апреля 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Previous_Congresses/10th_Congress_2000/017_ACONF.187.10_Crimes_Related_to_Computer_Networks_R.pdf (дата обращения: 15.09.2022).

со всеми его характеристиками и свойствами, однако сам термин *digitaltwin* был введен М. Гривзом только в 2011 г.⁵

Тем не менее единого определения этого нового явления в науке нет. Сам М. Гривз под цифровым двойником понимает набор виртуальных информационных конструкций, которые полностью описывают потенциальный или реальный физический производимый продукт⁶. Другие авторы определяют его как «цифровое представление активного уникального продукта или уникальной системы «продукт – услуга», которая включает в себя его характеристики, свойства, условия и поведение с помощью моделей, информации и данных в пределах одной или даже нескольких фаз жизненного цикла»⁷. Следует заметить, что здесь речь идет уже не только о продукте, но и о системе «продукт – услуга». Отечественные авторы говорят о цифровом двойнике как о «результате математического моделирования разных физических процессов, определяющих свойства и поведение объекта». Здесь цифровой двойник понимается еще более широко, речь идет уже о физических процессах.

В большинстве предложенных разными авторами определений говорится о технологических объектах и процессах, что понятно, принимая во внимание изначальное назначение данной концепции и сферы ее применения. Однако это совсем не означает, что концепция «цифрового двойника» неприменима в других науках, подтверждением чему является тот факт, что возможность и способы применения цифровых двойников широко обсуждаются сейчас в самых разных сферах деятельности человека – экономике [5], нефтегазовой отрасли [6]. С недавнего времени данная идея обсуждается в сфере образования [7], в медицине [8].

Отдельно следует обратить внимание на то, как концепция «цифрового двойника» обсуждается в юриспруденции. Так, И.В. Понкин и А.И. Редькина в своей работе, посвященной возможности и способам применения цифровых двойников в праве, указывают, что в качестве цифрового двойника в области права могут выступать сложная правовая система, правовой феномен, правовой процесс, правовое пространство, ком-

плекс правоотношений и т. д. [9, с. 67]. Причем авторы приводят убедительные аргументы в пользу того, что применению данной концепции в праве ничего не препятствует: «все это человечество тысячелетиями делает в уме или на бумаге, но только в гораздо более упрощенной модальности ... переходим от счета на пальцах к счету на сложном электронном калькуляторе» [9, с. 67]. Однако и в этой работе авторы говорят прежде всего о двойниках – объектах, а не о субъектах.

В криминалистике предприняты попытки адаптировать эту концепцию именно к субъектам, а именно предлагается использовать модель цифрового двойника преступника в целях дальнейшего предопределения возможных его действий и поведения в целом в будущем при воздействии на него тех или иных факторов: «Цифровой двойник способен агрегировать данные о процессе в течение всего устанавливаемого жизненного цикла лица, динамики его развития и становления, начала преступной деятельности с возможностью прогнозирования динамических особенностей его девиантного и противоправного поведения» [10, с. 55]. Главное существенное отличие такого цифрового двойника от ранее рассмотренных заключается в том, что его прототипом выступает не объект, а субъект – конкретное физическое лицо.

Цифровой двойник и цифровая личность

Нельзя не заметить, что в последнее время в науке все чаще говорят о цифровых двойниках как о цифровой копии человека. В.Н. Назаров пишет о цифровом двойнике как о субъекте информационной этики и указывает, что в качестве цифрового прототипа такого двойника выступает «статическая модель двойника: совокупность моральных данных индивида, необходимых и достаточных для описания и создания этической модели его цифрового двойника в различных сферах жизни и профилях деятельности», а цифровым экземпляром является «целостная информационная копия индивида в его динамике, в вероятностной многозначности его поведенческих реакций» [11, с. 144]. Другие авторы вводят понятие виртуальной личности, под которой понимается «учетная запись блога или веб-страница, на которых реальная личность пытается представить себя как значимый информационный объект, обладающий характеристиками идеализированного человеческого индивида, представляет виртуальную личность» [12, с. 133]. Также термин «цифровая личность» используется для обозначения «кон-

⁵ Michael Grieves. *Origins of the Digital Twin Concept*. August 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/307509727_Origins_of_the_Digital_Twin_Concept (дата обращения: 27.09.2022).

⁶ Там же.

⁷ Rainer Stark, Thomas Damerau. *DigitalTwin*. 27 May 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007/978-3-642-35950-7_16870-1 (дата обращения: 27.09.2022).

тура следов деятельности субъекта, которые он оставляет в электронном пространстве как свой цифровой профиль» [13, с. 236].

Несмотря на различную терминологию, все рассмотренные определения сводятся к одному: они обозначают то, с помощью чего реальная личность взаимодействует с виртуальным пространством и как она себя в нем представляет.

В философии наиболее остро стоит вопрос отождествления личности виртуальной и реальной, однако этот вопрос имеет еще и колоссальное юридическое значение. Следует заметить, что многие авторы рассматривают реальную личность и цифровую как два отдельных субъекта, то есть цифровая личность «должна трактоваться самостоятельно, а не как одна из идентичностей» [14, с. 35]. Такая позиция представляет интерес, однако это совсем не должно означать, что реальная личность не несет ответственности за действия ее цифровой копии, напротив, за действия цифрового двойника ответственность должно нести лицо, которое непосредственно им управляло. Однако это может быть не только законный его владелец, но и лицо, получившее доступ к чужому аккаунту, причем не имеет значения, по воле владельца или против его воли был получен доступ.

Говоря об идентификации цифровой личности с реальной, нельзя обойти стороной вопрос о соответствии действительности сообщаемых лицом в Интернете сведений о себе. Иными словами, цифровая личность может совершенно ни в чем не совпадать с реальной, со своим владельцем, они могут отличаться по всем параметрам (имя, фамилия, пол, возраст, внешность и т. д.)⁸. Современные компьютерные нейросети позволяют создавать внешность несуществующих людей, таким образом, цифровая личность может быть выдуманной от начала и до конца. Цифровая личность может быть вполне реальной, точно отражающей всю информацию о конкретном лице, но в то же время быть недобросовестной, то есть созданной специально для того, чтобы другое лицо могло выступать в интернет-пространстве под чужим именем.

Следовательно, мы можем разделить все цифровые личности на добросовестные, когда реальная личность совпадает с виртуальной, недобросовестные, когда реальная личность не совпадает с виртуальной, и анонимные, когда у цифровой личности отсутствует или

неизвестен реальный прототип. Поскольку они могут быть как точной копией реального человека, так и виртуальным отражением с определенной степенью искажений (большей или меньшей), то мы можем лишь с определенной долей условности говорить об аккаунтах в интернет-пространстве как о точных цифровых двойниках. Термин «цифровая личность» тоже не в полной мере подходит, так как назвать аккаунт в социальной сети полноценной личностью мы не можем, поэтому более уместным будет термин «цифровой двойник личности».

Таким образом, для целей правового регулирования правоотношений в киберпространстве целесообразно использовать термин «цифровой двойник личности» – цифровое отражение реальной личности в интернет-пространстве в виде аккаунта в социальной сети и других интернет-ресурсах, позволяющих создавать персонифицированные и уникальные виртуальные профили, от имени и посредством которых реальное физическое лицо может взаимодействовать с киберпространством, другими его участниками и оставлять в нем различные электронные следы.

В то же время такая цифровая личность не может рассматриваться как самостоятельный субъект, поскольку не обладает и не может обладать собственной волей (во всяком случае, на сегодняшний день), она выступает инструментом, с помощью которого реальное лицо взаимодействует с киберпространством. При этом, как уже было замечено, воспользоваться этим инструментом может не только законный владелец цифровой личности, но и иное лицо. Отсюда вытекает множество правовых последствий, которые необходимо учитывать как в теории, так и в правоприменительной практике. В частности, для привлечения лица к ответственности за совершение преступления с использованием сети Интернет недостаточно всего лишь идентифицировать аккаунт, с которого было совершено преступление, с его владельцем. Необходимо установить, что именно это лицо с использованием данного аккаунта совершило те или иные деяния в сети Интернет. Здесь можно провести аналогию с известными всем юристам со студенческой скамьи следами ног в обуви и их идентификацией. Никогда эксперт-трасолог не скажет, кем именно оставлены обнаруженные следы. Он может лишь дать ответ на вопрос о том, чьей обувью оставлен след – обувью, изъятой у подозреваемого, или иной. А вот кто в ней находился в момент совершения преступления – это вопрос, на который необходимо давать ответ путем производства иных следственных действий.

Введение в оборот термина «цифровой

⁸ Unique real-time face generator [Электронный ресурс]. URL: <https://generated.photos/face-generator#> (дата обращения: 20.09.2022).

двойник личности» позволяет выработать новые подходы к раскрытию и расследованию преступлений в сфере киберпространства. Использование этой категории в науке и правоприменительной практике напрямую направлено на повышение эффективности как криминалистических исследований, так и деятельности правоохранительных органов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно, концепция «цифрового двойника» нашла применение во множестве отраслей, в том числе и в праве, пусть и претерпела некоторые изменения. Полагаем, это только начало, и в будущем цифровые двойники будут активно применяться в самых разных отраслях права. С уверенностью можно сказать, что цифровые личности также будут развиваться, поскольку с каждым годом пользователей сети Интернет становится все больше, соответственно, и количество интернет-преступлений продолжит расти, о чем говорит уже сегодняшняя статистика.

Уровень правового регулирования сегодня оставляет желать лучшего, правовой статус цифровых личностей остается пока неурегулированным. Считаем целесообразным разработать на данном этапе ряд основополагающих принципов, на основе которых будет

построено нормативное регулирование в киберпространстве. Мы предлагаем следующие основные принципы:

- неприкосновенность частной жизни лица распространяется и на его цифрового двойника;
- обеспечение безопасности скрытых персональных данных пользователей сети Интернет, а также информации, составляющей личную, семейную тайну и тайну переписки;
- противодействие появлению недобросовестных цифровых личностей, которые имеют своей целью замаскировать реального пользователя под именем другого реального пользователя.

Сама тема цифровых двойников и цифровых личностей, а также вопросы правового регулирования общественных отношений в виртуальном мире требуют дальнейшей разработки. Вопрос о внесении конкретных изменений или дополнений в нормативные акты должен быть предметом отдельного исследования. Необходимость в этом пока еще не так остро ощущается, однако темп развития ИКТ и обусловленные им преобразования в привычной жизни общества дают все основания уверенно утверждать, что в ближайшее время человечество окончательно перейдет в эпоху цифровых технологий со всеми вытекающими последствиями, в том числе правовыми.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дanelьян А.А. Международно-правовое регулирование киберпространства / А.А. Дanelьян // Образование и право. – 2020. – № 1. – С. 261–269. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-kiberprostranstva>.
2. Шипунова О.Д. Цифровые приложения и модели личности в контексте киберантропологии / О.Д. Шипунова, Е.Г. Поздеева, Л.И. Евсеева // Социология. – 2021. – № 5. – С. 234–239. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prilozheniya-i-modeli-lichnosti-v-kontekste-kiberantropologii>.
3. Цифровая криминалистика : учебник для вузов / В.Б. Вехов и др. ; под ред. В.Б. Вехова, С.В. Зуева. – Москва : Юрайт, 2022. – 417 с.
4. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учебное пособие для вузов / Д.В. Бахтеев и др. ; отв. ред. С.В. Зуев. – Москва : Юрайт, 2021. – 193 с.
5. Шпак П.С. Концепция цифровых двойников как современная тенденция цифровой экономики / П.С. Шпак, Е.Г. Сычева, Е.Е. Меринская // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2020. – № 1. – С. 57–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-tsifrovyyh-dvoynikov-kak-sovremennaya-tendentsiya-tsifrovoy-ekonomiki>.
6. Быкова В.Н. Применение цифрового двойника в нефтегазовой отрасли / В.Н. Быкова, Е. Ким, М.Р. Гаджиалиев, В.О. Мусиенко, А.О. Оруджев, Е.А. Туровская // Актуальные проблемы нефти и газа. – 2020. – № 1 (28). – С. 111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tsifrovogo-dvoynika-v-neftegazovoy-otrasli>.

REFERENCES

1. Danelyan A.A. International legal regulation of cyberspace. *Obrazovanie i pravo* = Education and Law, 2020, no. 1, pp. 261–269. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-kiberprostranstva>.
2. Shipunova O.D., Pozdeeva E.G., Evseeva L.I. Digital applications and personality models in the cyber anthropology context. *Sociologiya* = Sociology, 2021, no. 5, pp. 234–239. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prilozheniya-i-modeli-lichnosti-v-kontekste-kiberantropologii>.
3. Vekhov V.B., Zuev S.V., Bakhteev D.V., Buglaeva E.A., Kovalev S.A., Nikitin E.V., Rusman G.S., Smakhtin E.V., Khristina E.V.; Vekhova V.B., Zuev S.V. (eds). *Cifrovaya kriminalistika* [Digital forensics]. Moscow, Yurajt Publ., 2022. 417 p.
4. Bakhteev D.V., Vekhov V.B., Zazulin A.I., Zuev S.V., Pastukhov P.S., Tushkanova O.V.; Zuev S.V. (ed.). *Elektronnye dokazatel'stva v ugovnom sudoproizvodstve* [Electronic evidence in criminal proceedings]. Moscow, Yurajt Publ., 2021. 193 p.
5. Shpak P.S., Sycheva E.G., Merinskaya E.E. The concept of digital twins as a modern trend of digital economy. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* = Herald of Omsk University. Series: Economics, 2020, no. 1, pp. 57–68. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-tsifrovyyh-dvoynikov-kak-sovremennaya-tendentsiya-tsifrovoy-ekonomiki>.

7. Вихман В.В. «Цифровые двойники» в образовании: перспективы и реальность / В.В. Вихман, М.В. Ромм // Высшее образование в России. – 2021. – № 2. – С. 22–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-dvoyniki-v-obrazovanii-perspektivy-i-realnost>.
8. Крамм М.Н. Цифровой двойник сердца / М.Н. Крамм, О.Е. Безбородова, О.Н. Бодин, А.В. Светлов // Измерение. Мониторинг. Управление. Контроль. – 2021. – № 1 (35). – С. 73–84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-dvoynik-serdtsa>.
9. Понкин И.В., Редькина А.И. Цифровое государственное управление: метод цифровых моделей-двойников (BIM) в праве / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Государственная служба. – 2020. – № 2. – С. 64–69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-gosudarstvennoe-upravlenie-metod-tsifrovyyh-modeley-dvoynikov-bim-v-prave>.
10. Черкасова Е.С. Возможности имплементации и алгоритмизации расследования половых преступлений в системе криминалистической методики в современной реальности / Е.С. Черкасова // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2019. – № 3. – С. 51–58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-implementatsii-i-algoritmizatsii-rassledovaniya-polovykh-prestupleniy-v-sisteme-kriminalisticheskoy-metodiki-v>.
11. Назаров В.Н. Цифровой двойник как субъект информационной этики / В.Н. Назаров // Этическая мысль. – 2020. – № 1. – С. 142–154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-dvoynik-kak-subekt-informatsionnoy-etiki>.
12. Бельский В.Ю. Цифровая трансформация личности в виртуальной реальности / В.Ю. Бельский, В.П. Майкова, Э.М. Молчан, А.А. Левицкая // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 4. – С. 131–137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-lichnosti-v-virtualnoy-realnosti>.
13. Шипунова О.Д. Цифровые приложения и модели личности в контексте киберантропологии / О.Д. Шипунова, Е.Г. Поздеева, Л.И. Евсеева // Социология. – 2021. – № 5. – С. 234–239. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prilozheniya-i-modeli-lichnosti-v-kontekste-kiberantropologii>.
14. Быльева Д.С. Homo virtualis: социальное бытие в виртуальной реальности / Д.С. Быльева, А.С. Заморев, Т.А. Нам // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 4. – С. 29–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/homo-virtualis-sotsialnoe-bytie-v-virtualnoy-realnosti>.
6. Bykova V.N., Kim E., Gadzhialiev M.R., Musienko V.O., Orudzhev A.O., Turovskaya E.A. Application of a digital twin in the oil and gas industry. Aktual'nye problemy nefti i gaza = Actual Problems of Oil and Gas, 2020, no. 1 (28), pp. 1–11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tsifrovogo-dvoynika-v-neftegazovoy-otrasli>.
7. Vikhman V.V., Romm M.V. «Digital twins» in education: prospects and reality. Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia, 2021, no. 2, pp. 22–32. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-dvoyniki-v-obrazovanii-perspektivy-i-realnost>.
8. Kramm M.N., Bezborodova O.E., Bodin O.N., Svetlov A.V. Digital heart double. Izmerenie. Monitoring. Upravlenie. Kontrol' = Measuring. Monitoring. Management. Control, 2021, № 1 (35), pp. 73–84. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-dvoynik-serdtsa>.
9. Ponkin I.V., Redkina A.I. Digital public administration: method of digital models-doubles (BIM) in law. Gosudarstvennaya sluzhba = Public Administration, 2020, no. 2, pp. 64–69. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-implementatsii-i-algoritmizatsii-rassledovaniya-polovykh-prestupleniy-v-sisteme-kriminalisticheskoy-metodiki-v>.
10. Cherkasova E.S. Possibilities of implementation and algorithmization of investigation of sexual crimes in the system of criminalistic methodology in modern reality. PEM: Psychology. Educology. Medicine, 2019, no. 3, pp. 51–58. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-implementatsii-i-algoritmizatsii-rassledovaniya-polovykh-prestupleniy-v-sisteme-kriminalisticheskoy-metodiki-v>.
11. Nazarov V.N. Digital twin as subject of information ethics. Eticheskaya mysl' = Ethical Thought, 2020, no. 1, pp. 142–154. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-dvoynik-kak-subekt-informatsionnoy-etiki>.
12. Belsky V.Yu., Maikova V.P., Molchan E.M., Levitskaya A.A. Digital transformation of personality in virtual reality. Social'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge, 2021, no. 4, pp. 131–137. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-lichnosti-v-virtualnoy-realnosti>.
13. Shipunova O.D., Pozdeeva E.G., Evseeva L.I. Digital applications and personality models in the cyber anthropology context. Sociologiya = Sociology, 2021, no. 5, pp. 234–239. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prilozheniya-i-modeli-lichnosti-v-kontekste-kiberantropologii>.
14. Bylieva D.S., Zamorev A.S., Nam T.A. Social being in virtual reality. Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = St. Petersburg Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 2018, no. 4, pp. 29–38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/homo-virtualis-sotsialnoe-bytie-v-virtualnoy-realnosti>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванов Вячеслав Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва;

Зуев Дмитрий Игоревич – магистрант, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanov Vyacheslav Vasilievich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University;

Zuev Dmitry Igorevich – Graduate student, Samara National Research University;

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 27.11.2022; принята к публикации 28.11.2022. The article was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 27.11.2022; accepted for publication 28.11.2022.

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.20

Original article

КОСТРОВА Марина Борисовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: kostrovam@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-1244-144X>

KOSTROVA MARINA BORISOVNA
Ufa University of Science and Technologies,
Ufa, Russia.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ОСВОБОЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТАТЬЯМ 90, 75, 76, 76.2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LEGISLATIVE BASIS AND JUDICIAL PRACTICE OF EXEMPTING MINORS FROM CRIMINAL
LIABILITY UNDER ARTICLES 90, 75, 76, 76.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE
RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Противодействие преступности несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами является одной из актуальных задач российской уголовной политики на современном этапе. В арсенале таких средств наряду с реализацией уголовной ответственности и назначением наказания имеется особое, специальное средство – освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Вместе с тем при наличии определенных уголовным законом условий на несовершеннолетних распространяются и общие нормы об освобождении от уголовной ответственности, применению которых, по данным судебной статистики, отдает предпочтение судебная практика. Целью настоящей публикации является анализ законодательной регламентации освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности по специальной (ст. 90) и общим нормам (ст. 75, 76, 76.2) УК РФ, а также складывающейся в этой сфере праворазъяснительной и правоприменительной практики. Исследование проведено с использованием комплекса методов: общенаучных (индукции, дедукции, анализа, синтеза, системно-структурного) и частнонаучных (формально-юридического, социологического, статистического). Результаты: выявлены две негативные, по мнению автора, тенденции, складывающиеся в практике освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности: 1) отход судов от установленной российским УК специализации в рассматриваемой сфере, что проявляется в приоритете применения общих норм (освобождение по ст. 75, 76 и 76.2 в связи с деятельным раскаянием, в связи с примирением с потерпевшим и с назначением судебного штрафа) перед специальной нормой (освобождение с применением принудительных мер воспитательного воздействия по ст. 90); 2) назначение судебного штрафа несовершеннолетним с установлением обязанности его уплаты их родителями или иными законными представителями, что препятствует решению отраслевой задачи предупреждения преступлений. Предлагаются авторские варианты устранения выявленных негативных тенденций на законодательном и праворазъяснительном уровнях.

Abstract. Countering juvenile delinquency through criminal law means is one of the current tasks of Russian criminal policy at the present stage. In addition to criminal liability and sentencing, such measures include a particular and special means of exempting minors from criminal liability through compulsory educational measures. However, under the conditions laid down by criminal law, minors are also subject to general rules on exemption from criminal liability, the application of which, according to judicial statistics, is preferred by judicial practice. The purpose of this paper is to analyze the legislative regulation of exempting minors from criminal liability under special (Article 90) and general rules (Articles 75, 76, 76.2) of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the legal explanatory and law enforcement practice emerging in this area. The study is carried out using a set of methods: general scientific (induction, deduction, analysis, synthesis, system-structural) and specific scientific (formal legal, sociological, statistical). Results: two negative, according to the author, trends are identified, which are developing in the practice of exempting minors from criminal liability: 1) courts departure from the specialization established by the Russian Criminal Code in this area, which is manifested in the priority of applying general rules (exemption under Articles 75, 76 and 76.2 in connection with active repentance, in connection with reconciliation with the victim and with the imposition of a judicial fine) over special rule (exemption with the use of compulsory educational measures under Article 90); 2) the imposition of a judicial fine on minors, with the obligation to pay it by their parents or other legal representatives, hampers the achievement of the sectoral objective of crime prevention. The author's options for eliminating the identified negative trends at the legislative and explanatory levels are proposed.

© Кострова М.Б., 2022

Ключевые слова: уголовный закон, несовершеннолетний, освобождение от уголовной ответственности, иные меры уголовно-правового характера, принудительные меры воспитательного воздействия, судебный штраф, правоприменительная практика, праворазъяснительная практика

Для цитирования: Кострова М.Б. Законодательная основа и судебная практика освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности по статьям 90, 75, 76, 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации / М.Б. Кострова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 145–154. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.20.

Keywords: criminal law, minor, exemption from criminal liability, other criminal law measures, compulsory educational measures, judicial fine, law enforcement practice, law explanatory practice

For citation: Kostrova M.B. Legislative basis and judicial practice of exempting minors from criminal liability under Articles 90, 75, 76, 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 4, pp. 145–154. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.20 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Одним из проявлений особого подхода российского государства к реагированию на преступность несовершеннолетних (то есть лиц, совершивших преступление в возрасте от 14 до 18 лет) является закрепление в ч. 2 ст. 87 УК РФ правила: «К несовершеннолетним, совершившим преступления, могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия либо им может быть назначено наказание...». Характеризуя суть и значение этого правила для правоприменительной практики, ученые пишут: «Применение принудительных мер воспитательного воздействия является приоритетной формой разрешения уголовно-правового конфликта, в котором участвует несовершеннолетний» [1, с. 184]; «...назначаются уголовные наказания несовершеннолетним только при отсутствии реальной возможности замены на принудительное применение мер воспитательного воздействия» [2, с. 286]; «...прежде чем назначать несовершеннолетнему наказание, следует рассмотреть вопрос о наличии оснований для применения принудительных мер воспитательного воздействия» [3, с. 165]. Таким образом, закрепленное в ч. 2 ст. 87 УК РФ правило четко обозначает приоритетность принудительных мер воспитательного воздействия перед уголовным наказанием при выборе судом меры уголовно-правового характера за совершенное несовершеннолетним преступление.

Согласно УК РФ применение к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 91) осуществляется не само по себе, а исключительно в порядке освобождения от уголовной ответственности (ст. 90) или освобождения от наказания (ст. 92). При этом освобождение от уголовной

ответственности при наличии предусмотренных ч. 1 ст. 90 УК РФ условий является более предпочтительным вариантом, поскольку не влечет стандартный набор неблагоприятных для совершившего преступление лица последствий – осуждения, наказания и судимости.

Именно на такой подход к применению к несовершеннолетним альтернативных уголовному наказанию мер ориентировал суды Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (далее – Постановление от 1 февраля 2011 г. № 1) в п. 31 в его редакции до 28 октября 2021 г.: «Суды не должны назначать уголовное наказание несовершеннолетним, совершившим преступление небольшой или средней тяжести, если их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных статьей 90 УК РФ. Решая вопрос о возможности освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия в соответствии со статьей 90 УК РФ, необходимо учитывать, что в случае, когда суд придет к выводу о возможности его исправления путем применения мер воспитательного воздействия, уголовное дело по указанному основанию подлежит прекращению как на стадии подготовки к судебному заседанию по результатам предварительного слушания, так и по итогам судебного разбирательства с вынесением решения о применении к несовершеннолетнему таких мер».

Однако данные судебной статистики, материалы правоприменительной практики и результаты научных изысканий ряда исследователей [см., например: 4, с. 10; 5, с. 52] дока-

зывают, что при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности суды отдают предпочтение не специальному его виду – с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90), предусмотренному главой 14 УК РФ «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», а общим видам, закрепленным в главе 11 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности»: в связи с деятельным раскаянием (ст. 75), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76) и с назначением судебного штрафа (ст. 76.2). Это, как думается, свидетельствует об отходе судов от установленной российским УК специализации в сфере освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних.

Законодательная основа освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних по статьям 90, 75, 76, 76.2 УК РФ

Освобождение от уголовной ответственности является самой большой по меркам уголовного права льготой для лица, совершившего преступление, поскольку, как указывает Пленум Верховного Суда РФ в п. 1 Постановления от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (далее – Постановление от 27 июня 2013 г. № 19), «освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)». Для получения этой льготы в ст. 90, 75, 76, 76.2 УК РФ установлена совокупность условий (условий освобождения от уголовной ответственности).

Общим для всех обозначенных видов освобождения от уголовной ответственности является только одно условие: совершение лицом преступления небольшой или средней тяжести. В ч. 1 ст. 90 УК РФ оно так и обозначено, в статьях же 75, 76, 76.2 УК РФ к нему добавляется второе условие: преступление, относимое к указанным категориям, должно быть совершено впервые. Все остальные условия для освобождения от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90) в связи с деятельным раскаянием (ст. 75), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76) и с назначением судебного штрафа (ст. 76.2) разные. А именно:

1) в ч. 1 ст. 90 УК РФ – признание судом возможности достижения исправления несовершеннолетнего путем применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия (второе условие);

2) в ч. 1 ст. 75 УК РФ – позитивные посткриминальные действия лица, совершившего преступление, составляющие деятельное раскаяние в форме добровольной явки с повинной, способствования раскрытию и расследованию совершенного преступления, возмещения ущерба или заглаживания иным образом вреда, причиненного этим преступлением (третье условие), и утрата лицом общественной опасности вследствие деятельного раскаяния (четвертое условие);

3) в ст. 76 УК РФ – примирение с потерпевшим (третье условие) и заглаживание причиненного потерпевшему вреда лицом, совершившим преступление (четвертое условие);

4) в ст. 76.2 – возмещение лицом, совершившим преступление, ущерба или заглаживание иным образом вреда, причиненного преступлением (третье условие).

Различаются и правовые последствия применения ст. 90, 75, 76, 76.2 УК РФ. Во-первых, если при применении ст. 75 и 76 на освобождаемое от уголовной ответственности лицо не возлагаются никакие дополнительные обременения помимо обозначенных в них условий для освобождения, то к лицам, освобожденным по ст. 90 и 76.2, применяются иные меры уголовно-правового характера. Им назначаются либо судебный штраф (76.2), либо принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90), предусмотренные ч. 2 ст. 90 и ст. 91 УК РФ: а) предупреждение; б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; в) возложение обязанности загладить причиненный вред; г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (согласно ч. 3 ст. 90 несовершеннолетнему может быть назначено одновременно несколько принудительных мер воспитательного воздействия).

Во-вторых, если освобождение от уголовной ответственности по ст. 75 и 76 является безусловным в смысле его окончательности и необратимости, то освобождение по ст. 90 и 76.2 относится к числу условных, поскольку решение об освобождении от уголовной ответственности может быть отменено. Так, ч. 4 ст. 90 УК РФ предписано: «В случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного

воздействия эта мера по представлению специализированного государственного органа отменяется и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности». Неуплата судебного штрафа в установленный судом срок влечет отмену судебного штрафа, и лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ, что предусмотрено ч. 2 ст. 104.4 УК РФ.

Следует подчеркнуть, что все предусмотренные ч. 1 ст. 75¹, ст. 90, 76, 76.2 УК РФ нормы об освобождении от уголовной ответственности относятся к числу дискреционных, то есть применяемых по усмотрению правоприменителя (в силу используемых в них законодательных формулировок «несовершеннолетний ... может быть освобожден», «лицо ... может быть освобождено»). Соответственно, если преступление небольшой или средней тяжести совершено несовершеннолетним впервые, после чего им осуществлены позитивные посткриминальные действия, обозначенные в ч. 1 ст. 75, либо в ст. 76, либо в ст. 76.2 УК РФ, перед правоприменителем встает вопрос о выборе вида освобождения от уголовной ответственности, так как общие виды (ст. 75, 76, 76.2) конкурируют с закрепленным в ст. 90 специальным видом (и между собой общие виды тоже конкурируют).

Между тем в УК РФ (как и в УПК РФ) нет никаких правил разрешения конкуренции дискреционных норм об освобождении от уголовной ответственности. Такие правила выработаны наукой уголовного права. Например, правило о выборе «наиболее льготного основания прекращения уголовных дел при конкуренции оснований для их прекращения» [6, с. 67], правило о приоритете нормы, предусматривающей более мягкие условия для освобождения лица, совершившего преступление [7]. В наиболее развернутой форме такие правила представлены в коллективной монографии «Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика», авторы которой предлагают: «в ситуации наличия конкуренции между основаниями освобождения от уголовной ответственности суд

должен применить лишь ту норму, которая: а) предусматривает императивный, а не диспозитивный характер освобождения от ответственности, б) предусматривает меньшее число условий освобождения, в) не предполагает применения каких-либо мер воздействия в отношении лица, освобожденного от ответственности, г) является специальной по отношению к общим предписаниям об освобождении от ответственности» [1, с. 247]. Но даже эта четырехчленная система правил не дает однозначного ответа на поставленный вопрос.

Единственное, что можно с уверенностью констатировать на основании приведенных правил, – при конкуренции норм, предусмотренных ст. 90 и 76.2 УК РФ, приоритет имеет первая: при равенстве уголовно-правовых последствий (возложение дополнительных обременений и условность освобождения) ее приоритетность определяется статусом специальной и меньшим количеством условий для освобождения, к тому же далеко не каждый несовершеннолетний способен лично уплатить судебный штраф, как этого требуют предписания ст. 104.4 и 104.5 УК РФ (об этом еще написано ниже).

Относительно ст. 75 и 76 УК РФ с точки зрения приведенных правил ситуация сложнее. Норма об освобождении от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия, с одной стороны, является специальной и содержит наименьшее количество условий для освобождения. С другой стороны, в отношении несовершеннолетнего, освобожденного от ответственности, применяется принудительная мера воспитательного воздействия (или несколько мер), к тому же сохраняется возможность привлечения его к уголовной ответственности в случае систематического неисполнения назначенной меры.

В уголовно-правовой литературе в связи с этим высказываются разные суждения. Например, авторы упомянутой коллективной монографии признают, что предусмотренный ст. 90 УК РФ вид освобождения от уголовной ответственности является специальным, который применяется к лицам, не достигшим на момент совершения преступления 18 лет, но вместе с тем указывают: «С учетом конкретных обстоятельств дела и личности несовершеннолетнего общие основания могут обладать приоритетом по отношению к положениям ст. 90 УК РФ, поскольку предусматривают безусловное и необратимое освобождение от уголовной ответственности [1, с. 183–184].

Иного мнения придерживается Н. Анд-

1 В настоящей публикации рассматривается только ч. 1 ст. 75 УК РФ, поскольку ч. 2 этой статьи носит императивный характер, как и примечания к статьям Особенной части УК РФ, к которым она отсылает, в связи с чем при наличии указанных в них условий правоприменитель обязан принять решение об освобождении от уголовной ответственности на основании примечания, права на усмотрение у него нет. По этой же причине – императивности – не рассматриваются нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 и 94) и в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1).

рюхин, считающий, что «уголовно-коллизийный принцип о преимуществе нормы с более мягкими условиями», предполагающий преимущество общих видов освобождения от уголовной ответственности (ст. 75–76 УК РФ) как содержащих безусловный порядок освобождения, в данном случае неприменим. В обоснование он приводит такие доводы: «... посредством применения ПМВВ осуществляется реализация уголовной ответственности, совершивших преступление несовершеннолетних, которые ... признаются лицами, находящимися в социально опасном положении. Прекращение уголовного преследования с применением ПМВВ открывает больше возможностей для защиты указанной категории несовершеннолетних от негативных процессов криминализации личности. Поэтому в распространившейся практике примат общих видов освобождения от уголовной ответственности на наиболее «мягких» условиях скорее имитирует гуманизм и оправдывает бездействие и беспомощность государственных структур в борьбе с преступностью несовершеннолетних» [4, с. 11].

Сходную точку зрения высказывает Н.Ю. Скрипченко: «...при конкуренции ст. 76 УК РФ и ст. 90 УК РФ суды отдают предпочтение освобождению несовершеннолетнего от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, что вряд ли можно считать обоснованным, так как прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим не влечет для несовершеннолетнего никакого контроля за его поведением в отличие от прекращения уголовного преследования в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия...» [5, с. 52].

В этом споре полагаю возможным присоединиться ко второй позиции, аргументируя это следующим. Во-первых, при наличии конкуренции общей и специальной нормы (подчеркнем: в нашем случае – установленной в качестве особого правила для специальной категории субъектов уголовно-правовых отношений) приоритет всегда имеет норма специальная, и это правило неизменно как для квалификации преступлений (что закреплено ч. 3 ст. 17 УК РФ), так и для назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности, поскольку специальные нормы как раз и создаются для применения в специальных случаях, с учетом специфики уголовно-правового отношения. Во-вторых, при наличии специальных правил назначения наказания несо-

вершеннолетним в главе 14 УК РФ никогда и никому не придет в голову руководствоваться общими правилами, установленными главами 9 и 10 УК РФ. Так почему же при освобождении от уголовной ответственности иной порядок допустим? В-третьих, дополнительные правоограничения, устанавливаемые несовершеннолетнему при освобождении от уголовной ответственности, носят хотя и принудительный, но не карательный, а воспитательный характер, и именно «неперевоспитанность» несовершеннолетнего, выражающаяся в систематическом неисполнении им принудительной меры воспитательного воздействия, может стать основанием для отмены этой меры и привлечения его к уголовной ответственности. В то же время нормы, предусмотренные ст. 75 и 76 УК РФ, хотя и не предусматривают дополнительных правоограничений, но закрепленные в них условия для освобождения от уголовной ответственности носят ярко выраженный компенсаторный характер, в силу чего эти нормы неподходящи для несовершеннолетних.

Вместе с тем необходимо акцентировать внимание на следующем: приведенные суждения приемлемы только для случаев, когда основанием освобождения от уголовной ответственности с применением принудительной меры воспитательного воздействия становится вывод суда (основанный, в свою очередь, на внутреннем убеждении судьи и мотивированный в решении суда) об отсутствии необходимости в реализации уголовной ответственности в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, и достаточности назначения ему иной меры уголовно-правового характера для оказания исправительного и профилактического воздействия. И только при отсутствии возможности достижения исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия (тоже мотивированной в решении суда) допустимо освобождение от уголовной ответственности по общим нормам, предусмотренным главой 11 УК РФ: в связи с деятельным раскаянием (ст. 75) либо в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76).

Однако реалии праворазъяснительной и правоприменительной практики являют собой полную противоположность как законодательной основе освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних, так и доктринальным рекомендациям.

**ПРАВРАЗЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ
ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПО СТАТЬЯМ 90, 75, 76, 76.2 УК РФ**

Выше уже указывалось, что в п. 31 Постановления от 1 февраля 2011 г. № 1 в его редакции до 28 октября 2021 г. Пленум Верховного Суда РФ ориентировал суды на приоритет применения принудительных мер воспитательного воздействия в соответствии со ст. 90 УК РФ в порядке освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности. Но в структуре текста Постановления от 1 февраля 2011 г. № 1 эта рекомендация оказалась ниже п. 16, в котором разъяснено: «Решая вопрос об уголовной ответственности несовершеннолетних и назначении им наказания, судам следует руководствоваться уголовным законом об особенностях их уголовной ответственности и учитывать положения соответствующих международных норм. В связи с этим в каждом случае подлежит обсуждению вопрос о возможности применения к несовершеннолетнему положений статей 75–78 УК РФ (в том числе о примирении с потерпевшим по делам небольшой и средней тяжести) и статей 24–28 УПК РФ об освобождении от уголовной ответственности...». Нелогичность перехода от первого предложения (о нормах главы 14 УК) ко второму предложению (о нормах главы 11 УК) налицо, но главное в другом: расположив по тексту постановления рекомендации по порядку освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия ниже, чем рекомендации по порядку их освобождения по общим нормам, Пленум Верховного Суда РФ как бы обозначил примат общих норм и задал алгоритм действий суда по выбору вида освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности от общего к специальному².

Помимо этого, в 2016 г. Пленум Верховного Суда РФ дал судам разъяснения, ориентирующие на допустимость освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: «При освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности на основании статьи 76.2 УК РФ суду необходимо учитывать особенности, предусмотренные нормами главы УК РФ, касающиеся, в частности, исчисления сроков

давности уголовного преследования, сроков погашения судимости, размера штрафа, который может быть назначен несовершеннолетнему в качестве наказания, и т. д.»³.

С принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 октября 2021 г. № 32, которым были внесены изменения и дополнения в Постановление от 1 февраля 2011 г. № 1, стал очевиден еще больший отход праворазъяснительной практики от установленной российским УК специализации в сфере освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних, что проявляется в следующем.

Во-первых, из п. 31 исчезла рекомендация, ориентирующая суды на приоритет применения принудительных мер воспитательного воздействия в порядке освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности. Теперь он изложен в редакции, четко ориентирующей на примат общих видов освобождения перед специальным: «Если суд по находящемуся в его производстве уголовному делу в отношении несовершеннолетнего, обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, придет к выводу о том, что отсутствуют основания для освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности в соответствии с положениями статей 75–78 УК РФ, но при этом его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных частью 2 статьи 90 УК РФ, то суд выносит постановление (определение) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия в соответствии со статьей 90 УК РФ».

Во-вторых, расположенный выше по тексту п. 16, задающий алгоритм действий суда по выбору вида освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности от общего к специальному, дополнен рекомендацией, из которой следует, что предпочтение следует отдавать освобождению в связи с примирением с потерпевшим: «...по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, совершенных несовершеннолетним впервые, в ходе судебного разбирательства суду необходимо выяснять у потерпевшего, заглажен ли причиненный ему вред и не желает ли он примириться с подсудимым, а также разъяснять потерпевшему, несовершеннолетнему

² Такой же алгоритм был задан в действовавшем до 2011 г. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (п. 12 и 15).

³ Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56 постановления от 1 февраля 2011 г. № 1 и от 27 июня 2013 г. № 19 были дополнены идентичными по содержанию пунктами 16.1 и 16.2 соответственно.

подсудимому и его законному представителю право и порядок прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон». Заметим, что применительно к совершеннолетним подобной рекомендации в Постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 нет, в связи с чем даже при наличии основания для применения ст. 76 УК РФ суды нередко применяют ст. 76.2 об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, не разъясняя ни потерпевшему, ни подсудимому их право на примирение и порядок прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон [см. об этом подробнее: 8, с. 418–424].

В-третьих, включен новый п. 16.2, содержащий разъяснение процедурных правил принятия решения об освобождении от уголовной ответственности по ст. 76.2 УК РФ и, самое главное, легализующий неличный характер исполнения иной меры уголовно-правового характера: «Судебный штраф, назначенный несовершеннолетнему, может быть уплачен также его родителями, усыновителями или иными законными представителями с их согласия»⁴.

Тенденции освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности по статьям 90, 75, 76, 76.2 УК РФ, складывающиеся в судебной практике

Как показывает анализ данных судебной статистики и материалов судебной практики, хотя разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в настоящее время не признаются руководящими, судебная практика в сфере освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности складывается под влиянием практики праворазъяснительной и в полном соответствии с ней.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за последние пять с половиной лет показатели количества несовершеннолетних, осужденных и освобожденных от уголовной ответственности на осно-

вании ст. 90, 75, 76, 76.2 УК РФ⁵, выглядят следующим образом (см. табл.).

Приведенные цифры наглядно отражают первую негативную тенденцию освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности, складывающуюся в судебной практике, – отход судов от установленной российским УК специализации в сфере освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних, требуемой главой 14 «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», что проявляется в приоритете применения общих норм (освобождение по ст. 75, 76, 76.2 в связи с деятельным раскаянием, в связи с примирением с потерпевшим и с назначением судебного штрафа) перед специальной нормой (освобождение с применением принудительных мер воспитательного воздействия по ст. 90).

Эта тенденция существует уже много лет. В частности, по результатам обобщения судебной практики за 2005–2016 гг. по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, областные и республиканские суды обращали внимание на крайне

5 См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год. Форма № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел» [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 08.10.2022); Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год. Форма № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел» [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 08.10.2022); Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год. Форма № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел» [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 08.10.2022); Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год. Форма № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел» [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 08.10.2022); Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год. Форма № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел» [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=6121>; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1-е полугодие 2022 года. Форма № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел» [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (дата обращения: 08.10.2022).

4 Такая практика начала складываться еще до данного Пленума в 2021 г. разъяснения. В ее основе лежит аналогия со штрафом как уголовным наказанием, который, согласно ч. 2 ст. 88 УК РФ, при его назначении несовершеннолетнему по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия, в совокупности с рекомендацией Пленума о необходимости учета особенностей, предусмотренных нормами главы 14 УК РФ, при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера (п. 16.2 Постановления от 27 июня 2013 г. № 19, п. 16.1 Постановления от 1 февраля 2011 г. № 1).

Годы	Количество несовершеннолетних, в отношении которых вынесен судебный акт по существу обвинения	Количество несовершеннолетних осужденных	Количество несовершеннолетних, освобожденных от уголовной ответственности			
			ст. 90	ст. 75	ст. 76	ст. 76.2
2017	37 806	20 631	2244	414	12 842	717
2018	35 336	18 826	2288	411	11 666	1294
2019	31 525	16 858	2316	326	9256	1969
2020	26 600	14 702	1814	284	7137	1894
2021	24 737	14 855	1525	261	6328	960
6 мес. 2022	11 430	7013	621	111	3004	291

редкое применение принудительных мер воспитательного воздействия в порядке освобождения от уголовной ответственности и отмечали, что по большинству уголовных дел суды даже не обсуждали вопрос о возможности их назначения⁶.

Ситуация усугубилась с включением в 2016 г. в УК РФ новой нормы об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2), давшей существенный прирост применения общих норм. Как видно из приведенных статистических показателей, соотношение применяемости общей нормы, предусмотренной ст. 76.2 УК РФ, и специальной нормы, предусмотренной ст. 90 УК РФ, составляет примерно от 1 к 3 до 1 к 1. Пиковым в этом отношении стал 2020 г., когда применяемость первой нормы (1894) превысила применяемость второй (1814).

6 См.: Обобщение судебной практики по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, за 2005–2009 годы [Электронный ресурс] // Московский областной суд : сайт. URL: http://mosobsud.ru/ss_detale.php?id=113968 (дата обращения: 08.10.2022) ; Справка о результатах обобщения судебной практики по делам о преступлениях несовершеннолетних, рассмотренных в 2007 году [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Башкортостан : сайт. URL: http://vs.bkr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=50 (дата обращения: 08.10.2022) ; Обобщение судебной практики по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, за 2012 – первое полугодие 2013 года [Электронный ресурс] // Самарский областной суд : сайт. URL: http://obsud.sam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=324 (дата обращения: 08.10.2022) ; Обобщение судебной практики по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, за первое полугодие 2016 года [Электронный ресурс] // Оренбургский областной суд : сайт. URL: http://obsud.orb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=526 (дата обращения: 08.10.2022) ; Обзор судебной практики по результатам изучения рассмотренных в 2014 году судами Нижегородской области в порядке главы 50 УПК РФ уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2022).

Наряду с этим по результатам изучения итоговых судебных решений об освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетних с назначением судебного штрафа обнаруживается вторая негативная тенденция: назначение судебного штрафа несовершеннолетним, не имеющим средств на его уплату, с установлением обязанности его уплаты их родителями или иными законными представителями (в прямой или завуалированной форме)⁷. Но любая мера уголовно-правового характера, будь то наказание либо иная мера, должна обладать потенциалом, направленным на решение обозначенной в ст. 2 УК РФ отраслевой задачи предупреждения преступлений. Изобретенное же практикой в силу заведомой имущественной несостоятельности подавляющего большинства несовершенно-

7 См., например: Постановление Первомайского районного суда г. Пензы от 06.10.2017 по делу № 1-179/2017 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bYNKSraXVlmg/> (дата обращения: 08.10.2022) ; Постановление Благовещенского городского суда Амурской области от 13.09.2017 по делу № 1-1051/2017 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/99KfnpXBV1oX/> (дата обращения: 08.10.2022) ; Постановление Приморско-Ахтарского районного суда Краснодарского края от 15.11.2019 по делу № 1-206/2019 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EvjBsKUlguZb/> (дата обращения: 08.10.2022) ; Постановление Калининского районного суда г. Челябинска от 06.02.2020 по делу № 1-202/2020 [Электронный ресурс] // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CiRoW8chjP6j/> (дата обращения: 08.10.2022) ; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2021 № 77-3578/2021 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.10.2022).

нолетних «неличное исполнение иной меры уголовно-правового характера», наоборот, препятствует решению этой задачи, не оказывая ни исправительного, ни предупредительного воздействия на несовершеннолетнего. По этой же причине ряд ученых предлагают вообще исключить потенциальную возможность освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, в частности путем дополнения ст. 76.2 УК РФ после слова «лицо» словами «достигшее восемнадцатилетнего возраста» [9, с. 13, 133–135, 190], как вариант – «достигшее к моменту совершения преступления восемнадцатилетнего возраста» [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании всего изложенного считаю, что необходима корректировка сложившейся правоприменительной практики с целью устранения выявленных негативных тенденций, что возможно сделать на законодательном и праворазъяснительном уровнях.

На законодательном уровне. Ранее автором было предложено установить в ст. 76.2 УК РФ ограничения по кругу преступлений, введя запреты на освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа лиц, их совершивших [11, с. 141]. По результатам настоящего исследования подобный запрет представляется целесообразным установить еще и по кругу лиц, поименовав несовершеннолетних как «лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет».

Также целесообразно скорректировать праворазъяснительную практику Пленума Верховного Суда РФ, воздействие которой способно скорректировать практику правоприменительную, а именно:

1) исключить из Постановления от 1 февраля 2011 г. № 1 п. 16.1, а из Постановления от

27 июня 2013 г. № 19 – п. 16.2, идентичные по содержанию;

2) исключить из Постановления от 1 февраля 2011 г. № 1 п. 16.2;

3) изложить второе предложение п. 16 Постановления от 1 февраля 2011 г. № 1 в новой редакции: «В связи с этим в каждом случае подлежит обсуждению вопрос о возможности применения к несовершеннолетнему положений статей 90 и 91 УК РФ. Если суд по находящемуся в его производстве уголовному делу в отношении несовершеннолетнего, обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, придет к мотивированному выводу о том, что отсутствует основание для освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности в соответствии с положениями статей 90 и 91 УК РФ с применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия, но при этом имеются основания для применения положений части 1 статьи 75 или статьи 76 УК РФ, то суд выносит постановление (определение) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием или в связи с примирением сторон»;

4) из п. 31 Постановления от 1 февраля 2011 г. № 1 исключить слова «отсутствуют основания для освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности в соответствии с положениями статей 75–78 УК РФ, но при этом».

Все предлагаемые изменения и дополнения материально-правового характера (возможно, они понадобятся и в процессуальной части) направлены на установление безусловного примата освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних по специальным правилам, предусмотренным специальной главой УК об особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика : монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – Москва : РГУП, 2021. – 435 с.
2. Головкин Н.В. Принудительные меры воспитательного воздействия, назначаемые несовершеннолетним по УК РФ / Н.В. Головкин // Современный ученый. – 2021. – № 1. – С. 287–290.

REFERENCES

1. Andrianov V.K., Genrikh N.V., Dorogin D.A., Pudovochkin Yu.E., Tolkachenko A.A.; Pudovochkin Yu.E. (ed.). *Osvobozhdenie ot ugodovnoy otvetstvennosti: teoriya, zakon, praktika* [Exemption from criminal liability: theory, law, practice]. Russian State University of Justice, 2021. 435 p.
2. Golovko N.V. Compulsory educational measures prescribed to minors under the Criminal code of the Russian Federation. *Sovremennyy uchenyy* = Modern Scientist, 2021, no. 1, pp. 287–290. (In Russian).

3. Скрипченко Н.Ю. Правовое регулирование принудительных мер воспитательного воздействия: реалии и перспективы / Н.Ю. Скрипченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 11, ч. I. – С. 165–168.

4. Андрияхин Н. Проблемные аспекты реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних / Н. Андрияхин // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 9–12.

5. Скрипченко Н.Ю. Правовое регулирование принудительных мер воспитательного воздействия нуждается в совершенствовании / Н.Ю. Скрипченко // Право и образование. – 2012. – № 1. – С. 46–58.

6. Пудовочкин Ю.Е. Основные направления межотраслевого совершенствования института освобождения от уголовной ответственности / Ю.Е. Пудовочкин, А.А. Толкаченко // Журнал российского права. – 2020. – № 4. – С. 59–76.

7. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : монография / Л.В. Иногамова-Хегай. – Москва : НОРМА, ИНФРА-М, 2015. – 288 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Кострова М.Б. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при примирении с потерпевшим / М.Б. Кострова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVIII Международной научно-практической конференции. – Москва : РГ-Пресс, 2021. – С. 418–424.

9. Луценко Н.С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.С. Луценко. – Хабаровск, 2019. – 237 с.

10. Козлова Е.Л. Судебный штраф как мера освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних / Е.Л. Козлова, Е.Д. Барина // Российский судья. – 2021. – № 4. – С. 8–11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Кострова М.Б. Факторы роста применяемости нормы об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: критическое исследование / М.Б. Кострова // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4 (62), ч. 2. – С. 130–143.

3. Skripchenko N.Yu. Legal regulation of compulsory measures of educational influence: realia and prospects. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice, 2012, no. 11, pt. I, pp. 165–168. (In Russian).

4. Andryukhin N.G. Problem aspects of realization of criminal policy for minors. Uголовное право = Criminal Law, 2017, no. 4, pp. 9–12. (In Russian).

5. Skripchenko N.Yu. Legal Regulation of Enforcement Measures of Education Should Be Improved. Pravo i obrazovanie = Law and Education, 2012, no. 1, pp. 46–58. (In Russian).

6. Pudovochkin Yu.E., Tolkachenko A.A. The main directions of intersectoral improvement institute of exemption from criminal liability. Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law, 2020, no. 4, pp. 59–76. (In Russian).

7. Inogamova-Khegay L.V. Konceptual'nye osnovy konkurencii uголовно-pravovykh norm [Conceptual foundations of the competition of criminal law norms]. Moscow, NORMA, INFRA-M Publ., 2015. 288 p. Available at: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/author/inogamova-hegay_lv.

8. Kostrova M.B. Exemption from criminal liability with the imposition of a judicial fine upon reconciliation with the victim. Uголовное право: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Criminal law: development strategy in the 21st century. Proceedings of the XVIII International Scientific and Practical Conference]. Moscow, RG-Press Publ., 2021, pp. 418–424. (In Russian).

9. Lutsenko N.S. Sudebnyj shtraf: problemy teorii i pravoprimeneniya. Kand. Diss. [Judicial fine: problems of theory and law enforcement. Cand. Diss.]. Khabarovsk, 2019. 237 p.

10. Kozlova E.L., Barinova E.D. Court fine as a means of release of minors from criminal liability. Rossijskij sud'ya = Russian Judge, 2021, no. 4, pp. 8–11. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=135586#TpadkNTiiRpmBAvn>.

11. Kostrova M.B. Factors contributing to the increased applicability of the rule providing for exemption from criminal liability with the imposition of a court fine: critical research. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2020, no. 4 (62), pt. 2, pp. 130–143. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кострова Марина Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kostrova Marina Borisovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 22.10.2022; принята к публикации 22.10.2022. The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 22.10.2022; accept-ed for publication 22.10.2022.

Научная статья
УДК 343.985
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.21

Original article

ПОДОЛЬНЫЙ Николай Александрович
Казанский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Казань, Россия;
e-mail: ipk-saransk@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-4206-7719>

PODOL'NYI Nikolai Alexandrovich
Kazan Institute (branch), the All-Russian State
University of Justice (RLA of the Ministry
of Justice of Russia), Kazan, Russia

ТАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОЙ ХИТРОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

TACTICAL IMPORTANCE OF INVESTIGATIVE CUNNING IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

Аннотация. Как вид тактических приемов следственной хитрость является средством установления обстоятельств совершенного преступления. Однако этот вид тактических приемов достаточно неоднозначно принимается как теорией, так и практикой расследования. Цель исследования, положенного в основу предлагаемой статьи, – обоснование тактической значимости следственной хитрости, позволяющей с ее помощью оптимизировать проводимое расследование. При этом был использован целый арсенал научных методов: анализа и синтеза, системно-деятельностный, ситуационного моделирования. Благодаря им была достигнута всесторонность в исследовании проблем, которые встают при расследовании и могут сниматься благодаря использованию следственной хитрости. Результатом проведенного исследования стал вывод о том, что следственная хитрость – это средство, применение которого способно повысить эффективность проводимого расследования. При этом следственная хитрость является залогом тактической победы следователя в противостоянии лицам, не желающим установления истины по делу и вынесения справедливого процессуального решения.

Ключевые слова: следственная хитрость, тактический прием, следственное действие, тактическое решение, следственная ситуация, расследование

Для цитирования: Подольный Н.А. Тактическое значение следственной хитрости при расследовании преступлений / Н.А. Подольный // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 155–163. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.21.

Abstract. As a type of tactical techniques, investigative cunning is a means of establishing the circumstances of the crime committed. However, this type of tactical techniques is quite ambiguously accepted by both theory and practice of investigation. The purpose of the study, which is the basis of the proposed article, is to justify the tactical importance of investigative cunning, which allows using it to optimize the ongoing investigation. At the same time, a whole arsenal of scientific methods is used: analysis and synthesis, system-activity, situational modeling. They make it possible to study comprehensively the problems that arise in the investigation and can be removed using investigative cunning. The result of the study is the conclusion that investigative cunning is a tool that can increase the effectiveness of the investigation. At the same time, investigative cunning is the key to the investigator's tactical victory against those who do not want to find out the truth in the case and make a fair procedural decision.

Keywords: investigative cunning; tactical technique; investigative action; tactical decision; investigative situation; investigation

For citation: Podol'nyy N.A. Tactical importance of investigative cunning in the investigation of crimes. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 155–163. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.21 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Одним из средств, обеспечивающих эффективность расследования преступлений, является тактический прием [1]. Правильное, своевременное его применение способно обеспечить установление обстоятельств, знание которых позволяет восстановить общую картину соответствующего события. Адекватность применения тактического приема в той следственной ситуации, которая сложилась на определенный момент расследования, способна обеспечить экономию времени и средств, позволив получить необходимые для изобличения виновного в совершении преступления лица доказательства. Удачно примененный тактический прием может сократить следователю путь в познании обстоятельств совершения преступления [2]. Это способно снять целый ряд проблем, которые неизбежно встают перед следователем в ходе расследования преступлений. В частности, проблемы, связанные с пресечением продолжаемой преступной деятельности, предотвращением новых преступлений, уничтожением и сокрытием следов совершения преступления, выявлением и пресечением преступной деятельности виновных лиц. Правильное применение тактического приема может оградить от принятия ошибочных процессуальных решений, а невиновных лиц – от возможного произвола, обеспечив тем самым соблюдение социальной справедливости. В связи с этим тактический прием имеет значение не только средства установления картины происшествия, но и средства, с помощью которого можно оградить невиновных лиц от ущемления их прав и свобод.

**ТАКТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ
КАК СРЕДСТВО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Умение использовать тактический прием – это гарантия установления истины, того, как в действительности происходило соответствующее событие, ставшее предметом проводимого расследования. Благодаря этому у следователя появляется возможность устанавливать обстоятельства, которые тщательно скрываются лицами, не заинтересованными в достижении справедливости в ходе уголовного процесса. При этом умелое использование тактического приема сродни искусству, поскольку предполагает способность следователя увидеть в соответствующей следственной ситуации индивидуальные особенности и определить, как их можно использовать для решения тактических задач,

стоящих перед расследованием. Такое умение является проявлением криминалистического мышления, о котором в последние годы часто говорят в связи с особенностями различных видов криминалистической деятельности [3; 4; 5; 6].

Сложно определить, какой именно тактический прием может быть ключом к решению той или иной встающей перед расследованием проблемы. Для этого необходимо иметь особое восприятие складывающейся следственной ситуации, уметь быстро реагировать на ее изменения и определять те свои действия, которые наиболее в ней уместны и способны стать шагом по направлению к установлению обстоятельств события совершенного преступления. Следователь должен уметь быстро определять, какой тактический прием наиболее соответствует решению стоящей проблемы проводимого расследования.

Перечень тактических приемов, которые может использовать следователь, значителен и ограничен лишь критериями законности, научной обоснованности, целесообразности и эффективности. Это позволяет утверждать, что тактических приемов может быть очень много, настолько много, что их вряд ли можно все перечислить, тем более что они могут конструироваться непосредственно перед их использованием в ответ на складывающуюся следственную ситуацию. Их может быть так же много, как и ситуаций, которые складываются в ходе проводимого расследования. Каждый из тактических приемов должен соответствовать той проблеме, которую следователь намерен разрешить с его помощью. В связи с этим тактические приемы должны максимально соответствовать решаемым в ходе расследования тактическим задачам. Они должны обеспечивать их тактическое решение, то есть быть очередным шагом в проводимом расследовании, шагом в направлении принятия справедливых процессуальных решений. Тактические приемы должны учитывать особенности соответствующих следственных ситуаций. Это способно обеспечивать качество проводимого расследования, его эффективность. Благодаря этому обеспечивается максимальная оптимизация проводимых следственных и иных процессуальных действий.

**СЛЕДСТВЕННАЯ ХИТРОСТЬ
КАК ВИД ТАКТИЧЕСКОГО ПРИЕМА**

Одним из видов тактического приема является следственная хитрость, которая в отдельных сложных ситуациях обеспечивает

креативное решение возникающих трудностей, препятствий и проблем [7]. Следственная хитрость представляет собой тактический прием, который учитывает индивидуальные особенности конкретной сложившейся в ходе расследования ситуации. Ее особенностью является то, что она конструируется, ориентируясь на уникальность, которая складывается в результате действия самых разных факторов, отдельные из которых могут быть даже случайными. Поэтому для правильного применения следственной хитрости следователю необходимо уметь своевременно реагировать на действие случайных факторов, которые могут быть им использованы с целью оптимизации проводимого расследования.

Уникальность складывающейся следственной ситуации предполагает, что проблемы, которые ей свойственны, должны решаться посредством применения не менее уникальных средств, среди которых наиболее оптимальным может быть следственная хитрость. Уникальность следственной ситуации часто состоит в том, что второй раз даже в схожей следственной ситуации она может не дать того же эффекта, благодаря которому удалось получить необходимую для проводимого расследования информацию или доказательства. Часто это обусловлено тем, что следственная хитрость ориентирована не только на обстоятельства, складывающиеся в ходе проводимого расследования, но и на особенности личности лица, которое является своеобразным адресатом соответствующей хитрости – лицом, особенности которого учитывает следователь в расчете на успех.

Следственная хитрость учитывает не просто особенности конкретного лица, но и особенности его восприятия. Для следователя важно при применении следственной хитрости, как будет воспринята соответствующая следственная ситуация. Ему важно, чтобы лицо, в отношении которого применяется следственная хитрость, сделало вывод о том, что самым разумным с его стороны является сообщить правду, не создавать препятствия для следователя в установлении обстоятельств совершенного преступления.

Следственная хитрость – это тактический прием, который призван воздействовать на восприятие ситуации определенными лицами, позиция которых в отношении проводимого расследования важна для получения объективной картины имевшего место события, действий. Представляется неправильным видеть в следственной хитрости обман, с помощью которого следователь стремится

дезориентировать лицо относительно сложившейся следственной ситуации и положения, в которое это лицо попало. Следственная хитрость вовсе не предполагает создание ложной информации и ее использование для получения необходимых расследованию доказательств или для изменения лицом своей позиции в ходе проводимого уголовного процесса. Для нее характерно использование ошибок восприятия конкретной следственной ситуации лицами, в отношении которых следственная хитрость применяется. Следователь, видя заблуждения конкретного лица относительно ситуации, вовсе не стремится их опровергнуть, а напротив, активно использует это.

Также следственная хитрость может способствовать формированию у конкретного лица ложного восприятия следственной ситуации, с тем чтобы иметь возможность решить стоящие тактические задачи. При этом часто используются стереотипы и особенности восприятия конкретного человека для формирования у него такого представления о ходе расследования, которое выгодно для установления следователем истины по уголовному делу.

Одним из факторов, способствующих следственной хитрости в достижении поставленной цели, является использование слухов, домыслов о конкретной следственной ситуации и ходе проводимого расследования.

ВЛИЯНИЕ СЛЕДСТВЕННОЙ ХИТРОСТИ НА КАЧЕСТВО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Следственная хитрость, как и всякий иной тактический прием, не определена в действующем законодательстве и никак им не регламентируется. Однако одним из основных требований к ней является требование законности, которое обусловлено тем, что следователь всегда должен действовать в соответствии с законом и во имя закона, он должен предпринимать все возможное, все предоставленные ему полномочия, чтобы восстановить с помощью закона нарушенную социальную справедливость.

Следственная хитрость, как и тактический прием, не является процессуальным действием, а потому главное требование к ней – не нарушать действующее законодательство. Специальное закрепление и регламентация как тактического приема, так и следственной хитрости было бы излишним, поскольку и то и другое являются, по своей сути, средствами

следственного познания, позволяющими познать обстоятельства совершенного деяния и степень участия в нем соответствующих лиц. Регламентация их в законодательстве была бы сродни регламентации законов логики, которые используются при познании следователем обстоятельств соответствующего события преступления. То есть это было бы достаточно абсурдно и не отвечало бы интересам осуществления правосудия.

Как средство следственного познания следственная хитрость призвана помогать в поиске истины при исследовании обстоятельств события преступления. Она позволяет не только получать доказательства, но и иную информацию, которая может быть полезна для решения задач проводимого расследования. Также она позволяет корректировать проводимые следственные действия.

Следственная хитрость чаще всего представляет собой не одно, а комплекс действий, поскольку она направлена на создание вполне определенных условий восприятия определенными лицами (подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями) хода расследования. Сами эти условия, как правило, представляют собой достаточно сложную систему действующих факторов, которые позволяют воспринимать складывающуюся следственную ситуацию в выгодном для следователя свете. При этом следователь обязательно должен учитывать не только особенности сложившейся следственной ситуации, но и особенности личности лица, в отношении которого применяется следственная хитрость. Прежде всего, принимаются во внимание особенности восприятия конкретным лицом обстоятельств проводимого расследования. С учетом этого решается вопрос о том, какие действия могут сформировать нужное для проводимого расследования видение ситуации у конкретных лиц, с тем чтобы они заняли позицию, соответствующую целям осуществления правосудия. Добиться этого в результате проведения только одного конкретного действия, как правило, невозможно. Поэтому следователь определяет комплекс действий, проведение которых может позволить ему получить значимые для установления истины доказательства.

Как известно, тактические приемы – это действия, которые призваны повысить эффективность проводимых следственных действий. Они позволяют ускорить процесс познания следователя благодаря тому, что тактические задачи, которые ставятся перед проведением соответствующих следственных действий, решаются намного быстрее, чем без

них. При этом всегда должны приниматься во внимание не только особенности соответствующей следственной ситуации, но и особенности соответствующего следственного действия (в том числе процессуальные особенности). Это во многом обусловлено особенностями тактических задач, которые ставятся при проведении соответствующего следственного действия.

Так, тактические приемы применяются не только при проведении допросов лиц, участвующих в уголовном процессе, но и при проведении следственных действий, в которых не принимают участие названные лица. В частности, тактические приемы применяются при проведении таких следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск, выемка и др. [8]. В ходе осмотра места происшествия применяются такие тактические приемы, как определение границ места происшествия, порядка изучения обстановки и следов места происшествия, определения ориентиров и др. В ходе обыска применяются такие тактические приемы, как последовательность в исследовании соответствующего помещения, нарушение или оставление без изменений обстановки внутри помещения, выделение отдельных участков, подлежащих первостепенному исследованию, и ряд других [9].

Как видно, в названных следственных действиях применяются тактические приемы, создающие условия для правильного восприятия соответствующей обстановки следователем и последующей ее фиксации в соответствующем протоколе, чтобы в ходе последующего судебного разбирательства суд имел возможность правильно оценить результаты проведенного следственного действия. Названные тактические приемы способствуют тому, чтобы восприятие было максимально адекватным, и следователь мог составить правильное представление о соответствующем событии.

Тактические приемы, применяемые в ходе проведения допросов [10] (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего), можно условно разделить на три группы:

1) приемы, которые призваны обеспечить правильность восприятия имевшего место события;

2) приемы, призванные обеспечить получение следователем доказательств и иной информации, которая может быть полезна для проводимого расследования;

3) приемы, создающие благоприятные условия для проведения соответствующего допроса.

К первой группе тактических приемов относятся приемы, позволяющие следователю правильно спланировать и организовать проведение допроса. Среди таких приемов следует отметить: определение последовательности задаваемых вопросов; определение вопросов, которые следует задать допрашиваемому, и выделение тех, которые не должны ставиться из тактических соображений (к примеру, чтобы не выдать следственную тайну); формулирование вопросов в соответствии со стоящими тактическими задачами и другие схожие тактические приемы.

Ко второй группе относятся тактические приемы, с помощью которых следователь рассчитывает получить доказательства, которые от него скрываются. К этой группе относятся тактические приемы, вызывающие к нравственным убеждениям лица, создающие убеждение в бесполезности лжи, поскольку она все равно будет раскрыта, и ряд других.

К третьей группе тактических приемов относятся приемы, позволяющие допрашиваемому сконцентрироваться на том, что он сообщает, с тем чтобы были освещены все обстоятельства совершения конкретного преступления. Это приемы, обеспечивающие деловую обстановку в ходе допроса, когда и следователь, и допрашиваемый сконцентрированы на вопросах допроса и ничто их от этого не отвлекает.

Следственная хитрость относится к тактическим приемам второй из названных групп, поскольку используется с целью получения доказательств и иной информации об обстоятельствах совершения конкретного преступления. Она является средством, благодаря использованию которого следователь стремится преодолеть противодействие со стороны обвиняемого, подозреваемого, а также иных лиц, чтобы получить от них доказательства и иную информацию, позволяющую восстановить картину расследуемого события преступления.

Основы тактики применения следственной хитрости

Следственная хитрость – это тактический прием, посредством которого следователь решает сразу несколько тактических задач: изменяет позицию лица, изначально не заинтересованного в том, чтобы следователь получил информацию (в том числе доказательства) в ходе проводимого расследования; получает доказательства, необходимые для установле-

ния обстоятельств совершения конкретного преступления. При этом данные задачи решаются посредством использования особенностей сложившейся следственной ситуации и посредством создания необходимых условий для этого. Следственная хитрость чаще всего является средством воздействия на восприятие обвиняемым, подозреваемым, свидетелем, потерпевшим сложившейся следственной ситуации таким образом, чтобы у названных лиц сформировалось убеждение в том, что только правдивые показания – единственно возможная линия поведения. Она представляет собой тактический прием, ориентированный на то, чтобы соответствующее лицо восприняло следственную ситуацию так, как в этом заинтересовано проводимое расследование. Через такое восприятие следователь стремится изменить позицию противодействия со стороны лиц, не заинтересованных в объективном расследовании события преступления, на позицию сотрудничества.

Рассматривать следственную хитрость как тактический прием, в основе которого лежит обман, нельзя [11], несмотря на то что, действительно, часто в ее основе лежит ложное восприятие лиц, которые допрашиваются. Это ложное восприятие может касаться сохранности определенных следов, которые имеют уличающее значение, отдельных обстоятельств совершения преступления, особенностей сложившейся следственной ситуации, оценки личности самого следователя. Во всех этих случаях лицо, не желая того, чтобы правосудие установило правду, само вводит себя в заблуждение, что становится фактором сомнения в правильности избранной позиции противодействия расследованию. Причем это заблуждение может принимать силу убеждения в том, что ложное восприятие соответствующих обстоятельств является истинным и его необходимо принимать во внимание при определении собственной позиции в ходе проводимого расследования и всего уголовного процесса. При конструировании следственной хитрости следователь не разубеждает соответствующее лицо в его заблуждениях, а просто использует его в интересах проводимого расследования. Поэтому упрекнуть следователя в аморальности его действий нельзя, поскольку не он вводит в заблуждение лицо, желающее скрыть правду и лишиться правосудия соответствующих доказательств. При этом нельзя отрицать тот факт, что следователь сознательно основывает свои действия на ложном восприятии допрашиваемым лицом сло-

жившейся следственной ситуации или хода проводимого расследования. Он использует такое заблуждение для решения тактических задач.

Часто полученные в результате таких действий доказательства имеют стратегическое значение, поскольку позволяют определить, в чем состоит правда, установив истинные обстоятельства совершения преступления. Кроме того, такие действия позволяют добиться перелома в ходе противостояния с лицами, не желающими установления действительно имевших место обстоятельств, изменив их позицию, убедив в том, что в их интересах не конфликт со следствием, а взаимодействие с ним, поскольку это может отразиться на последующих процессуальных решениях. В связи с этим очевидным является тактическое значение для расследования самого заблуждения, в котором находится соответствующее допрашиваемое лицо.

Следователь не только использует неправильное восприятие допрашиваемым лицом соответствующей следственной ситуации и хода предварительного расследования, но и поддерживает это лицо в таком заблуждении, поскольку это в интересах проводимого расследования. Более того, следственная хитрость допускает, чтобы действия следателя вводили соответствующее лицо в заблуждение, чтобы это лицо воспринимало все события проводимого расследования так, как это соответствует интересам расследования – установления истины. Это делает тактику расследования схожей с военной тактикой, поскольку в обоих случаях задачей является перелом ситуации в свою пользу посредством даже действий, вводящих противника в заблуждение. И в том и в другом случае может использоваться хитрость, под которой понимается в том числе использование заблуждений противной стороны в своих интересах – для достижения определенных тактических целей.

Следственная хитрость характеризуется тем, что она предполагает не только получение определенных доказательств или иной информации, но и достижение определенного перелома в противостоянии, которое имеет место между следователем и лицом, не желающим установления истины по конкретному уголовному делу. Суть следственной хитрости во многом состоит в том, чтобы максимально использовать в интересах проводимого расследования заблуждение конкретных лиц, желающих противодействовать установлению истины, для выявления полной картины имевшего место события преступления.

Тем самым следователь в ходе применения следственной хитрости использует не только эффективность собственных действий, но и действий лица, которое стремится ему противодействовать.

Одним из значимых факторов, способствующих следственной хитрости, является следственная тайна (ст. 161 УПК РФ), которая позволяет держать в неведении лиц, способных оказывать эффективное противодействие установлению обстоятельств совершения конкретного преступления. Она создает благоприятные условия для введения в заблуждение лиц, которые не желают успехов предварительного расследования. Следственная тайна не только создает благоприятные условия для следственной хитрости, но и является ее частью, поскольку от нее во многом зависит успех выполняемых следственных действий [12]. Это обусловлено тем, что действия, выполняемые в ходе реализации следственной хитрости, во многом опираются на следственную тайну, на то, что соответствующие лица не обладают полным комплексом знаний о ходе проводимого расследования [13]. Следственная тайна является фактором, способствующим возникновению всевозможных домыслов, которые на руку следователю и могут использоваться им для достижения поставленных тактических целей. При этом следственная тайна предполагает ее активное использование в ходе проводимого расследования. Следователь не должен рассчитывать на то, что удобные домыслы могут возникнуть сами, а стремится принимать активное участие в их формировании. Однако такая деятельность вовсе не предполагает того, чтобы целенаправленно сбрасывалась следователем заведомо ложная информация о ходе проводимого расследования.

Ложь в высказываниях следателя и сотрудников правоохранительных органов недопустима не только из соображений нравственности [14]. Она недопустима и в связи с тем, что может стать навязанной и потому исказить действительную картину имевшего место события преступления. Это недопустимо, поскольку нарушается объективность, полнота и всесторонность в проведении расследования. Ложная версия, которой ошибочно придерживается следователь, может оказать навязанной допрашиваемому, и это создаст трудности в установлении всех обстоятельств совершенного преступления. Таким образом, можно вообще не достичь цели расследования – не установить истину по конкретному уголовному делу. Причем такая ошибка может

оказаться необратимой, исправить ее в ходе проводимого расследования может быть невозможно. Поэтому ложь со стороны следователя недопустима. Она может навредить всему ходу расследования, сделав невозможным установление обстоятельств совершения преступления, следовательно, такого рода ложная информация не может быть основой следственной хитрости.

Следственная хитрость – это не прием навязывания лжи в качестве истины, а установление истины посредством умелого использования заблуждений, которые сгенерировал сам допрашиваемый. При этом недопустимы ситуации, когда подобные заблуждения отображаются на качестве получаемых доказательств. Это позволяет понять, что следственная хитрость и ложь не одно и то же даже с точки зрения тактики проведения расследования, а не только с точки зрения морали и нравственности. Следственная хитрость и ложь имеют такое же различие, как познание истины и предубежденность, цель которой лишь в формальном «закрытии» всех проблем расследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное позволяет сделать вывод об уникальной природе следственной хитрости как особом виде тактических приемов, применение которых способно обеспечить не только получение недостающих для установления обстоятельств исследуемого события доказательств, но и решение тактических задач, связанных с преодолением противодействия, оказываемого проводимому расследованию. Ее природа не в намеренном обмане со

стороны следователя, а в ошибке восприятия соответствующими лицами, противодействующими расследованию, соответствующей следственной ситуации и хода проводимого расследования. При этом следственная хитрость предполагает использование такой ошибки в интересах проводимого расследования, а потому составляющие ее действия не направлены на развенчание такого заблуждения. Усилия следователя в этом случае направлены на решение вполне определенных тактических задач.

Уникальность следственной хитрости состоит в том, что ее эффективность предполагает, что она должна основываться на индивидуальных особенностях конкретной следственной ситуации. В уникальности состоит ее эффективность в решении стоящих тактических задач. Однако это создает трудности, связанные с тем, что следственная хитрость не может быть включена в соответствующую методику расследования, поскольку для таких методик характерно то, что они основаны не на уникальности, а на типичности определенных признаков. Тем не менее это не должно быть препятствием для применения следственных хитростей при расследовании конкретных преступлений. Следователь должен уметь видеть в складывающейся ситуации расследования уникальность и на основе этого решать вопрос о применении следственной хитрости. Следственная хитрость – это всегда возможность тактической победы, которая означает, что перед следователем открывается перспектива установления истины, принятия справедливого процессуального решения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Головин А.Ю. Криминалистическая категория «тактический прием» / А.Ю. Головин, Е.В. Головина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 4. – С. 12–16.
2. Соколов А.Б. Тактический прием: логика определения понятия нуждается в пересмотре / А.Б. Соколов // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6, № 4. – С. 112–119.
3. Павлов Р.Ю. Криминалистическое мышление следователя как содержательная часть его интеллектуальной деятельности / Р.Ю. Павлов // Российский следователь. – 2021. – № 1. – С. 13–16.
4. Степаненко Д.А. К вопросу об определении категории «криминалистическое мышление» / Д.А. Степаненко // Российский следователь. – 2016. – № 7. – С. 13–17.
5. Аминев Ф.Г. О криминалистическом мышлении в судебно-экономической экспертизе / Ф.Г. Аминев // Экономическая безопасность: концепция, стандарты. – Уфа : Изд-во Уфимского государственного авиационного технического университета, 2016. – С. 14–17.

REFERENCES

1. Golovin A.Yu., Golovina E.V. Forensic category «tactical technique». Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences, 2021, no. 4, pp. 12–16. (In Russian).
2. Sokolov A.B. Tactical technique: definition logic needs revision. Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University, 2020, vol. 6, no. 4, pp. 112–119. (In Russian).
3. Pavlov R.Yu. Investigator's criminalistic thinking as the content of his intellectual activities. Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator, 2021, no. 1, pp. 13–16. (In Russian).
4. Stepanenko D.A. Revisiting definition of the «criminalistic thinking» category. Rossijskij sledovatel' = Russian Investigator, 2016, no. 7, pp. 13–17. (In Russian).
5. Aminev F.G. On criminalistic thinking in forensic economic expertise. Ekonomicheskaya bezopasnost': koncepciya, standarty [Economic security: concept, standards]. Ufa State Aviation Technical University, 2016, pp. 14–17. (In Russian).

6. Бессонов А.А. К вопросу о понятии криминалистического мышления / А.А. Бессонов // Эксперт-криминалист. – 2019. – № 2. – С. 17–20.
7. Горский М.В. Последний раз о понятии «следственных хитростей» / М.В. Горский // Воронежские криминалистические чтения. – 2018. – № 20. – С. 105–111.
8. Величкин Я.С. Тактические приемы производства отдельных следственных действий: перспективы закрепления в протоколе / Я.С. Величкин // Правда и Закон. – 2017. – № 2. – С. 52–54.
9. Бердникова О.П. Основные тактические приемы проведения обыска / О.П. Бердникова // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – № 17-1. – С. 49–50.
10. Турок С.В. Тактические приемы (комбинации) допроса обвиняемого / С.В. Турок // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2016. – № 4 (29). – С. 29–33.
11. Мешков В.М. Допустим ли обман в криминалистической тактике? / В.М. Мешков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2 (60). – С. 9–13.
12. Липинский А.П. Обеспечение конфиденциальности информации, получаемой при производстве следственных действий / А.П. Липинский // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2021. – Т. 31, № 5. – С. 856–860.
13. Абушахмин А.Ф. Некоторые вопросы конфиденциального характера следственных действий / А.Ф. Абушахмин // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 11 (150). – С. 272–274.
14. Подвойский К.В. Ложь следователя: познавательный потенциал и допустимость / К.В. Подвойский // Вклад Валентина Яковлевича Колдина в отечественную криминалистику : сборник материалов по результатам работы Международного научно-практического форума – круглого стола, посвященного памяти профессора кафедры криминалистики Колдина Валентина Яковлевича. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – С. 164–170.
6. Bessonov A.A. On the concept of criminalistic thinking. Ekspert-kriminalist = Expert-Criminalist, 2019, no. 2, pp. 17–20. (In Russian).
7. Gorsky M.V. Gorsky M.V. The last time about the concept of «investigative ruses». Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya = Voronezh criminalistic readings, 2018, no. 20, pp. 105–111. (In Russian).
8. Velichkin Ya.S. Tactics of certain investigative actions: the prospects for consolidation in the protocol. Pravda i Zakon = Truth and Law, 2017, no. 2, pp. 52–54. (In Russian).
9. Berdnikova O.P. Basic search tactics. Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami = Actual Problems of Combating Crimes and Other Offenses, 2017, no. 17-1, pp. 49–50. (In Russian).
10. Turok S.V. Tactics (combinations) of interrogation of the accused. Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University, 2016, no. 4 (29), pp. 29–33. (In Russian).
11. Meshkov V.M. Is deception admissible in criminal tactics? Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior Affairs of Russia, 2020, no. 2 (60), pp. 9–13. (In Russian).
12. Lipinsky A.P. Respect for the privacy protected by law in the conduct of investigative actions. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law, 2021, vol. 31, no. 5, pp. 856–860. (In Russian).
13. Abushakhmin A.F. Some confidential investigative issues. Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal, 2020, no. 11 (150), pp. 272–274 (In Russian).
14. Podvoisky K.V. Lies of the investigator: cognitive potential and admissibility. Vklad Valentina Yakovlevicha Koldina v otechestvennyu kriminalistiku. Sbornik materialov po rezul'tatam raboty Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma – kruglogo stola, posvyashchennogo pamyati professora kafedry kriminalistiki Koldina Valentina Yakovlevicha [Contribution of Valentin Yakovlevich Koldin to Russian criminalistics. Collection of materials based on the results of the work of the International Scientific and Practical Forum – a round table dedicated to the memory of Professor of the Department of Criminalistics Koldin Valentin Yakovlevich]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021, pp. 164–170. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Подольный Николай Александрович – доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Podol'nyy Nikolai Alexandrovich – Doctor of Law, Head of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics, Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).

Статья поступила в редакцию 10.09.2022; одобрена после рецензирования 19.10.2022; принята к публикации 19.10.2022. The article was submitted 10.09.2022; approved after reviewing 19.10.2022; accepted for publication 19.10.2022.

Научная статья
УДК 343.1, 343.9
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.22

Original article

СИТДИКОВА Гузель Зуфаровна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: g40773@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-9650-7225>

SITDIKOVA GUZEL ZUFAROVNA
Ufa University of Science and Technologies, Ufa,
Russia.

«КРИМИНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА» – ОСНОВНОЙ ПРИЗНАК В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ, УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКАХ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ «ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ»

«CRIMINAL CAREER» AS THE MAIN FEATURE IN THE CRIMINOLOGICAL, CRIMINAL LAW
AND CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE PERPETRATOR OF THE CRIME «TAKING
THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY»

Аннотация. Субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, характеризуют готовность следовать криминальной идеологии, руководить преступной иерархией с помощью арсенала противозаконных способов, организовывать и расширять масштабы и территорию преступной деятельности посредством подчиненных ему структур, активно противодействовать правоохранительной функции государства. Основой для квалификации преступления, определения обстоятельств, входящих в предмет доказывания, планирования и организации расследования является наличие криминальной карьеры у лидера преступной иерархии. Цель: анализ уголовно-правовых, криминологических и криминалистических признаков субъекта преступления – «занятие высшего положения в преступной иерархии». Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило выявить проблемы в квалификации преступления, выделить уголовно-правовые, криминологические и криминалистические признаки субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, сформулировать рекомендации по организации и планированию его расследования.

Ключевые слова: преступное сообщество, вор в законе, «криминальная карьера», преступная иерархия, расследование

Для цитирования: Ситдикова Г.З. «Криминальная карьера» – основной признак в криминологической, уголовно-правовой и криминалистической характеристиках субъекта преступления «занятие высшего положения в преступной иерархии» / Г.З. Ситдикова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 163–168. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.22.

Abstract. The perpetrator of the crime under Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is characterized by willingness to follow criminal ideology, to lead the criminal hierarchy using an arsenal of illegal methods, to organize and expand the scope and territory of criminal activity through subordinate structures, actively counteract the law enforcement function of the state. The criminal career of the leader of the criminal hierarchy is the basis for qualifying a crime, determining the circumstances included in the subject of proof, for planning and organizing an investigation. Purpose: to analyze the criminal law, criminological and criminalistic characteristics of the perpetrator of the crime – «Taking the highest position in the criminal hierarchy». Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the study makes it possible to identify problems in the qualification of the crime, to highlight the criminal law, criminological and criminalistic signs of the perpetrator of the crime under Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, to formulate recommendations on the organization and planning of the investigation of this crime.

Keywords: criminal community, thief in law, «criminal career», criminal hierarchy, investigation

For citation: Sitdikova G.Z. «Criminal career» as the main feature in the criminological, criminal law and criminalistic characteristics of the perpetrator of the crime «Taking the highest position in the criminal hierarchy». Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 163–168. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.22 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

В 2019 г. государственная власть Российской Федерации продемонстрировала последовательность политики в сфере борьбы с организованной преступностью и коррупцией путем криминализации занятия высшего положения в преступной иерархии положениями ст. 210.1 УК РФ. Этим решением статусу организаторов преступных сообществ (преступных организаций), почитаемому в криминальной среде, придан уровень высокой опасности для общества.

Лаконичность диспозиции ст. 210.1 УК РФ, дословно дублирующей ее название, вызвала дискуссии в научной и правоприменительной сферах. Отсутствие легального определения понятия «занятие высшего положения в преступной иерархии» приводит к проблемам в выявлении признаков криминального статуса [1; 2; 3], квалификации преступления, доказывании объективных обстоятельств, обосновывающих обвинение, научной вариативности придания значимости отдельным признакам преступления, что нередко искажает заложенный законодателем смысл крайней степени общественной опасности лиц, достигших преступным путем криминального авторитета.

СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ «ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ» И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» в п. 10 даны разъяснения применительно к преступлению, предусмотренному ст. 210 УК РФ, касающиеся руководства преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями¹.

Вместе с тем преступление, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ, имеет более высокую степень общественной опасности, которая заключается в том, что в интересах лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, укрепляется и насаждается в обществе

криминальная идеология, оказывается воздействие на подрастающее поколение, представителям которого прививаются навыки криминального поведения.

По мнению В.В. Бычкова, разъяснение Пленума Верховного Суда РФ неприменимо к рассматриваемой норме, согласно которой необходимо доказать сам факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. На высшей ступени в криминальной среде находится вор в законе. Основными требованиями к кандидатам на высшее место в преступной иерархии являются преданность воровской идеологии, недопустимость контактов с правоохранительными органами, наличие авторитета в криминальной среде [4, с. 29–30].

С 2019 г. эмпирическую базу российского правосудия составили 4 уголовных дела, рассмотренных по преступлению, предусмотренному ст. 210.1 УК РФ, что объясняется новизной криминализации деяния, проблемами в квалификации, которые связаны с отсутствием судебного толкования обстоятельств, характеризующих признаки специального субъекта преступления – лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

НОВАЦИИ В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Криминологическая характеристика лиц, занявших высшее положение в преступной иерархии, характеризуется следующими факторами: наличие организованной субъектом рассматриваемого преступления разветвленной сети преступных сообществ, объединенных в иерархию; лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, «расчистило» свою дорогу к первенству противозаконными способами; завоеванная им власть основана на силе оружия, использовании коррупционных связей, в том числе в сфере политики и бизнеса, подавлении и уничтожении всех, кто создает препятствия для преступной иерархии.

Масштаб деятельности лиц, занявших высшее положение в преступной иерархии, свидетельствует о том, что свою жизнь они посвятили криминалу. Их восприятие и ответная реакция на законы, общество и государство кардинально отличаются от сознания и поведения большинства людей в социуме.

С точки зрения криминологической характеристики специальными признаками субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, являются:

¹ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 №12 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ: сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8134/?ysclid=l4iph16lmc907215854> (дата обращения: 10.09.2022).

1) у лица, занявшего высшее положение в преступной иерархии, имеется отличительное качество личности – внутреннее категорическое неприятие запретов, ограничений и обязательств, налагаемых законами, следовательно, неприятие и противодействие всей системе правоохранительной деятельности государства. При этом с внешней стороны эти лица могут не проявлять своего внутреннего настроя, создавать видимость обывателя до того момента, пока их интересы не ограничены государственным принуждением или их деятельность не стала предметом расследования органами дознания, предварительного расследования, проверки органами прокуратуры или рассмотрения судом;

2) лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, путь на эту вершину проложило, используя исключительно противозаконные способы: психологическое и физическое насилие, подавление воли других лиц, коррупцию, уничтожение имущества, причинение вреда здоровью и жизни людей, доказывая себе и всей криминальной среде свое жестокое и бескомпромиссное служение преступной идеологии.

Начало маршрута до высшей ступени в преступной иерархии, как правило, лежит в подростковом возрасте, когда, примкнув к устойчивой организованной преступной группе, субъект преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, выполняет разовые поручения его организаторов по совершению краж, вымогательств, грабежей, нанесению побоев сверстникам и другим незащищенным гражданам для получения навыков жестокости и бесстрашия. Позже, подтвердив свою приверженность принципам преступной идеологии, лидер преступной иерархии проходит обучение тактике совершения преступлений, сокрытия следов, уничтожения свидетелей и другим сложным действиям в соучастии, переходя к тяжким и особо тяжким преступлениям. Далее им отрабатываются навыки властного склонения должностных лиц к совершению коррупционных преступлений, легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

Согласно результатам социологических исследований, криминальный лидер приобретает авторитет благодаря имеющимся у него значительным социальным и финансовым ресурсам, связям с легальными структурами (бизнес, правительство, правоохранительные органы), умению вести переговоры с лидерами других преступных сообществ [5, с. 26].

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИЗНАКОВ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Криминальная карьера является главным признаком в криминологической, уголовно-правовой и криминалистической характеристиках субъекта преступления «занятие высшего положения в преступной иерархии». Какими способами субъект преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, достиг высшего положения в криминальной среде? Ответ следует искать в детальном анализе преступных деяний, которые совершило лицо для достижения цели занятия статусного положения в преступной иерархии.

Уголовно-правовая характеристика субъекта рассматриваемого преступления имеет свои особенности. Субъект преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, специальный – это физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Обязательный признак специального субъекта – наличие криминальной карьеры, бесспорного авторитета в преступной среде, власть в преступной иерархии, завоеванные длительной противозаконной деятельностью.

Следует обратить внимание на тот факт, что исследование и анализ криминальной карьеры является основой для квалификации преступления по ст. 210.1 УК РФ, привлечения к уголовной ответственности, определения обстоятельств, входящих в предмет доказывания, планирования и организации расследования. Ограничение диапазона общественной опасности лиц, занявших высшее положение в преступной иерархии, недопустимо. В этой связи дискуссионным видится мнение С.В. Кондратюка, который обусловил поведенческие и атрибутивные стереотипы с занятием высшего положения в преступной иерархии [6, с. 10].

Атрибутивные и статусные признаки имеют значение в большей степени для идеологии субкультуры. В процессе расследования преступления они лишь косвенно доказывают причастность лица к организации преступного сообщества и активной роли в нем, и этим вызывают сомнения у суда.

Судебная практика по уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 210.1 УК РФ, показывает, что результаты судебно-культурологической экспертизы о соответствии татуировок и принадлежности их обладателю статуса вора в законе подвергались сомнениям. Кроме этого, статусные признаки

не могут лежать в основе обвинения как прямые доказательства, так как противозаконные решения участников воровского схода не фиксируются и остаются в скрытой вербальной форме.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПЛАНИРОВАНИЮ РАССЛЕДОВАНИЯ

Криминалистическая характеристика признаков субъекта рассматриваемого преступления строится на тщательном исследовании его криминальной карьеры. Планирование методики расследования базируется на детальном анализе оперативной информации, фактических данных и доказательств, характеризующих стратегию, разработанную субъектом преступления в подвластном ему преступном сообществе, установленных для входящих в состав преступного сообщества структур цели и задач, принципов взаимодействия и правил организации внутренних связей преступной организации.

Подтверждает статус высшего лица в преступной иерархии кадровая политика, проводимая им в преступном сообществе. Допросы свидетелей, потерпевших, которые ранее были членами преступного сообщества, но предпринимали попытки прекратить совершение преступлений, позволяют собрать наиболее правдивую и полную информацию о деятельности криминального лидера и методах деятельности руководимого им преступного сообщества.

Планирование расследования такого преступления, как занятие высшего положения в преступной иерархии, строится на собирании, проверке и оценке доказательств о кадровой политике субъекта преступления, его лидерских качествах, назначенных им руководителях в подчиненных структурах, распределении функций и ролей между назначенцами, установленных и разрешенных им методах и способах поддержания дисциплины, наказания, личном принятии решений о применении мер физического насилия, устранении неугодных членов преступного сообщества.

Согласимся с мнением В.А. Новикова о том, что под занятием лицом высшего положения в преступной иерархии следует понимать в целом его управленческую деятельность, направленную на обеспечение функционирования организованной преступности [7, с. 114].

Характеризующими лидера в преступной иерархии признаками являются также доказательства его деятельности по обеспечению безопасности ее членов и защите целостности

самой преступной иерархии. Для этого, согласно классификации, предложенной А.И. Долговой, создаются службы безопасности, осуществляющие своеобразные «разведывательные и контрразведывательные функции», обеспечивающие охрану руководителей и иные аспекты «безопасности» преступной организации и ее участников [8, с. 306].

Способы, применяемые субъектом преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, для рейдерских захватов новых подконтрольных территорий, объектов, формирования материально-финансовой основы преступной организации, уровни конфликтов с противоборствующими преступными группировками с очевидностью свидетельствуют о высоком статусе субъекта преступления в криминальной среде и наличии у него непрерываемого авторитета. Меры, предпринимаемые им или по его указанию по выведению руководителей подчиненных структур из поля зрения органов уголовного преследования и суда, характеризуют обеспечение лидером общей стратегии преступной иерархии и реализацию гарантий, взятых им на себя.

Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, имеет свою тактику организации преступной деятельности, отличительные особенности организации совершения преступлений. Например, особая жестокость, устранение свидетелей, в том числе женщин и несовершеннолетних, типовые объекты преступных посягательств, особая вооруженность (например, предпочтение оружия западного производства), использование в планировании, подготовке и совершении преступлений новейших технологий – квадрокоптеров, специальных технических средств, наличие в прямом подчинении помощника в лице квалифицированного IT-специалиста, аналитического, информационно-технического подразделения и др.

Уголовно-правовые, криминологические и криминалистические признаки субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, с очевидностью характеризуют основания, необходимые для привлечения к уголовной ответственности лица, принадлежащего к высшей ступени преступной иерархии. Предложенная нами система признаков субъекта рассматриваемого преступления может способствовать повышению эффективности правоприменительной деятельности органов дознания, предварительного расследования, прокуратуры и суда.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ СТ. 210.1 УК РФ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дилемма возникает в связи с изменениями в современной криминальной идеологии, которая допускает возможность покупки статуса в преступной иерархии претендентом, не имеющим в биографии криминального и пенитенциарного опыта. Такие кандидаты в криминальном мире именуются «апельсины», они не отбывали наказание в местах лишения свободы и пренебрегают воровскими законами и воровскими понятиями [9, с. 69].

Данные обстоятельства вызывают сомнения в квалификации действий по признакам преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. Анализируя соотношение уровней общественной опасности лица, имеющего криминальную карьеру и закономерно занявшего высшее положение в преступной иерархии, с лицом, которое заплатило за этот статус, следует отметить одинаково высокий уровень общественной опасности преступлений в обоих случаях. И в первом, и во втором случае субъекты преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, продемонстрировали готовность следовать криминальной идеологии, руководить криминальным сообществом с помощью арсенала противозаконных способов, организовывать и расширять масштабы и территорию преступной деятельности посредством подчиненных им структур и активно противодействовать правоохранительной функции государства.

В.Н. Бурлаков и В.Ф. Щепельков справедливо

отмечают, что если статус преступника обладает общественной опасностью, он может быть основанием для криминализации приобретения такого статуса. Сам статус становится организующим фактором и приобретает общественную опасность. Эти лица и властвуют, и правят [10, с. 467–468].

Совершенно верно И.В. Пантюхина и Л.Ю. Ларина обратили внимание на то, что привлечение субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, к уголовной ответственности не лишает его высшего положения в преступной иерархии [11, с. 165]. Более того, данное обстоятельство, стремительно становясь известным в воровской среде, увеличивает масштабы авторитета субъекта преступления как признанного не только по воровским законам, но и по решению суда. В данном случае уголовная ответственность не только не пресекает преступление, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ, но и популяризирует его субъекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно, что силами законотворческих и научных инициатив необходимо определить новую стратегию государственной и правовой политики с целью пресечения и искоренения криминальных традиций «коронования», низведения криминальной субкультуры до уровня отказа от нее в обществе, разработать эффективные способы профилактики и предупреждения развития стереотипов криминального влияния субкультуры в обществе.

Список источников

1. Голик Ю.В. «Вор в законе», или Закон «по понятиям». Уголовный кодекс не должен переходить на язык «уголовников» / Ю.В. Голик // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 4. – С. 187–188.
2. Козловская М.Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии / М.Г. Козловская // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2018. – № 2 (55). – С. 175–179.
3. Максимова К.А. К вопросу о содержании понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», используемого законодателем в ч. 4 ст. 210 УК РФ / К.А. Максимова // Вопросы юридической науки: взгляд молодых ученых : сборник статей, посвященный 20-летию Алтайской академии экономики и права. – Барнаул : Изд-во ААЭП, 2013. – С. 75–81.
4. Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) / В.В. Бычков // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 3. – С. 26–31.
5. Меркурьев В.В. Преступное лидерство: опыт социологического исследования / В.В. Меркурьев, П.В. Агапов, С.В. Кондратюк, В.Ю. Тарасов // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 1. – С. 18–29.

REFERENCES

1. Golik Yu.V. «Thief in law», or Law «according to concepts» (Criminal code must not be adopted to the criminal cant). Rossijskij kriminologicheskij vzglyad = Russian Criminological Outlook, 2009, no. 4, pp. 187–188. (In Russian).
2. Kozlovskaya M.G. The experience of combating organized crime in Georgia. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law, 2018, no. 2 (55), pp. 175–179. (In Russian).
3. Maksimova K.A. To the question of the content of the concept of «a person occupying the highest position in the criminal hierarchy», used by the legislator in Part 4 of Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation. Voprosy yuridicheskoy nauki: vzglyad molodyh uchenykh. Sbornik statej, posvyashchennyj 20-letiyu Altajskoj akademii ekonomiki i prava [Questions of legal science: the view of young scientists. Collection of articles dedicated to the 20th anniversary of the Altai Academy of Economics and Law]. Barnaul, AAEP Publ., 2013, pp. 75–81. (In Russian).
4. Bychkov V.V. Criminal characteristic the first in criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Vestnik Moskovskoj akademii sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2019, no. 3, pp. 26–31. (In Russian).

6. Кондратюк С.В. Криминологическая характеристика и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии : автореф. дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.В. Кондратюк. – Москва, 2022. – 39 с.
7. Новиков В.А. Занятие лицом высшего положения в преступной иерархии: уголовно-правовой аспект / В.А. Новиков // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 3. – С. 108–120.
8. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А.И. Долгова. – Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2003. – 572 с.
9. Рагулин А.В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии / А.В. Рагулин, В.В. Фефелов // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 67–70.
10. Бурлаков В.Н. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве / В.Н. Бурлаков, В.Ф. Щепельков // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 465–476.
11. Пантюхина И.В. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) / И.В. Пантюхина, Л.Ю. Ларина // Lex Russica. – 2020. – Т. 73, № 10 (167). – С. 159–170.
5. Merkuryev V.V., Agapov P.V., Kondratyuk S.V., Tarasov V.Yu. Criminal leadership: the experience of sociological research. Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal = Russian Journal of Criminology, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 18–29. (In Russian).
6. Kondratyuk S.V. Kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie zanyatiya vysshego polozheniya v prestupnoy ierarhii. Avtoref. Kand. Diss. [Criminological characteristics and prevention of occupying a higher position in the criminal hierarchy. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2022. 39 p.
7. Novikov V.A. Holding the highest position in the criminal hierarchy: criminal law aspect. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2021, no. 3, pp. 108–120. (In Russian).
8. Dolgova A.I. Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshchestvo [Crime, its organization and criminal society]. Moscow, Russian Criminological Association Publ., 2003. 572 p.
9. Ragulin A.V., Fefelov V.V. The definition of «person holding the highest position in the criminal hierarchy». Uголовное право = Criminal law, 2010, no. 5, pp. 67–70. (In Russian).
10. Burlakov V.N., Shchepelkov V.F. Crime boss and the grounds for liability: postmodernism in criminal law. Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal = Russian Journal of Criminology, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 465–476. (In Russian).
11. Pantyukhina I.V., Larina L.Yu. Issues of regulation and application of the criminal law norm providing for responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy (article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Lex Russica, 2020, vol. 73, no. 10 (167), pp. 159–170. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ситдикова Гузель Зуфаровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sitdikova Guzel Zufarovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 22.10.2022; принята к публикации 22.10.2022. The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 22.10.2022; accepted for publication 22.10.2022.

Научная статья
УДК 340.13, 340.14
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.23

Original article

ТАРАСОВ Александр Алексеевич
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;
e-mail: aatar@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-6743-5517>

TARASOV Aleksandr Alekseyevich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa,
Russia.

ОБОБЩЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

GENERALIZATION OF JUDICIAL PRACTICE: THEORETICAL ASPECT

Аннотация. Обобщение судебной практики – необходимое условие обеспечения ее единства на всей территории страны, обязательная основа обучения будущих практикующих юристов и повышения профессиональной квалификации представителей всех юридических сообществ, имеющих отношение к судебной деятельности, необходимый элемент любых научных исследований. Цель: показать, что роль обобщения судебной практики в обеспечении ее единства определяется балансом между двумя нежелательными крайностями – навязыванием судьям внешней правовой позиции и полным игнорированием самими судьями требования обеспечения единства судебной практики в рамках всей национальной правовой системы. Методы: структурно-системного анализа и синтеза, конкретно-социологический, сравнительно-правовой. Вывод: обобщение судебной практики позволяет преодолеть известный разрыв между теорией и практикой в юриспруденции, обеспечить оптимальное развитие того и другого.

Ключевые слова: судебная практика, уголовный процесс, судебное производство по уголовным делам, обобщение судебной практики, правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, независимость судей

Для цитирования: Тарасов А.А. Обобщение судебной практики: теоретический аспект / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 169–174. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.23.

Abstract. The generalization of judicial practice is a necessary condition for its unity throughout the country, a mandatory basis for training future legal practitioners and improving the professional skills of representatives of all legal communities related to judicial activity, a necessary element of any scientific research. Purpose: to show that the role of the generalization of judicial practice in ensuring its unity is determined by the balance between the two undesirable extremes of imposing an external legal position on judges and the judges' complete disregard for the need for unity of judicial practice within the entire national legal system. Methods: structural-system analysis and synthesis, concrete sociological, comparative legal. Conclusion: the generalization of judicial practice makes it possible to bridge the gap between theory and practice in jurisprudence, to ensure the best development of both.

Keywords: judicial practice, criminal procedure, judicial proceedings in criminal cases, generalization of judicial practice, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, independence of judges

For citation: Tarasov A.A. Generalization of judicial practice: theoretical aspect. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. C. 169–174. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.23. (In Russian).

ОБОБЩЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ – ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Обобщение практики рассмотрения уголовных дел о преступлениях определенного вида (например, о хищениях или убийствах), или с использованием конкретных видов производств (например, судом с участием присяжных заседателей), или отдельных процедур (например, производства судебной экспертизы по уголовным делам), или даже проблем одного, но самого важного процессуального решения – судебного приговора – это основа формирования официальной позиции высшего органа судебной власти, выраженной в тематических постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Обобщение судебной практики лежит в основе ее тематических обзоров, используемых для обучения судей и сотрудников аппаратов судов, повышения их профессиональной квалификации. Какие бы научные термины не использовались в системе повышения квалификации судей, информационную базу для него всегда будет составлять обобщение большого массива уже рассмотренных уголовных дел, прошедших разные судебные инстанции. Обобщение судебной практики всегда было и будет впредь основой для повышения квалификации любых практикующих юристов, имеющих отношение к судебной деятельности, – адвокатов, прокурорских работников, судебных экспертов, технических работников всех организаций, которые представляют профессиональные участники любых судебных разбирательств.

Обобщение судебной практики всегда составляет главное содержание эмпирической базы любого монографического, в том числе диссертационного, научного исследования по любым проблемам уголовного и уголовно-процессуального права. При этом неважно, посвящено ли исследование досудебному [1, с. 29–31] или судебному производству по уголовным делам на любой его стадии [2, с. 64, 109, 198]. Критерием объективной правильности и эффективности всей правоприменительной деятельности по уголовному делу всегда будет движение конкретного дела или некоего множества сравнимых по какому-то признаку уголовных дел в разных судебных инстанциях. Обобщение судебной практики, в том числе практики Конституционного Суда РФ, позволяет выявить целые области очевидных пробелов в действующем законодательстве, ошибок в его реформировании, определить пути решения выявленных

проблем законотворчества и правоприменения [3, с. 42].

В теоретических исследованиях для обобщения судебной практики и анализа значения самих таких обобщений могут выбираться настолько разные контексты, что перечислить их хотя бы приблизительно не представляется возможным. Это и соотношение обеспечения единства судебной практики на всей территории России с принципом независимости судей и свободой судебского усмотрения при формировании правовой позиции по рассматриваемому делу [4, с. 12–13], и проблемы поддержания государственного обвинения в суде и отказа от него [5, с. 47–48], и вопрос о формировании новой парадигмы «судебного прецедента» как возможного источника права [6], зародившегося и развитого в англосаксонской (англо-американской) правовой семье, но с относительно недавних пор обретающего право на существование во многих странах континентально-европейской (романо-германской) правовой семьи. Это и проблема выхода Верховным Судом РФ за пределы своей компетенции, когда вместо толкования норм права, принятых законодательными органами Российской Федерации или ее субъектов, Пленум осуществляет правотворческую деятельность, меняя содержание имеющихся правовых предписаний.

Скорее всего, вряд ли удастся назвать хоть какое-то направление уголовно-процессуальных исследований, пусть даже не посвященное прямо судебному производству по уголовным делам, в котором обобщение судебной практики не было бы основой эмпирической базы. Обобщение судебной практики в необходимом конкретном исследователю аспекте требует достаточно глубокого теоретического обоснования. Подготовка индивидуальной авторской программы такого исследования – отдельное направление научной работы. И наоборот: многие теоретические разработки настолько органично вошли в действующий закон и правоприменительную практику, что авторство их с течением времени утратилось и они воспринимаются всеми как нечто само собой разумеющееся. Именно это, как полагаем, можно считать самой ценной заслугой любого ученого.

ВОПРОС ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОФИЦИАЛЬНЫХ ОБОБЩЕНИЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ: ПРИМЕРЫ ИЗ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Итак, судебную практику обобщать необходимо и обеспечивать единство ее на всей территории России тоже необходимо. Вопрос

об использовании этих обобщений, особенно выраженных в официальных документах верховных органов судебной власти, для формирования индивидуальной правовой позиции каждого судьи, рассматривающего конкретное уголовное дело, представляется куда более сложным, чем вопрос о том, нужны ли эти обобщения.

Внедрение в судебную практику официальных правовых позиций Верховного Суда РФ по общей логике принципов существования независимой судебной власти должно обеспечивать баланс между двумя в равной мере недопустимыми крайностями, которые здесь обозначим двумя общеизвестными российскими идиомами: 1) «жираф большой – ему видней», то есть абсолютная зависимость от официальной позиции Верховного Суда РФ; 2) «что хочу, то и ворочу», то есть столь же абсолютная независимость от какого-либо внешнего мнения. Нельзя не заметить в связи со сказанным, что именно для постсоветского российского правосудия характерны повышенные опасения официального руководства судебной системы по поводу возможного избыточного распространения второй идиомы, тогда как реальная практика никак этих опасений не подкрепляет. Напротив, жизнь демонстрирует удивительную живучесть первого правила: стопроцентную ориентацию судей на официальную позицию вышестоящих судов, и прежде всего, разумеется, Верховного Суда РФ.

В советские годы разъяснения Пленума Верховного Суда СССР и РСФСР официально назывались «руководящими». С некоторых пор официально термин «руководящие разъяснения» был заменен на просто «разъяснения». Но существо от этого не изменилось: разъяснения Пленума Верховного Суда, будучи рекомендациями по сути, на практике воспринимаются исключительно как императивное требование. Это не плохо и не хорошо. Это российская реальность, которая постепенно стала получать распространение и в официальной риторике представителей судебной системы.

Рассмотрим маленький фрагмент этой реальности на примере из личной адвокатской практики автора.

В октябре 2005 г. адвокатом-защитником было заявлено ходатайство о рассмотрении уголовного дела в отношении его подзащитного судом с участием присяжных заседателей. Это было дело о покушении на убийство инспектора рыбоохраны при исполнении им служебных обязанностей. Позиция стороны защиты во многом основывалась на том, что потерпевший, имевший две неснятые и не-

погашенные судимости – за получение взятки и за бандитизм, – а также стойкую репутацию мздоимца среди рыбаков и охотников, сам спровоцировал конфликт с не совместимыми со служебной деятельностью целями, в ходе которого и получил огнестрельное ранение, причиненное подсудимым. Личность потерпевшего, его криминальное прошлое, особенности поведения при исполнении служебных обязанностей и в общении с другими людьми – на это были рассчитаны основные доводы защиты. Они-то и ставили под сомнение внешнюю картину случившегося, описанную в предъявленном и направленном в суд обвинении, фактическая фабула которого выглядела так: государственный служащий, обязанный охранять природу, выполняя свой служебный долг, пытался задержать браконьера, но тот применил огнестрельное оружие – охотничье ружье – и воспрепятствовал законной деятельности потерпевшего, причинил тяжкий вред его здоровью и лишь случайно не убил его.

22 ноября 2005 г. Пленум Верховного Суда РФ принял очень важное и долгожданное постановление о судебной практике рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей, действующее до сих пор. В этом постановлении положение закона о том, что до сведения присяжных не доводится информация о прежней судимости и иные сведения, могущие вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого, дополнено несколькими внешне безобидными словами «и других участников процесса». Пленум Верховного Суда РФ очевидно вышел за пределы своей компетенции, не истолковав уголовно-процессуальный закон, что он должен делать, а дополнив его. Дополнение это противоречит идее суда присяжных: мнение коллегии присяжных, выраженное в вердикте, касается виновности подсудимого и должно быть непредвзятым в отношении именно подсудимого. Других людей эта коллегия присяжных не судит, и мнение присяжных о других людях не имеет правового значения и не определяет дальнейшей судьбы всех других людей, кроме подсудимого. При этом сведения о личности свидетелей и потерпевших могут иметь значение для оценки их показаний и для оценки случившегося.

По описанному делу результат вполне удовлетворил защиту. Вердикт присяжных – «виновен, но заслуживает снисхождения» – в совокупности с некоторыми другими обстоятельствами дела позволил суду назначить наказание ниже низшего предела, предусмо-

тренного уголовным законом. Однако отдельные особенности рассмотрения этого дела в свете позиции Пленума Верховного Суда РФ оставили неприятный осадок. Так, когда один из свидетелей начал говорить о судимостях потерпевшего и о его поведении, председательствующий прервал свидетеля, а когда тот попытался эмоционально отреагировать на это, его удалили из зала судебного заседания. Защитник в речи также был лишен возможности как-то характеризовать потерпевшего и был вынужден обходиться абстрактными намеками на то, что не все представители государства ведут себя на службе и в жизни так, как им предписано законом.

Полагаем, что на описанном примере следует подчеркнуть вовсе не тот факт, что Пленум Верховного Суда РФ иногда позволяет себе выйти за рамки своих полномочий по официальному судебному толкованию закона, а рекомендательный характер его позиций. Судьи, рассматривающие конкретные уголовные дела, то есть отправляющие правосудие в собственном смысле этого слова, по закону не обязаны следовать этим рекомендациям. Однако практика совсем не такова. Судьи в приговорах усиливают аргументацию своих выводов и приводят номера пунктов постановлений Пленума Верховного Суда РФ и цитаты из них, полагая, вероятно, что это избавляет их от изложения собственной аргументированной позиции по делу. На самом деле это совсем не так. Ориентация на позицию верховного органа судебной власти, основанную на обобщении большого массива уже рассмотренных уголовных дел, закономерна и вовсе не предвзвешенна, но от мотивирования собственных выводов, основанных на исследовании обстоятельств конкретного дела в конкретном судебном заседании, такая ориентация точно не освобождает. Приведенное здесь недоразумение – очевидный выход Пленума Верховного Суда РФ за пределы компетенции по официальному толкованию закона – просуществовало в тексте постановления без малого 17 лет – до 28 июня 2022 г., когда отдельным постановлением Пленума от 28 июня 2022 г. № 22 были внесены редакционные изменения во многие пункты постановления 2005 г.

ОБОБЩЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ОШИБОК В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

Обобщения судебной практики тем не менее важны сами по себе, независимо от того,

выражены ли они в специальных официальных документах органов судебной власти или предназначены исключительно для нужд повышения квалификации судей и других практикующих юристов. Многие нестандартные ситуации, новые для большинства судей либо просто не получившие широкого распространения, требуют от судей столь же нестандартных, эвристических подходов к их разрешению, на которые по определению способны не все. С другой же стороны, эта нестандартность не должна влечь за собой такого разноречия в судебной практике, при котором за одни и те же преступные деяния будет заметно различаться ответственность в разных регионах такой большой страны, как Россия.

Необходимость таких обобщений осознается, как правило, после выявления многократно повторяющихся ошибок в правоприменении. И нет ничего удивительного в том, что многие частные вопросы в такие обобщения нередко не попадают вовсе. Так, например, попытка выяснить с помощью изучения большого количества приговоров, по которым была назначена мера наказания ниже низшего предела, установленного уголовным законом, какие конкретные обстоятельства дел судьи считают достаточным основанием для применения этой меры, не дала сколько-нибудь понятных результатов. Среди такого рода обстоятельств в подавляющем большинстве случаев называются обычные смягчающие обстоятельства, прямо предусмотренные в законе. Найти что-либо «исключительное» среди этих обстоятельств не представилось возможным, хотя очевидно, что само это законоположение предусмотрено именно для исключительных случаев, нуждающихся в специальном описании и обосновании в тексте приговора. Столь же очевидной представляется недопустимость произвольного применения этой специфической уголовно-правовой льготы.

Еще один пример очевидной потребности в масштабном обобщении судебной практики касается участия в производстве по уголовному делу переводчика. Участие переводчика (а точнее – наличие оснований для его участия в уголовных делах) в последние 30 лет перестало быть экзотикой: находящиеся на территории России иностранцы, в том числе трудовые мигранты, нередко сами совершают преступления либо становятся их жертвами. Столь же привычным стал довод о неправильном или неполном переводе, либо об отсутствии переводчика, либо о непонимании подсудимым происходящего в суде ввиду незнания русского языка в жалобах на приговоры, сначала

только в кассационных, а в последние годы – в апелляционных и кассационных. Понятно, что во многих, если не в большинстве случаев причиной появления такого довода в жалобе является вовсе не незнание осужденным языка судопроизводства и не плохая работа переводчика, а недовольство приговором. Основание для отмены приговора достаточно надежное, а в случае отсутствия в процессе перевода, когда его участие обязательно, и вовсе безусловное.

Интерес представляют наиболее часто встречающиеся аргументы контрольных судебных инстанций в обоснование отклонения доводов заявителей жалоб, связанных с участием переводчика и качеством перевода. Они таковы: «переводчик назначен постановлением следователя», что по контексту означает достаточные основания для привлечения к участию в деле именно этого переводчика, «в деле имеются документы, подтверждающие компетентность переводчика», «подсудимый длительное время проживает в России», «подсудимый обучался в российском вузе», то есть не может не владеть русским языком, и т. п. Аргументы, казалось бы, разные, но их объединяет одно: они никак не связаны с поведением подсудимого в процедурах данного судебного разбирательства, действительным пониманием им происходящего и способностью полноценно в нем участвовать.

Определенный интерес представляет тот факт, что при регламентации предварительного расследования законодатель возложил на следователя обязанность удостовериться в компетентности переводчика, а аналогичная обязанность для судьи законом прямо не предусмотрена. Однако думается, что судья, несущий ответственность за законное судебное разбирательство, без всяких специальных указаний в законе удостоверится в компетентности всех лиц, причастных к обеспечению его законности и законности постановляемого по его результатам приговора. Именно поэтому ссылка на постановление следователя кажется наиболее грубой ошибкой из перечисленных. Что касается всего остального, то ни факт обучения в российском вузе, ни длительное проживание в России, ни что-то еще подобное не может убедить в понимании подсудимым происходящего в конкретном судебном разбирательстве. И диплом о филологическом образовании не гарантирует достаточно высокого уровня владения обоими языками, необходимого для правильного перевода с одного языка на другой и обратно. Убедить в адекватном

восприятию и пониманию подсудимым всего происходящего в зале судебного заседания может только документально подтвержденный постоянный вербальный контакт председательствующего с этим подсудимым. Благодаря обязательной сплошной аудиофиксации судебного заседания обеспечить документальное оформление такого контакта совсем не трудно. А вот в каких именно словах использовать такие возможности для опровержения доводов защиты в жалобах на приговор – это вопрос для обобщения судебной практики. Такой опыт в России наверняка бы многим судьям и первой, и вышестоящих инстанций находить оптимальные решения при рассмотрении конкретных уголовных дел.

Подведем некоторые итоги

1. Обобщения судебной практики необходимы, они играют весьма важную роль в обеспечении единства судебной практики на территории всей страны и в повышении уровня профессиональной квалификации всех практикующих юристов, причастных к судебной деятельности.

2. Результаты официального обобщения судебной практики Верховным Судом РФ в виде его правовых позиций имеют разъяснительный и рекомендательный характер, они не ограничивают независимость судьи при отправлении правосудия по конкретному уголовному делу, а лишь предлагают ориентиры для возможного судебного усмотрения в сходных случаях. И степень сходности случаев, и возможность реализовать в них рекомендации Верховного Суда, равно как и оценка доказательств по конкретному уголовному делу, – предмет собственного мотивированного судебного усмотрения.

3. Судебной системе России и системе российского правосудия в самом высоком понимании этих слов объективно в равной мере нежелательны и своевольные «раскольники» в судебных креслах, стремящиеся во что бы то ни стало настоять на своем, и безответственные «шестерни» судебного механизма, механически воспроизводящие волю вышестоящих «начальников» от судебной системы. Разумный баланс между этими крайностями обеспечивается благодаря обобщениям судебной практики и доведению их до сведения всего судебного корпуса в виде официальных решений органов судебной власти.

4. Обобщение судебной практики – особый вид профессиональной деятельности,

позволяющий преодолеть известный и широко обсуждаемый в юридическом сообществе разрыв между теорией и практикой в юриспруденции. Эта ставшая банальной идея присутствует почти всегда и на всех совместных мероприятиях ученых и практических работников и не пропадает со страниц юридической печати десятилетиями. И если настойчивое повторение этой идеи – явление малоинтересное и бесперспективное, то обобщение судебной практики – надежный спо-

соб превращения этой идеи в простую фигуру речи с одновременным взаимным обогащением и теории, и практики.

5. Отдельным направлением обобщения судебной практики является постоянная ее диагностика на предмет выявления наиболее актуальных частных материально-правовых и процессуально-правовых вопросов с целью выявления типичных ошибок в правоприменении и выработки оптимальных способов решения этих вопросов.

Список источников

1. Руднев В.И. Право на судебную защиту лиц, содержащихся под стражей : монография / В.И. Руднев. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 296 с.
2. Багаутдинов Ф.Н. Новая кассация по уголовным делам / Ф.Н. Багаутдинов. – Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2021. – 264 с.
3. Мядзиец О.А. Конституционные основы института возмещения вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения при производстве по уголовному делу / О.А. Мядзиец // Российская юстиция. – 2022. – № 1. – С. 41–47.
4. Бугрова Е.Г. Судебные правовые позиции в системе российского уголовно-процессуального права: понятие, суть, назначение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.Г. Бугрова. – Нижний Новгород, 2021. – 33 с.
5. Гизатуллин И.А. Отказ государственного обвинителя от обвинения в контексте обеспечения процессуальной свободы судьи / И.А. Гизатуллин // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 42–59.
6. Илютченко Н.В. Авторитет судебной практики в уголовном процессе / Н.В. Илютченко // Закон. – 2018. – № 3. URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7428>.

REFERENCES

1. Rudnev V.I. Pravo na sudebnuyu zashchitu lic, soderzhashchih pod strazhej [The right to judicial protection of persons held in custody]. Moscow: YurLitinform, 2022. 296 p.
2. Bagautdinov F.N. Novaya kassatsiya po ugolovnym delam [New cassation in criminal cases]. Kazan, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2021. 264 p.
3. Myadzelets O.A. Constitutional foundations of the institution of redress to persons unlawfully subjected to measures of procedural coercion in criminal proceedings. Rossijskaya yusticiya = Russian Justice, 2022, no. 1, pp. 41–47. (In Russian).
4. Bugrova E.G. Sudebnye pravovye pozicii v sisteme rossijskogo ugolovno-processual'nogo prava: ponyatie, sut', naznachenie. Avtoref. Kand. Diss. [Judicial legal positions in the system of Russian criminal procedure law: concept, essence, purpose. Cand. Diss. Thesis]. Nizhny Novgorod, 2021. 33 p.
5. Gizatullin I.A. Withdrawal of the charge by the public prosecutor in the context of ensuring procedural freedom of the judge. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 1, pp. 42–59. (In Russian).
6. Ilyutchenko N.V. Authority of judicial practice in criminal procedure. Zakon = Law, 2018, no. 3. Available at: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7428>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tarasov Aleksandr Alekseyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 25.10.2022; принята к публикации 26.10.2022. The article was submitted 01.10.2022; approved after reviewing 25.10.2022; accepted for publication 26.10.2022.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Рецензия

УДК 340.1

DOI 10.33184/pravgos-2022.4.24

Review

ГАЛИЕВ Фарит ХатиповичУфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия;

e-mail: galievfarkhat@mail.ru;

<https://orcid.org/0000-0002-4849-4367>**GALIEV Farit Khatipovich**Ufa University of Science and Technologies, Ufa,
Russia.

**СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ
И ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТНОЙ ОСНОВЫ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ: О МОНОГРАФИИ
А.В. ПЕТРОВА И А.В. ЗЫРЯНОВА «МЕТОДОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА
И ПРАВА: МИРОВОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ»
(МОСКВА : ПРОСПЕКТ, 2022. – 440 С.)**

MODERN METHODS OF SCIENTIFIC COGNITION AND UNDERSTANDING THE ESSENTIAL
BASIS OF STATE LEGAL PHENOMENA: ON THE MONOGRAPH BY A.V. PETROV AND
A.V. ZYRYANOVA «METHODOLOGY OF STATE AND LAW:
WORLDWIDE RESEARCH EXPERIENCE» (MOSCOW: PROSPECT, 2022. - 440 P.)

Список научной литературы, имеющей отношение к теории государства и права, недавно пополнился новой работой А.В. Петрова и А.В. Зырянова, посвященной методологии исследования государственно-правовых явлений.

В своей монографии авторы исходят из того, что тысячелетний опыт человеческой цивилизации связан с вопросами организационно-управленческой деятельности, призванной обеспечить жизнеспособность, устойчивость, эффективность и прогрессивность национальных и транснациональных сообществ. Эти вопросы, становившиеся предметом религиозного, философского и научного анализа, и есть то, что является сферой личностно-общественно-государственно-правовой реальности, отличающейся познавательной сложностью, затрудняющей восприятие и объективизацию знания соответствующих явлений и процессов. С данной точки зрения появление монографии, посвященной исследованию мирового опыта в разработке методологии государства и права, действительно позитивное явление в юридической науке.

В трактовке понятий «государство» и «право» в отдельных культурах и в отдельные исторические периоды иногда появляются существенные отличия. Это совершенно естественно и свойственно научному познанию общей картины мира, включая исследование основных закономерностей развития общества и государства, и объясняется качеством и достаточностью понимания данных явлений для формирования общественного и научного сознания, обеспечивающего позитивное восприятие системности социально-политических отношений и государственно-правовых процессов.

А.В. Петров и А.В. Зырянов отмечают, что многофакторность, нелинейная динамика и кризисность самоорганизационного развития социальных систем вызывают необходимость исследования особенностей их природы, которая выражается в попытке научного понимания сущностной основы, выявления закономерностей и прогностического анализа государственно-правовой действительности. По мнению авторов, это обеспечивает интеллектуальную адаптацию членов организации общества к возникающим внутривидовым

ным и надструктурным образованиям. Они пишут, что необходимость научного понимания сущностной основы, выявления закономерностей и прогностического анализа государственно-правовой действительности обусловлено многофакторностью, нелинейной динамикой и кризисностью самоорганизационного развития социальных систем. В свою очередь, весь этот процесс познавательной деятельности требует поиска, нахождения и применения особого способа (метода) формирования умозрительной модели с соответствующими принципами становления, развития и функционирования, для конструирования которой нужен специальный понятийно-категориальный аппарат.

То, что методологические знания в современных условиях становятся особо актуальными, связано с процессом адаптации теории государства и права к современной динамике общественных отношений, являющей собой комбинацию тенденций мультикультурности и глобализации, традиционализма и модернизации. Плюрализм и эволюционность, как ориентиры исследовательского подхода, призваны «сшить материю» цивилизационных представлений о политико-правовой действительности, проектируя новую «архитектуру» фундаментальной гуманитарной науки.

Надо отметить, что современная научная парадигма предполагает учет широкого спектра методов познания, подразумевая учет множественности, взаимодополнительности и междисциплинарности подходов, которые существуют и пронизывают всю материю природного и общественно-политического бытия.

Исследование государства и права не является исключением и требует от ученого, пытающегося постичь объективную истину, видения широкой перспективы накопленного человечеством фундаментального теоретико-методологического знания, основой которого в разных странах и исторических эпохах служило выявление и решение многочисленных (но не бесконечных) проблем, которые на самом деле имманентно присутствуют в сфере юридических отношений прошлого и настоящего.

Поэтому в своей монографии А.В. Петров и А.В. Зырянов рассматривают особенности имеющихся на сегодняшний день основных методологий государства и права, опираясь на весь мировой исследовательский опыт. На основе комплексного анализа основных подходов к пониманию этих методологий авторы обращают особое внимание на специфику их становления, сущностно-содержательную ха-

рактеристику и возможности реализации на практике.

По нашему мнению, А.В. Петрову и А.В. Зырянову удалось сформулировать сущностно-содержательную характеристику современной методологии государства и права, которую они изложили в виде комплексного анализа методологических подходов к исследованию данных явлений. В наиболее конкретизированном виде основные методологические подходы к пониманию государства и права представлены в особой последовательности, при этом каждый из них раскрывается в трех аспектах: становление, сущность, реализация.

Аксиология. Появление юридическо-аксиологического подхода связывается с формированием в обществе естественно-правовых представлений, в соответствии с которыми в аксиологическом понимании право выступает как определенная форма правовых ценностей и форма долженствования. В понимании авторов, благодаря этим представлениям снимается момент безразличия в поведении субъекта права, и формируются дозволения, запреты и долженствования.

Бихевиоризм. А.В. Петров и А.В. Зырянов отмечают, что анализ правовых явлений, проведенный с позиций бихевиоризма, позволяет воспользоваться эмпирическими поведенческими данными при исследовании специфики правовых норм и институтов. Авторы обращают внимание на то, что люди формируют и обновляют свои представления об окружающем мире и при этом выбирают те средства, которыми пользуются при определении и выражении своих предпочтений к действию.

Герменевтика. Герменевтический подход характеризуется как «методология понимания» – умение объяснять, искусство толковать тексты. Он позволяет выявлять объективное содержание права и его субъективное восприятие, устраняя двусмысленности, способствует согласованию содержания закона и формы его изложения, учитывая формальный характер права и динамику общественных отношений в конкретно-историческое время.

Догматизм. Основу формально-догматического подхода в юриспруденции составляют идеи позитивного права, пишут авторы монографии, и в этом контексте формально-догматический подход есть форма юридического мышления, которая обеспечивает формирование смыслового содержания норм права, их единообразие, взаимосвязь, обусловленность логикой и лингвистической формой. Таким образом, базовые формы формально-догматического подхода в изучении права – это раз-

личные конструкции, термины, определения, связи между ними, то есть то, что обеспечивает категориальный аппарат права, раскрывает его содержание, и то, без чего право не может существовать, а соответственно, выполнять свои функции.

Институционализм. А.В. Петров и А.В. Зырянов пишут, что право представляет собой социальный институт (систему социальных институтов), в то время как государство (точнее – государственность) является правовым институтом. Институционализм воспринимает учреждение как относительно прочный свод правил, то есть институционализм – это стандарты, сложившиеся нормы проживания человека в социуме. Институты устанавливают рамки, ограничивающие взаимоотношения. Основная цель создания институтов – возможность упорядочения общественных связей, агрегирования социальных интересов и обеспечения государственной и правовой стабильности.

Интеграционизм. В монографии подчеркивается, что право отражает не только сложившийся или необходимый социальный порядок, но и волю человека. Этим обуславливается то, что право как идеал и реальность как бы превращается в нечто материальное и, одновременно, в совокупность моральных и общественных ценностей. По мнению авторов, множество различных проявлений права носит частичный характер и отражается в специфических особенностях конкретной юридической системы: это либо социальное устройство, либо моральные ценности, индивидуализм или коллективизм, власть или свобода.

Историцизм. Право – культурный элемент народа, оно возникает в исторической среде и отражает национальный дух народа. А.В. Петров и А.В. Зырянов подчеркивают, что с точки зрения исторической школы право не может быть универсальным; оно не содержится лишь в законах, а является частью национальной культуры. Законодательство содержит определенный язык, и с помощью этого языка следует создавать то законодательство, которое соответствует духу нации и обеспечивает ее исторические перспективы. Право является результатом длительного исторического развития общества. Основные источники права – привычки людей, которые меняются в зависимости от их потребностей. Закон основан на сознании людей, он возникает как продукт их обычаев, традиций и убеждений.

Кибернетика. Авторы монографии пишут, что кибернетика занимается изучением информационных процессов, связанных с управ-

лением динамическими системами, направленными на удовлетворение определенных потребностей, которые меняются, то есть под воздействием определенных процессов переходят из одного устойчивого состояния в другое. А.В. Петров и А.В. Зырянов отмечают, что кибернетика занимается исследованием систем и при этом сама является открытой системой. Переход от «классической кибернетики» к «новой кибернетике» предполагает перенос акцента с системы, которой управляют, на систему, которая управляет, и фактор, который направляет определенные решения по управлению. Также стоит упомянуть новый акцент – на коммуникации между несколькими системами, которые пытаются управлять друг другом.

Компаративистика. Как пишут А.В. Петров и А.В. Зырянов, компаративистика представляет собой оригинальную, продуктивную, синтезирующую разнообразные исследовательские подходы в понимании права методологию. Компаративистский подход является одним из методов изучения права. Он предполагает сопоставление юридических понятий, явлений и процессов и выявление между ними сходства и различий. Использование этого метода способствовало формированию относительно самостоятельной науки – сравнительного правоведения, применение его позволяет не только фиксировать универсальный характер права в качестве составляющей различных цивилизаций и культур, но и выделить специфику функционирования разнообразных национальных правовых систем, объединить их в правовые семьи либо обособить в соответствии с правовыми традициями.

Марксизм. В работе отмечается, что право – это форма регулирования и консолидации производственных отношений, а также других социальных отношений классового общества. Закон зависит от аппарата государственной власти правящего класса и отражает интересы последнего. Он выступает средством формулирования и закрепления производственных отношений классового общества и связанных с ними общественных отношений. В правовой надстройке эти отношения проявляются как имущественные, а также как отношения господства и подчинения, как отношения идеологического характера, то есть как отношения, которые формируются в связи с определенными взглядами и поддерживаются сознательной волей народа.

Натурализм. Понятие естественного права относится к правилам и принципам, выводимым из природы, разума или идеи справедливости. Авторы монографии пишут, что в

положениях теоретиков юридического натурализма природа является главным источником для обеспечения равенства людей в правах. Все это выражается в положениях о том, что в жизни людей огромное значение имеют моральные нормы и принципы, которые являются основой миропорядка и признаются человеческим разумом. Естественное право представляет собой нормативный миропорядок, юридическую форму определенных моральных стандартов; индивид обладает совокупностью естественных и неотчуждаемых прав, которые предшествуют воздействию норм позитивного права.

Позитивизм. А.В. Петров и А.В. Зырянов исходят из того, что юридический позитивизм отражает конвенциональную природу права, что оно социально сконструировано. Юридический позитивизм не предполагает этического обоснования содержания закона, позитивисты судят о законах не по вопросам справедливости или гуманности, а только по тому, как эти законы были созданы. К важнейшим свойствам позитивного права относятся: общеобязательная нормативность, формальная определенность, волевой характер и непосредственная связь с государством.

Психологизм. Авторы монографии отмечают, что в основе психологической теории лежит учет психики людей как фактора, который определяет развитие общества, его моральные установки, а также права и государства. При этом понятие и сущность права обуславливаются не деятельностью законодателя, а психологическими закономерностями – эмоциями людей, которые носят императивно-атрибутивный характер.

Реализм. Юридический реализм – теория, согласно которой все законы вытекают из преобладающих социальных интересов и государственной политики. А.В. Петров и А.В. Зырянов подчеркивают, что, по мнению правоведов-реалистов, юридическая наука должна исследовать право с помощью методов естественных наук, а не с помощью философских исследований природы, роли и значения закона. Правовой реализм воспринимает право таким, каким оно является, а не таким, каким оно должно быть.

Синергетика. Синергетику авторы монографии рассматривают как научное направление, представляющее собой методологическую основу для развития теории самоорганизации. Синергетика стремится найти универсальные законы эволюции и самоконструирования сложных систем, законы динамики открытых неравновесных систем,

имеющих любую природу. Опираясь на правило открытой среды, принцип нелинейного развития, приемами малых воздействий, способом хаотического моделирования, синергетический подход позволяет исследовать различные проблемы права. При этом учитывается идея совместного действия элементов системы и субъектов права, применение принципов самоорганизации и учет междисциплинарной направленности различных способов и приемов при изучении права. Синергетический подход в теории права отличается направленностью на изучение взаимных связей и результатов взаимодействия между элементами права, расположенными на различных уровнях.

Системология. В монографии подчеркивается, что системный подход представляет собой такое направление в методологии, в основе которого лежит рассмотрение объекта как системы – целостного множества элементов в совокупности отношений и связей между ними. Системный подход исходит из того, что роль права заключается в том, что оно есть выражение связей и отношений в государстве. При этом системой является государственно организованное общество. Ее элементы (субъекты права) соединены определенными связями и отношениями, устанавливаемыми и защищаемыми специальным механизмом общественной власти. Государственная организация общества невозможна вне этих связей и отношений.

Солидаризм. Авторы обращают внимание на то, что юридическая норма – это действительная норма, которая выступает средством вмешательства в поведение человека для обеспечения соблюдения им экономических и моральных норм. С точки зрения солидаризма закон не зависит от политической власти и превосходит ее, поэтому закон по отношению к человеку является внешним фактором навязывания обязанностей, но обязанности, которые налагает закон, зависят от способностей человека. В связи с этим солидарность всегда является целью закона, но составляющие солидарности меняются, постоянно эволюционируя вместе с обществом. Солидаризм предполагает некую долю тоталитаризма, поскольку государство как результат развития человеческого общества стоит выше индивида, выше его желаний и потребностей, ведь на первый план выведен долг индивида перед обществом и государством, и только исполняя этот долг, человек сможет удовлетворить свои потребности.

Социология. Рассматривая социологиче-

ский подход к праву, авторы монографии подчеркивают, что право рождено обществом, а нормы права представляют собой одну из систем социальных норм. Безусловно, право является объектом социологии права с учетом его взаимосвязанности и взаимодействия с социумом, его социальной обусловленности, социальных функций и специфики действия права в условиях социальной реальности.

Телеология. В изложении авторов монографии телеологическое понимание права – это определение целесообразности, деятельность субъектов права, направленная на установление с помощью определенной совокупности приемов анализа и синтеза целевых параметров закона, позволяющих раскрыть общий смысл и содержание конкретных нормативных предписаний. А.В. Петров и А.В. Зырянов пишут, что смысл правовой нормы и ее внутреннее содержание составляют основу для использования грамматических и логических приемов толкования. При этом они подчеркивают, что содержание права целенаправленно, единство правовой системы обеспечивается учетом целей действующих нормативных актов во всей правотворческой деятельности. Без познания целей правовой нормы не может быть плодотворной практической деятельности по ее реализации.

Теология. Вне всякого сомнения, и в этом авторы монографии абсолютно правы, религия и право на протяжении всей истории человечества были взаимосвязаны и не могли не взаимодействовать, что и повлияло в свое время на формирование и развитие первых организационных структур общества и институтов государства. И в современных условиях право и религия не могут существовать друг без друга, потому что полное взаимное игнорирование или же неприятие соционормативных установок права и религии приводит к усилению нигилистических настроений в обществе.

Традиционализм. А.В. Петров и А.В. Зырянов подчеркивают, что, как методология государства и права, традиционализм связывает прошлое, его понимание и опыт с компонентами современной парадигмы, в совокупности создавая само право. Важно учитывать разность понятий «правовой традиционализм» как методологический подход – способ правовой интерпретации, и «традиция» как культурный феномен – особый внеправовой социальный регулятор. С одной стороны, традиционализм может быть реализован как идеологическая установка легализации «искусственного» законодательства, как госу-

дарственная идеология национальной самодентичности. С другой стороны, современные традиции приходят на смену старым. Это влияние можно выявить на примере современного законодательства, построенного частично с помощью приема рецепции.

Феноменология. А.В. Петров и А.В. Зырянов пишут, что идея существования идеального, универсального права, выступающего по отношению к позитивному праву его сущностью или смысловым содержанием, представляет собой основу феноменологического понимания права. Благодаря этому идеальное и позитивное право составляют единство, так как позитивное право является воплощением смыслового содержания права идеального. Юридические оценки представляют всегда «интерсубъективное» (межличностное) двустороннее отношение, связанное с человеческим поведением. Для юриста важно поведение в его «интерсубъективной интерференции», то есть перекрещивающееся с поведением других индивидов, накладывающееся на него таким образом, что препятствует осуществлению их свободы. Отсюда «право – это поведение в его интерсубъективной интерференции, а не норма».

Философия. Авторы монографии отмечают, что философский подход исследует природу права, особенно в его отношении к человеческим ценностям, установкам, практикам и политическим сообществам. Традиционно философия права исходит из формулирования и защиты общих и абстрактных положений о праве, то есть положений, которые справедливы не для конкретной правовой системы в конкретное время, а для всех правовых систем в настоящее время или, возможно, для всех законов во все времена. Взгляды на природу права часто зависят от ответов на некоторые из наиболее фундаментальных философских вопросов, например, касающихся основ морали, справедливости и прав, природы человеческих действий и намерений, отношений между социальными практиками и ценностями, природы знания и истины и обоснования политического правления.

Цивилизационизм. Как пишут авторы монографии, цивилизационный подход позволяет перенести акцент с рассмотрения вертикальных отношений в человеческом обществе на горизонтальные, обратить внимание на вопрос о взаимовлиянии культур, поставить под сомнение стадийные схемы исторического развития, утверждая временную дискретность истории, наконец, поднять проблему цикличности в истории, заставляет задуматься о

равноценности всех культур человечества. Авторы пишут, что само понятие «цивилизация» (в разных вариантах: и как определенный уровень развития социума, и как некое, прежде всего культурное, единство сообщества) прочно вошло в научный обиход и используется при анализе различных проблем современной гуманитарной науки.

Экономика. Раскрывая особенности экономического подхода к праву, А.В. Петров и А.В. Зырянов отмечают, что в его основе лежит предположение, что люди, вовлеченные в правовую систему, выступают в качестве рациональных максимизаторов своего удовлетворения. Действительно, исследования в области права и экономики показывают, что сама правовая система, все ее доктрины, процедуры и институты, находилась под сильным влиянием скрытой или же явной обеспоко-

енности, связанной с повышением экономической эффективности. Поэтому правила присвоения имущественных прав и определения ответственности, порядок разрешения правовых споров, ограничения, налагаемые на правоприменителей, способы исчисления убытков и определения обеспечительных мер, а также другие важные элементы правовой системы лучше всего понять как, хотя и редко признаваемые в качестве таковых, попытки содействовать эффективному распределению ресурсов.

Таким образом, в силу объема рассмотренных проблем и качества изложенного исследовательского материала монография А.В. Петрова и А.В. Зырянова «Методология государства и права (мировой исследовательский опыт)» может занять достойное место среди научной литературы, посвященной фундаментальным вопросам юридической науки.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galiev Farit Khatipovich – Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies.

Статья поступила в редакцию 19.11.2022; принята к публикации 22.11.2022.
The article was submitted 19.11.2022; accepted for publication 22.11.2022.

© Уфа: Башкирский государственный университет, 2022

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):
«Правовое государство: теория и практика» № 4 (70) 2022.
Учредитель: Башкирский государственный университет.

Главный редактор: Гизатуллин И.А.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131.
Тел: (347) 228-83-51;
e-mail: ippravgos@yandex.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192.

Требования и условия публикации статей
размещены на сайте журнала pravgos.ru.

Подписан в печать 22.12.2022 г. Вышел в свет 27.12.2022 г.
Бумага писчая. Формат 60x84^{1/8}. Гарнитура Cambria.
Усл. печ. л. 20,91. Уч. изд. л. 17,32. Тираж 500. Заказ 810.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
Башкирского государственного университета
450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, физ.-мат. корпус, каб. 113.

